

МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ В ЕВРАЗИИ:
МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МИГРАЦИЕЙ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА
(Москва, 28-29 ноября 2017 г.)**

Материалы IX международного
научно-практического Форума
Том I

ОРГАНИЗАТОРЫ ФОРУМА *THE FORUM ORGANIZERS*

ФОРУМ ПОДДЕРЖИВАЮТ *FORUM SUPPORT*

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ

Российская Академия Наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ В ЕВРАЗИИ: МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Материалы
IX международного научно-практического Форума
В двух томах
Том 1

(Москва, 28-29 ноября 2017 года)

Издательство
«Экономическое образование»
Москва • 2017

**THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF
THE RUSSIAN FEDERATION
THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL
RELATIONS (UNIVERSITY)**

THE FEDERAL AGENCY FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

Российская Академия Наук

**THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE FOR SOCIO-POLITICAL RESEARCH**

MIGRATION BRIDGES IN EURASIA: MODELS FOR THE EFFECTIVE MANAGEMENT OF MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE EURASIAN INTEGRATION PROJECT

**The materials
of the IX International Scientific and Practical Forum
In Two Volumes
Volume 1**

(Moscow, November 28-29, 2017)

Publishing House
«Economic Education»
Moscow • 2017

УДК [314.15+ 325.1/.2] (4/5)(084)
ББК 60.7(4+5)Зя4+66.4(4+5)Зя4
М57

*Форум проводится и материалы публикуются
Кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России и
Центром социальной демографии Института социально-политических исследований РАН
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(гранты № 17-02-14132 и № 17-06-20588), Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в
Москве, Представительства Общества «Оксфам» в России, Фонда поддержки публичной
дипломатии имени А.М. Горчакова, Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси*

Научные редакторы:

Рязанцев Сергей Васильевич,

член-корреспондент РАН; руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России (Москва, Россия);

Храмова Марина Николаевна,

кандидат физико-математических наук, доцент кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России; ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия)

Рецензенты:

Ткаченко Марина Федоровна, доктор экономических наук, доцент; заведующий кафедрой международных экономических отношений Российской таможенной академии (Москва, Россия);

Даве Бавна, доктор наук, профессор, директор Центра современной Центральной Азии и Кавказа, Школа изучения Востока и Африки, Университет Лондона (Лондон, Великобритания);

Марушиакова Елена Андреевна, доктор наук, профессор, Школа истории Университета Святого Эндрыуса (Глазго, Великобритания); Институт этнологии и фольклористики Болгарской академии наук (София, Болгария)

М57 Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28-29 ноября 2017 года). В двух томах. — Т. 1 / Под науч. ред. чл.-корр. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. — Москва: Экономическое образование, 2017. — 270 с. — ISBN 978-5-7425-0187-9.

ISBN 978-5-7425-0187-9

В сборник включены статьи, которые были представлены в качестве научных докладов международного научно-практического форума «Модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта», организованного в рамках проекта «Миграционные мосты в Евразии» 6-7 сентября 2017 года в Сендае (Япония) и 28-29 ноября 2017 года в Москве (Россия), а также отдельные презентации участников международного молодежного форума «Миграция и паспортно-визовая дипломатия в Евразии» 29 ноября 2017 года в Москве (Россия). В статьях рассматриваются особенности миграционных процессов и миграционной политики в условиях экономической интеграции в ЕАЭС, а также аналогичный опыт в других интеграционных объединениях (НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР).

В работе Форума приняли участие исследователи из 26 стран.

Сборник рекомендуется ученым, экспертам, аспирантам и студентам, работающим в области исследований миграционных процессов и формирования миграционной политики.

УДК [314.15+ 325.1/.2] (4/5)(084)
ББК 60.7(4+5)Зя4+66.4(4+5)Зя4

ISBN 978-5-7425-0187-9

© МГИМО (Университет) МИД России,
кафедра демографической и миграционной политики, 2017.

© Институт социально-политических исследований РАН,
Центр социальной демографии и экономической социологии, 2017.

© Редакционно-издательское и художественное оформление
ООО «Издательство «Экономическое образование», 2017.

УДК [314.15+ 325.1/.2] (4/5)(084)
ББК 60.7(4+5)3я4+66.4(4+5)3я4
М57

*The Forum is held and the materials are published
by the Demographic and Migration Policy Development of the Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Center for Social Demography
of the Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian
Foundation for Basic Research (Grants No. 17-02-14132 and No. 17-06-20588), the Bureau of the International
Organization for Migration (IOM) in Moscow, Oxfam in Russia, the Alexander Gorchakov Public Diplomacy
Fund, and the United Nations Population Fund (UNFPA) in Belarus'*

Scientific editors:

Sergey V. Ryazantsev,
RAS Corresponding Member, Head of the Center for Social Demography of the Institute for Socio-Political
Research of the RAS; Head of the Department for Demographic and Migration Policy of the MGIMO (University)
of the MFA of Russia (Moscow, Russia)

Marina N. Khramova,
Cand. Sc. (Physic-Mathematics); Associate Professor at the MGIMO (University) of the MFA of Russia; Leading
Researcher of the Institute for Socio-Political Research of the RAS (Moscow, Russia)

Reviewers:

Marina F. Tkachenko, Dr. Sc. (Economics), Associate Professor; Head of the Department of International
Economic Relations of the Russian Customs Academy (Moscow, Russia)

Bhavna Dave, PhD (International Relations), Professor; Director of the Center of the Contemporary Central Asia
and Caucasus of the School of Oriental and African Studies of the University of London (London, United
Kingdom)

Elena A. Marushiacova, Dr. (Ethnology), Professor, School of History at the St. Andrews University (Glasgow,
United Kingdom); Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

***Migration Bridges in Eurasia: Models for the Effective Management of Migration in the Context of
M57 the Development of the Eurasian Integration Project: The materials of the IX International
Scientific and Practical Forum (Moscow, November 28-29, 2017). In Two Volumes.*** Vol. 1 / Sci. ed.:
RAS Sergey V. Ryazantsev and Marina N. Khramova. Moscow. *Economic Education* Publishing House.
2017. 270 p. ISBN 978-5-7425-0187-9.

ISBN 978-5-7425-0187-9

The collection includes articles that were presented as scientific reports of the International Scientific and Practical Forum «Models for the Effective Management of Migration in the Context of the Development of the Eurasian Integration Project» organized in the framework of the «Migratory Bridges in Eurasia» project September 6-7, 2017 in Sendai (Japan) and November 28-29, 2017 in Moscow (Russia), as well as selected presentations of participants of the international Youth Forum «Migration and Passport and Visa Diplomacy in Eurasia» on November 29, 2017 in Moscow (Russia). The articles examine the peculiarities of migration processes and migration policy in the context of economic integration in the EEU, as well as similar experience in other integration associations (NAFTA, ASEAN, and MERCOSUR).

On the Forum took part researchers from 26 countries.

The collection is recommended to scientists, experts, PhD students and students working in the field of research of migration processes and the formation of migration policy.

UDC [314.15+ 325.1/.2] (4/5)(084)
ББК 60.7(4+5)3я4+66.4(4+5)3я4

ISBN 978-5-7425-0187-9

© The Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Demographic and Migration Policy Development. 2017.
© The Institute for Social-Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Center for Social Demography and Economic Sociology. 2017.
© «Economic Education» Publishing House
[Editing, model and décor]. 2017.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Проект «Миграционные мосты в Евразии» продолжает свое развитие. В 2017 году мы провели международные конференции в двух странах и городах: 6-7 сентября в Сендае (Япония) и 28-29 ноября в Москве (Россия). Уже в девятый раз мы принимаем наших гостей и друзей в столице России. В конференции этого года участвуют ученые из 26 стран мира: России, Аргентины, Армении, Беларуси, Бразилии, Вьетнама, Великобритании, Венгрии, Германии, Индии, Ирака, Ирана, Казахстана, Корея, Молдовы, Норвегии, Польши, Португалии, Сирии, США, Таджикистана, Таиланда, Украины, Финляндии, Франции и Японии (всего 26 стран). Нынешняя конференция интересна тем, что состоит из двух форумов, которые объединяют ведущих ученых и экспертов, а также молодых исследователей и студентов в единое научное пространство.

Тема международного научно-практического форума «Модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта» выбрана нами неслучайно. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в настоящее время хотя и включает только пять государств (Россию, Казахстан, Беларусь, Армению, Кыргызстан), имеет все предпосылки к расширению за счет новых партнеров. ЕАЭС является реальной и перспективной формой экономической интеграции, несмотря на негативные политико-экономические тенденции последних лет: финансово-экономический кризис 2014-2016 годов, обесценивание российского рубля, некоторые политические разногласия. Общая численность населения в ЕАЭС на начало 2017 г. составляет значительный демографический потенциал — около 183 млн. человек. При этом трудовая миграция между странами ЕАЭС играет заметную роль в развитии объединения, являясь реальной формой экономической и политической интеграции. Гражданам стран-членов взаимно не требуются визы для пересечения границ, а также им не нужны разрешительные документы на работу.

Однако, несмотря на создание единого рынка труда, пока не произошло унификации миграционных политик стран — членов ЕАЭС. Например, российская миграционная политика сконцентрировалась в большей степени на регулировании иммиграции, а также на проблемах интеграции иммигрантов в стране. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве задач обозначено создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы; содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности и пр. Достаточно близкой к российской позиции является миграционная политика Республики Беларусь, которая также рассматривает миграцию как компонент демографического развития. Казахстан активно принимает этнических казахов для поддержания этнокультурного баланса, а также трудовых мигрантов для компенсации дефицита трудовых ресурсов. В то же время Армения и Кыргызстан в большей степени сориентированы на стимулирование эмиграции, развития связей с диаспорой и привлечения ее средств в развитие национальной экономики.

В рамках формы мы обсудим, каким образом миграция может помочь развиваться странам, участвующим в интеграционных объединениях. В связи с этим интересен и важен опыт развития миграционной политики других интеграционных объединений — ЛААИ, НАФТА, АСЕАН. Неслучайно, в форуме участвуют ученые из стран, входящих в эти интеграционные объединения (Бразилия, Аргентина, Вьетнам, Таиланд, США).

Мы полагаем, что приоритетным направлением развития ЕАЭС должно стать формирование инновационной экономики, в которой будут востребованы квалифицированные рабочие и высококвалифицированные специалисты. Образование также может рассматриваться как важный инструмент углубления интеграции в ЕАЭС в рамках второго сценария. Единый рынок труда требует общих подходов в подготовке кадров, а на данный момент единая образовательная система в ЕАЭС отсутствует. В интересах взаимного развития стран ЕАЭС важно создать благоприятные условия для стимулирования миграции высококвалифицированных специалистов и студентов. То есть, по сути, речь должна идти о создании единого рынка труда для высококвалифицированных специалистов и ученых, а также образовательного пространства для студентов и аспирантов через механизм развития инновационной и образовательной инфраструктуры. При этом важно не допустить «утечки умов» из стран ЕАЭС в третьи страны.

Молодежный форум «Миграция и паспортная визовая дипломатия в Евразии» ставит своей целью дать представление будущим дипломатам и специалистам в области международных отношений о современных научных исследованиях и практиках регулирования миграции, а также показать особенности миграции как ресурса развития посылающих и принимающих стран. Кроме того, наши сегодняшние студенты, завтра станут дипломатическими работниками, государственными служащими, бизнесменами, будут принимать решения в области регулирования миграции, формировать миграционную политику и международные отношения между государствами. И нам, ученым, очень бы хотелось, чтобы эти политические решения были научно обоснованными, принимались в интересах развития наших обществ и государств. А миграция бы вносила вклад в развитие экономики посылающих и принимающих стран, способствовала бы укреплению международных контактов.

В 2017 г. произошло важное событие: МГИМО открыл новую научно-исследовательскую кафедру демографической и миграционной политики, которая стала новым центром миграционных исследований и научного обоснования миграционной политики в Российской Федерации. Мы надеемся, что наша научная сеть, сформировавшаяся в предыдущие годы на базе Центра социальной демографии Института социально-политических исследований, получит в связи с образованием кафедры новый импульс для развития.

Хочется поблагодарить все организации и фонды, которые поддержали нашу конференцию в 2017 году: Российский фонд фундаментальных исследований, Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в Москве, Представительство Общества «Оксфам» в России, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси.

Уважаемые коллеги и студенты, мы рады всех Вас снова приветствовать в Москве, на наших форумах. Мы желаем, чтобы Вы получили новые знания, опыт и удовольствие от общения друг с другом.

Добро пожаловать на Миграционные мосты — 2017.

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич,
 доктор экономических наук, профессор,
 член-корреспондент РАН,
 Председатель Организационного комитета форума,
 руководитель Центра социальной демографии
 Института социально-политических исследований РАН;
 заведующий кафедрой демографической и
 миграционной политики
 МГИМО (Университет) МИД России

РАЗДЕЛ 1.
МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В
ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ И
ДРУГИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Рязанцев Сергей Васильевич,
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра социальной демографии
Института социально-политических исследований РАН,
заведующий кафедрой демографической и миграционной политики,
МГИМО (Университет) МИД РФ,
Москва, Россия. E-mail: riazan@mail.ru

**МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ «ВНЕШНЕЙ»
МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ**

(Исследование проведено при поддержке РФФИ(РГНФ), грант № 16-33-00051_a1)

Интеграция мигрантов в России представляет собой одну из сложнейших проблем. В стране увеличивается численность мигрантов, среди которых значительной группой являются трудовые мигранты. Они постепенно переходят в категорию постоянных жителей страны через получение различных статусов и в конечном итоге становятся российскими гражданами. Для России важным направлением является расширение программ культурной и языковой адаптации, обучения русскому языку на разных уровнях. Отмечается, что целью внешней миграционной политики является «перенос» издержек по интеграции мигрантов из России за ее пределы, а наиболее результативным инструментом ее достижения может быть переход от пассивной фиксации миграции к активному воздействию на миграционные потоки путем влияния на их масштабы и структуру, исходя из национальных интересов страны.

Ключевые слова: интеграция, мигранты, внешняя миграционная политика, Россия.

Sergey V. Ryazantsev,
RAS Corresponding Member, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,
Head of the Center for Social Demography,
Institute for Socio-Political Research, RAS;
Head of the Demographic and Migration Policy Chair, MGIMO-University,
Moscow, Russia. E-mail: riazan@mail.ru

**MODEL OF INTEGRATION OF MIGRANTS IN THE CONTEXT OF
THE «EXTERNAL» MIGRATION POLICY OF RUSSIA**

(the study was conducted with the support of the RFH, grant 16-33-00051_a1)

Integration of migrants in Russia is one of the most complicated problems of migration policy. In the country, the number of people born abroad is increasing, among whom a large group of migrants are labor migrants. Temporary migrants gradually move into the category of permanent residents of the country through obtaining different statuses and eventually become Russian citizens. For Russia, an important area is the expansion of programs of cultural and linguistic adaptation, of the Russian language migrants teaching in the education system at different levels. It is noted that integration is closely related to external migration policy, whose purpose is to «shift» the costs of integrating migrants from Russia beyond its borders, and the most effective tool for achieving it can be the transition from passive fixation of migration to the active influence of the state on migration flows to the country by influencing on their scope and structure, based on the national interests of the country.

Keywords: integration, migrants, external migration policy, Russia.

Актуальность исследования

Сложнейшей проблемой современной миграционной политики является обеспечение баланса интересов местного (коренного) населения и мигрантов. В мировой практике сложилось две основные модели (подхода) к интеграции мигрантов в принимающее общество. Первая модель — модель ассимиляции (США, Франция, Германия, Швейцария). В этом случае основной идеей является создание этнически однородной структуры общества, без акцентирования внимания на этничности. Вторая модель — модель взаимного сосуществования культур (Великобритания, Канада, Австралия, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Дания). Эта модель допускает существование этнокультурного разнообразия в обществе. Несмотря на то, что и первая и вторая модели, а также идея мультикультурализма в целом, были подвергнуты критике в период миграционного кризиса в 2014-2016 годах, проблема интеграции мигрантов не исчезла и требует решения в каждом государстве.

По данным ООН, в 2015 году уже 8,2% населения Российской Федерации было рождено за рубежом, т.е. было иммигрантами. Конечно, Россия еще далека по этому показателю от многих европейских стран: в Швейцарии — 29,6%, в Австрии — 17,4%, в Швеции — 16,9%, в Ирландии — 15,8%, в Германии 14,5%. Между тем, темпы роста численности иммигрантов в России были на уровне некоторых европейских стран, составив в 2020-2015 гг. +0,4%. Например, это соответствует Германии и Болгарии. И близко к показателям Франции (+0,5%) и Бельгии (+0,7%). Хотя меньше, чем в Норвегии (+3,6%), в Швейцарии (+2,9%), в Нидерландах (+2,7%), в Австрии (+2,2%), в Швеции (+2,1%) Однако очевидно, что мигранты становятся все более заметной частью российского общества. И не считается с этим фактом невозможно. Требуются специальные программы интеграции мигрантов в российское общество, которых в пока не существует.

Для России важным направлением является расширение программ культурной и языковой адаптации, обучения русскому языку мигрантов в системе образования на разных уровнях. Причем языковая и социокультурная интеграция должна включать не только самих мигрантов, но и членов их семей, в том числе детей. Европейский опыт интеграции показывает, что государство, декларируя политику языковой интеграции, должно подкреплять ее специальными программами адаптации и интеграции с привлечением ресурсов и средств государственных структур, международных организаций, объединений мигрантов.

Наиболее эффективными являются образовательные программы, которые помогают обучать мигрантов языку и культуре принимающей страны, развивать межкультурный обмен и практики взаимодействия, реализовывать совместные социальные и культурные проекты.

Российский контекст проблемы интеграции мигрантов

Наиболее значительной группой мигрантов в современной России являются трудящиеся-мигранты, которые прибывают на короткий срок для работы, но зачатую переходят постепенно в категорию постоянных жителей страны через получение различных статусов (временно и постоянного проживающих), а в результате — становятся российскими гражданами. Численность трудовых мигрантов в российской экономике оценить однозначно достаточно сложно. По этому поводу не существует однозначной статистики. Конечно, есть данные ФМС, а теперь управления миграции МВД, о количестве выданных разрешений на работу и патентов. По итогам 2015 г. первых было выдано 177 тыс., а вторых — 1710 тыс., т.е. в общей сложности — 1887 тыс. разрешительных документов. Однако непонятно сколько людей получили эти документы, поскольку сроки выданных в

2015 г. документов были разными, а кроме того, на рынке труда могли присутствовать иностранцы, которые получили разрешительные документы раньше, в предыдущие годы.

Прямое сопоставление этих данных с количеством случаев регистрации по месту пребывания с целью работы, которую обязаны проходить все иностранцы, работающие в России, показывает превышение вторых данных над первыми в 1,5-2 раза. И дело не только в том, что часть трудящихся-мигрантов оказалась потерянными для статистики — это граждане четырех стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Главная причина в том, что данные по регистрации и разрешительным документам не состыкованы в российской статистике во времени, а также, возможно, что часть трудовых мигрантов в силу разных причин по-прежнему не получают разрешительных документов в России. Например, по данным ФМС, в 2014 г. по месту временного пребывания с целью работы было зарегистрировано 1252 тыс. граждан Узбекистана, в то время как разрешения на работу и патенты получили только 1072 тысячи. Аналогичны данные по гражданам Таджикистана: 415 тыс. разрешений на работу и патентов и 687 тыс. фактов регистрации по месту пребывания с целью трудовой деятельности. Значителен разрыв по гражданам Азербайджана — им было выдано 60 тыс. патентов и разрешений на работу, а по месту пребывания с целью работы были зарегистрированы 162 тыс. человек.

На российском рынке труда в настоящее время сложились три основных режима присутствия иностранцев. *Во-первых*, это граждане стран — членов ЕАЭС, перечисленные выше, которым не требуется никаких разрешительных документов на работу в России. Требуется лишь заполнение иммиграционной карты при въезде в страну, регистрация по месту пребывания, а также их работодатель обязан уведомить власти в лице ФМС, а теперь МВД, о начале и окончании контракта. *Во-вторых*, не требуется разрешительных документов иностранцам, имеющим статус временно и постоянно проживающего в России, а также беженцам и соотечественникам. Их численность составляла примерно 900 тыс. человек. Второй круг стран включает пять государств бывшего СССР (Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Украина), с которыми существуют безвизовые отношения. Гражданам этих стран требуется получать патент на работу в России, а также заполнение иммиграционной карты и регистрация по месту пребывания, процедура уведомления работодателем МВД о начале и окончании контракта с мигрантом также необходима. *Третья группа* — все остальные страны, для граждан которых требуется получение разрешения на работу на основе квоты, которая устанавливается Правительством России ежегодно. Вне квоты получают разрешение на работу только высококвалифицированные специалисты, годовая зарплата которых составляет не менее 2 млн. рублей, а в образовании не менее 1 млн. рублей. Для граждан стран третьей группы также сохраняются описанные выше дополнительные процедуры.

Сложившаяся трехуровневая система регулирования доступа иностранцев на российский рынок труда выстроилась в соответствии с геополитическими интересами и экономическими приоритетами России. Первый круг стран являются партнерами по ЕАЭС, второй круг — государства бывшего СССР, лежащие в поле российских интересов или сосредоточивающие значительную численность русского населения, третий круг — остальные страны. Вместе с тем, в некоторых технологических аспектах система регулирования доступа трудящихся мигрантов на российский рынок труда является несовершенной. По-прежнему существует теневая и неформальная занятость трудовых мигрантов в России. По нашей оценке, на российском рынке труда в 2016 г. присутствовали около 3,2 млн. документированных мигрантов, в том числе 1200 тыс. граждан государств ЕАЭС, 900 тыс. временно и постоянно проживающих, беженцев и соотечественников, а также 1100 тыс. с

патентами и разрешениями на работу. При этом численность недокументированных мигрантов могла составлять около 3-3,5 млн. человек (въехали в страну легально из безвизовых стран, как правило, получили регистрацию по месту пребывания, но не получили патентов для работы). Еще около 2,5 млн. находились в неформальной («серой») экономике — это мигранты, которые не имели разрешения на работу или контакта. Наконец, около 1-1,5 млн. мигрантов работают в условиях трудовой эксплуатации, или в так называемой черной экономике (они зачастую лишены паспорта, свободы передвижения, живут и работают на закрытых объектах, практически не имеют контактов с внешним миром и пр.). Безусловно, отсутствие у них полного документированного статуса, а также пребывание в «серой» и «черной» экономике порождает страх, нестабильность положения в обществе, формирует «синдром временщика», способствует появлению негативного отношения к работодателю, обществу и России в целом. А в конечном итоге является серьезным препятствием к адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Политика интеграции мигрантов является неотъемлемой частью миграционной политики принимающего государства. Многие государства накопили значительный опыт в данном направлении миграционной политики. У России опыт гораздо меньше, поскольку СССР был фактически закрытой страной с точки зрения внешней миграции. Только 13 июня 2012 года в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года впервые было уделено внимание данному аспекту. В частности, в третьем разделе пункте 17 документа было отмечено, что «...важным элементом государственной миграционной политики Российской Федерации является обеспечение условий для адаптации и интеграции мигрантов...». В 2014 г. активизировалась работа по разработке федерального закона о социальной и культурной интеграции иностранных граждан в Российской Федерации. В основу законопроекта были предложены два основных понятия: «адаптация» и «интеграция» мигрантов. Идеологически в проекте закона понималось, что адаптация — процесс, свойственный трудовым мигрантам, которые временно находятся в стране. А интеграция — мигрантам, приехавшим на постоянное место жительства в Россию.

Однако на практике очень трудно разделить мигрантов на временных и постоянных. Многие трудовые мигранты в России работают по десять-пятнадцать лет, т.е. практически постоянно живут в стране, выучили русский язык и неплохо адаптировались на рынке труда, некоторые перевезли в Россию семьи, у них родились здесь дети. Фактически, они интегрированы в российское общество, но в силу разных причин, не могут стать гражданами России и формально продолжают оставаться трудовыми мигрантами. Следовательно, по закону (если бы он был принят) они могли бы рассчитывать только на адаптацию. Также вызывает большое сомнение, что адаптация и интеграция происходят благодаря закону, написанному на бумаге, без создания соответствующих условий. Скорее, адаптация и интеграция происходят в повседневной жизни мигрантам. Можно, конечно, принять закон о высокой продолжительности жизни, но от этого люди не станут автоматически жить дольше. Нужно улучшать условия, которые способствуют этому. Аналогично и в вопросах интеграции мигрантов. Необходимо развивать среду и условия для интеграции мигрантов, вкладывать в это средства. Скорее требуется не закон об адаптации и интеграции, а программа мер, которые будут ей способствовать, ее стимулировать. Причем в программе должны участвовать разные части гражданского общества и, конечно, эта программа должна иметь финансовую поддержку от государства, местных властей, бизнеса, общин. Кроме того, нельзя разделять адаптацию и интеграцию на два абсолютно независимых процесса.

Адаптация представляет собой первый этап интеграции мигрантов. Адаптация — это процесс первичного приспособления мигранта к новым условиям принимающего обще-

ства. А интеграция — это процесс глубокого вхождения (погружения) иммигрантов в принимающее общество, в результате которого они в основном принимают образ жизни и ценности принимающего общества.

В российских условиях нужно наращивать численность населения. Долгое время считалось, что необходимо принимать в первую очередь этнических русских, соотечественников, высококвалифицированных специалистов. Это, конечно, правильно — данные миграционные каналы в России должны быть открыты. Но не менее важно, давать российское гражданство мигрантам, которые успешно интегрировались в российское общество, принимают его ценности, связывают свое будущее с Россией, выучили русский язык, родили и воспитывают здесь детей. Кстати, многие из них ничего не просили у государства и интегрировались самостоятельно в российское общество. Например, многие трудовые мигранты, бизнесмены, предприниматели, выпускники вузов, беженцы.

Идея интеграции получила практическое воплощение в создании в структуре ФМС в 2013 г. департамента содействия адаптации и интеграции мигрантов, а также двух экспериментальных центров адаптации и интеграции мигрантов в Омске и Тамбове на базе бывших центров для беженцев. Центрами заключался трехсторонний договор между мигрантом, миграционной службой и работодателем. Трудовой мигрант получал право проживания в центре адаптации и интеграции, а также был должен изучать русский язык, историю и право России. Важно, что трудовые мигранты, проживавшие в данных центрах, получали официальную регистрацию по месту пребывания, а следовательно, возможность получения всех официальных документов. Бытовые условия также были неплохими — это были своего рода общежития с комнатами на несколько человек, общей кухней и санузлами. В целом, данный эксперимент можно считать успешным. К сожалению, этот проект был свернут в связи с закрытием в конце 2015 г. департамента содействия адаптации и интеграции мигрантов в ФМС. По заявлению бывшего заместителя директора ФМС Е.Ю. Егоровой, на одном из заседаний Научного совета при ФМС России вопросы интеграции были переданы в ведение вновь созданного Агентства по делам национальностей. Однако долгое время новая структура фокусировалась на решении международных проблем и лишь косвенно касалась проблем интеграции мигрантов. Только в начале 2017 г. новое Агентство по делам национальностей снова вернулось к идее разработке закона об адаптации и интеграции мигрантов. Активизировалась общественная дискуссия по этому вопросу, было проведено несколько заседаний экспертов на различных уровнях. Все они подтвердили важность данного направления работы в России.

Механизм и инструменты успешной интеграции мигрантов в российское общество

Очевидно, что модель успешной интеграции мигрантов должна базироваться на трех «китах»:

- 1) *легальное положение мигранта в стране и стабильность его правового статуса*, что позволяет ему чувствовать себя включенным в принимающее общество, делает его частью социума;
- 2) *знание языка и возможности повышения его уровня*, что в свою очередь обеспечит возможность активного взаимодействия с местным населением;
- 3) *создание нормальных условий работы и жизни мигрантов, ликвидацию коррупции и трудовой эксплуатации в миграционной сфере*, что позволяет мигранту быть полноправным участником отношений на рынке труда.

Рассмотрим каждый компонент в контексте практических рекомендаций для миграционной политики России.

Для легализации правового статуса трудовых мигрантов в России требуется реализовать несколько мер в сфере миграционной политики. Прежде всего, следует провести «амнистию» (легализацию, или, точнее, документирование) той части трудовых мигрантов, которые имеют работодателя и рабочее место, а также не совершали уголовных преступлений и желают продолжать работать на территории Российской Федерации. В 2017 г. этот эксперимент был успешно проведен российскими властями в отношении граждан Таджикистана и Молдавии. Имеется также значительный зарубежный опыт в данном вопросе. «Миграционные амнистии» проводились с целью урегулировать статус недокументированных трудящихся-мигрантов в Австралии (1980 г.), Венесуэле (1980 г.), Греции (1998 г.), Испании (1991 г.), Италии (1998 г.), Португалии, США (1987 г.), Франции (1981 г.). Главными условиями «миграционной амнистии» были наличие контракта (места работы), источника дохода (существования), возможность аренды жилья, отсутствие уголовных и административных правонарушений в стране пребывания. Например, в Греции заявитель должен был показать свою историю платежей в фонд социального страхования (причем, не менее 40 рабочих дней). В Италии требовали трудовой договор (контракт), лицензию на занятие частной практикой (деятельностью). Миграционная амнистия в России может включать следующие условия: наличия работодателя (контракта), уплату налогов, отсутствие криминальной деятельности, владение русским языком. Применение миграционной амнистии по отношению к недокументированным трудящимся-мигрантам в российской экономике позволит вывести в документированное пространство от 2,5 до 3 млн. человек (возможно и больше, их точная численность не известна никому). Большинство из них давно и успешно работают в России, адаптировались на российском рынке труда, платят налоги и пенсионные взносы. Их легализация только расширит доходы бюджета.

Также нужно сделать новые потоки мигрантов в Россию по максимуму документированными. Для этого требуется кардинально решить проблемы с доступностью регистрации по месту пребывания и разрешительных документов для пребывания и работы в стране. Следует отметить, что в настоящее время именно недоступность регистрации по месту пребывания является одной из ключевых проблем адаптации мигрантов в России. Хотя регистрация и право собственности на жилье в России были давно разделены, многие владельцы квартир не желают обеспечивать мигрантов регистрацией. В этой ситуации значительная их часть зарегистрированы там, где не живут. Многие мигранты и вовсе имеют фальшивую регистрацию. В результате, возникает ситуация «кривого зеркала»: государство не имеет достоверной информации о расселении мигрантов, а между мигрантами и государством не существует никаких доверительных отношений, лишь попытки обойти закон со стороны мигрантов, а со стороны государственных органов ужесточение и меры наказания, а на локальном уровне взятки представителей полиции с мигрантов. Широко развит рынок теневых услуг в данной сфере: существует множество посредников (фирм, частных лиц, организаций), которые за плату обеспечивают мигрантов регистрацией. Очевидно, что в этом сегменте теневой экономики обращаются миллионы долларов, но точный объем рынка посчитать крайне сложно.

Развитым сегментом теневых услуг является также оформление разрешительных документов на работу. Причем, если в случае патентов — это просто оказание посреднических услуг по доставке документов в миграционные центры, то в случае разрешений на работу имеют место теневые схемы выкупа квот посредниками с последующей их перепродажей работодателям. Дополнительный сегмент теневых отношений связан с проверяющими функциями полиции на локальном уровне, когда каждый мигрант рискует быть проверенным и оштрафованным.

Автор статьи лично был неоднократно свидетелем необоснованных проверок мигрантов в метро, аэропортах и вокзалах крупных городов России. Одна из последних сцен происходила на Курском вокзале: полицейский остановил двух молодых людей (возможно, из Таджикистана) на Курском вокзале, хотя никаких оснований у него не было — порядок они не нарушали. Он их просит предъявить документы. Мигранты отвечают, что их только что проверяли. Полицейский, вместо того, чтобы представиться и объяснить причину проверки, говорит: «Вас миллионы, откуда я знаю, что вас проверяли». Мигранты свидетельствуют, что иногда полицейские даже специально уничтожают их регистрацию, ищут ошибки в документах, принуждают платить деньги. Проблема распространения теневых отношений в сфере миграционных документов служит серьезным препятствием легального и в конечном итоге существенно тормозит адаптацию и интеграцию мигрантов в российское общество. Выходом из сложившейся ситуации может быть *введение уведомительной (вместо разрешительной) регистрации по месту пребывания*, а также развитие сети миграционных центров по оказанию услуг в вопросах регистрации и выдачи разрешительных документов на работу. Аргументы в пользу уведомительной регистрации — она будет точнее отражать реальное место пребывания мигранта, будет ликвидирована коррупция, облегчится доступ мигрантов к социальным услугам.

Следует усилить строгость административного наказания официальных лиц (включая сотрудников полиции, представителей работодателя, должностных лиц) за незаконное изъятие миграционных документов и документов, удостоверяющих личность, у иностранцев. Необходимо также ввести уголовное преследование организаторов бизнеса за подделку и продажу миграционных документов (регистрации, миграционных карт, патентов, разрешений на работу, медицинских книжек, дипломов и др.).

Близко к данному вопросу лежат рекомендации по совершенствованию системы статистического учета мониторинга трудовой миграции в России. Прежде всего, необходимо развивать единую систему учета трудящихся-мигрантов — единого универсального для всех регионов страны регистра иностранных граждан, который будет аккумулировать информацию о выданных визах, пересечении границы, регистрации по месту пребывания, наличию разрешений на работу и патентов, месте работы и социально-демографическом составе трудящихся-мигрантов. Данный массив информации мог помочь обществу, государственным структурам и экспертам получить объективную и четкую информацию о численности и структуре трудящихся-мигрантов на необходимый момент времени. Создать такой регистр (реестр) можно на основе Центральной базы данных по учету иностранных граждан (ЦБДУИГ). Она разрабатывалась ФМС России на протяжении последних лет достаточно активно, в нее вложено много средств. А также важно обеспечить публичную доступность статистических данных о трудовой миграции в Российской Федерации в разрезе ключевых стран, отраслей экономики, регионов, социально-демографических характеристик трудящихся-мигрантов).

Для изучения русского языка и повышения его уровня у иммигрантов требуется развитие инфраструктуры изучения языка и обеспечения доступа к ней мигрантов. Прежде всего, курсы русского языка для мигрантов должны быть бесплатными! *Распространение русского языка среди иммигрантов — это социальный, а не экономический проект!!!* В настоящее время, к сожалению, преобладает экономический подход. Экзамен по русскому языку принимают центры, университеты, организации за плату. Но главная проблема заключается в том, что они реально практически не учат мигрантов, поскольку у них на это зачастую нет времени. Например, трудовые мигранты, претендующие на патент, должны подготовиться к комплексному экзамену за тридцать дней пребывания в стране!!! Невозможно за столь короткий срок выучить русский язык, а еще историю и основы законода-

тельства России. Всем экспертам очевидно, что имеет место не столько подготовка мигрантов, сколько бизнес на приеме экзаменов у мигрантов. Для других категорий мигрантов курсы русского языка в России также платные. Продажа сертификатов на знание русского языка, истории и основ законодательства России, а также взимание платы с мигрантов за курсы языка подрывает саму идеологию интеграции мигрантов в России, порождает у мигрантов представление о возможности покупки миграционных документов и статусов без усилий для изучения языка.

На государственном уровне необходимо обеспечить реализацию реальных (не декларативных) программ интеграции мигрантов в российское общество, легально находящихся на территории страны, через государственное финансирование проектов различных образовательных, культурных, научных учреждений, грантов для неправительственных организаций (бесплатное обучение русскому языку, правовая поддержка мигрантов, культурные проекты).

К сожалению, многие работодатели в России практически самоустраились от участия в процессе поддержки языковой адаптации и интеграции мигрантов. Единичны случаи, когда работодатели организуют или поддерживают курсы русского языка. Например, в Вологодской области, крупное предприятие в лесной отрасли организовало учебный класс и дистанционно (по скайпу) предоставляет трудящимся-мигрантам изучать русский язык. Между тем, проект развития инфраструктуры изучения русского языка в стране — это еще и общественный проект. Все участники общества — университеты, школы, работодатели — должны в нем участвовать. Между тем, по данным неправительственных организаций, около 25% детей мигрантов не имеют доступа к школьному образованию в России. Это может иметь крайне негативные последствия. Исследования во многих странах показывают, что через школы дети мигранты наиболее эффективно изучают язык принимающей страны, а также способствуют частично интеграции своих родителей. Исключая детей из мигрантов из школьного образования, Россия рискует получить поколение мигрантов на своей территории, которые не будут знать русского языка на достаточном уровне и не будут разделять российских ценностей. Крайне важно, обеспечить бесплатный доступ детей трудящихся-мигрантов, находящихся в стране, в общеобразовательные школы в Российской Федерации. Назрела острая необходимость развивать широкую, разветвленную, экономически и географически доступную инфраструктуру русского языка в стране (классы, курсы, центры, общества), в том числе в местах работы и жительства мигрантов. Очень важно обязать работодателей организовать курсы обучения русскому языку и основам российского законодательства в городках временного проживания трудящихся-мигрантов с государственной поддержкой в свободное время, а также дистанционными методами обучения. Возможно было бы разумно оптимизировать систему дисперсного распределения и расселения трудящихся-мигрантов в городках временного размещения, комбинируя рабочих из разных стран и регионов России для обеспечения культурного обмена между мигрантами.

Назрела (и даже перезрела) необходимость создать нормальные условия труда и жизни мигрантов, а также ликвидировать эксплуатацию и коррупцию в миграционном сегменте российской экономики. В России создана и функционирует «мигрантозависимая» экономика, широко использующая эксплуатацию недокументированных — дешевых и бесправных трудящихся-мигрантов, готовых работать на более низкую заработную плату и терпеть плохие условия труда и порой жестокое обращение. От 1 до 1,5 млн. мигрантов работают в условиях трудовой эксплуатации, или в так называемой «черной» экономике (они зачастую лишены паспорта, свободы передвижения, живут и работают на закрытых объектах, практически не имеют контактов с внешним миром и пр.). Сколько мигрантов

живут и работают в условиях, не отвечающих стандартам, сказать трудно. Масштабы трудовой эксплуатации достигли значительных размеров. В некоторых городах можно было даже наблюдать картины, когда знания ФМС ремонтировали бригады, состоявшие из недокументированных трудовых мигрантов.

Следует ужесточить наказание работодателей (вплоть до уголовного преследования), задерживающих или не выплачивающих зарплату, отбирающих документы или ограничивающих свободу передвижения трудящихся-мигрантам. Нужно обязать работодателей, использующих трудящихся-мигрантов, строить или снимать им временное жилье, которое должно отвечать минимальным требованиям и иметь минимальные удобства для жизни (например, городки временного размещения).

Целесообразно стимулировать налоговыми инструментами работодателей, обеспечивающих возможность включения трудящихся-мигрантов в систему внутрикорпоративного медицинского страхования. Например, можно снижать ставку социальных начислений на фонд оплаты труда работодателям, которые вкладывают средства в программы корпоративного страхования жизни и здоровья российских работников и трудящихся-мигрантов.

При этом также сделать более жесткими меры надзора и контроля над процессом использования работодателями трудящихся-мигрантов, условиями их труда, занятости и социальными обязательствами могли бы осуществляться специальными миграционными инспекциями, которые могут быть созданы при Управлении по миграции МВД России. Необходимо ужесточить наказания, возможно введение уголовного преследования, работодателей, которые сознательно эксплуатируют трудящихся-мигрантов. В стране создана коррумпированная и мигрантозависимая экономика, в которой выгодно использовать именно недокументированных трудовых мигрантов. Многие работодатели, использую неграмотность, бесправие трудовых мигрантов, порой запугивают их, отбирают документы. Однако важно, чтобы ужесточение наказания происходило параллельно с упрощением и либерализацией процедур регистрации и выдачи разрешительных документов работодателям и трудовым мигрантам (патентов и разрешений на работу). Зарубежный опыт внедрения таких институтов, как миграционные инспекции показывает, что сферы их деятельности могут включать проверку правильности оформления трудящихся-мигрантов, условий их труда, корректность социальных отчислений и начислений на фонд оплаты труда, своевременность выплаты зарплаты компаниями, предпринимателями, фирмами, предприятиями и другими работодателями. Также важно проверять условия жизни трудящихся-мигрантов, которые проживают в местах работы. В настоящее время хотя и установлены огромные штрафы на работодателей, использующих труд неоформленных трудящихся-мигрантов, тем не менее этот сегмент занятости не искоренен окончательно. Некоторые государства мира ввели уголовную ответственность за наем на работу неоформленных трудящихся-мигрантов. Например, в Гонконге еще в 1980 г. были введены строгие санкции в отношении работодателей. Первое нарушение за трудоустройство неоформленного трудящегося-мигранта влечет значительный штраф. Повторное нарушение позволяет заключить работодателя в тюрьму. По мнению национальных экспертов, в сочетании с доступностью процедур оформления, это позволило значительно уменьшить незаконную занятость недокументированных трудовых мигрантов в экономике страны.

Профсоюзным организациям также необходимо активизировать включение трудовых мигрантов в свои ряды. В силу национальной специфики развития трудовых отношений в России в настоящее время профсоюзы в большинстве своем выступают против использования мигрантов в принципе и не особенно охотно включают их в свои ряды и тем более отстаивают их права. Конечно, есть некоторые специализированные профсоюзы

мигрантов (например, профсоюз мигрантов России во главе с Р. Керимовым), но их немного, и они не охватывают всей массы трудящихся-мигрантов на российском рынке труда. Между тем, и профсоюзы могли бы внести свой посильный вклад в процесс адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. В частности, они могут более широко использовать различные каналы распространения и продвижения информации среди трудящихся-мигрантов, а также более активно отстаивать права трудящихся-мигрантов в решении повседневных трудовых и социально-бытовых вопросов. Крайне важно профсоюзам и трудовым инспекциям наладить систематический контроль за соблюдением условий работы, техникой безопасности на предприятиях и производствах, социально-бытовыми условиями проживания трудящихся-мигрантов.

«Внешняя» миграционная политика как новый этап российской миграционной политики

Миграция в настоящее время выступает важным ресурсом демографического и социально-экономического развития России. Однако долгое время миграция была недооцененным ресурсом и воспринималась исключительно как угроза безопасности страны. Кроме того, миграционная политика носила непоследовательный и слабо дифференцированный характер, имела значительный разрыв между концептуальными положениями и практиками регулирования. И хотя постепенно в отношении граждан бывшего СССР и соотечественников сформировались приоритеты в миграционной политике России, но они продолжают оставаться недостаточно четко выраженными, а на практике порой вязнут в бюрократических ловушках.

Концепция и практика привлечения в Россию населения на постоянное место жительства и в экономику трудовых ресурсов для работы должна быть выстроена вокруг приоритетности использования, в первую очередь, ресурсов близкого в этническом, религиозном, социально-культурном и геополитическом отношении населения в соседних странах. А кроме того, надо четко понять потребности в иностранной рабочей силе. Прежде всего, следует разработать и внедрить методику оценки потребности российских регионов в трудовых ресурсах с учетом возможных источников замещения. Расчет на основе реальных потребностей в трудящихся-мигрантах может производиться на основе хорошо забытой методики оценки по методу баланса трудовых ресурсов. Следует обеспечить соблюдение правила работодателями в приоритетном порядке предоставлять рабочее место гражданам России, в том числе из других регионов страны. Требуется дальнейшего развития национальный банк вакансий и развитие условий для миграционной мобильности российских граждан.

Россия огромная страна, в которой региональная дифференциация экономического развития достигла значительных разрывов. Требуется реализация мер политики «выравнивания» по перераспределению ресурсов развития между развитыми столичными и менее развитыми регионами. В России происходит концентрация населения в Европейской части страны, при этом существуют огромные слабо заселенные регионы в восточной части государства. В последние годы был провозглашен восточный вектор геополитического развития страны, в том числе подкрепленный созданием специального министерства по развитию Дальнего Востока. Меры по развитию восточных регионов должны включать индустриализацию и создание транспортной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке, т.е. формирование условий для стабилизации и закрепления населения на постоянное место жительства в этих районах. С другой стороны, отток из восточной части позволит ограничить рост населения крупнейших агломераций в Европейской части, сделает рисунок расселения в стране более равномерным. Средства, которые власти

регионов получают от налогов и продажи патентов и разрешений на работу иностранным гражданам могли бы через механизм бюджета инвестироваться в экономику регионов, которые теряют населения в последние годы. По сути, эта форма «бюджетного выравнивания», которая может сократить диспропорции в развитии российских территорий. Аналогичная практика используется в федеративных государствах (например, в Швейцарии, Австрии, Австралии, Канаде, Индии, США). В практике регионального управления США были успешно реализованы несколько проектов по стимулированию социально-экономического развития депрессивных регионов. Была разработана и реализована специальная федеральная программа развития региона Аппалачских гор, а также программы развития региона долины реки Теннесси. В данный список можно отнести программы-проекты, направленные на развитие инфраструктуры регионов США. Здесь были реализованы проекты по строительству национальной сети шоссе между штатами данных территорий, была поддержана национальная программа строительства городской инфраструктуры, был проложен Транс-Аляскинский нефтепровод. Реализация упомянутых выше национальных проектов помогла создать США развитую транспортную инфраструктуру в отстающих в экономическом развитии районах, приостановить миграционный отток населения, помогла сформировать более благоприятные условия для размещения населения.

В России существует необходимость развития регионов восточной части страны, в том числе приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока. Меры могли бы включать несколько направлений, в том числе:

- выделение специальных средств госбюджета на паритетных началах с региональным бюджетом на адаптацию и интеграцию, первичное обустройство мигрантов;
- развитие системы льготных банковских кредитов на открытие предпринимательства и бизнеса, ссуды на строительство жилья для мигрантов и местных жителей на паритетных условиях;
- «налоговые каникулы» — освобождение от налогов переселенцев и местных жителей, открывающих на малый и средний бизнес;
- предоставление возможности получения земли и аренды недвижимости в среднесрочную и долгосрочную аренду для ведения производственной и сельскохозяйственной деятельности;
- облегченный режим предоставления гражданства иностранцам, желающим инвестировать средства в производственную сферу и сельское хозяйство российских регионов при условии создания иностранными бизнесменами определенного количества рабочих мест для местного населения.

Предлагаемый пакет мер поможет предотвратить и приостановить выезд местного населения из регионов восточной части России, в том числе приграничных территорий, также это будет привлекательным фактором для иностранцев-инвесторов, предпринимателей, готовых вкладывать и развивать экономику России.

Опыт реализации аналогичных мер был в Российской империи и в первые годы становления советской власти. Благодаря этим мерам были заселены и освоены обширные территории Дальнего Востока и Сибири. В зарубежных странах также был аналогичный опыт. Например, власти Канады в 1910-1914 гг. привлекли в страну около 1,6 млн. человек. Благодаря миграции были освоены огромные пустующие территории в центре и на западе страны. Власти предоставляли мигрантам землю для ведения сельского хозяйства, прежде всего, возделывания пшеницы. Также была проведена активная рекламная кампания, транспортным компаниям оплачивался билет каждого фермера из государственной казны. За счет миграции были решены две ключевые задачи в Канаде: были освоены и заселены пустовавшие земли в западных регионах, а также увеличено в 3 раза с 1880 по

1910 годы производство пшеницы в стране. Подобную практику применяли США в освоении западных штатов, привлекая фермеров. В современных условиях аналогичные элементы используют ряд стран. Например, Австралия в настоящее время предоставляет в ускоренном порядке (всего два года) гражданство иммигрантам, которые переселяются не просто на постоянное место жительства в страну, а едут в необходимый для развития государству штат. В США используется подход, при котором иностранный бизнесмен, инвестирующий более 500 тыс. долл. США в американскую экономику, должен также создать минимум пять рабочих мест для местных жителей (американских граждан). В этом случае он получает вид на жительство и впоследствии гражданство США.

В сфере внешней миграционной политики для России важно выделить приоритетные страны для найма рабочей силы, исходя из геополитических и экономических приоритетов. К данным государствам помимо стран Евразийского экономического сообщества (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) также могут быть отнесены, например, Узбекистан, Таджикистан, Украина, Молдова, Вьетнам, КНДР, Турция, Сербия. Для граждан из этих стран возможно отменить разрешительные документы на работу в России. Необходимо подписать двусторонние соглашения между Российской Федерацией как принимающей страной (с учетом интересов и потребностей российских регионов), с одной стороны, с приоритетными странами — донорами трудовых ресурсов, с другой стороны, об организованных поставках трудящихся-мигрантов, которые пройдут предварительную подготовку в миграционных центрах за пределами России. Мера позволит не только удовлетворить потребности российских регионов в трудовых ресурсах; но и обеспечит человеческий потенциал страны, придаст импульс развитию экономики на местах. Приглашение населения из этих стран позволит снять затраты на интеграцию мигрантов. Во многих странах введены положения, по которым работодатели обязаны нанимать, в первую очередь, после граждан своих стран, граждан стран-партнеров с близкими языковыми и социокультурными параметрами (например, в Евросоюзе, Швейцарии, Норвегии, АСЕАН). И только если после этого остаются незаполненными вакансии, то привлекается иностранная рабочая сила из других государств. Например, практику приоритетного привлечения трудящихся-мигрантов из бывших колоний в разное время использовали Франция, Великобритания, Португалия, Испания. В настоящее время Сингапур проводит аналогичную политику в отношении иностранных работников из сопредельных стран АСЕАН. При соблюдении формальных критериев (уровень образования опыт работы и зарплаты) им предоставляется возможность получения вида на жительство и гражданство в упрощенном режиме.

С целью пополнения постоянного населения России необходимо обеспечить возможность упрощенного получения разрешения на временное проживание, вида на жительство и гражданства для мигрантов и трудящихся-мигрантов, длительное время (более пяти лет) находящихся на территории России, при наличии доказательств работы и уплаты налогов в России, или желании выплатить налоги за указанный период в случае их неуплаты ранее. Практически это будет означать проведение кампанию легализации иммигрантов, которые не нарушали российских законов, работали продолжительное время и фактически интегрированы в российское общество. Также нужно снять административные бюрократические «барьеры» на пути получения разрешения для работы, разрешения на временное проживание, вида на жительство, российского гражданства для необходимых категорий мигрантов (студенты, аспиранты, ученые, специалисты высокой квалификации и редких профессий, менеджеры высокого уровня, деятели культуры и искусства, спортсмены, бизнесмены, инвесторы).

Крае важным инструментом внешней миграционной политики является развитие инфраструктуры найма трудящихся-мигрантов в странах происхождения для работы на

российских предприятиях (миграционные центры, центры изучения русского языка, центры профессиональной подготовки потенциальных трудящихся-мигрантов, агентства занятости). Следует отработать механизм лицензирования и создать единый реестр частных агентств занятости, работающих в России и основных странах-поставщиках трудящихся-мигрантов. Развитие широкой сети официально лицензированных рекрутинговых компаний по найму трудящихся-мигрантов с паритетным участием как государства, так и частных инвесторов, для поиска, оформления документов на работу, помощи в переезде и трудоустройстве трудящихся-мигрантов в различных регионах, отраслях и предприятиях экономики, испытывающих потребность в трудовых ресурсах, а также создание базы данных о вакансиях на рынке труда и наличии неудовлетворенных потребностей работодателей в Российской Федерации позволит ввести трудовую миграцию в организованное русло, предотвратит неорганизованный поток трудящихся-мигрантов в страну. Опираясь на исторический опыт, можно утверждать, что наиболее эффективными каналами распространения информации на рынке труда и сведения интересов работников и работодателей являются специальные агентства по трудоустройству персонала (рекрутингу), которые могут быть как независимыми организациями, так и существовать под патронажем служб занятости и центров занятости населения. В вопросах найма трудящихся-мигрантов Россия может ориентироваться, в первую очередь, на партнеров — страны бывшего СССР, Вьетнам. В период СССР некоторые регионы и предприятия в РФ использовали организованные поставки рабочей силы из республик Средней Азии и Вьетнама. Трудящиеся-мигранты из этих государств, как правило, хорошо ориентируются и адаптируются на российском рынке труда, многие неплохо владеют русским языком в достаточном объеме, обладают близкими профессиональными навыками. В экспертном сообществе на протяжении последних лет много говорится о необходимости развития организованных форм (так называемого «оргнабора») трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию, но эти формы трудовой миграции остаются слабо развитыми, отсутствует координация между участниками рынка, плохо развивается инфраструктура.

Российские работодатели в массе своей слабо представляют уровень и квалификацию нанимаемых работников. В результате, узнают о них эмпирическим путем, только когда мигранты приступают к выполнению работы. Например, по свидетельству экспертов, около 80% водителей таксопарков в Москве до введения запрета работы с зарубежными водительскими правами (1 июня 2017 года) были иностранными гражданами. Многие приехали в столицу России из небольших городов и сельской местности, не имели серьезного опыта вхождения транспорта в большом городе, были психологически и социально не готовы к работе в новых условиях. В результате, при совершении аварий многие просто бросали машину и скрывались. Некоторый успешный опыт за рубежом также имеется. Например, в Австралии работает апробирована модель политики «создания разветвленной сети рабочих мест». Ее суть заключается в том, что частные, публичные (общественные) и государственные структуры и центры занятости населения заключают типовые контракты на оказание услуг для трудоустройства безработных, а также занимаются организованным привлечением необходимых категорий иностранных работников в случае невозможности подбора национального персонала.

В заключении следует отметить, что целью внешней миграционной политики является «перенос» издержек по интеграции мигрантов из России за ее пределы, а наиболее результативным инструментом ее достижения может быть переход от пассивной фиксации миграции к активному воздействию государства на миграционные потоки в страну путем влияния на их масштабы и структуру, исходя из национальных интересов страны.

Литература

1. Коханова (Мирюшкина) Ю.В., Лукьянова А.Ю., Мчедлова Е.М., Недвижай С.В., Письменная Е.Е. Привлечение иностранных высококвалифицированных специалистов в контексте развития рынка труда и миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2016. — № 6 (декабрь). — С. 25-32.
2. Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2017. — № 1 (февраль). — С. 5-12.
3. Pismennaya E.E. The Migration of Foreign Students to Russia, Russian Education and Society, Vol. 52, № 1, January 2010, pp. 69-80. DOI: 10.2753/RES1060-9393520105
4. Pismennaya E., Ryazantsev S., Bozhenko V. Central Asian Diasporas in the Russian Federation: migration channels and their contribution to the socio-economic development of sending communities, Central Asia and the Caucasus, Journal of Social and Political Studies, Vol. 17, Issue 4, 2016, pp. 87-94.
5. Ryazantsev S. Russia Needs a New Migration Policy, Russian Politics and Law, vol. 51, no. 3, May-June 2013, pp. 80-88. DOI: 10.2753/RUP1061-1940510305
6. Ryazantsev S., Bogdanov I., Dobrokhleb V., Lukyanets A. Migration from Central Asian countries to Russia and Kazakhstan in the context of integration processes in the Eurasian Economic Union format, Central Asia and the Caucasus, Journal of Social and Political Studies, Vol. 18, Issue 1, 2017, pp. 39-49.
7. Virkkunen J. Economic Aspects of Migration from Central Asia in Russia, RUDN Journal of Economics, Vol. 25, № 1, 2017, pp. 102-111. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-1

*Доброхлеб Валентина Григорьевна,
доктор экономических наук, профессор,
заведующая лабораторией гендерных проблем Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН;
ведущий научный сотрудник Института
социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: vdobrokhleb@mail.ru*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЕВРАЗИИ

(Исследование проведено при поддержке РФФИ(РГНФ), грант №17-02-50064)

Динамика и численность населения стран, регионов, цивилизаций определяется прежде всего процессами естественного воспроизводства, а также масштабами и интенсивностью международной миграции. В целом в период с 1950 по 2015 год регионы Европы, Северной Америки и Океании являлись чистыми получателями международных мигрантов. Крупные и постоянные экономические и демографические асимметрии между странами, по всей вероятности, останутся ключевыми факторами международной миграции в обозримом будущем.

Ключевые слова: демографическая динамика, структура населения, миграция, экономическое развитие.

Valentina G. Dobrokhleb,
*Dr. Sc. (Econ.), Prof.,
Head of the Laboratory for Gender Issues,
Institute of Social and Economic Studies of Population, RAS;
chief scientific officer, Institute of Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: vdobrokhleb@mail.ru*

DEMOGRAPHIC DYNAMICS AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SEVERAL COUNTRIES OF EURASIA

(the study was conducted with the support of the RFH, grant 17-02-50064)

Dynamics and population of countries, regions, and civilizations is determined primarily by the processes of natural reproduction, and the extent and intensity of international migration. Overall, in the period from 1950 to 2015 the regions of Europe, North America and Oceania were net receivers of international migrants. Large and persistent economic and demographic asymmetry between countries, in all probability, will remain key factors of international migration in the foreseeable future.

Keywords: population dynamics, population structure, migration, economic development.

Евразия — огромный континент, единственный, который омывается четырьмя океанами. Его площадь составляет более одной третьей суши планеты (≈ 54 млн км²), а ее население — 70% от жителей планеты. Здесь находится около 100 государств, которые значительно различаются по размерам, уровню жизни и экономическому развитию. На материке расположены и самые большие, и самые маленькие страны мира. В значительной степени будущее связано с населением и экономическим развитием этого континента.

Демографическая динамика в XXI веке, в определенной степени испытывает влияние двух глобальных демографических переломов, первый из которых имел место в третьей четверти прошлого XX века, когда наблюдались небывало высокие за всю историю человечества темпы прироста населения, что усилило опасения перенаселения и истощения природных ресурсов и биосферы планеты. Второй — связан с последней его четвертью, в которой происходило снижение темпов естественного прироста, возникновение депопуляции и старения населения в ряде стран и нескольких цивилизациях с тенденцией распространения этой тенденции на все большее число стран [3]. Динамика и численность населения стран, регионов, цивилизаций определяется прежде всего процессами естественного воспроизводства, а также масштабами и интенсивностью международной миграции. При этом на популяционном уровне качество жизни наиболее адекватно определяется индикатором продолжительности предстоящей жизни (ППЖ), а уровень жизни связан с показателями ВВП, в том числе на душу населения. Ниже представлена динамика ВВП ряда стран Евразии.

Таблица

Динамика ВВП ряда стран Евразии

Страна	ВВП на душу населения, долл. США		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Китай	7,989.720	8,239.894	8,833.277
Индия	1,617.309	1,747.493	1,874.938
Россия	9,054.914	7,742.580	8,664.055
Япония	32,485.545	34,870.931	35,793.706
Люксембург	101,994.093	104,359.321	108,004.903

Источник: Составлено автором по [1].

По данным МВФ [2], в 2017 г. Россия из 187 стран ВВП на душу населения занимает 72-е место, Япония — 25-е, Китай — 71*е, Индия — 142-е. Первая тройка стран с наиболее эффективной экономической осталась в сравнении с 2016 годом неизменной — Люксембург, Швейцария, Норвегия.

Миграционные потоки определяются экономическими, демографическими, социокультурными факторами, а также обострением социально-политической ситуации.

С демографической точки зрения старение населения [4], кардинально меняющее возрастную структуру регионов и стран, оказывает существенное воздействие на формирование миграционных потоков. В настоящее время в мире насчитывалось 962 млн. человек в возрасте 60 лет и старше. Это 13% от общей численности населения планеты. Эти возрастные когорты растут примерно на 3% в год. Сейчас в Европе люди этой возрастной категории составляют 25% населения. Быстрое старение будет происходить в других частях мира. К 2050 году во всех регионах мира, кроме Африки, почти четверть и более населения будет в возрасте 60 лет и старше. Число пожилых людей в мире, по прогнозам, составит 1,4 млрд. в 2030 г. и 2,1 млрд. в 2050 г. и может вырасти до 3,1 млрд. к 2100 году.

По прогнозам, старение населения окажет глубокое воздействие на коэффициент поддержки, определяемый как число работников на одного пенсионера. Хотя трудно

знать фактическое число работников на одного пенсионера, полезный показатель — это отношение числа лиц, которые могут быть рабочими и пенсионеров по возрасту. Например, в 2017 г. в Африке насчитывалось 12,9 человек в возрасте от 20 до 64 лет на каждого в возрасте 65 лет и старше. Это соотношение составляет 7,4 — для Азии, 7,3 — для Латинской Америки и Карибского бассейна, 4,6 — для Океании, 3,8 — для Северной Америки и 3,3 — для Европы. Япония в 2017 г. имеет самый низкий коэффициент потенциальной поддержки в мире (2,1), в то время как доля девяти европейских стран и Виргинских островов Соединенных Штатов также ниже 3-х. Ожидается, что к 2050 г. семь стран Азии, 24 страны Европы и пять стран Латинской Америки и Карибского бассейна будут иметь потенциальные коэффициенты поддержки ниже 2-х.

В целом в период с 1950 г. по 2015 г. регионы Европы, Северной Америки и Океании являлись чистыми получателями международных мигрантов, в то время как Африка, Азия и Латинская Америка и Карибский бассейн были чистыми отправителями. Общий объем чистой миграции по регионам мира неуклонно увеличивался до 2010 года. За десятилетие 2000-2010 г. чистый приток мигрантов в Европу, Северную Америку и Океанию достиг уровня 3,1 млн. человек в год. В период 2010-2015 гг. такие притоки сократились, особенно для Европы.

Перемещение людей из Азии, Африки и Латинской Америки и Карибского бассейна в Европу, Северную Америку и Океанию на протяжении почти полувека были ключевым элементом глобальной миграционной структуры, однако миграционные потоки в пределах регионов также имеют важное значение. Некоторые страны с высоким и средним уровнем доходов, расположенные в Африке, Азии или Латинской Америке и Карибском бассейне, в течение нескольких лет привлекают большое число мигрантов.

Крупные и постоянные экономические и демографические асимметрии между странами, по всей вероятности, останутся ключевыми факторами международной миграции в обозримом будущем. В период 2015-2050 гг. основными чистыми получателями международных мигрантов (более 100 000 ежегодно), по прогнозам, станут Соединенные Штаты Америки, Германия, Канада, Соединенное Королевство, Австралия и Российская Федерация. В число стран, которые, согласно прогнозам, ежегодно будут чистыми донорами с числом эмигрантов 100 000 и выше входят Индия, Бангладеш, Китай, Пакистан и Индонезия.

Продолжаются значительные перемещения мигрантов между регионами, зачастую из стран с низким и средним уровнем дохода в страны с высоким уровнем дохода. Объем чистого притока мигрантов в страны с высоким уровнем доходов в 2010-2015 гг. (3,2 млн. в год) ниже по сравнению с максимумом, достигнутым в 2005-2010 гг. (4,5 млн. в год). Страны с высоким уровнем дохода с чистым притоком более 100 тыс. мигрантов в год в 2010-2015 гг. включали Соединенные Штаты Америки, Германию, Саудовскую Аравию, Канаду, Соединенное Королевство, Австралию, Оман, Кувейт и Катар (упорядоченные по размеру чистого притока). Среди стран со средним уровнем дохода, за исключением тех, кто испытывает большой приток беженцев, Российская Федерация, Южная Африка и Малайзия также имели чистый приток более 100 тыс. мигрантов в год в 2010-2015 годах. Страны с чистым оттоком более 100 тыс. мигрантов в год в 2010-2015 гг., за исключением тех, в которых преобладают перемещения беженцев, были Индия, Бангладеш, Китай, Пакистан, Филиппины и Испания.

Однако международная миграция на нынешнем уровне не сможет в полной мере компенсировать ожидаемые потери населения, связанные с низким уровнем рождаемости, особенно в Европейском регионе. В период 2015-2050 гг. превышение смертности над рождаемостью в Европе, по прогнозам, составит 57 млн. человек, в то время как чистый приток международных мигрантов, как ожидается, составит около 32 млн. человек, что подразумевает общее сокращение населения Европы примерно на 25 млн человек.

В связи с этим, вероятно, эффективность экономического развития здесь может снизиться.

Литература и Интернет источники

1. ВВП на душу населения стран мира с 2000 по 2017 год. — Режим доступа: <http://infotables.ru/statistika/43-ekonomicheskaya-statistika-stran-mira/425-vvp-na-dushu-naseleniya-stran-mira-tablitsa> (Дата обращения 15.10.2017).
2. Рейтинг стран по ВВП на душу населения 2017. — Режим доступа: <http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-na-dushu-naseleniya-2017> (Дата обращения 15.10.2017).
3. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Раздел 4.3. Демографические тенденции динамики цивилизаций в первой половине 21 века // Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. Часть 9. Будущее цивилизаций и стратегия цивилизационного партнерства / Под ред. Ю.В. Яковца, Б.Н. Кузыка, Н.С. Бектурганова. — М.: МИСК, 2009. — 184.
4. World Population Prospects The 2017 Revision. Key Findings and Advance Tables. — Режим доступа: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (Дата обращения 15.10.2017).
5. Доброхлеб В.Г. Уровень образования пожилых людей как фактор востребованности на рынке труда России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2017. — № 2-3. — С. 5-15. DOI: 10.26653/2076-4650-2017-2-3-5-15.

Рыбаковский Леонид Леонидович,

*доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: 284781@mail.ru;*

Савинков Владимир Ильич,

*доктор социологических наук,
ведущий советник аппарата Комитета Совета Федерации,
Москва, Россия. E-mail: VISavinkov@senat.gov.ru;*

Кожевникова Наталья Ивановна,

*кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: dema1@mail.ru*

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР В СТРАТЕГИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

(Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант №17-03-00256)

В статье обосновывается необходимость ускоренного демографического развития восточных районов России, характеризующие её условия, приводятся общие результаты заселения Сибири и Дальнего Востока в дореволюционное и советское время, говорится о том, что с развалом Советского Союза был утрачен восточный вектор в демографическом развитии страны, постепенно восстанавливаемый в самые последние годы, предлагаются пути осуществления восточного направления в демографическом развитии России.

Ключевые слова: демографическое развитие, депопуляция, компоненты демографической динамики, продолжительность жизни, стратегия развития, колонизация.

Leonid L. Rybakovsky, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,

*Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: 1284781@mail.ru;*

Vladimir I. Savinkov, Dr. Sc. (Sociology),

*Leading Advisor on the Staff of the Council of Federation Committee,
Moscow, Russia. E-mail: VISavinkov@senat.gov.ru;*

Natalia I. Kozhevnikova,

*Cand. Sc. (Econ.), Institute of Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: dema1@mail.ru*

DEMOGRAPHIC DYNAMICS AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SEVERAL COUNTRIES OF EURASIA

(the study was conducted with the support of the RFBR, grant 17-03-00256)

The article substantiates the need for accelerated demographic development of the eastern regions of Russia, characterizes its conditions, summarizes the results of the settlement of Siberia and the Far East in pre-revolutionary and Soviet times, states that with the collapse of the Soviet Union, the eastern vector in the demographic development of the country was lost, which has been restored in the most recent years, suggests ways to implement the eastern direction in the demographic development of Russia.

Keywords: demographic development, depopulation, components of demographic dynamics, life expectancy, development strategy, colonization.

Со времени окончательного освобождения русских земель от ига Орды, объединения вокруг Московского княжества владений, расположенных в центральной и северо-западных частях нынешней России, установления власти московского князя над районами Поволжья, что было обеспечено победой над Казанским и Астраханским ханствами, последовало многовековое продвижение русского государства на восток, т.е. в северо-восточную часть азиатского материка. Начало этому движению, называемому колонизацией, было положено Иваном Грозным во второй половине XVI столетия. *Иван IV – это основатель Восточного вектора развития России. С его именем связаны процессы колонизации Сибири.*

Благодаря этим процессам Россия приобрела огромные экономические и геополитические преимущества относительно абсолютного большинства стран мира. Прежде всего, с продвижением России на восток она превратилась в одну из немногих стран мира, расположенных на двух материках: в Европе (25% территории занимает европейская часть России) и в Азии (75% территории принадлежит ее азиатской части). Азиатской части России, а это Сибирь, включающая также Тюменскую область, и Дальний Восток, принадлежит 3/4 территории страны. Ее протяженность с севера на юг превышает 4 000 км, с запада на восток приближается к 10 000 км. По размерам территории Россия ныне является самым большим государством в мире. Ей принадлежит 17,1 млн. кв. км сухопутной части Земли, или 11,5% (1/8 часть). Наряду с Россией большими территориями обладают Канада (10 млн. кв. км), Китай (9,6 млн.) и США (9,4 млн.).

С продвижением на восток, вплоть до тихоокеанского побережья, территория России стала примыкать к двум из четырех океанов. Она имеет и на западе, и на востоке достаточно выходов в мировой океан: северные акватории (прежде всего, Баренцево море), Балтийское, Черное, Охотское и Японское моря, Тихий океан. Это — объективное условие для крупномасштабного развития военного, торгового и рыбодобывающего флота, добычи нефти и других ресурсов прибрежных шельфов. Надо иметь в виду, что выходы из Балтийского и Черного морей находятся под контролем других государств, что делает российское присутствие там достаточно уязвимым. В это же время северные и особенно дальневосточные акватории обеспечивают полноценное использование российским флотом просторов мирового океана. Подобными преимуществами обладают из крупных стран лишь США, да, пожалуй, менее населенная Канада. Естественно, что эти преимущества России и других названных стран обуславливают стратегию их экономического и геополитического развития [1].

В России — колоссальные природные ресурсы. Прежде всего, это лесные ресурсы, которые позволяют в полной мере обеспечивать нужды страны деловой древесиной, сырьем для производства целлюлозы, картона, бумаги и т.д. Россия также обладает огромными запасами природного газа, нефти, угля, руд черных и цветных металлов, золотом, алмазами и пр. Более того, страна обладает колоссальными мировыми запасами пресной воды (только в Байкале объем пресной воды составляет одну пятую часть мировых запасов). Считается, что в России сосредоточена пятая часть мировых запасов ресурсов [2]. Но специфика России в том, что преобладающая часть всех этих природных ресурсов находится в ее азиатских районах, что уже само по себе обуславливает в качестве приоритетного восточный вектор ее экономического и демографического развития.

Представляя восток Европы и запад Азии, Россия является их соединением, которое может стать всесторонней транспортной артерией, объединяющей северный морской путь, воздушное пространство и наземные виды транспортного сообщения (трубопроводы, железно и автодорожные магистрали). Превращение России в полноценный транспортный коридор, соединяющий Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион, предполагает

создание необходимой инфраструктуры, модернизации железных и автомобильных дорог, привлечение современных транспортных средств и т.д. Ядро интегральной евразийской транспортной системы могла бы составить скоростная железнодорожная магистраль, соединяющая порты Приморского края и пограничные пункты Китая с западной границей Беларуси [3]. Реализация этого проекта необходима, прежде всего, для осуществления крупномасштабного экспорта природных ресурсов и продукции, производимой промышленностью в восточной части России в страны азиатско-тихоокеанского региона с их колоссальным рынком сбыта. Эта транспортная артерия, при создании соответствующей морской и железнодорожной инфраструктуры, откроет дорогу экспорту продукции из европейских стран на рынки АТР, что чрезвычайно усилит геополитический статус России и нейтрализует негативные решения по отношению к ней со стороны этих государств.

Масштабы российской территории, насыщенной природными ресурсами, выгодность ее морских коммуникаций и евразийское местоположение страны в прошлом в полной мере учитывались в стратегии оборонного и экономического развития России, укреплении ее геополитического статуса. Об этом свидетельствует дореволюционная и советская политика целенаправленного освоения и заселения новых территорий. По мере экономического и демографического развития России возрастали масштабы освоения и соответственно заселения восточных районов страны. Преобладающую часть населения азиатской части России составили переселенцы (в крестьянской стране это были по преимуществу крестьяне).

О результатах переселений свидетельствует то, что если население Сибири и частично Дальнего Востока еще в начале XVIII в. достигало всего 0,5 млн. человек, то к концу XVIII века (1796 г.) только в Сибири оно возросло до 1,2 млн. К середине XIX века восточнее Урала проживало — свыше 2,2 млн. человек. Первой Всероссийской переписью населения зафиксировано, что за Уральским хребтом накануне нового столетия (1897г.) проживало 5,7 млн. человек, что составляло 0,4 человека на кв. км. К кануну Октябрьской революции 1917 г. плотность населения Сибири и Дальнего Востока возросла до 0,7 человек на кв. км. За все дореволюционное время колонизации, охватившее примерно 330 лет в азиатской России, возникло 43 поселения, будущих городов, из которых на долю Западной Сибири приходилось 15, Восточной Сибири 20 (включая 4 поселения в Якутии) и на Дальнем Востоке 8.

В советские годы продолжилось перемещение населения с запада на восток, т.е. в Сибирь и на Дальний Восток. Миграционные процессы в предвоенный период, их направленность (принудительная в том числе) и масштабность радикально повлияли на географию населения России. Для количественной оценки размеров межрегиональных перемещений населения полной информации нет (да она и не может быть при отсутствии сплошной паспортизации, регистрации перемещений и пр.). Есть лишь отрывочные данные. Так, с 1926 г. по 1939 г. на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию переселилось примерно 5 млн. человек, из которых 2 млн. осело на Урале, 0,7 млн. — в Кузнецком угольном бассейне и 0,8 млн. — на Дальнем Востоке. Примерные масштабы переселений в довоенные годы можно оценить косвенно, сравнивая параметры региональной демографической динамики. Так, в 1939 г. по сравнению с 1926 г. численность населения России в целом составила 116,9%, тогда как Западной Сибири — 120,1%, Восточной Сибири — 144,4% и Дальнего Востока — 189,3%.

В послевоенный период продолжился процесс формирования населения восточных районов. Но теперь главным компонентом в нем выступают не переселения (миграции), а собственное воспроизводство населения, значительная часть которого — бывшие мигранты (см. табл. 1).

Участие миграционной компоненты в динамике населения азиатской части России в 40 послевоенных лет (1951-1990 гг.), тыс. человек*

Регион	Общий прирост, убыль	Естественный прирост, убыль	Миграционный прирост, убыль	Процент миграционной компоненты**
Западная Сибирь***	5420,6	5708,1	-287,5	-5,3
Восточная Сибирь	4200,2	4197,4	2,8	0,1
Дальний Восток****	4446,2	3221,0	1225,2	27,6
Вся Азиатская Россия	14067,0	13126,5	940,5	7,2
Россия в целом	45760,4	45223,9	536,5	1,2

*Данные ЦСУ РСФСР. **Доля в общем приросте или процент потерь общего прироста. ***Вместе с Тюменской областью. ****Включая Якутию.

Население Сибири, западной части полностью, а восточной в преобладающей мере увеличивалось за счет повышенного естественного прироста, тогда как население Дальнего Востока росло за счет двух компонент: воспроизводственной и миграционной. В тридцатилетний период, между первой и последней послевоенными советскими переписями населения, его численность в азиатской части России (вместе с Тюменской областью) увеличилась на 9,5 млн. человек. В этом приросте примерно 10% пришлось на миграционную компоненту, а 9/10 – это результат естественного движения населения, т. е. потомков мигрантов прежних столетий и десятилетий. Весь послевоенный период повышалась доля азиатской части в населении России. Согласно переписи 1939 года, доля азиатской части в населении страны составляла 15,4%. По переписи населения 1970г. доля Сибири и Дальнего Востока уже достигла 19,5%, а к распаду Советского Союза, в 1989 г. — 21,8%.

Процесс заселения и соответственно наращивания демографического потенциала восточных районов России шел параллельно с экономическим развитием Сибири и Дальнего Востока. Еще на стыке XIX — XX веков была построена Транссибирская железная дорога, соединившая Москву с восточносибирскими и дальневосточными городами вплоть до конечного пункта Владивостока. В 30-е годы прошлого века были проложены вторые пути, а после войны построена Байкало-амурская магистраль. На востоке страны возникли новые города, были созданы многие стратегически важные производства: самолетостроение и судостроение (Комсомольск на Амуре), добыча никеля (Норильск), целлюлозно-бумажное производство (Хабаровский край, Иркутская область), добыча полиметаллических руд (Солнечный) и алмазов (Мирный), на сибирских и дальневосточных реках построен каскад гидроэлектростанций и т.д. Сибирь стала основным топливодобывающим (уголь, нефть, газ) районом страны. Очевидно, что стратегия создания этих и многих других производств соответствовала национальным интересам государства, повышала уровень его социально-экономического развития и оборонную мощь.

Таким образом, и до революции, и после нее вплоть до развала Советского Союза, стратегический выбор России, состоящий в неуклонном повышении уровня заселенности Сибири и особенно Дальнего Востока, неукоснительно выполнялся, невзирая на трудности, с которыми, сталкивалась страна. Даже в военные и первые послевоенные годы доля восточных районов в населении России возросла более чем в 1,4 раза.

В канун 1990-х годов вместе с развалом Советского Союза разрушительные изменения произошли в территориальной направленности миграционных процессов: на смену вектору «Запад — Восток», сохранявшемуся по, крайней мере, три столетия, с провозгла-

шением Россией независимости и перехода к рыночной экономике, пришел вектор «восток-запад». Началась массовая миграция населения Сибири и особенно Дальнего Востока и более интенсивное сокращение его численности, чем в среднем по России. Из общей убыли населения страны в 1991-2015 гг., составившей 4023,9 тыс. человек, на долю Сибири (без Тюменской области) и Дальнего Востока пришлось свыше 90% (3686,9 тыс.). Доля этих регионов в естественной убыли в целом по России в указанный период составила 10% при их доле в населении 17,5%. Но если в стране в целом, в эти 25 лет (1991-2015 гг.) был миграционный прирост, общая сумма которого составила 9163,9 тыс. человек, то Сибирь и на Дальний Восток имели миграционную убыль -2384,7 тыс. человек (соответственно, -712,0 и -1672,7). Добавим, что и в 1990-е гг. и уже в новом столетии миграционная убыль была во всех без исключения регионах Дальнего Востока, как и естественная убыль населения (исключение Саха (Якутия) в 2001-2015 гг.).

Такое демографическое развитие восточных районов связано с более значительным, чем в среднем по стране обвалом экономики, ростом безработицы и соответственно, сокращением уровня жизни населения. То, что в районах Дальнего Востока и в большинстве районов Сибири хуже, чем в среднем по стране социально-экономическая ситуация, свидетельствует такой интегральный показатель как ожидаемая продолжительность жизни населения. В 1989-1990 гг. во всех федеральных округах ожидаемая продолжительность жизни населения была выше 69-70 лет (по России в целом — 69,38 года). В это же время в Сибирском и Дальневосточном округах она соответственно была 68,42 и 67,63 года. Повышение продолжительности жизни в первое десятилетие XXI века, а точнее после 2006 г. позволило превысить в 2011 г. средний по стране уровень, бывший в 1989-1990 гг., на 0,45 года. В отличие от страны в целом в Сибирском округе продолжительность жизни населения сократилась в то время на 0,7 года, а в Дальневосточном — на 1,32 года.

Благодаря активизации демографической политики, начавшейся в 2006-2007 гг., в большинстве регионов страны к середине второго десятилетия была достигнута численность населения начала 1990-х годов. В отличие от этого в составе 21-го сибирского и дальневосточного регионов такими оказались лишь республики Алтай и Тыва. Правда, в 2014 г. по сравнению с 2006 г. численность населения превысила стопроцентную отметку еще в 5 районах. Среди них кроме Томской и Новосибирской областей остальные национальные республики Сибири и Дальнего Востока.

Если в советские годы стратегия демографического развития, по крайней мере, Дальнего Востока, хотя и не будучи оформленной соответствующим образом, тем не менее, неукоснительно выполнялась, то после развала страны все изменилось. Анализ результатов демографического развития Сибири и Дальнего Востока за последние 20-25 лет, показывает на отсутствие сколько-нибудь последовательной деятельности государства в этих регионах. В последние годы наметилась линия на возвращение к прежней стратегии. Об этом говорит утверждение Правительством Российской Федерации Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года и Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Уже осуществляется строительство газопровода «Сила Сибири», который станет элементом единой системы газоснабжения страны. На Дальнем Востоке формируются территории опережающего социально-экономического развития, в Приморском крае на базе существующего судоремонтного предприятия создается мощный судостроительный комплекс, реализуется ряд других мер.

Тем не менее, все эти меры носят разрозненный характер, они осуществляются при отсутствии обоснованных с различных точек зрения (геополитической, экономической, социальной и т.д.) стратегий экономического и соответственно, демографического разви-

тия этой части России. Очевидно, что долговременное результативное освоение и заселение азиатской части страны невозможно без выработки целостного представления о роли Сибири и Дальнего Востока в экономическом и геополитическом будущем России. На его основе может и должен быть разработан и выделен в качестве приоритетного в стратегии демографического развития России ее восточный вектор, суть которого в необходимости обеспечения непрерывного роста демографического потенциала, причем темпами, опережающими средние по стране. Этот рост должен обеспечиваться обоими компонентами демографической динамики, причем доля Сибири и Дальнего Востока в общероссийском миграционном приросте должна быть выше их доли в населении страны.

Для устойчивого пополнения и дальнейшего формирования постоянного населения в Сибири и на дальнем Востоке, необходимо определить состав предпочтительных районов выхода мигрантов, следующих в те или иные районы этой части страны, обосновать условия их приживаемости в местах вселения. Учитывая, что самой постоянной частью в населении регионов ускоренного развития являются местные уроженцы, необходимо, как это делалось еще в советские годы, для повышения рождаемости вводить более сильные стимулы, чем применяемые в других районах страны.

Очевидно, что «восточный вектор» — это не только количественные параметры демографического развития, но и устранение тех демографических пробелов, которые образовались в восточных районах страны еще задолго до распада Советского Союза. Один из таких наиболее негативных пробелов, как уже отмечалось, это более низкая почти во всех сибирских и всех дальневосточных регионах ожидаемая продолжительность жизни населения по сравнению со средним уровнем по стране. Этот пробел не может быть устранен без создания более высокого уровня жизни населения Сибири и Дальнего Востока.

В России вновь наступает депопуляция. Возможное сокращение численности населения в ближайшие годы может затормозить демографический рост в азиатской части страны. Особенно это относится к Дальнему Востоку, районы которого, в первую очередь южные, всю последнюю четверть века, включая и наиболее благоприятные годы демографического развития России, теряли население. Трудно представить, что в годы депопуляции, когда повсеместно будут демографические трудности, на Дальнем Востоке начнется демографический рост. Чтобы это случилось, нужны радикальные много затратные меры.

Литература

1. Рыбаковсктй Л.Л., Кожевникова Н.И. Восточный вектор демографического развития России // Народонаселение, — 2015. — № 1. — С. 4-17
2. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. — М., 2002. — 128 С.
3. Проект Интегральной евразийской транспортной системы / Научный совет по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знаний». — М. 2007.
4. Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И., Кожевникова Н.И. Критерии формирования миграционного потенциала // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2016. — № 3. — С. 33-37.

Волох Владимир Александрович,
доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
Москва, Россия.
E-mail: v.volokh@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье автор рассматривает систему управления сквозь призму институционального обеспечения государственной миграционной политики в постсоветской России и прогнозирует дальнейшее развитие ситуации в части совершенствования управления миграционными процессами.

Ключевые слова: миграция населения, государственная миграционная политика, Концепция государственной миграционной политики, ФМС России, МВД России, институциональное обеспечение миграционной политики, миграционное законодательство, сценарии развития

Vladimir A. VOLOKH,
Dr. Sc. (Politics), Prof.,
State University of Management,
Moscow, Russia.
E-mail: v.volokh@yandex.ru

PROBLEMS OF MANAGEMENT OF MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the article, the author examines the system of governance through the prism of institutional support of the state migration policy in post-Soviet Russia and predicts further developments in terms of improving management of migration processes.

Keywords: migration of population, State Migration Policy, State Migration Policy Concept, FMS of Russia, Interior Ministry of Russia, institutional framework of migration policy, migration legislation, development scenarios

Последние десятилетия тема управления миграционными процессами стала особо актуальной, а перечень аспектов ее изучения существенно расширился в силу стремительного роста миграционных потоков в Российскую Федерацию. По данным МВД России, на протяжении последних 10 лет число иностранных граждан, въехавших на территорию РФ, ежегодно достигает показателя более 10 млн. человек (2012 г. — 15 889 421; 2013 г. — 17 342 369; 2014 г. — 18 201 509; 2015 г. — 17 083 849; 2016 г. — 16 290 031). Доля мигрантов России составляет около 11% от населения страны. Российская Федерация занимает второе место после США по уровню миграции, где проживают 44 млн. легальных и нелегальных мигрантов, что составляет 13,5% от населения Соединенных штатов. Такое положение в настоящее время сохраняется за Россией, несмотря на увеличивающиеся потоки мигрантов в страны Западной и Восточной Европы в последние несколько лет.

В январе 2016 г. закончился первый этап¹ реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом России, в результате которого значительно обновилась нормативная правовая база в сфере миграции населения. Также необходимо отметить, что миграционная ситуация, связанная с экстренным массовым прибытием в Россию граждан Украины, несколько стабилизировалась и в целом не оказала негативного влияния на социально-экономическое положение страны.

В Москве в феврале 2016 г. на расширенном заседании коллегии Федеральной миграционной службы на тему «Об итогах служебной деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год и задачах по реализации государственной миграционной политики в 2016 году» первый заместитель Председателя Правительства России И.И. Шувалов отметил, что «... в Правительстве РФ довольны работой Федеральной миграционной службы. Мы считаем, что Федеральная миграционная служба с задачами справляется, работает удовлетворительно» [5].

Вместе с тем, Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» Федеральная миграционная служба Российской Федерации была упразднена, а ее функции в полном объеме переданы в МВД России.

Для абсолютного большинства экспертов и специалистов в сфере миграции населения, это решение было неожиданным. Какие последствия такой реорганизации федеральных органов исполнительной власти в части управления миграционными процессами можно спрогнозировать? Следует отметить, что институциональное обеспечение государственной миграционной политики России в постсоветский период формировались поэтапно, а приоритетные направления трансформировались. В этой связи целесообразно проанализировать основные характеристики таких перемен сквозь призму институциональных преобразований.

Федеральная миграционная служба России была создана в 1992 году в качестве самостоятельного федерального органа исполнительной власти [8]. На ФМС России были возложены задачи осуществления государственной политики в области миграции населения и координации деятельности всех органов управления страны по этому направлению. Главное внимание уделялось вопросам вынужденной миграции, созданию систем управления миграционными процессами, разработке и принятию необходимых нормативных правовых актов и миграционных программ.

---

¹ По состоянию на 01.01.2016 г.

Одновременно следует отметить, что начало работы по вопросам международного сотрудничества в сфере миграции населения, управлению процессами внешней миграцией, международной трудовой миграции, формированию системы иммиграционного контроля, миграционного законодательства и другим вопросам необходимо отнестись именно к этому времени.

В это же время для России сложной проблемой также была внутренняя миграция, и прежде всего, реализация прав граждан на свободное передвижение и выбор места жительства. В СССР с 1925 г. существовал порядок прописки, которого не было в других странах. Таким образом, уже в 1990-е гг. назрела необходимость комплексно управлять процессами внешней, вынужденной и внутренней миграцией, чему способствовало бы объединение паспортно-визовой службы МВД России и ФМС России. Распоряжение Правительства России об объединении ФМС России и ПВС МВД России было принято в 1992 г., однако это правительственное решение выполнено не было.

Совершенствование государственной миграционной политики, корректировка избранного курса на приоритетный прием и обустройство вынужденных мигрантов, включая лиц, ищущих убежище, в определенной степени осуществлялись по мере необходимости, вплоть до начала 2000-х годов.

Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [9] ФМС России была упразднена, а функции в сфере миграции населения были переданы в созданное Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации (Минфедерация России).

Проводя сравнительно анализ функций ФМС России и вновь образованного министерства, отметим, что задачи и функции в части выработки и реализации миграционной политики остались практически без изменений. Более того, с передачей этих функций и задач из ФМС России в федеральное министерство — Минфедерацию России, полномочия последнего в определенной степени даже расширились.

Минфедерация России было ликвидировано 16 октября 2001 г., а его функции переданы в МВД России, МИД России и Минэкономразвития России. Однако лишь спустя четыре месяца, только 23 февраля 2002 г., в соответствии с Указом Президента Российской Федерации была вновь создана Федеральная миграционная служба, уже в составе МВД России.

С упразднением Минфедерации России вопросы управления миграционными процессами длительное время не были отражены ни в одном нормативном документе. Только 23 февраля 2002 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 232 «О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики» [7]. В соответствии с которым МВД России, наряду с функциями, возложенными на него российским законодательством, дополнительно вменялись функции федерального органа исполнительной власти по миграционной политике. В центральном аппарате МВД России появилось новое подразделение — Федеральная миграционная служба. Территориальные органы упраздненного Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации были преобразованы в подразделения по делам миграции министерств внутренних дел, главных управлений, управлений внутренних дел субъектов Российской Федерации.

МВД России, не имеющее опыта в управлении миграционными процессами, не владеющее навыками работы с мигрантами и неправительственными и правозащитными организациями, почти полностью сосредоточилась на противодействии незаконной миграции — сфере, хорошо знакомой для «силового» ведомства. «Негативные последствия передачи вопросов миграционной политики сказались сразу. Во-первых, деятельность

новой ФМС перестала быть транспарантной. *Во-вторых*, была утрачена преемственность в деятельности миграционной службы, резко снизилась квалификация ее работников: большинство государственных гражданских служащих, работавших в 1990-х годах и обладавших огромным опытом, не удалось удержать в новом ведомстве. *В-третьих*, еще более осложнились отношения ведомства с организациями «третьего сектора». *В-четвертых*, оставляет желать лучшего сотрудничество с наукой», — такие выводы делает известный российский ученый, д-р соц. н. В.И. Мукомель [4].

Очередная реорганизация ФМС МВД России прошла 9 марта 2004 г.; была создана новая структура федеральных органов исполнительной власти, включающая наряду с федеральными министерствами еще и федеральные службы, а также федеральные агентства, подведомственные этим министерствам [10].

Для ФМС России эта реорганизация имела двоякое значение. С одной стороны, Федеральная миграционная служба стала федеральным органом исполнительной власти. Из Министерства внутренних дел Российской Федерации ей были переданы правоприменительные функции, функции по контролю и надзору и функции по оказанию государственных услуг в сфере миграции. С другой стороны, вопросы разработки государственной миграционной политики, миграционного законодательства и координации деятельности органов исполнительной власти в сфере миграции населения остались полностью в компетенции МВД России.

Каков итог выбранного курса? Количество выявленных в ходе прокурорских проверок фактов нарушения законодательства о гражданстве и свободе выбора места жительства в Российской Федерации увеличилось с 1476 в первом полугодии 2000 г. до 4166 за аналогичный период 2003 г.; лишь 10% иностранных работников в России легально осуществляют свою трудовую деятельность; повсеместно иностранными гражданами, въехавшими по туристическим и учебным визам либо в безвизовом порядке, осуществляется незаконная предпринимательская деятельность в сфере торговли и трудовая деятельность, и т.д.

Дальнейшее развитие системы управления миграционными процессами (2006-2009 годы) связано с либерализацией механизмов привлечения работников из стран СНГ и установкой на кардинальное изменение положения трудовых мигрантов в России. Существенно повлиял на формирование российской миграционной политики мировой финансовый кризис 2007-2009 годов. Для России этот кризис стал возможностью пересмотра сложившейся государственной миграционной политики и управления миграционными процессами в целях существенного повышения ее влияния на пути социально-экономического развития страны.

В связи с этим из ведения МВД России к ФМС России перешел ряд полномочий, таких как принятие решений о продлении либо сокращении срока временного пребывания иностранного гражданина в стране; выдача разрешений на временное проживание; выдача вида на жительство; выдача приглашений на въезд в контроль над трудовой деятельностью иностранных работников (в том числе на работу и учебу); контроль над трудовой деятельностью иностранных работников; выдача и аннулирование разрешений на работу; осуществление депортации (при этом административное выдворение пока оставалось в ведении МВД России).

Кардинальное изменение институционального обеспечения государственной миграционной политики существенно способствовало пересмотру стратегической позиции государства, *во-первых*, в оценке роли трудовой миграции в экономическом развитии России, и, *во-вторых*, по отношению к методам борьбы с незаконной миграцией.

Эти изменения носили, по сути, революционный характер. В значительной степени сняты чрезмерные административные барьеры, что, собственно, по мнению многих экспертов, являлось основной причиной масштабной незаконной миграции и нелегального трудоустройства иностранных граждан в Российской Федерации. Таким образом, предложена такая модель управления трудовой миграцией, которая несет в себе потенциал расширения возможностей легального трудоустройства иностранных работников как альтернативы незаконной миграции. В течение 2007–2008 гг., т.е. после того, как новые законы вступили в силу, российские миграционные службы ежегодно выдавали более 2 млн разрешений на работу иностранным гражданам, что вдвое больше, чем в 2006 г., и втрое больше, чем в 2005 г. Существенно изменился и состав иностранной рабочей силы, официально привлекаемой на работу в России, в то время как практически в три раза сократилось количество нелегальных трудовых мигрантов [2].

С принятием и утверждением 8 июня 2012 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года [3] начался новый этап государственной миграционной политики и ее институционального обеспечения [6].

Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» было зафиксировано, что Федеральная миграционная служба является федеральным ведомством, руководство деятельностью которого осуществляет Правительство Российской Федерации.

Положение о Федеральной миграционной службе было утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2012 г. № 711 «О вопросах Федеральной миграционной службы». В этом документе установлено, что ФМС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, правоприменительные функции, функции по федеральному государственному контролю (надзору) и предоставлению (исполнению) государственных услуг (функций) в сфере миграции. Определены ее основные задачи, полномочия и права. Указом Президента РФ от 15 января 2013 г. № 30 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной миграционной службы» установлено, что ФМС России возглавляет руководитель в ранге федерального министра.

Подводя итог, отметим, что эффективное управление миграционными процессами в значительной мере зависит от качества функционирования соответствующих институтов и наличия необходимых инструментов и механизмов. Острота проблемы институционального обеспечения миграционной политики в современной России в значительной мере связана с тем, что за весьма короткий исторический период с момента своего возникновения Федеральная миграционная служба претерпела ряд реорганизаций. Институциональная неустойчивость и противоречивость в целом крайне негативно отражались на качестве управления миграционными процессами.

Постоянно менявшееся система управления миграционными процессами, как и связанное с этим отсутствие последовательности и преемственности принимаемых решений в этой сфере имели следствием лишь то, что работа миграционного ведомства была не только существенно ослаблена, но и во многом парализована.

Новые вызовы и угрозы в современном мире, нашествие мигрантов в Европу, ситуация с гражданами Сирии, Афганистана и Украины потребовали принять меры по оптимизации государственной миграционной политики Российской Федерации и совершенствованию управления миграционными процессами в стране в новых условиях, и, как отмечалось ранее, Федеральная миграционная служба была упразднена, а ее функции в полном объеме переданы в МВД России.

В связи с этим, перед МВД России встали сложные задачи, прежде всего связанные с тем, что на министерство были возложены новые функции не в полной мере свойственные «силовому ведомству». Прогнозируя развитие дальнейшей ситуации в части совершенствования управления миграционными процессами, исследователи Государственного университета управления в своей публикации в журнале «Власть» предполагали следующие сценарии.

Первый сценарий: в положение о МВД России будут включены новые функции, в полном объеме соответствующие функциям бывшего ФМС России.

Второй сценарий: ряд миграционных функций, связанных с социально-экономическим и демографическим развитием страны, будут переданы другим федеральным органам исполнительной власти.

Третий сценарий: будет создан новый орган федеральной исполнительной власти, на который возложены функции формирования и реализации национальной и миграционной политики, а также комплексного управления всеми миграционными процессами [1].

В настоящее время прорабатывается вопрос о передаче части функций бывшего ФМС России из МВД России в Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) и о назначении ФАДН ответственным за адаптацию мигрантов. Агентством подготовлен законопроект об интеграции и адаптации мигрантов. Документ одобрен регионами, согласован с МВД России, однако Минэкономразвития России и Минфин России пока не готовы увеличить штат ФАДН в соответствии с потребностями для выполнения в полном объеме новых функций и выделить ему финансирование на мероприятия в субъектах Российской Федерации по адаптации и интеграции мигрантов.

В перспективе, на наш взгляд, целесообразно создать новый федеральный орган исполнительной власти, который будет разрабатывать предложения для высшего политического руководства страны в части формирования национальной и миграционной политики и комплексно управлять всеми миграционными процессами.

Литература и Интернет источники

1. Волох В.А., Суворова В.А. Проблемы институционального обеспечения государственной миграционной политики // *Власть*. — 2017. — № 3. — С. 49-54.
2. Выступление директора ФМС России К.О. Ромодановского [Текст] // Сборник материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы «Итоги деятельности ФМС России в 2007 году». — М. 2008.
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты [Текст] / В.И. Мукомель В.И.; Институт социологии РАН. — М.: Диполь-Т, 2005. — С. 135.
5. РИА Новости. Финмаркет. — 26 февраля 2016 г. 14:25.
6. Суворова В.А. Концепция государственной иммиграционной политики Российской Федерации как основа ее эффективной реализации // *Власть*. — 2008. — № 12. — С. 4.
7. Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 51.
8. Указ Президента РФ от 14 июня 1992 г. № 626 «О Федеральной миграционной службе России» // *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации* от 25 июня 1992 г. № 25. Ст. 1422.
9. Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27233/.
10. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. N 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (с изменениями и дополнениями). — Режим доступа: <http://base.garant.ru/186816/> // <http://base.garant.ru/186816/>

Ионцев Владимир Алексеевич^{*1},
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографии;
Зимова Наталья Сергеевна¹,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования;
Субботин Александр Алексеевич¹,
магистрант программы «Социальная демография»

¹ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия).

*E-mail: vaiontsev@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ «УТЕЧКИ УМОВ» В РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

(Исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 16–06–00048а)

В статье рассматриваются с теоретических и методологических позиций особенности современного понимания такого злободневного для многих стран мира явления как «утечка умов». Обосновывается принципиальное несогласие авторов с теми, кто, предлагая различные новые термины, пытается представить это явление как «взаимовыгодный для всех стран процесс», как и с теми российскими авторами, которые отождествляют «утечку умов» с «внутренним переходом людей из научной сферы в реальное производство, бизнес и социальную сферу», обозначая этот переход как «внутреннюю утечку умов». Особое внимание при этом уделяется интеллектуальной миграции между государствами Евразии, прежде всего внутри ЕАЭС.

Ключевые слова: безвозвратная миграция, возвратная интеллектуальная миграция, «утечка умов», миграционная политика, высококвалифицированные специалисты.

Vladimir A. Iontsev, Dr. Sc. (Econ.)^{*1},
Prof., Head of the Demography Department;

Natalia S. Zimova¹,

Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor;

Alexander A. Subbotin¹,

Master's student in Sociology (Master's programme «Social Demography»)

¹Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty),

Lomonosov Moscow State University,

Moscow (Russia).

*E-mail: vaiontsev@gmail.com

FEATURES OF «BRAIN DRAIN» IN RUSSIA AND NEIGHBORING STATES OF THE EURASIAN SPACE

(the study was conducted with support from RFBR, grant № 16–06–00048а)

The article considers the features of modern understanding of «brain drain», which is a highly topical issue for many countries, from theoretical and methodological points of view. The authors express a fundamental disagreement with those who propose various new terms, thus trying to present this phenomenon as a «mutually beneficial process for all countries», as well as with those Russian authors who identify «brain drain» with «internal transition of people from scientific sphere to real production, business and social sphere» indicating this transition as «internal brain drain». Particular attention is paid to intellectual migration between Eurasian states, primarily within the Eurasian Economic Union.

Keywords: non-return migration, return intellectual migration, «brain drain», migration policy, highly skilled specialists.

Введение

В этом году мировое сообщество отмечает своеобразный юбилей — 55-летие международной научной и политической полемики по проблемам безвозвратной миграции высококвалифицированных специалистов, которая с легкой руки английских журналистов, обеспокоенных массовым оттоком своих ученых и инженеров в США, в начале 60-х годов XX столетия была обозначена как «утечка мозгов» (*brain drain*). В нашей стране этот термин был переведен как «утечка умов», «похищение умов», «сманивание умов». Проблема «утечки умов» не нова, ее первые важные характерные черты формируются уже в конце XVII — начале XVIII веков, когда Петр I начинает проводить целенаправленную политику по привлечению в Россию высококвалифицированных специалистов. В начале XX века на это явление обратил особое внимание В.И. Ленин, который в своей очень насыщенной по содержанию работе «Капитализм и иммиграция рабочих» делает интересный вывод о том, что «Россия все более отстает, отдавая за границе часть лучших своих рабочих; Америка все быстрее идет вперед, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население». Написано в 1913 г., но данную закономерность в еще большей степени можно отнести ко дню сегодняшнему, причем, не только применительно к России, но и ко многим другим странам, все более отстающим от развитых государств мира в своем развитии, чему в немалой степени способствует, в частности, отток из них высококвалифицированных специалистов.

При этом необходимо обратить внимание на то, что в середине 1960-х гг., когда в США был принят новый иммиграционный закон, заменивший систему квот системой преференций, политика привлечения чужих умов была возведена в ранг государственной политики, в орбиту которой попали все страны. И именно с этого времени менее развитые и развивающиеся государства всего мира становятся главными объектами политики развитых стран по привлечению их специалистов.

Однако актуальность и значимость «утечки умов» для современного развития любого государства неизмеримо возросла. Вместе с тем само понимание этого явления остается весьма различным и противоречивым, и компромисс по многим методологическим аспектам не достигнут до сих пор, несмотря на то, что масштабы безвозвратной миграции высококвалифицированных специалистов приняли глобальный характер.

Теория и методология исследования

С теоретической точки зрения особый интерес применительно к «утечке умов» представляют теория человеческого капитала (Л.А. Сжаастад, 1962 г.), теория «притягивающих и выталкивающих» факторов миграции (Е. Ли, 1966 г.) и концепции демографического перехода (Ван де Каа, 1987; Д. Коулмэн, 2006; В.А. Ионцев, 2010).

Надо подчеркнуть, что демографический фактор приобретает особую значимость с точки зрения воспроизводства высококвалифицированного человеческого капитала, что собственно и становится одной из современных особенностей «утечки умов» и о чем мы чуть подробнее скажем в разделе «Результаты исследования».

Что касается теории человеческого капитала, то она получила развитие в рамках неоклассической теории с выходом на микроуровень. Миграции рассматриваются на этом уровне как инвестиции в «человеческий капитал», направленные на повышение уровня образования, доходов, перехода на более высокий социальный уровень и т.д. И миграция высококвалифицированных специалистов может как обогащать совокупный человеческий капитал в принимающей стране, так и обеднять его в стране-выезда¹.

¹ См. подробнее: Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. — 2015. — № 3. — С. 89-102.

Применительно к теории «pull-push» миграция зачастую рассматривается как функция относительной привлекательности стран выезда и въезда, а наличие препятствий, возрастающих с увеличением расстояния между этими странами, в качестве ограничения миграционных потоков. При этом в странах эмиграции, как правило, выделяется роль «выталкивающих факторов», которые рассматриваются как определяющие в миграционном движении, в странах-иммиграции, наоборот, подобная роль отводится «привлекающим» факторам. Можно утверждать, что, говоря об «утечке умов», именно последние, обусловленные, прежде всего, политикой привлечения, являются главенствующими и определяющими, примером чему могут быть многочисленные случаи, когда специалисты, на свой страх и риск самостоятельно эмигрировав в США, Израиль и другие страны, не могли найти работу, соответствующую их высокому уровню квалификации².

В наших исследованиях мы пришли к тому пониманию, что «утечка умов» это «безвозвратная миграция высококвалифицированных специалистов, включая потенциальных специалистов (студентов, аспирантов, стажеров), в отношении которых странами иммиграции проводится целенаправленная политика по их привлечению» [2; 4].

Давая такое определение, надо сделать несколько важных методологических разъяснений. Прежде всего, следует уточнить понятие «умы» (или «высококвалифицированные специалисты»). Очень часто в это понятие включают только тех, кто получил высшее образование, имеет ученую степень и работает в научно-исследовательской и преподавательской сфере.

Несомненно, это очень важная категория специалистов, учитывая, что мировое сообщество выходит на совершенно новый, высокотехнологический уровень развития.

Но, *во-первых*, вот уже более 30 лет в высшей школе развитых стран усилилась тенденция к росту выпускаемых «посредственных» специалистов. Ярким примером этому в 1983 г. стал федеральный доклад «Нация на грани риска. Необходимость реформы образования», Национальной Комиссии США по качеству образования, в котором буквально было сказано следующее: «уже с 1980-х годов система образования США работает всё менее эффективно, а образовательные основы американского общества подтачивает волна посредственности, которая угрожает будущему нации и страны в целом»³.

Нечто подобное наглядно стало проявляться и в России в последние 25 лет: например, число лиц с высшим образованием значительно возросло (особенно в области экономики и правоведения), а количество высококвалифицированных специалистов (особенно в технической области) снизилось, чему несомненно способствует насаждение в России американской системы «бакалавров–магистров» с ее «псевдокомпетенциями», «платностью образования» и так называемым менеджризмом.

Во-вторых, для современного развития не меньшую ценность сохраняют высококвалифицированные специалисты среднего звена. Так, для многих развитых стран большую значимость имеет привлечение не столько врачей, сколько медсестер высокой квалификации. Это замечание весьма существенно, так как, скажем, оценки Всемирного Банка показывают, что, несмотря на общее преобладание лиц с высшим образованием, к примеру, в Латинской Америке, специалисты «среднего звена» имеют в миграционных потоках достаточно большой вес [9].

Более четкое и объемное определение состава категории «высококвалифицированные мигранты» оказывается важным ещё и в аспекте дифференциации факторов, опреде-

² См., напр.: В. Лобас. Желтые короли. Записки нью-йоркского таксиста. — М.: Информкультура, 1991. В этой книге описывается судьба нашего физика, эмигрировавшего из бывшего СССР в США и вынужденного работать в Нью-Йорке таксистом и впоследствии занявшегося литературным трудом.

³ 'A Nation at Risk. The Imperative for Educational Reform' // Report of the National Commission on Excellence in Education, 1983.

ляющих масштабы «утечки умов». Как отмечает, к примеру, Р. Эпплеард, возможно выделение пяти составляющих понятия «высококвалифицированные мигранты»: старший управленческий персонал; инженеры и техники; ученые; предприниматели; студенты [7]. К этому списку мы бы добавили людей творческих специальностей (писателей, художников, артистов и др.), способных значительно влиять на формирование мировоззрения населения, особенно молодежи. Если учитывать все эти группы специалистов, то их численность будет измеряться не тысячами (как чаще всего и происходит), а десятками и, возможно, сотнями тысяч человек.

Еще более значимым при определении «утечки умов» является то, что речь идет о «безвозвратной миграции». Конечно определенная условность между «безвозвратной» и «возвратной» (временной) миграцией имеет место, но тем не менее данное разделение представляется нам очень важным, особенно с точки зрения соотношения таких понятий как «утечка умов» и «интеллектуальная миграция». Последняя имеет ярко выраженный «возвратный» или «временный» характер, представляя собой сугубо положительное явление, развитие которого может стать локомотивом современного поступательного развития мира.

И наконец, *третий важнейший признак* «утечки умов» заключается в том, что для привлечения (сманивания, похищения) высококвалифицированных специалистов странами иммиграции проводится целенаправленная миграционная политика, которая с середины 60-х годов XX в. принимает государственный характер.

Если рассматривать в отдельности каждый критерий нашего определения, нельзя отрицать существование ряда альтернативных концепций, вкладывающих несколько иной смысл в понимание «утечки умов». К примеру, отличным от нашей трактовки «утечки умов» как *межгосударственной безвозвратной миграции квалифицированных кадров* является включение в это понятие так называемой «межсекторальной мобильности», или «внутренней утечки умов», объектом внимания которой становится перелив специалистов из научно-исследовательской среды в бизнес и предпринимательство [5]. Согласно данной точке зрения, анализируя «утечку умов», стоит особо акцентировать внимание на трансформациях на внутреннем рынке труда, где происходит или возможен в силу ряда предпосылок «массовый уход персонала из НИИ, КБ и лабораторий в коммерческие структуры, государственный аппарат и другие отрасли» [6]. Так, по некоторым оценкам, до 30% (а в некоторых регионах и до 50%) кадрового научного потенциала России в начале 1990-х гг. осуществило свой выбор в пользу коммерческих структур [1]. Между тем, массовый переход работников науки и культуры в коммерцию и бизнес, фактически означающий отказ от подлинно научной деятельности, является в большей степени явлением, порожденным структурными сдвигами в экономике и несовершенствами национального рынка труда, тогда как межгосударственная миграция представляет собой закономерный процесс, обусловленный, в частности, поиском лучших условий для реализации научных и исследовательских проектов [3]. Кроме того, в случае «внутренней утечки умов» имеют место только потери невещественного характера (растрата научного потенциала, снижение престижа научного труда в обществе, нарушение преемственности и т.д.), тогда как прямые потери от недопроизводства национального продукта нивелируются приложением труда в другой сфере деятельности.

В связи с появлением в России понятия «внутренняя утечка умов» хотелось бы подчеркнуть, что, если в 1990-е гг. это еще можно было как-то попытаться объяснить, то его использование отдельными авторами в настоящее время вызывает не только удивление, но и свидетельствует о том, что эти авторы так и не поняли, что такое «утечка умов» и что вообще представляет из себя такое сложное и многообразное явление как международная миграция населения, с которой неразрывно связана «brain drain». А между тем часть

из них, обремененных докторскими степенями⁴, распространяя столь искаженную информацию, наносят огромный вред стране. Жаль, если они этого не понимают, хуже, если делается умышленно, как это происходит на Западе, где подобных терминов больше.

Так, с чисто российским понятием «внутренняя утечка умов», которое грубо искажает истинный смысл «утечки умов», соотносится понятие «растрата умов» («*brain waste*»), под которой подразумевается проблема неиспользования рабочей силы или ее растрата внутри страны [13].

Безусловно, за прошедшие годы многое изменилось в мире, в том числе и в области международной миграции и такой ее разновидности, как «утечка умов». Но не изменились, на наш взгляд, ее негативные последствия для развития многих развивающихся стран, как и для России и других постсоветских государств, ставших основными поставщиками «своих талантов» в развитые страны Запада.

Отсюда появление таких его определений, как «обратная передача технологий», «приток умов» [11], «интеллектуальная миграция», «модель диаспор» [8] и др. Не случайно и то, что важнейший признак «утечки умов», а именно её безвозвратность, также искажается. Например, Хадриа пытается доказать, что «различие между безвозвратной и временной миграцией утратило своё значение» [10]. А если это так, то «утечка умов» есть ничто иное, как любая миграция специалистов или, как мы писали выше, интеллектуальная миграция, что, на наш взгляд, в корне неверно. Все упомянутые термины различаются между собой, главным образом, по характеру последствий и интенсивности передвижений, которыми их авторы пытаются представить «утечку умов» как взаимовыгодное явление⁵.

Результаты исследования

Говоря о современных особенностях «утечки умов» и ее негативных последствиях для стран эмиграции, необходимо обратить внимание на роль демографического фактора, особенно для тех стран, где имеет место демографический кризис. Как показало наше исследование, в России, где уже с конца 1980-х гг. прошлого столетия наблюдается такое явление, как демографический кризис, ситуация с «утечкой умов» еще только усугубляется. Даже при сокращении масштабов этого явления негативные последствия усиливаются в связи с демографическими негативными изменениями. В первую очередь, качественными изменениями. Которые, собственно говоря, и характеризуют такое понятие как демографический кризис. Естественная убыль, которая также является характеристикой демографического кризиса, наблюдается в стране уже в течение более 20 лет. Что, в свою очередь, ведет, по сути, к уменьшению воспроизводства высококвалифицированного человеческого капитала. А стоит учитывать, что одновременно происходят и качественные негативные изменения, связанные, в частности, с подготовкой (о чем шла речь выше).

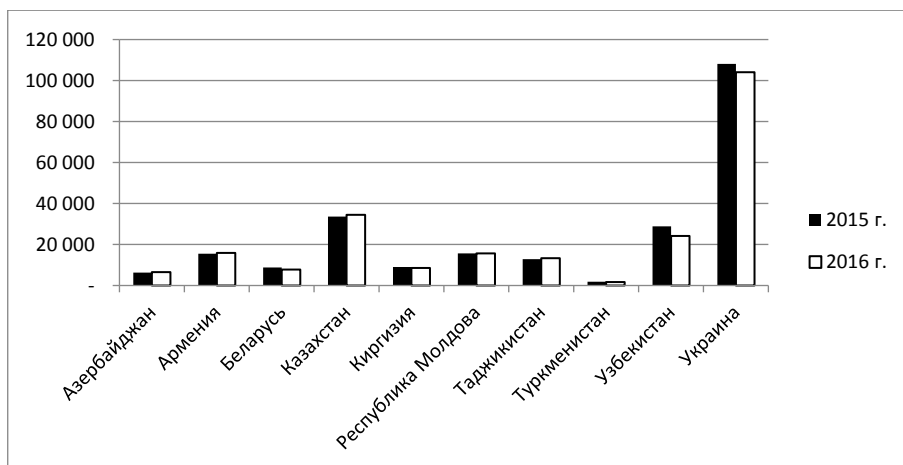
Вторая особенность, на которую также хотелось бы обратить внимание, связана с тем, что, начиная с 2010 г., в миграционной политике России, появляется отдельное направление, связанное с привлечением высококвалифицированных специалистов в Россию. Но с этой особенностью связан один очень важный вопрос с точки зрения равноправных взаимоотношений со странами Евразийского пространства. То, что наблюдается в настоящее

---

4 См., напр.: Дежина И.Г. «Утечка умов» из России: мифы и реальность // Демоскоп Weekly. — 2002. — № 59-60. 18-31 марта 2002; Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? Проблема утечки умов. — Изд. 2-е. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009; Ивахнюк И.В. Миграция в России: экономические аспекты: Учеб.-метод. материалы. — М.: Спецкнига, 2015; Малаха И.А. Предисловие ко второму изданию. Предисловие // «Утечка умов» — масштабы, причины, последствия. — М.: ЛИБРОКО. 2016. — С. 5-12.

⁵ См. подробнее: Ионцев В. А., Могилат А. (2010) Современная «утечка умов»: взаимовыгодный обмен специалистами высокой квалификации или процесс, увеличивающий неравенство между странами? // Детерминанты современной международной миграции населения. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / Гл. ред. Ионцев В.А. — Вып. 23. — М.: МАКС Пресс. — С. 64-93.

время, не может не беспокоить, исходя из геополитических и дружественных отношений с этими странами. Если мы будем продолжать политику сманивания высококвалифицированных специалистов, включая потенциальных специалистов (студентов, аспирантов и частично трудовых мигрантов), то в конечном счете это приведет к тому, что страны Центральной Азии будут обескровлены и в конечном счете станут легкой добычей со стороны западных держав и Турции, что собственно частично уже и происходит.

Источник: Росстат. Данные на сентябрь 2017 года.

Рис. 1. Иммиграция квалифицированных специалистов в Россию, человек

Соответственно, говоря о миграции высококвалифицированных специалистов между Россией и странами Евразийского пространства, целесообразно поощрять временную интеллектуальную миграцию, которая будет взаимовыгодной для этих государств.

Создание ЕАЭС может благоприятствовать развитию не только трудовой миграции, но и временной миграции высококвалифицированных специалистов. Что касается стран дальнего зарубежья, то Россия должна проводить более активную политику по привлечению специалистов из этих государств. Речь, в частности, может идти и о наших бывших соотечественниках, которые ранее эмигрировали в страны дальнего зарубежья.

Заключение

Несмотря на многочисленные попытки представить «утечку умов» как взаимовыгодный процесс, по своей сути она остается крайне негативным процессом, препятствующим развитию стран поставщиков высококвалифицированных специалистов.

Политика стран иммиграции приобретает еще более ярко выраженный государственный характер по активизации привлечения чужих умов, играющих важнейшую роль в дальнейшем их развитии, особенно учитывая негативные демографические тенденции, которые имеют место в этих странах.

В условиях ухудшения системы подготовки высококвалифицированных кадров, а также нарастающего демографического кризиса, с одной стороны, усиливается зависимость развитых стран от привлечения «чужих умов», с другой стороны, для государств-поставщиков своих специалистов в этих условиях резко возрастает, даже при снижении масштабов «утечки умов», острота негативных последствий.

Реальным противовесом «утечке умов» может стать расширение объемов интеллектуальной миграции, которая приобретает в XXI веке еще большее значение для развития мира.

Литература

1. Валюков В.В. «Утечка умов» из России: проблемы и пути регулирования // Миграция специалистов России: причины, последствия, оценки. — М. 1994.
2. Ионцев В.А. Проблемы «утечки умов» из России (методологические аспекты изучения) // Вестник МГУ. Серия: Экономика. — 1996. — №5.
3. Ионцев В.А., Каменский А.Н. Россия и международная миграция населения // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». — Вып. 1. — М., 1998.
4. Ионцев В.А., Могилат А. Современная «утечка умов»: взаимовыгодный обмен специалистами высокой квалификации или процесс, увеличивающий неравенство между странами? // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». — Вып. 23. — М.: МАКС Пресс, 2010.
5. Малаха И.А. «Утечка умов» в странах Центральной и Восточной Европы: состояние, политика регулирования // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». — Вып. 1. — М., 1998.
6. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. (1999) «Утечка умов»: *масштаб, причины, последствия*. М.: Издательский дом УРСС, 1999.
7. Эпплеярд Р. (2002) Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире // *Мир в зеркале международной миграции*. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / Гл. ред. Ионцев В.А. — Вып. 10. — М.: МАКС Пресс, 2002. — С. 8-19.
8. Bhagwati J. (2004). In Defense of Globalization. — Oxford University Press.
9. Burns A., Mohapatra S. (2008). International Migration and Technological Progress // Migration and Development Brief 4. Development Prospects Group, Migration and Remittances Team. World Bank.
10. Khadria B. (2001). Shifting Paradigms of Globalization: The twenty first Century Transition towards Generics in Skilled Migration from India // International Migration, № 39.
11. Segal U. (2007). United States' Immigration // In: Migration and Development: Collection of papers of session chairs and key speakers of the International Conference "Migration and Development", Moscow, 13-15 September 2007: Scientific Series «International Migration of Population: Russia and the Contemporary World». Vol. 20. Moscow, BL Print (in Russian and in English).
12. Stalker P. (1995). The Work of Strangers: A Survey of International Labour Migration. Geneva. ILO.
13. Taran P., ed., (2009). Economic migration social cohesion and development: towards an integrated approach. Council of Europe Publishing, Strasbourg Cedex.

Воробьева Ольга Дмитриевна,

доктор экономических наук, профессор,

профессор кафедры демографии,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Россия. E-mail: 89166130069@mail.ru;

Топилин Анатолий Васильевич,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией демографии,

миграционной политики и регулирования рынка труда,

Всероссийская академия внешней торговли

Министерства экономического развития Российской Федерации,

Москва, Россия. E-mail: topilinav@mail.ru;

Максимова Анастасия Сергеевна,

кандидат экономических наук, научный сотрудник кафедры демографии,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Россия. E-mail: lubijzn@yandex.ru

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

В статье дан обзор существующих статистических наблюдений, позволяющих получить информацию о потоках трудовых мигрантов. Приведены данные о привлечении и использовании иностранной рабочей силы домохозяйствами для выполнения работ, определена потребность домохозяйств в иностранной рабочей силе, в том числе по видам работ. Рассмотрены страны выхода привлекаемых предпринимателями и домохозяйствами иностранных трудовых мигрантов.

Ключевые слова: статистика миграции, выборочные обследования, трудовая миграция, статистические источники, иностранная рабочая сила.

Olga D. Vorob'eva, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,

Professor of Demography Chair, Moscow State University,

Moscow, Russia. E-mail: 89166130069@mail.ru;

Anatoliy V. Topilin, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,

Head of the Laboratory, Russian Foreign Trade Academy,

Ministry of Economic Development of the Russian Federation,

Moscow, Russia. E-mail: topilinav@mail.ru;

Anastasiya S. Maksimova,

Cand. Sc. (Sociology), Demography Chair,

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia. E-mail: lubijzn@yandex.ru

STATISTICAL SUPPORT OF LABOR MIGRATION REGULATION: THE PRESENT AND THE FUTURE

The article provides an overview of the existing statistical surveys which allow to get information about labor migrants. It's shown the data on attracting and using foreign labor by the households. The households need in foreign labor is identified, also by types of work. It's considered the countries of output of foreign labor migrants attracted by entrepreneurs and households.

Keywords: migration statistic, sample survey, labor migration, statistical sources, foreign labor force.

Международная трудовая миграция — одна из главных примет современного развития миграционных процессов. О масштабности и глобальном характере обмена между странами и использовании иностранных трудовых ресурсов говорят и пишут исследователи миграционных процессов во всем мире. Давление предложения рабочей силы на национальный рынок труда со стороны иностранных граждан и радует, и пугает одновременно. Есть дополнительные ресурсы труда — значит, есть возможности развития экономики. Однако конкуренция между национальными работниками и иностранцами, снижение размеров оплаты труда, безработица среди местного населения — это явления, которые требуют разработки и реализации мер по защите национального рынка труда от избыточной рабочей силы в интересах постоянного населения, роста заработной платы, снижения безработицы, внедрения технологически новых производств и приемов труда. Но где и от кого надо защищать на национальном рынке труда? Хорошо ли на федеральном и региональном уровне в России известны масштабы привлечения и использования иностранной рабочей силы? Содержит ли административная статистика и другие статистические наблюдения достаточную, полную, актуальную информацию, на основе которой можно вырабатывать управленческие решения? Эксперты единодушно утверждают, что нет.

Убедиться в этом можно, проведя обзор существующих статистических наблюдений трудовой миграции в России, оценив их качество (табл. 1). Кроме того, необходимо сделать краткий обзор наиболее широко и удачно применяемых в мире методик статистического наблюдения.

Таблица 1

Источники информации о трудовой миграции в России

1. Административные источники	
Метод статистического наблюдения	Административный орган
• регистрация иностранцев при въезде с целью работы, иммиграционная карта.	Пограничная служба ФСБ РФ ГУВМ МВД России (здесь и далее, до 2016 г. ФМС России)
• информация, получаемая при выдаче виз и приглашений на въезд с целью работа.	МИД России
• данные о регистрации по месту пребывания или жительства (если указана цель — работа).	ГУВМ МВД России
• информация, получаемая при выдаче разрешений на работу и оформлении патентов	ГУВМ МВД России
• отчеты и уведомления работодателей о найме ИПС (в формах 1-П, уведомлениях)	Росстат, ГУВМ МВД России
• балансы трудовых ресурсов	Росстат
2. Переписи населения, обследования	
Метод статистического наблюдения	Административный орган
• данные об иностранцах постоянно проживающих и/или временно пребывающих в стране с целью «работа»	ГУВМ МВД России, Росстат
• данные о гражданах РФ, работающих за пределами субъекта обычного проживания	Перепись, Росстат. Обследование населения по проблемам занятости (ОНПЗ) С 2016 года — Обследование рабочей силы (ОРС).
• иностранные граждане, привлекавшиеся для выполнения различных работ в домохозяйствах	ОНПЗ или ОРС Росстат
• численность внутренних трудовых мигрантов	Перепись, Росстат. ОНПЗ или ОРС. Комплексное обследование условий жизни.
• факторы и причины трудовой миграции.	Исследовательские, социологические центры, организации. Росстат.

Источник: составлено авторами.

Какая же статистическая информация характеризует сегодня в России процессы трудовой миграции, в том числе внешней, каковы её источники?

С 1990-х гг. и до 2014 г. в исследованиях привлечения и использования ИРС опирались на данные, содержащиеся в формах государственной отчетности, в которых главными параметрами были численность, демографические характеристики иностранной рабочей силы, информация о странах выезда и использовании ИРС в разрезе видов экономической деятельности.

Собиралась такого рода информация на основании разрешений на привлечение и использование иностранных работников на территории России. Достаточно длительный период эти данные были сопоставимы как в динамике, так и в региональном аспекте. С изменениями, которые произошли в 2010 г., легальная занятость ИРС распространилась на работников, оформляющих патент в качестве разрешения на работу в России. Были отменены и формы статистической отчетности.

Основным источником информации стала разработанная в ФМС России форма РД. Она содержит колоссальное количество показателей. Имеет две части, в каждой из которых различные характеристики отдельных аспектов деятельности ведомства. Достаточно сказать, что каждая часть представляет собой таблицу, содержащую около 2400 строк (т.е. 2400 показателей по 18 разделам). Причем все они приводятся не только в целом по России, но и в региональном разрезе. Огромная статистическая база. В этой базе, (1-РД часть 2, раздел 6) наряду с прочими характеристиками содержатся и данные об иностранной рабочей силе. Но именно этот раздел выглядит с точки зрения разнообразия характеристик ИРС, недостаточно подробно.

В качестве поставщиков информации в форме отчетности были указаны следующие подразделения ФМС России, МФЦ, портал Госуслуг, уполномоченные организации. Мы находим в этой отчетности о внешней трудовой миграции следующие данные (табл.2) на каждый отчетный и предшествующий ему годы.

Таблица 2

Показатели по внешней трудовой миграции, собираемые ФМС России, по форме 1-РД до 2016 года

Некоторые показатели из формы 1-РД (часть 2) Раздел 6. Внешняя трудовая миграция	2014 г.	2015 г.
Количество действительных разрешений на привлечение иностранных работников, имеющих у работодателей, человек	219941	152305
Действующие разрешения на конец отчетного периода	1097499	175857
Оформлено патентов, в том числе:	2379374	1779796
у юридических лиц		977162
у физических лиц		802634
Количество действительных переоформленных патентов, в том числе:	1996528	1561257
у юридических лиц		825848
у физических лиц		735409
Количество поступивших налоговых платежей за продление патента, шт.		1233595
Сумма поступившего налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа, тыс. руб.	17870409,5	33287187,36
Фактически выдано разрешений ВКС, прибывшим в визовом порядке	23257	29981
Фактически выдано разрешений ВКС, прибывшим в безвизовом порядке, из них:	1604	5176
с заработной платой не менее 2 млн. рублей		33956
с заработной платой не менее 1 млн. рублей		1197
Количество действительных разрешений на работу на конец отчетного периода	19344	28962
Трудовая деятельность ИГ, обучающихся в РФ по очной форме		2438

Некоторые показатели из формы 1-РД (часть 2) Раздел 6. Внешняя трудовая миграция	2014 г.	2015 г.
Получено уведомлений о заключении трудовых договоров ИГ из:		
Республики Казахстан		17914
Республики Беларусь		30160
Республики Армения		103060
Республики Киргизия		62254
Лицензии на предоставление услуг по трудоустройству граждан		89

Источник: Выборочное федеральное статистическое наблюдение труда мигрантов, 2014 [2].

Существуют данные о демографическом составе (распределение по полу, возрастные характеристики) по различным основаниям легализации (разрешения на работу, патенты). Источник всей этой информации — Федеральная миграционная служба России, которая в 2016 г. трансформировалась в Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ) МВД России. Эти используемые формы статистического наблюдения дают информацию о потоках трудовых мигрантов.

Для управления, регулирования, влияния на положение на рынках труда необходимы данные о контингентах международных трудовых мигрантов. Важными характеристиками являются демографическая структура, данные о профессиональных возможностях работников, о том, какими видами экономической деятельности они занимаются, в организациях каких форм собственности нашли рабочие места, сколько времени находятся на территории страны и многие другие.

Россия — не только страна, принимающая трудовых мигрантов, но и отдающая свои трудовые ресурсы. Поэтому важно и измерение трудовой эмиграции. В этом направлении возможности административных систем учета страны донора еще более ограничены. Поэтому для оценки российской эмиграции используется статистика принимающих стран (это всегда считалось хорошим методом, но в настоящее время, пожалуй, единственный источник для оценки эмиграции).

Изучая опыт зарубежных стран по сбору информации о трудовой миграции, становится очевидно, что лучшим методом считаются выборочные обследования.

Эти методы широко применяются странами «реципиентами», но также и странами — «донорами» рабочей силы. К основным подобным наблюдениям необходимо отнести [1; 3]:

- Обследование рабочей силы- LFS (страны ЕС, Филиппины, Канада и др.);
- Обследование пассажиропотока — IPS (Великобритания, Мексика и др.);
- Текущие обследования населения (в т.ч. демографические) — CPS (США, Мексика и др.);
- Интегрированное обследование домохозяйств — IHS (Болгария, Великобритания);
- Обследование профессиональной подготовки и квалификации (Франция, Мексика и др.);
- Лонгитюдные обследования — LSIC (Канада, Великобритания)
- Обследование доходов и расходов семей (бюджетов домохозяйств) — FIES (Филиппины, Польша и др.);
- Обследование уровня жизни LSMS (Таджикистан, Азербайджан и др.).

Проведенное в России в 4 квартале 2014 года выборочное обследование населения по занятости и безработице включило блок вопросов по внешней трудовой миграции, но по очень сокращенной программе. Согласно полученным сведениям, в течение 12 месяцев, предшествовавших опросу, около 3,7 миллиона иностранцев были привлечены для работы в частных домохозяйствах и около 930 тысяч — у предпринимателей (без учета лиц, не указавших страну гражданства) (табл. 3) [2].

Численность трудовых мигрантов, привлекавшихся домохозяйствами для выполнения работ, по видам работ

Сферы занятости трудовых мигрантов	Трудовые мигранты всего, тыс. человек	В том числе		В % к итогу		
		иностранные	российские	Трудовые мигранты всего	в том числе:	
					иностранные	российские
Всего,	4751,8	3739,7	1012,1	100	100	100
<i>в том числе:</i>						
Строительство, ремонт квартиры, дома, дачи, хозяйственных построек	3205,6	2577,6	628,0	67,5	68,9	62,0
Выращивание сельскохозяйственных культур, обработка земли, декоративное садоводство, животноводство, рыболовство	512,4	466,6	45,8	10,8	12,5	4,5
Уборка помещений, услуги домработницы	220,6	174,8	45,8	4,6	4,7	4,5
Транспортные услуги	381,2	229,4	151,8	8,0	6,1	15,0
Обеспечение безопасности, охрана	28,6	19,6	9,0	0,6	0,5	0,9
Услуги повара, официанта	22,1	16,1	6,1	0,5	0,4	0,6
Услуги няни, домашнего учителя, репетитора	106,5	41,8	64,6	2,2	1,1	6,4
Уход за престарелыми или больными членами семьи	84,3	65,2	19,2	1,8	1,7	1,9
Другие работы и услуги	190,4	148,7	41,7	4,0	4,0	4,1

Источник: Выборочное федеральное статистическое наблюдение труда мигрантов, 2014 [2].

Главная потребность в дополнительной рабочей силе, судя по данным обследования, в российских домохозяйствах ощущается при выполнении работ по строительству и ремонту домов, квартир, хозяйственных построек, ведению сельскохозяйственных работ. Причем, используются как силы иностранцев, так и внутренних российских мигрантов. Разработка данных в региональном разрезе позволяет судить о территориальном распределении привлекаемой дополнительной рабочей силы для помощи в домохозяйствах. Этот платежеспособный спрос со стороны частных домохозяйств позволяет перераспределять доходы населения, сокращая таким образом уровень бедности населения.

По данным о привлечении трудовых мигрантов предпринимателями видна отраслевая «специализация» рабочей силы из различных стран. Если более 60% привлеченных предпринимателями мигрантов — из Азербайджана, треть — из Узбекистана и треть — из Украины, были заняты в торговле, то рабочая сила из Таджикистана практически равномерно распределилась между строительством и торговлей. Таким образом, информация, полученная в ходе обследования в 2014 году, дает представление об отраслевом и территориальном распределении трудовой миграции как международной, так и внутренней (табл. 4).

Однако подготовленное масштабное обследование по анкете для нескольких категорий респондентов с различными блоками вопросов так и не было проведено. Необходимость разработки и проведения выборочных обследований для получения целостной картины о ситуации на региональных рынках труда, до сих пор ставится под сомнение, так как ответы членов домохозяйств не затрагивают сферу предпринимательской деятельности опрашиваемых. Но эту методологическую задачу необходимо решать для того, чтобы использование метода выборочного обследования дало требуемую информацию если не о масштабах и потоках трудовой миграции, то о демографических, профессиональных структурах рабочей силы и о структуре спроса на рынке труда, который удовлетворяется за счет иностранной рабочей силы.

Таблица 4.

Численность иностранных трудовых мигрантов, привлекавшихся домохозяйствами и предпринимателями для выполнения работ, по странам, гражданами которых являются мигранты

Страна	Иностранные трудовые мигранты, привлекавшиеся домохозяйствами, тыс. человек	В % к итогу	Иностранные трудовые мигранты, привлекавшиеся предпринимателями, тыс. человек	В % к итогу
Всего по странам	3739,7	100	939,3	100
<i>в том числе:</i>				
Государства — участники СНГ, всего	1404,9	91,0	851,1	90,6
<i>из них:</i>				
Азербайджан	132,9	3,6	105,8	11,3
Армения	124,7	3,3	61,1	6,5
Беларусь	308,6	8,3	33,0	3,5
Казахстан	130,8	3,5	27,9	3,0
Киргизия	109,7	2,9	55,2	5,9
Республика Молдова	323,6	8,7	77,5	8,2
Таджикистан	792,6	21,2	145,6	15,5
Узбекистан	1023,4	27,4	167,3	17,8
Украина	758,6	12,3	177,8	18,9
Страны дальнего зарубежья — всего	184,9	4,9	76,1	8,1
<i>из них:</i>				
Китай	79,5	2,1	56,3	6,0
Корея (КНДР)	31,3	0,8	6,3	0,7
Турция	1,1	0,0	...	...
Другие страны	73,0	2,0	13,5	1,4
Гражданство не определено	149,9	4,0	12,1	1,3

Источник: Выборочное обследование домохозяйств об использовании труда мигрантов, 2014 г.

Сегодня, к сожалению, единственным источником о контингентах трудовых мигрантов можно считать Баланс трудовых ресурсов.

В последние несколько лет в Балансах трудовых ресурсов появился показатель иностранные трудовые мигранты (ИТМ). Он приводится в региональном разрезе без разбивки по видам экономической деятельности. Эта цифра исходит из данных административного учета, предоставляемых до 2016 года ФМС России. Данные ресурсной части основаны на: разрешениях на работу (действующие на 4-й квартал года), оформленных патентах (на 4-ый квартал года), численности прибывших с целью работа (миграционные карты). Вторая часть баланса — занятость. Информация о полученных уведомлениях (у ФМС России), из формы 1П — численность ИРС. Но дальше — досчеты на уровне самого региона, пересчеты и т.д.

Судя по данным балансов, как ни странно это может прозвучать, основным балансирующим показателем, по существу, является в настоящее время использование иностранной рабочей силы или внешних трудовых мигрантов. На это указывают такие показатели как уровень безработицы и численность используемой иностранной рабочей силы в регионе (в БТР этот показатель называется иностранные рабочие мигранты — ИРМ). Если рассмотреть эти данные не в разрезе ФО, а более детально — в разрезе административно-территориальных единиц, то можно проследить очень тесную взаимосвязь между уровнем безработицы и нагрузкой ИРМ.

Максимальное присутствие ИРМ в расчете на 1000 человек занятых отмечается именно в регионах с относительно низким уровнем безработного населения или высоким уровнем занятости постоянного населения. И напротив, высокий уровень безработицы, как правило, сочетается с низким уровнем показателя ИТМ на 1000 занятого населения.

Таким образом, пока у нас нет надежных источников информации о контингенте трудовых мигрантов. И ими, по нашему мнению, должны стать выборочные обследования, в том числе обследования рабочей силы.

Литература и Интернет источники

1. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. Трудовая миграция: организация выборочных наблюдений (методологические подходы). — М.: Экон-Информ, 2015. — 83 с.
2. Выборочное федеральное статистическое наблюдение труда мигрантов. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (дата обращения 24.08.2017)
3. Чудиновских О.С. Обобщение мирового опыта по измерению трудовой миграции на основе выборочных обследований населения. Соглашение о Гранте NoTF 016781 от 15 апреля 2014 года, подписанного между Межгосударственным статистическим комитетом Содружества Независимых Государств и Всемирным Банком. — М.: Статкомитет СНГ, 2015. — 81 с.

Ивахнюк Ирина Валентиновна,

доктор экономических наук, эксперт Глобальной ассоциации экспертов по
миграционной политике (GMPA), Москва (Россия). E-mail: irina.ivakhnyuk@gmail.com;

Кузьмина Елена Михайловна,

кандидат политических наук, заведующая сектором Центра постсоветских исследований
Института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова,
Москва, Россия. E-mail: e_kuzmina07@mail.ru,

СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ВЫГОДЫ И РИСКИ

Принцип свободы передвижения трудовых ресурсов, реализованный в рамках Евразийского экономического союза сразу же наряду с другими свободами — движения товаров, финансов, услуг — отражает его важнейшее значение как фактора укрепления интеграционных связей на постсоветском пространстве. На нынешнем, начальном этапе провозглашенный принцип несет в себе как преимущества для стран-участниц и для Союза в целом, так и определенные риски. В статье отражены основные идеи и выводы аналитического доклада «Зачем нужен единый рынок труда в ЕАЭС?», подготовленного авторами по инициативе Центра изучения перспектив интеграции (ЦИПИ).¹

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; единый рынок труда; свобода перемещения трудовых ресурсов; трудовая миграция.

Irina V. Ivakhnyuk,

Dr. Sc. (Econ.), Expert of the Global Migration Policy Associates (GMPA),
Moscow (Russia). E-mail: irina.ivakhnyuk@gmail.com;

Elena M. Kuzmina,

Cand. Sc. (Politics), Head of the Department in the Center for Post-Soviet Studies,
Primakov Institute of the World Economy and International Relations, RAS,
Moscow (Russia). E-mail: e_kuzmina07@mail.ru

FREEDOM OF LABOUR MOVEMENTS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: BENEFITS AND RISKS

The principle of labour movements freedom, which has been declared within the frames of the Eurasian Economic Union (EAEU) immediately after its foundation equally with freedom of movement of goods, capitals and services, proves its crucial importance for economic and political integration in the post-Soviet region. The initial stage of realization of this principle carries both benefits and risks for the participating countries and the Union as a whole. The paper summarizes major ideas and conclusions of the analytical report "Why the EAEU needs the common labour market?" written by the authors for the Center for Integration Studies.²

Keywords: Eurasian Economic Union; common labour market; freedom of labour movements; labour migration.

© Ивахнюк И.В., Кузьмина Е.М. [текст], 2017.

¹ С полной версией доклада можно ознакомиться на сайте Центра изучения перспектив интеграции. — Режим доступа: http://perspectivecenter.org/publications/analytical/zachem_nuzhen_edinyy_rynok_truda_v_eaes/

² The full version of the report is available at the Center for Integration Studies site (in Russian): http://perspective-center.org/publications/analytical/zachem_nuzhen_edinyy_rynok_truda_v_eaes/

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее — ДЕАЭС) [1] законодательно оформил регулирование вопросов трудовой миграции на едином пространстве ЕАЭС, объединяющем Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию. Раздел XXVI ДЕАЭС устанавливает основные принципы единого рынка труда, права и обязанности трудящегося-мигранта, а также определяет основные направления сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в сфере трудовой миграции. В кратком изложении провозглашаемые ДЕАЭС принципы единого рынка труда включают:

- осуществление трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда;
- отмена необходимости получения разрешительных документов на трудоустройство;
- признание квалификационных дипломов и документов об образовании;
- освобождение от обязательства постановки на миграционный учет на 30 суток со дня въезда;
- освобождение от необходимости заполнения миграционной карты, если срок пребывания составляет меньше 30 суток;
- срок пребывания определяется сроком трудового договора;
- оказание содействия организованному набору трудящихся;
- равенство в социальном обеспечении (кроме пенсионного) с гражданами государства трудоустройства;
- право детей на посещение дошкольных и школьных учреждений наравне с гражданами государства трудоустройства;
- предоставление бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) трудящимся государств-членов и членам их семей, независимо от наличия медицинского страхового полиса.

В рамках Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) создан Департамент трудовой миграции и социальной защиты, который занимается унификацией документов в сфере социальной защиты трудовых мигрантов и членов их семей и разработкой проектов соответствующих подзаконных актов. Идет завершающий этап доработки документов по подписанию и реализации Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза.

На начальном этапе формирования единого рынка труда возможны ограничения и межстрановые различия в трудовых правах, социальных гарантиях, налогообложении и т.д. Именно это сейчас наблюдается в ЕАЭС, где единый рынок труда фактически находится в стадии становления. Статьей 97 ДЕАЭС предусмотрены некоторые ограничения, касающиеся трудоустройства граждан государств — членов ЕАЭС, а именно:

- исключения могут быть сделаны в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка в отношении осуществляемой трудящимися стран-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания;
- для трудоустройства в педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической сферах необходимо пройти установленную законодательством государства трудоустройства процедуру признания документов об образовании;
- право работодателя «в случае необходимости в целях верификации документов об образовании трудящихся государств-членов направлять вопросы, в том числе путем обращения к информационным базам данных, в образовательные организации, выдавшие документ об образовании»;
- при смене места трудоустройства мигранта с момента въезда должно пройти не менее 90 дней, поиск новой работы не должен затянуться более чем на 15 дней.

В нынешнем составе ЕАЭС включает как принимающие мигрантов страны (прежде всего это Россия и Казахстан), так и страны-доноры трудовых ресурсов (Кыргызстан, Армения, Беларусь и Казахстан). Россия представляет собой центр притяжения трудовых мигрантов из всех стран ЕАЭС; на нее приходится подавляющая доля миграционных потоков из этих государств. Казахстан выступает одновременно в роли принимающей страны (трудовых мигрантов из Кыргызстана) и страны происхождения мигрантов (выезжающих на заработки в Россию). Республика Беларусь, будучи страной, отдающей часть своих трудовых ресурсов России, одновременно предпринимает шаги по привлечению рабочей силы из других стран ЕАЭС.

Начальный этап становления единого рынка труда в рамках ЕАЭС происходит в условиях сложной экономической конъюнктуры в регионе.

Несмотря на это, есть основания говорить о том, что страны — участницы Союза уже почувствовали позитивные последствия свободного движения рабочей силы. Обеспечены возможности легального трудоустройства граждан на всей территории ЕАЭС в соответствии с имеющимися квалификациями. Повысилась конкурентоспособность граждан Армении и Кыргызстана при их трудоустройстве в России и Казахстане. Трудовые мигранты получили возможность медицинского обслуживания и других социальных льгот наравне с гражданами страны пребывания. В 2016 году возрос объем денежных переводов из России в другие страны ЕАЭС, в то время как в прочие страны СНГ он продолжал снижаться, что говорит об упрочившемся положении граждан государств — участников ЕАЭС на российском рынке труда.

На примере российского законодательства можно оценить преференции, которые имеют граждане стран — участниц ЕАЭС при трудоустройстве на российском рынке труда (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнение правил пребывания и трудоустройства
для трудовых мигрантов из стран СНГ и ЕАЭС в России**

Критерии	Трудовые мигранты из стран СНГ	Трудовые мигранты из стран ЕАЭС
Въезд	Без визы	Без визы
Разрешительные документы	Требуется (патент)	Не требуется
Адаптационный тест (язык, история, законодательство)	Требуется	Не требуется
Время для постановки на миграционный учет	7 дней после въезда	30 дней после въезда
Разрешенный период временного пребывания	Соответствует сроку действия патента (1 год)	Соответствует сроку трудового договора
Подтверждение квалификационных дипломов и сертификатов	Требуется	Не требуется
Подходящий налог	30% в первые полгода работы, после этого — 13%	13% с первого дня работы в России*
Социальные гарантии	В соответствии с условиями трудового договора	Равные с гражданами России**
Медицинское обеспечение	Обязательно приобретать полис добровольного медицинского страхования. Экстренная медицинская помощь предоставляется бесплатно	Бесплатное оформление полиса обязательного медицинского страхования

* При условии, что трудовой мигрант является налоговым резидентом, т.е. работает в России 183 дней и более. В противном случае ставка подоходного налога для него составляет 30%.

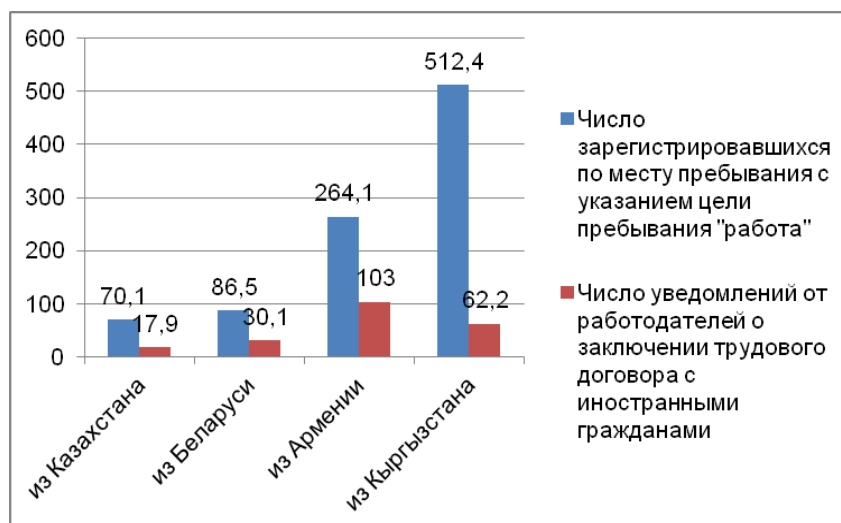
** Кроме пенсионного обеспечения.

Источник: Сайт Евразийской экономической комиссии.

Свобода передвижения рабочей силы и формирование единого рынка труда ЕАЭС отвечает национальным интересам участвующих стран и всего Союза в целом, поскольку она влечет за собой следующие важные с точки зрения повышения устойчивости экономического и социального развития процессы:

- выравнивание баланса объединенного рынка труда;
- сокращение теневого рынка труда;
- сокращение незаконной миграции;
- сокращение социальной напряженности;
- рост инвестиционной привлекательности стран ЕАЭС;
- в странах приема — рост налоговых поступлений;
- в странах выезда — рост денежных переводов.

Точно оценить численность трудовых мигрантов на пространстве ЕАЭС затруднительно. Например, в России статистика трудовой миграции основывается исключительно на количестве выданных иностранным гражданам разрешений на работу и патентов. Граждане стран ЕАЭС, освобожденные от необходимости получения этих документов, из миграционной статистики выпадают. Некоторое представление о числе въехавших трудовых мигрантов дают данные о количестве иностранных граждан, зарегистрировавшихся по месту пребывания и указавших целью своего пребывания работу. Среди этой категории мигрантов в 2015 г. было: граждан Армении — 264,1 тыс. человек, Беларуси — 86,5 тыс. человек, Казахстана — 70,1 тыс. человек, Кыргызстана — 512,4 тыс. человек. Для граждан Армении и Кыргызстана это означало существенный прирост по сравнению с 2014 г. (Армении — 35%, Кыргызстана — 38%). Однако сопоставление этих данных с числом уведомлений, полученных миграционными и налоговыми органами от работодателей о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами, свидетельствует о колоссальном разрыве (рис. 1).

Источник: Данные Федеральной миграционной службы России.

Рис. 1. Трудовые мигранты из стран ЕАЭС в России, 2015 г, тыс. человек

Это может означать, что либо подавляющее большинство трудовых мигрантов из стран ЕАЭС игнорируют трудовое законодательство России и трудоустраиваются без за-

ключения трудового договора, либо российские работодатели пренебрегают миграционным и налоговым законодательством и не направляют соответствующие уведомления. Данные статистики свидетельствуют, что не более четверти российских работодателей, нанимающих работников из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, присылают в соответствующие службы уведомления о найме иностранных работников, хотя закон предписывает им это делать в течение трех дней после подписания трудового договора [2]. И это при том, что штраф для российского работодателя за найм каждого незарегистрированного иностранного работника составляет до 800 тыс. руб., а работодатель, уличенный в нелегальном найме иностранных работников, может быть лишен права привлечения иностранной рабочей силы на срок в два года.

Как бы то ни было, очевидно, что ситуация с трудоустройством граждан стран ЕАЭС в России требует большего контроля. Именно поэтому в 2017 г. был предложен законопроект об усилении ответственности за работу без трудового договора.³

Свобода передвижения рабочей силы отнюдь не означает возможность стихийной миграции и бесконтрольного нерегистрируемого трудоустройства на территории всех стран — участниц интеграционного союза. Напротив, принцип свободы передвижения и трудоустройства создает стимулы для мигрантов и работодателей законным образом оформлять трудовые отношения в соответствии с законодательством страны пребывания и таким образом делает трудовую миграцию более упорядоченной, сокращая ее незаконный сегмент. Для мигрантов такими стимулами являются увеличение возможностей легального трудоустройства; облегчение процедур трудоустройства; обеспечение трудовых и социальных прав; легализация заработков, гарантирующая социальные льготы; реализация имеющихся образования и квалификаций; возможности профессионального обучения и карьерного роста. Для работодателей свобода передвижения рабочей силы означает облегчение доступа к дополнительным трудовым ресурсам; снижение затрат на привлечение иностранной рабочей силы; возможность более полного использования квалификационного потенциала иностранных работников.

Таким образом, принцип свободного передвижения рабочей силы становится важным фактором упорядочения и развития регионального рынка труда и серьезным аргументом против незаконной трудовой миграции, которая имеет значительные масштабы на постсоветском пространстве.

Статистика денежных переводов мигрантов, являющихся чутким индикатором динамики процессов трудовой миграции, уже сейчас позволяет говорить о разнице в тенденциях, характерных для стран ЕАЭС, в отличие от других государств СНГ. После существенного падения масштаба денежных переводов из России в 2015 г. (что объяснялось падением курса российского рубля по отношению к доллару США, в котором традиционно ведется статистика трансграничных денежных переводов, ухудшением экономической ситуации в России и связанным с этим сокращением числа работающих в России иностранных граждан), в странах — членах ЕАЭС уже в 2016 г. наблюдался прирост денежных переводов из России (кроме Армении). В то же время денежные переводы в прочие страны СНГ продолжали сокращаться и в 2016 г. (табл. 2).

---

³ В 2017 г. Министерство внутренних дел России внесло в Государственную Думу законопроект, ужесточающий ответственность трудовых мигрантов из стран — членов ЕАЭС за трудоустройство без заключения трудового договора. МВД предлагает внесение дополнений в Кодекс об административных правонарушениях РФ: штраф в размере от 2 до 5 тыс. рублей с административным выдворением за пределы России за отсутствие трудового договора или договора оказания услуг. Штрафы грозят и работодателям, нанимающим иностранных граждан из государств ЕАЭС, вплоть до приостановления деятельности предприятия на срок до 90 суток. Кроме того, МВД предлагает не допускать к трудовой деятельности иностранцев и лиц без гражданства, которые не указали в миграционной карте работу как цель въезда в Россию (исключение составят лишь граждане Беларуси, которые не оформляют миграционную карту).

Денежные переводы мигрантов из России в страны ЕАЭС и СНГ,
2014-2016 гг., млн. долл. США

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Страны — члены ЕАЭС	4567	3068	3276
<i>в том числе:</i>			
Кыргызстан	2 062	1 383	1 743
Армения	1 551	941	711
Казахстан	577	514	559
Беларусь	377	230	263
Прочие страны СНГ	14486	7990	6854
<i>в том числе:</i>			
Узбекистан	5 653	3 059	2 741
Таджикистан	3 854	2 220	1 929
Украина	2 400	1 252	1 003
Азербайджан	1 310	826	739
Молдова	1 238	617	434
Туркменистан	31	16	8

Источник: Данные Центрального банка России: «Трансграничные переводы, осуществляемые физическими лицами через системы денежных переводов». URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs>

Данные за I квартал 2017 г., по сравнению с тем же периодом 2016 г. еще более очевидны: объем денежных переводов из России в Кыргызстан возрос за год на 34%, в Армению — на 35%, в Казахстан — на 48%, в Беларусь — на 45 %⁴. Это является косвенным показателем увеличения числа трудовых мигрантов из этих государств и их упрочившегося положения на российском рынке труда

Несомненным преимуществом единого рынка труда является равенство трудовых и социальных прав трудящихся–мигрантов и национальных работников. Это снижает риск дискриминации и эксплуатации иностранных работников, а значит, обеспечивает им условия для интеграции в рынок труда принимающей страны и социально-культурной адаптации в принимающий социум. Реализация принципа равной оплаты за равный труд соответствует интересам как трудовых мигрантов, так и национальных работников, поскольку снижает риск демпинга заработной платы и формирует отношение к иностранным работникам не как к дешевой рабочей силе, а как к источнику восполнения дефицита на национальном рынке труда.

Помимо очевидных преимуществ, которые несет с собой реализация принципа свободы перемещения трудовых ресурсов для стран — участниц ЕАЭС и Союза в целом, выявились определенные проблемы и риски, которые отчасти являются «болезнями роста», сопровождающими начальный этап любых новых начинаний, но не будучи преодолены в самом начале, рискуют приобрести хронический характер и дискредитировать идею единого рынка труда ЕАЭС. *Во-первых*, это тот факт, что значительное число трудовых мигрантов из Армении и особенно из Кыргызстана, пользуясь свободой въезда и пребывания в России и Казахстане, не оформляют трудовых договоров с работодателем, тем самым нарушая трудовое законодательство страны трудоустройства. *Во-вторых*, не до конца реализуется принцип равенства трудовых и социальных прав граждан и мигрантов. *В-третьих*, не получила развития официальная инфраструктура содействия трудовой

⁴ Статистика внешнего сектора // Сайт Центрального банка Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs>

миграции, которая обеспечила бы мигрантов и работодателей необходимой информацией о возможностях и условиях трудоустройства, об изменениях законодательства, об основных правах и обязанностях трудовых мигрантов в стране трудоустройства, об ответственности работодателей, нанимающих иностранную рабочую силу, о предотвращении рисков нелегальной занятости, использования поддельных документов, неуплаты налогов и т.д. В-четвертых, наблюдается несоответствие профессиональной и языковой подготовки мигрантов в странах происхождения требованиям российских и казахстанских работодателей. Обследования по России, например, показывают, что из числа имеющих специальность иностранных работников почти половина работают не в соответствии с ней.

Важным условием преодоления этих проблем и реализации потенциальных преимуществ единого рынка труда является соблюдение норм Договора о ЕАЭС в части регулирования трудовой миграции и устранение противоречий между положениями ДЕАЭС и положениями национальных миграционных законодательств принимающих стран в части получения гражданами государств-участников правового статуса в период их пребывания и трудоустройства в этих странах. Для этого необходимо обеспечить взаимную гармонизацию национальных законодательств государств — участников ЕАЭС в сфере администрирования трудоустройства, а также социального, в том числе пенсионного, обеспечения. Важным направлением развития идеи единого рынка труда в рамках ЕАЭС является развитие официальной инфраструктуры содействия трудовой миграции как в принимающих мигрантов странах, так и в странах выезда с целью совершенствования информационно-разъяснительной работы среди мигрантов и работодателей, содействия мигрантам в трудоустройстве и адаптации на рынке труда, повышения их правовой грамотности и соответственно — вытеснения из этой сферы теневых посредников. Необходимой и срочной мерой является создание в рамках ЕЭК системы межгосударственного мониторинга социально-трудовой сферы в странах — участницах ЕАЭС с целью выявления соответствия существующего формата обеспечения трудовых и социальных прав трудовых мигрантов положениям Договора о Евразийском экономическом союзе и реального равенства прав трудовых мигрантов и граждан страны трудоустройства. В этом контексте для совершенствования информационно-аналитического обеспечения мониторинга деятельности ЕАЭС необходимо расширить систему статистического наблюдения за трудовыми мигрантами, внедрению в статистическую практику системы обследований в сфере международной трудовой миграции. В национальную статистическую практику следует внедрить систему ежегодных обследований потоков внешней трудовой миграции. В общенациональные выборочные обследования занятости и бюджетов домохозяйств целесообразно включить специальные блоки вопросов по миграции.

Литература и Интернет источники

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. 8 мая 2015 г.) // КонсультантПлюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
2. Покида А.Н. «Теневой» рынок труда: состояние и особенности формирования. Результаты социологического опроса Центра социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС, май 2016 года. — Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/News/2016-06/09-06-2016-pokida-opros.pdf>

Осадчая Галина Ивановна,

доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе
Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН),
руководитель объединенного центра исследований социальных и социально-политических
процессов евразийской интеграции ИСПИ РАН,
Москва, Россия, E-mail: osadchaya111@gmail.com

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА НА МОСКОВСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

(Исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 16-03-00841/17)

В статье показано, что трудовая мобильность граждан государств-членов ЕАЭС соответствует потребностям и особенностям московского рынка труда, обеспечивает замещение наименее востребованных москвичами рабочих мест, не вытесняя их с рынка. Новый правовой статус, который получили представители стран — участниц союза, способствовал в условиях кризиса поддержке трудовой мобильности и изменению структуры в пользу работников из государств — членов ЕАЭС. Траектории горизонтальной профессионально-отраслевой мобильности большинства граждан стран — членов и снижение профессионально-должностного статуса каждого 3 мигранта после переезда в Москву, определяют профессиональный профиль мигрантов. Выявлено, что эмоционально-оценочная реакция на изменение своего статуса на московском рынке труда позитивна более, чем у 65% мигрантов, которые сумели здесь адаптироваться. Наиболее успешно вписались в московские реалии мигранты из Беларуси и Армении. Среди не адаптировавшихся мигрантов чаще маргинальные позиции в московском мегаполисе занимают приехавшие из Кыргызстана. На социальное самочувствие мигрантов влияет неприятное частью населения столицы трудовая мобильности. 35% мигрантов из государств-членов ЕАЭС во время своего пребывания в Москве ощущали дискомфорт, сталкивались с дискриминацией по национальному или этническому признаку. При этом, чем дальше культурная дистанция, тем менее желательны мигранты. На основе анализа проблем, с которыми наиболее часто сталкивались мигранты: поиск жилья, трудности в получении работы, плохие условия для повышения квалификации, профессионального роста, негативные стереотипы и предубеждения со стороны окружающих людей, обоснованы направления совершенствования миграционной и социальной политик Москвы.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, рынок труда, трудовая мобильность, повседневные практики, социальное самочувствие, адаптация.

Galina I. Osadchaya,

Dr. Sc. (Sociol.), Prof., Deputy Director for Research at the Institute for Socio-Political Research, RAS (ISPR RAS), Head of the joint center for studies of social and socio-political processes of Eurasian integration, ISPR RAS, Moscow, Russia, E-mail: osadchaya111@gmail.com

EVERYDAY PRACTICE OF MIGRANTS FROM THE EURASIAN ECONOMIC UNION AT THE MOSCOW LABOR MARKET: PROBLEMS OF ADAPTATION

(the study was conducted with the support of the, grant № 16-03-00841/17)

The article shows that the citizens' labour mobility of the EEU member States corresponds to the needs and the features of the Moscow labour market. It provides replacing workplaces less demanded by the Muscovites not being forced out of the market. The new legal status, which the representatives of the EEU countries received, in a crisis contributed to supporting labour mobility and changing the structure in favour of the workers from the EEU member States. The professional background of migrants is defined by a trajectory for the horizontal professional and industry mobility of member State citizens and a decrease in the professional status of every third migrant after coming to Moscow. It has been identified that more than 65 % of the migrants' emotional and appraisal reaction to the change of their status in the Moscow labour market is positive, they could adapt here. Belorussian and Armenian migrants are more successfully harmonized into the Moscow realities. Among not adapted migrants, who take marginal positions in the Moscow megapolis more frequently, are those who come from Kyrgyzstan. The negative attitude of the majority population from the Capital of labour mobility influences migrants' social well-being. 35% of the migrants from the EEU member States during their stay in Moscow felt discomfort and experienced discrimination for national and ethnic reason. The farther the cultural distance, the less migrants are desirable. Areas have been substantiated for improvement in the migration and social policy of Moscow based on the analysis of such problems as house hunting, difficulties to get a job, bad conditions for further training and professional growth, negative stereotypes and prejudices from other people, which migrants faced most of all.

Keywords: Eurasian Economic Union, labour market, labour mobility, everyday practices, social well-being, adaptation.

Переезд в Москву и работа в крупнейшей агломерации нового интеграционного общества связаны с преодолением мигрантами состояния культурного шока, восстановлением разрушенных устойчивых бессознательных сценариев поведения и реагирования, формированием новой идентичности, приемлемой как них, так и принимающего общества. Этим определяется значимость анализа в режиме мониторинга повседневных практик, условий адаптации к образу жизни большого города, социального самочувствия.

Стратегия трудовой мобильности мигрантов из стран Евразийского экономического союза связана с реальными потребностями московского рынка труда и условиями свободного движения рабочей силы, зафиксированными в Договоре о создании Евразийского экономического союза [1] и нормативных документах, регулирующих свободу движения рабочей силы [2. С.16], которые требуют при устройстве трудящихся на работу процедуры признания документов об образовании в сферах: педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической деятельности.

На общем фоне активизации трудовой мобильности выходцев из стран-доноров рабочей силы в Россию в 2016 году [3; 13], обусловленной улучшением ситуации в российской экономике, большинство мигрантов для осуществления трудовой деятельности выбирает Московскую агломерацию [4. С. 28], а новые условия трудовой мобильности на постсоветском пространстве привели к замещению трудовых мигрантов из стран, не вошедших в Евразийский союз, трудовыми мигрантами из государств — членов ЕАЭС.

Изменение структуры трудовой миграции в Москве подтверждается и статистикой денежных переводов, что дает основания утверждать, что членство в ЕАЭС оказалось оптимальной стратегией для стран-доноров рабочей силы [5].

Во многом разделение приезжих на мигрантов из ЕАЭС и вне евразийского блока определили издержки, связанные с получением трудового патента и его оплатой в течение года. Причины изменения структуры трудовой мобильности могут быть связаны и с тем, что работодатели, стали отдавать больше предпочтений мигрантам из этих стран, поскольку их трудоустройство связано с меньшими затратами, хотя и здесь остается множество проблем, ограничивающих свободу перемещения трудовых ресурсов и для работодателей, и для самих мигрантов.

К социально-психологическим факторам следует отнести хорошее знание относительным большинством мигрантов из этих стран русского языка. По их самооценке, полученной нами в ходе интервью, взятых у мигрантов в Москве, русским языком хорошо владеют 8 из 10 приезжих из Казахстана и Кыргызстана, 9 из 10 — из Армении и все из Беларуси.¹ Важным фактором является то, что население государств-членов ЕАЭС имеет общую историческую судьбу, многие — знакомых в России. По данным опроса россиян, у каждого четвертого из них есть родственники или друзья, проживающие в странах — участниках².

---

¹«Образ жизни мигрантов из государств — членов ЕАЭС в Москве». Опрос — личное формализованное интервью по 100 мигрантов из каждого государства — члена Евразийского экономического союза — проведен ИСПИ РАН в июне 2016 г. по гранту РФФИ (проект № 16-03-00841. Руководитель проекта Осадчая Г.И.). Отбор информантов осуществлялся методом снежного кома по одному признаку — мигранты из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, прибывшие в Москву после 2000 года.

²Исследование «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (руководитель Осадчая Г.И.) включает в себя общероссийские репрезентативные опросы россиян — личное формализованное интервью по месту жительства респондента, выборка многоступенчатая, территориальная, стратифицированная с применением квотного отбора на последней ступени. Объем выборки — 1500 интервью, статистическая ошибка: +2,5 %. Опросы проведены ИСПИ РАН в мае и октябре 2014 г., мае и октябре 2015 г., в феврале и ноябре 2016 г., апреле 2017 г.

Эти факторы наиболее выгодного применения труда и получения максимальной эффективности, поддерживаются общими принципами трудовой мобильности в рамках нового интеграционного пространства. Трудовые мигранты прибывают в Москву в безвизовом порядке, отсутствует таможенный контроль и квоты на работу.

Однако имеют место и психологические барьеры. Наши исследования показывают, что от 32,0 до 52% москвичей не поддерживают или скорее не поддерживают трудовую мобильность внутри Евразийского союза. При этом, чем дальше культурная дистанция, тем менее, по их мнению, желательны мигранты. Так, если трудовую миграцию из Беларуси поддерживает 60% опрошенных, то из Кыргызстана — 44%, а из Таджикистана — 39%. Наши исследования свидетельствуют о росте числа этнонетолерантных москвичей. Так, по оценке респондентов, в кругу их знакомых за последние 25-30 лет в 2,9 раза выросло число тех, кто плохо относится к людям других национальностей

Выступая против мобильности граждан государств союза, респонденты полагают, что привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности, повышению уровня преступности, создает угрозу безопасности, межнациональной и социальной напряженности.

На самом деле, в последние годы, по данным С. Собянина, криминальная активность среди иностранных граждан в Москве продолжает снижаться. Число совершенных ими преступлений в 2016 году уменьшилось на 17 процентов [7]

Большинство мигрантов из государств — членов Евразийского экономического Союза в столичном мегаполисе³ (6 и более из 10 информантов) — это миграционно активные молодые люди в возрасте до 40 лет (наибольшая доля среди них — в возрасте 25 — 34 года), чаще мужчины, сделавшие свой ответственный выбор в пользу работы в Москве в условиях кризисных ситуаций в своих странах и чаще всего ориентированные на материальное обеспечение жизни своих семей. 21,6% имеют среднее, 36,2% — среднее специальное и 35,3% высшее образование, 76,3% приехали в столицу из городов, 72,7% имели профессиональный опыт и 56,4% не планируют возвращение в страну исхода.

Подавляющее большинство информантов демонстрируют траектории горизонтальной профессионально-отраслевой мобильности. Опираясь на предыдущий опыт, они работают в тех же отраслях, что и в своей стране: в торговле, строительстве, на транспорте, замещая наименее востребованные москвичами вакансии, что типично для принимающих стран.

Однако 35% приехавших из государств — членов ЕАЭС считают, что работа в Москве не соответствует их знаниями, способностям и возможностям, среди информантов из Кыргызстана — 40,5%. Это может свидетельствовать о снижении профессионально-должностного статуса после переезда в Москву трети мигрантов.

Главные проблемы, с которыми мигранты столкнулись в Москве: проблемы с жильем и трудности в получении работы. Правда, они проявились с разной интенсивностью в каждой из групп и более остро среди мигрантов из Кыргызстана.

---

³ Исследование «Образ жизни мигрантов из государств-членов ЕАЭС в Москве». Опрос — личное формализованное интервью по 100 мигрантов из каждого государства — члена Евразийского экономического союза — проведен ИСПИ РАН в июне 2016 г. по гранту РФФИ (проект № 16-03-00841. Руководитель проекта Осадчая Г.И.). Отбор информантов осуществлялся методом снежного кома по одному признаку — мигранты из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, прибывшие в Москву после 2000 года.

«Социальное самочувствие приезжих из стран-членов ЕАЭС в Москве». Индивидуальное фокусированное интервью проведено в январе — феврале 2017 года. (Руководители проекта Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.). Опрошены 58 респондентов из Казахстана и 58 из Кыргызстана, отобранных методом снежного кома по одному признаку-приехавшие в Москву после 2000 года.

Наиболее сложным в условиях работы на московском рынке труда информантами признаются условия, созданные для них в организациях или на предприятиях для повышения квалификации, профессионального роста.

Главной ценностью, разделяемой большинством, является стремление создать крепкую семью, воспитать хороших детей. Они полагают, что наиболее востребованными обществом ценностями, позволяющими добиться успеха (по признаку «очень важно») являются: «Связи с «нужными» людьми», «Умение приспособиться» и «Деньги», что созвучно мнению москвичей.

Наше исследование свидетельствует о том, что мигранты из государств — членов ЕАЭС неоднородный слой и позволяет на основании ранжирования ответов на вопросы об удовлетворенности профессиональными, экономическими и социальными изменениями в их жизни после приезда в Москву выделить 2 группы мигрантов: адаптированные и неадаптированные.

Первую группу составляют более 65% информантов. Они удовлетворены своей работой в Москве, тем, как она оплачивается, состоянием своего здоровья, питанием, отношениями в семье, имеют полис обязательного медицинского страхования, у них сложились хорошие отношения с коллегами по работе.

Наиболее успешно вписались в московский рынок труда мигранты из Беларуси и Армении. К факторам такой успешности следует отнести обладание ими большим человеческим (более высокий уровень образования, лучшее знание русского языка), социальным капиталом (устоявшимися социальными связями в столице) и опытом мобильности в их обществах.

Во второй группе, насчитывающей чуть менее 35%, преобладают мигранты из Кыргызстана и Казахстана. Так, например, по главному показателю, являющимся своеобразным интегральным индикатором и критерием успешности «удовлетворенность работой в целом в Москве», ответили — «не удовлетворены или удовлетворены не в полной мере» по 25% мигрантов из Армении и Беларуси, 40% из Кыргызстана и 37% из Казахстана.

Чаще маргинальные позиции в московском мегаполисе занимают приехавшие из Кыргызстана. В этой социальной группе также больше, нежели в других группах тех, кто не удовлетворен оплатой труда, жилищными условиями. Одним из факторов такой неудовлетворенности может быть большее количество, по сравнению с мигрантами из других государств-членов ЕАЭС тех, кто «не оформляет трудовых отношений, не платит налоги, проживает в промзонах в условиях антисанитарии» [8]. Они хуже, по сравнению с мигрантами из других стран-членов, знают русский язык, имеют меньший опыт жизни и работы в большом городе. В этой группе информантов в 1,5-2 раза больше тех, кто живет и работает в Москве до 1 года и соответственно меньше тех, кто живет и работает более 4 лет. Здесь еще не сложились социальные сети, способные на первых порах оказать им поддержку, не эффективно действуют кыргызские диаспоры в России, они не переориентировали свою деятельность на адаптацию соотечественников в обществе принимающей страны.

Проведенное нами индивидуальное интервью представителей 2-х менее успешных групп на московском рынке труда позволяет дать характеристику субъективного восприятия себя мигрантами из Кыргызстана и Казахстана в столице России, уточнить мотивацию, цели и стратегии мобильности. В этом исследовании внимание информанта фокусировалось на проблеме, выявленной в ходе массового опроса. Информанту предлагалось дать свою интерпретацию той или иной ситуации. Это создало дополнительный ракурс для более глубокого понимания и объяснения смыслов и результатов их перемещения, дало возможность уточнить характеристики трудовой мобильности, замеренные в массовом опросе.

Как показал опрос, субъективный смысл трудовой мобильности большинства приехавших из Кыргызстана и Казахстана заключается не в стремлении к самореализации, а в желании закрыть экономическую брешь в семейном бюджете. Они демонстрируют модель поведения, которую можно назвать «выживание».

Так, из 58 информантов из Кыргызстана 16 (около трети) не удовлетворены своей работой. Суть 13 высказываний сводится к недостаточной оплате труда («платят гроши»), тяжелой, грязной работе, задержке заработной платы. Но 3 информанта отметили и другие причины неудовлетворенности работой. Приведем в качестве примера наиболее развернутый ответ.

Респондент (Р) — *мужчина, возраст 37 лет, родом из села Баетово, Кыргызстан, образование среднее, работает водителем маршрутки, уровень владения русским языком — разговорный, женат, 2 детей.*

Р.: *Работа меня не устраивает. Знаете, я водитель маршрутки и все думают, что это я всегда во всем виноват! Медленно едем, быстро едем, стоим, проезд дорогой, много народа в машине — кричи на водилу. Начальство недовольно, штрафуют, бензин приходится иногда на свои деньги покупать.... Разве так можно работать? Денег еле хватает на жизнь, но платят все равно больше, чем дома. Я почти все деньги отправляю жене в Баетов, они у меня там остались жить. У нас дом свой и хозяйство небольшое, я б работал там, на полях, но так я точно семью не прокормлю. Поэтому и работаю тут, терплю, делать нечего. Да ничего удивительного, город этот просто «нутый», простите. Это город, в котором можно себя только гробить — работай, работай, работай, работай и всё, ничего больше. Не то, что у нас в селе. Там и отдохнуть можно, и люди добрые. Да жить там приятнее, вот что!*

Неудовлетворенность работой в целом высказали 11 из 58 опрошенных мигрантов из Казахстана (менее пятой части) и также объяснили это низкой оплатой труда, сложной физической работой, «от которой устаешь». Но есть и особые мнения.

Респондент (Р) — *мужчина, 25 лет, Казахстан г. Астана, образование среднее, работает грузчиком, базовый уровень знания русского языка.*

Р- *Хотелось бы работу посерьезней. Меня кто угодно заменить может, и никто не вспомнит, что был тут такой вообще. Я же приехал образование получать, но вот не сложилось с поступлением, хочу накопить, но не получается пока. Всё на родину отправляю, им там сложно. Мужики, с кем работаю, намного старше, они говорят и не помнят уже, как там на родине. Привыкли, говорят, тут ко всему: и к деньгам, и к отношению.*

В ходе массового опроса мигрантов из стран — членов ЕАЭС и индивидуального интервью приезжих из Казахстана и Кыргызстана когнитивные суждения о социальном самочувствии в столице России были дополнены эмоциональными оценками отношений к событиям, людям.

У большинства опрошенных преобладает нормальное, ровное настроение, у каждого третьего — хорошее, оптимистичное. Но пятая часть опрошенных мигрантов из Казахстана и Кыргызстана в последнее время часто испытывает беспокойство, раздражение, страх, отчаяние, безысходность. Практически каждый третий — четвертый из 10 опрошенных мигрантов из государств-членов ЕАЭС во время своего пребывания в Москве ощущал дискомфорт, сталкивался с дискриминацией. Чаще это были мигранты из Казахстана и Кыргызстана.

По самооценкам опрошенных в рамках индивидуального интервью, дискомфорт во время пребывания в Москве испытывали из 58 опрошенных по каждой группе мигрантов — менее половины информантов (24 мигранта) из Казахстана и более половины (32) из Киргизии. В основном, он был связан с незнанием языка, сменой места жительства, боль-

шим, вечно бегущим городом, спецификой традиций коммуникации, плохой водой, необходимостью трудоустройства и поиска жилья, другой культурой, отсутствием друзей, тоской по дому и близким людям, проверками правоохранительных органов и косыми взглядами, недоброжелательным, недружелюбным, презрительным, высокомерным отношением москвичей, а иногда и поведением соплеменников.

Если говорить о дискриминации, то ее ощущали в столице 27 информантов (практически половина) приехавших из Казахстана и 32 (более половины) из Кыргызстана из 58 опрошенных по каждой группе мигрантов. Все ответы свидетельствуют об этнических причинах.

На социальное самочувствие мигрантов влияют коммуникативные процессы на бытовом и официальном уровне, присутствующие как явно, так и стихийно-латентно. И если, по общей оценке информантов, 39,5% москвичей встречает их дружелюбно, 42,7% — безразлично, и только 7,9% недружелюбно или даже враждебно, то отношение представителей власти в Москве к ним как недружелюбное и даже враждебное оценили в 2 раза больше информантов — 14,3%, а дружелюбно меньше — 28,6%. Особенно высока доля негативных оценок отношения к ним власти среди мигрантов из Кыргызстана (23,7%).

Думаю, в свете проведенного анализа не удивительно, что информанты из Беларуси ощущают себя гражданами мира (19,1%), ЕАЭС (17,3%), СССР (18,2%); Армении — гражданами своей страны (60%) и гражданами мира (20,9%), а каждый второй мигрант из Казахстана и Кыргызстана — гражданином своей страны, четвертый информант — мигрантом в чужой стране (24,5% и 25,5% соответственно).

Литература и Интернет источники

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.). — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ (Дата обращения 3 марта 2015)
2. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в евразийском экономическом союзе. ЕЭК. — М., 2016. — 62 с.
3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году (Статистический бюллетень). — М., 2015.
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году (Статистический бюллетень). — М., 2016.
5. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам. Министерство внутренних дел российской Федерации. — Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/> (Дата обращения 5.09.2017)
6. Трудовая миграция в ЕАЭС на начало 2016 года (доклад ЕАК) — Режим доступа: <http://evrazklub.ru/analitik/trudovaya-migratsiya-v-eaes-na-nachalo-2016-goda-doklad-eak.html> (Дата обращения 22.01.2017)
7. Преступность среди мигрантов в Москве сократилась. 08.11.2016 — Режим доступа: <http://www.m24.ru/articles/121431> (Дата обращения 29.02.2017)
8. Собянин прокомментировал ситуацию с мигрантами в Москве — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/moscow/538890> (Дата обращения 27.01.2017)

Погосян Геворк Арамович,

академик НАН РА, доктор социологических наук, профессор,
Директор Института философии, социологии и права НАН РА, Ереван, Армения,
E-mail: gevork@sci.am

АРМЯНСКАЯ МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС

В начале 2015 года Армения официально присоединилась и стала полноправным членом Евразийского экономического союза, и с этого времени, несмотря на сложный политический и экономический фон, в Армении реализуются интеграционные проекты, направленные на развитие и углубление сотрудничества между государствами Евразийского региона. В процессе интеграции вслед за товарными и финансовыми рынками постепенно втягивается и рынок труда, что помимо фактического передвижения людей через государственные границы подразумевает также свободное перемещение рабочей силы. Облегченный порядок трудовой миграции внутри ЕАЭС способствует оттоку трудовых ресурсов из Армении, что может осложнить и без того сложную демографическую ситуацию в стране. Однако следует отметить, что благодаря миграции происходит также увеличение денежных переводов в страну, рост уровня благосостояния населения. В этих условиях эффективным методом борьбы с депопуляцией представляется механический прирост населения за счет репатриации армян диаспоры и возврата мигрантов, легально или нелегально покинувших страну за последние десятилетия. Наряду с государственной системой стимулирования рождаемости и повышением эффективности системы здравоохранения, следует серьезно подумать о способах оптимизации миграции и стимулирования широкой репатриации.

Ключевые слова: экономическая интеграция, миграция, депопуляция, армянская диаспора, трудовые мигранты, репатриация, циркулярная миграция.

Gevork A. Pogosyan,

Dr. Sc. (Sociol.), Prof., Academician of the ANAS RA,
Director of the Institute Philosophy, Sociology and Law of the ANAS RA,
Yerevan, Armenia. E-mail: gevork@sci.am

ARMENIAN MIGRATION IN THE CONTEXT OF INTEGRATION IN THE EEU

In 2015 Armenia officially joined and became a full member of the Eurasian Economic Union (EEU). Since that time, in spite of the difficult political and economic background, the integration projects have been implemented in Armenia, aimed to developing and deepening cooperation between the states of the Eurasian region. In the process of integration together with the commodity and financial markets, the labor market is gradually drawn in. In addition to the actual movement of people across the national borders, it also implies the free movement of labor forces. The facilitation of labor migration within the EEU contributes to the outflow of labor resources from Armenia, which can complicate the already difficult demographic situation in the country. However, it should be noted that, because of migration, there is also an increase in remittances to the country and increase of the population's welfare level. In these conditions, an effective method of combating the country depopulation is a mechanical increase in the population due to the repatriation of Armenian Diaspora and returning the legal or illegal migrants left the country in recent decades. Along with the government program of birth rate stimulating and effectiveness of the health care system increasing, one should seriously think about the ways to optimize migration and encourage a broad repatriation.

Keywords: economic integration, migration, depopulation, Armenian Diaspora, labor migrants, repatriation, circular migration.

В Армении, несмотря на сложный политический и экономический фон, реализуются интеграционные проекты, направленные на развитие и углубление сотрудничества между государствами Евразийского региона. Так, с января 2015 года Армения официально присоединилась и стала полноправным членом Евразийского экономического союза. Конечно, наличие миллиона трудовых мигрантов и выходцев из страны сыграло немаловажную роль, наряду с соображениями безопасности, в принятии Арменией решения о вступлении в Таможенный союз ЕврАзЭС. Этот шаг безусловно был также направлен на улучшение положения армянских трудовых мигрантов в России.

Однако не все проходило так гладко, как может показаться. «Правящие элиты и экспертные сообщества Белоруссии и Казахстана изначально выступали против принятия Армении в ЕАЭС, так как считали, что это приведет к политизации экономического объединения и осложнению их отношений с Азербайджаном, Турцией и другими странами <...> В результате, смирившись под давлением Кремля с вступлением Армении в ЕАЭС, правящие круги Казахстана и Белоруссии стали критичнее относиться к процессу евразийской интеграции и меньше доверять России как его основной движущей силе» [5. С. 16]. Вместе с тем, дополнительные сложности для России создала необходимость «увязывания интересов государств-членов ЕАЭС и ОДКБ. Белоруссия и Казахстан изначально выступали против смешивания экономической и военно-политической интеграции. В Армении же создание общего пространства безопасности рассматривается как составная часть евразийской интеграции. Ее отказ от «ассоциированного членства» с ЕС был продиктован, в первую очередь, заинтересованностью в надежных гарантиях собственной безопасности» [5. С. 15].

Присоединение Армении к ЕАЭС вызвало в армянском обществе завышенные надежды, которые, однако, изначально были чреваты некоторыми разочарованиями. В условиях глобальной неопределенности Армения находилась в ожидании новых экономических вызовов, одновременно готовя свою экономику к синхронному функционированию в сложной среде Единого экономического пространства. Построение Единого экономического пространства по мере углубления интеграции помимо фактического передвижения людей через государственную границу подразумевало и свободное перемещение рабочей силы в процессе взаимодействия предпринимательских структур в рамках Таможенного союза. В процессе интеграции вслед за товарными и финансовыми рынками постепенно втягивается и рынок труда. В этих странах взаимодействие рабочей силы будет происходить в различных формах через совместные межнациональные предприятия, торговые и финансовые объединения, финансово-промышленные группы. Вместе с тем, следует отметить, что Таможенный союз является всего лишь шагом, хотя и очень важным, «на пути интеграции его участников в единое экономическое пространство, что помимо других преимуществ обеспечит свободное перемещение граждан стран-участниц внутри этого пространства» [1. С. 185].

Необходимо учесть, что, несмотря на очевидные отрицательные стороны феномена оттока квалифицированных специалистов за рубеж, он является частью объективного процесса глобализации рынка труда, с которым в той или иной форме сталкивается большинство стран мира. Поэтому необходимо думать не только о том, как приостановить данный процесс (что практически весьма сложно), но работать над извлечением из него максимальной выгоды. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун как-то заявил, что что миграция — «это норма жизни в условиях мировой глобализации, и благодаря ей мир становится лучше» [9]. В своем известном докладе на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября 2016 г. в Нью Йорке Пан Ги Мун отметил, что «Число мигрантов в мире при сохранении нынешних показателей к середине XXI века достигнет 321 миллиона че-

людей» [10]. Дело в том, что с одной стороны, миграция — это вызов с точки зрения демографических проблем страны, а с другой — это важный фактор, решающий социальные и экономические проблемы. Именно с учетом этих факторов должна быть построена «правильная» миграционная политика.

Очевидно, что интеграция сама по себе несет не только выгоды, но и сопряжена со значительными издержками. Таможенный союз, будучи начальным этапом международной интеграции, по отношению к странам, входящим в союз, — это шаг в сторону свободной торговли, оказывающий положительное воздействие на экономику, а по отношению к третьим странам — отклонение торговли, оказывающее отрицательное воздействие. Причем эти процессы вступают в действие сразу же после создания таможенного союза и действуют как в краткосрочном (статическом) временном интервале, так и в долгосрочной (динамической) перспективе.

В краткосрочной перспективе оценка воздействий интеграции заключается:

- 1) в преимуществах, получаемых экономикой за счет объединения таможенных границ и открытия рынков: снижение транспортных расходов; доступ к новым рынкам сбыта; свободное, льготное перемещение трудовых ресурсов между странами.
- 2) в издержках от отклонения торговли третьих стран, не входящих в таможенный союз: снижение благосостояния населения, сталкивающегося с удорожанием импортных товаров и снижение доходов правительства, вызванные экономическим неравенством участников союза.

В долгосрочной перспективе интеграция влечет как к положительным, так и к отрицательным последствиям. Так, например, к положительным последствиям можно отнести расширение внутреннего рынка и возрастание конкурентного давления на отрасли в рамках таможенного союза, а к отрицательным — перераспределение ресурсов между странами, формирующими союз. Переток ресурсов сопровождается рисками, связанными с неоптимальным распределением — от бедных к более богатым экономикам. Иначе говоря, перераспределение ресурсов происходит в рамках Таможенного союза в пользу стран с высоким уровнем жизни. В этом контексте речь идет о трудовой миграции. Как известно, в сложных социально-экономических условиях Армении трудовая миграция дает возможность населению получать в России дополнительные доходы. Однако постоянный отток трудоспособного населения усугубляет и без того сложную демографическую ситуацию [3. С. 446]. Так, согласно официальным данным численность постоянного населения Армении в 2011 г. составляла 3 018 000. Уже в 2015 г. этот показатель снизился до 3 006 700, дальнейшее снижение до 2 994 400 произошло в следующем, 2016 году [11]. Как отмечает Начальник отдела переписи населения и демографии Национальной статистической службы Армении К. Куюмджян, за один год население республики сократилось на 12,3 тыс. человек, или на 0,4%, и на 1 января 2016 г. оно впервые с 1970-х гг. составило меньше 3 млн. человек [11]. Хотя естественный прирост населения в той или иной степени сохраняется, с учетом роста отрицательного сальдо миграции отмечается сокращение численности постоянного населения в стране. При этом она отметила, что отрицательное миграционное сальдо в 2008 г. составляло 34 тыс. человек, в 2009 г. — 38 тыс., в 2010 г. — 37 тыс., в 2011 г. — 28 тыс., в 2012 г. — 10 тыс., в 2013 г. — 24,4 тыс., в 2014 г. — 21,8 тыс., а в 2015 г. — 25 тыс. [11]. Небольшая положительная динамика была только в 2012 г., в связи с притоком порядка 17 тысяч армян из Сирии.

Конечно, отток трудовых ресурсов из Армении является для этой экономики серьезной проблемой, однако, нельзя забывать, что есть и положительные стороны этого процесса: увеличение денежных переводов в страну, рост уровня благосостояния и др. Очевидно, что максимально облегченный порядок трудовой миграции внутри ЕАЭС может еще больше осложнить демографическую ситуацию в Армении. Как отмечают эксперты,

«решением этой проблемы могла бы стать экономическая кооперация в рамках ЕАЭС и развитие производства на территории Армении. Вступление Армении в ЕАЭС открыло дополнительные возможности для социально-экономического развития Армении, но, как показали итоги 2015 и 2016 года, заметных для большинства граждан изменений к лучшему не происходит» [5. С. 16].

В рамках создания Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России и началом функционирования ЕЭП, еще в 2012 г., приняли два важных документа, регулирующих трудовую миграцию: Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей и Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. Комплексная оценка Соглашений в миграционной сфере знаменует переход на качественно иной характер конструктивного взаимодействия, нацеленного на максимизацию выгод и минимизацию издержек международной трудовой миграции в регионе.

В юридическом плане все эти улучшения и новации выражены в следующих пунктах [6. С. 44]:

- 1) в минимизации перечня необходимых документов, требуемых от трудящегося-мигранта для получения допуска к осуществлению трудовой деятельности на территории соответствующего государства-участника ЕЭП;
- 2) в обеспечении продолжительного режима непрерывного временного пребывания трудящегося-мигранта из одного государства-участника ЕЭП на территории другого государства-участника ЕЭП;
- 3) в обеспечении более продолжительных сроков для регистрации (постановки на учет) по месту пребывания в ином государстве-участнике ЕЭП как самого трудящегося, так и членов его семьи;
- 4) в предоставлении дополнительных социальных и иных прав членам семьи трудящегося-мигранта, в первую очередь, прав его детей в образовательной сфере;
- 5) в предоставлении дополнительных гарантий прав трудящегося-мигранта на получение информации об условиях пребывания и осуществления трудовой деятельности в государстве трудоустройства.

Понятно, что действие Соглашений и их экономический эффект для стран, являющихся преимущественно реципиентами трудовых ресурсов, будет менее значительным, чем для стран — доноров трудовых ресурсов. Так, Россия и Казахстан испытывают острую потребность в дополнительной рабочей силе, в особенности в квалифицированной, в то время как на рынках труда Армении складывается уникальная ситуация, обусловленная значительным избытком рабочей силы [4. С. 364].

Очевидно, что нормативно-правовая база стран ЕАЭС в сфере миграции будет развиваться, приводя к постепенной гармонизации национального законодательства государств-участников и формированию единой миграционной политики и к общему регулированию. Реальное значение для экономик стран региона будет иметь возможное присоединение к Соглашениям стран — доноров трудовых ресурсов, что снимет сегодняшние значительные издержки от нелегальной трудовой миграции. Кроме того, будут определены перспективы развития национальной и межгосударственной политики с точки зрения максимизации положительных эффектов и минимизации рисков. Задачей для наших ученых, в этом аспекте, является разработка рекомендаций для исполнительных органов ЕАЭС, государственных органов государств-участников по усилению эффективности политики в области трудовой миграции с точки зрения ее влияния на экономический рост государств-участников ЕЭП и содействию интеграционным процессам на постсоветском пространстве.

В рамках «миграционного» анализа социально-экономических последствий ратификации Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей и Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств, особый интерес представляет изучение влияния миграции на конвергенцию показателей социально-экономического развития государств-участников ЕЭП. Влияет ли миграция на выравнивание межстрановой и межрегиональной дифференциации показателей социально-экономического развития (уровня ВВП на душу населения, величины заработной платы, уровня безработицы и т.п.) [См.: 6].

Как известно, по неоклассической экономической теории свободное перемещение трудовых ресурсов рассматривается как одна из ключевых предпосылок для выравнивания межстрановой и межрегиональной дифференциации показателей и ускорения темпов социально экономического развития. Различия в показателях социально-экономического развития (в основном в реальных доходах населения) при отсутствии барьеров будет способствовать перемещению трудовых ресурсов из более бедных стран в более обеспеченные, и это может способствовать сокращению различия в условиях реальных заработных плат и отразится на росте миграции рабочей силы.

С одной стороны, трудовая миграция положительно влияет на снижение бедности и снятие социальной напряженности в странах-донорах. Денежные переводы мигрантов служат буфером для семей, находящихся на грани бедности. Но, с другой стороны страна теряет как неквалифицированную, так и квалифицированную рабочую силу, происходит «утечка умов», что негативно сказывается на способности страны генерировать новые идеи, внедрять инновации. Все это отрицательно сказывается на экономическом развитии. Поскольку в большинстве стран ЕАЭС пенсионная система намного лучше, чем в Армении, то и это в свою очередь стимулирует увеличение миграционных потоков.

Таким образом, со вступлением в ЕАЭС рост иммиграции из нашей страны в Российскую Федерацию будет продолжаться и в ближайшие годы. Это обусловлено объективными предпосылками и потребностями как самой России, так и Армении. С января 2015 года граждане Армении, ставшей членом Евразийского экономического союза, приравниваются к гражданам Российской Федерации в правах на трудовую деятельность. Присоединение Армении к Евразийскому Союзу изменило принципы управления миграцией в регионе и увеличило приток легальных мигрантов в Россию. Создание общего рынка будет означать радикальное изменение подхода к управлению иммиграцией в регионе. Россия должна взять на себя обязательство обеспечивать равные права на трудоустройство, оплату труда и другие социально-правовые гарантии гражданам стран-членов. Таким образом, поток миграции из Армении не только не прекратился после вступления республики в ЕАЭС, но в первые годы еще более усилился, поскольку либерализация визового режима в ЕАЭС привела к росту высококвалифицированной рабочей миграции и миграции студентов. После вступления Армении в ЕАЭС граждане страны получили право без каких-либо ограничений работать по трудовым соглашениям на территории стран союза. В 2015 г., несмотря на экономический кризис и сокращение числа рабочих мест, «массового отъезда из России армянских трудовых мигрантов не произошло. Данный процесс затронул прежде всего граждан Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана, которые остались вне рамок ЕАЭС» [5, с.16]. Это также говорит о том, что Армению покидает востребованный человеческий капитал, который направляется на развитие экономики иностранных государств, в то время как при наличии соответствующей политики армянских властей мог способствовать развитию экономики Армении.

Хотя Армения уже более 2-х лет является членом Евразийского Союза, однако, к сожалению, не существует четкой статистики относительно миграционных потоков. Специа-

листы вынуждены основываться на ежегодной статистике о пересечении границы гражданами Армении. Проводимые исследования показывают тенденцию преобладания постоянной эмиграции над трудовой из Армении [12].

Американский журнал *Global Finance Magazine* на основе анализа данных Всемирного банка и Международного валютного фонда опубликовал рейтинг государств мира, согласно которому в 2015 г. страны постсоветского пространства распределились по уровню ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (в долл. США) следующим образом [13]:

Казахстан — 25.367,27;
Россия — 25.350,86;
Азербайджан — 18.913,51;
Беларусь — 18.882,48;
Туркменистан — 15.837,26;
Украина — 8.493,56;
Грузия — 8.222,77;
Армения — 7.748,05;
Узбекистан — 5.963,77;
Молдова — 5.091,05;
Кыргызстан — 3.581,33;
Таджикистан — 2.830,14.

Эти данные показывают, что в результате четвертьвекового периода постсоветского развития сформировалась группа наиболее успешных стран с сравнительно высоким уровнем ВВП (Казахстан, Россия, Азербайджан, Беларусь и Туркменистан) и остальные страны (Украина, Грузия, Армения, Узбекистан, Молдова, Кыргызстан и Таджикистан), ВВП которых на душу населения гораздо ниже. Закономерно, что в числе наиболее успешных государств оказались почти все обладатели нефтегазовых ресурсов [13].

Учитывая неизбежность роста иммиграции в Россию, представляется важным понять, какие факторы могут способствовать и противодействовать этому процессу, и что не менее важно, что ожидает в России сегодняшних и будущих мигрантов? В целях сохранения экономических и трудовых интересов, предотвращения неконтролируемой миграции как неквалифицированной, так и высококвалифицированной рабочей силы в Армении, необходимо создание общих механизмов регулирования и контроля возникающих потоков трудовых мигрантов по территории союза.

Безусловно положительным является принятие поправок в Федеральный закон “О порядке выезда из РФ и въезда в РФ”, что повлечет за собой снижение потока нелегальных трудовых мигрантов из Армении, и в конечном счете, позволит упорядочить миграционные потоки и защитить самих мигрантов от тех рисков и угроз, которые таит в себе нелегальная трудовая миграция.

Наиболее важным является вопрос о трудовой деятельности для трудящихся государств-членов союза. Условия их пребывания и трудоустройства прописаны в статье 97 договора о Евразийском экономическом союзе, подписанном в Астане 29 мая 2014 года [14].

Важнейшей так называемой выгодой является тот факт, что трудовые мигранты из Армении получили возможность осуществлять трудовую деятельность в рамках ЕАЭС.

«Работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета огра-

ничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства» (статья 97 п.1) [14].

Второй важнейшей особенностью является тот факт, что в рамках ЕАЭС взаимно признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедуры признания.

«В целях осуществления трудящимися государств-членов трудовой деятельности в государстве трудоустройства признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями (учреждениями образования, организациями в сфере образования) государств-членов без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании» (статья 97 п. 3).

Необходимо также подчеркнуть тот факт, что гражданам Армении предоставляется возможность находиться на территории государства — члена ЕАЭС без обязанности регистрации свыше 30 суток вместо 7-и с даты въезда.

«Граждане государства-члена, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-члена, и члены семей освобождаются от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда» (статья 97 п.6).

Таким образом, очевидно, что только в вопросе о трудовой миграции граждане Армении уже стали на себе могут ощущать преимущества евразийского интеграционного проекта. Сегодня многие граждане Армении работают в России, являясь трудовыми мигрантами, по этой причине важно знать о своих правах и обязанностях, которые прописаны в договоре о ЕАЭС.

В заключении рассмотрим, что может ожидать Армению, когда Евразийский экономический союз станет полномасштабно функционировать. Какие преимущества получат обычные граждане страны, которые ожидают от интеграции конкретных экономических выгод и какой будет судьба армянских мигрантов в ЕАЭС?

Проведенный нами анализ результатов двух государственных переписей населения Армении в 2001 г. и в 2011 г., отчетливо свидетельствует о происходящем сокращении численности наличного населения республики за указанный десятилетний период в среднем на 35 000 человек в год. Не более утешительными выглядят прогнозные расчеты численности населения Армении на 2030-2050 годы. Согласно данным фонда народонаселения ООН и ряда экспертных оценок, сокращение численности населения республики будет продолжаться, и к 2050 году по различным сценариям (оптимистическим и пессимистическим) может снизиться до уровня 2,4-1,7 миллиона человек [8].

Фактически, Армения переживает острый процесс депопуляции в то время, когда в мире, в ряде регионов идет глобальный процесс неудержимого роста населения. Естественно эти серьезные вызовы ставят перед руководством республики задачу сокращения миграции населения, принятия действенных мер по увеличению рождаемости и защите материнства, а также выработки государственных программ по возвращению и реинтеграции армянских мигрантов, покинувших пределы родины.

Понятно, что каждая страна имеет свою миграционную специфику, но есть страны, которые крайне резко отличаются от всех остальных, и Армения — одна из них. По данным ООН, в 2005-2006 гг. в мире насчитывалось 200 млн. мигрантов, что составляло 3% населения планеты (исходя из цифры в 6,5 млрд). Сравнивая мировой показатель с ситуацией в Армении, можно без труда заметить огромную диспропорцию в цифрах. Потому что у нас уровень миграции составляет порядка 30%, а это в 10 раз больше. Конечно, в самом по себе факте миграции нет ничего страшного — мир развивался мигрируя. Но если

уровень миграции в стране превышает мыслимые пределы, то это уже серьезный сигнал для ее руководства.

Обратим также внимание на внутреннюю миграцию. В 1926 г. 80% населения Армении проживало в деревнях, в 1970-х гг. их число сократилось до 30%. Очевидно, что в Армении высокий процент урбанизации. Причем она была и остается направленной не на города вообще, а только на один город — Ереван. И это четко прослеживается при изучении урбанизационных потоков. Из 236 стран мира нет ни одной, где 37% населения проживало бы в одном городе — столице. У нас все население стягивается в столицу, и это напрямую связано с угрозой государственной безопасности. Особенно, если учесть, что страна с востока и запада на протяжении всех 25-ти лет находится в полной транспортной блокаде и окружена не очень дружелюбными соседями. Заметим, что процессы, происходящие в нашей стране, следует квалифицировать уже не как миграцию, а депопуляцию. Когда 30% населения уезжает из страны, когда рождаемость падает вдвое и идет процесс старения населения — это уже депопуляция. Для Армении норма естественной убыли населения составляет 0,03%. Основной причиной депопуляции в Армении является падение уровня рождаемости вдвое и масштабная миграция населения [7. С. 12].

Международный опыт свидетельствует, что за счет только увеличения рождаемости (что само по себе является достаточно сложной задачей) невозможно приостановить депопуляцию. Для этого, как минимум, необходимо резко сократить или остановить миграцию и уменьшить смертность населения. Низкие затраты на медицину, плохое медицинское обслуживание, низкая эффективность медицины в целом, являются причинами плохого здоровья населения, что в свою очередь становится одной из причин высокой смертности. Следовательно, в нашем случае наиболее эффективным механизмом борьбы с депопуляцией является механический прирост населения за счет репатриации армян диаспоры и возврата мигрантов, легально или нелегально покинувших республику за последние десятилетия. Сейчас, когда впервые политическое руководство нашей страны ставит задачу увеличить численность населения к 2030 году и довести его до 4 млн., чрезвычайно важной становится разработка научно-обоснованных механизмов и путей ее решения. Наши многолетние исследования и анализ демографической статистики подводят нас к мысли о том, что необходимо задействовать комплексный механизм решения этой стратегически важной задачи.

Наряду с государственной системой стимулирования рождаемости и повышением эффективности системы здравоохранения, следует серьезно подумать о способах сокращения миграции и организации широкой репатриации.

Учитывая сложную геополитическую ситуацию, в которой находится сегодня и по-видимому еще долго будет находиться Армения, можно прогнозировать несколько возможных сценариев развития на ближайшее будущее до 2050 года [2].

В регионе будет сохраняться напряженная и взрывоопасная ситуация, если Карабахский конфликт не получит разрешения со стороны Азербайджана, с тем, чтобы армянское население не продолжало испытывать угрозу войны. Население Армении может сократиться до 1,5 миллиона к 2050 году. В результате этого республика ослабеет, содержание большой и боеспособной армии усложнится. Поддержка Карабаха станет все более проблематичной. В свою очередь соседняя Турция будет готова открыть границу с Арменией только взамен на отказ от требований признать геноцид 1915 года.

Закрытые границы и замедление решения Карабахского конфликта неизбежно изменят демографическую ситуацию в Армении. Соответственно, для Армении задачи противодействия миграции, депопуляции и внутренней деградации приобретают первостепенное, жизненно важное значение. С этой целью можно предложить применить модель так называемой циркулярной миграции, которая достаточно исследована.

Жить в Армении — работать за рубежом: применить механизмы так называемой маятниковой, или циркулярной миграции. Осуществлять организованный вывоз рабочей силы (подкрепленный межгосударственными договорами, с гарантией, страхованием, с выплатами в государственный бюджет и пр.), по примеру Филиппин, Турции, Кореи и других стран, которые получают миллиардные поступления в государственный бюджет за счет организованного временного вывоза трудовых ресурсов за рубеж.

Открывать ежегодно новые рабочие места, как минимум, на 25-30 тысяч работников. И делать это, стимулируя, главным образом, развитие сферы среднего и малого, семейного бизнеса, а не олигархического и монопольного крупного капитала.

Жить в диаспоре — работать в Армении — всячески привлекать кадровые ресурсы огромной армянской диаспоры, хотя бы на временную работу (1-2 года) на Родине, с тем чтобы использовать их большой положительный опыт, накопленный в экономически развитых странах. Это поможет обновить и развить профессиональный кадровый ресурс страны, внедрить передовые методы и технологии управления, а также повысить инвестиционную привлекательность нашей экономики. И самое главное, организовать масштабную репатриацию (по примеру широкой репатриации армян в 1946-1949 гг.) уехавших из страны мигрантов, в первую очередь, и попытаться привлечь на постоянное жительство представителей многомиллионной армянской диаспоры, особенно той ее части, которая проживает в не очень благоустроенных или в конфликтных регионах мира.

Литература и Интернет источники

1. Осипов В.Г. Российский вектор армянской трудовой миграции: реалии и перспективы. Философия в современном мире. Ереван, 2013. — 288 с. (на арм. яз.).
2. Погосян Г.А., Аракелян И.А., Осипов В.Г. Миграция и депопуляция в Армении: Коллективная монография. — Ереван: Лимуш, 2017. — 200 с.
3. Погосян Г. А. Общество в эпоху перемен: надежды и реалии // Вестник Российской академии наук. — 2012— Т. 82, — № 5. — С. 441-450.
4. Погосян Г.А. Миграционные потоки в Армении // Миграционные мосты в Евразии. Сб. мат. VI международной научно-практической конференции «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии: регионы Восточной Европы и Центральной Азии». — Москва, Ереван, 2014. — 594 с.
5. Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. в 2-х тт. / Отв. ред. А.Б. Крылов. — М.: ИМЭМО РАН, 2017. — Том 2. Южный Кавказ. — М.: ИМЭМО РАН, 2017. — 128 с.
6. Трудовая миграция в ЕЭП: анализ экономического эффекта и институционально-правовых последствий ратификации соглашений в области трудовой миграции / В. А. Ионцев, И. В. Иванов, А.Г. Магомедова и др.; Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований, Санкт-Петербург. — 2012. — № 3. — С. 41-63.
7. Gevorg Poghosyan. Armenian Migration, Yerevan, Europrint, 2014. — 328 p.
8. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations. Secretariat, *World Population Prospects: The 2012 Revision*. — Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm>.
9. <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25892#.WdOJMFuCx1s>.
10. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/112/64/PDF/N1611264.pdf?OpenElement>.
11. <http://kavkasia.net/Armenia/2016/1462257591.php> (дата обращения: 04.10.2017).
12. <http://newsarmenia.am/news/armenia/postoyannaya-emigratsiya-iz-armenii-preobladaet-nad-trudovoy-issledovanie/>.
13. <http://www.golosarmenii.am/article/57814/na-novom-vitke>.
14. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/gazeta018.php>.

Тихонова Людмила Ефимовна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международного менеджмента,
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь. E-mail: tihonovale@mail.ru;

Масленкова Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры логистики и маркетинга,
Международный университет «МИТСО»,
Минск, Республика Беларусь. E-mail: maslenkoff@mail.ru

МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СТРАНАМИ ЕАЭС: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(Исследование проведено при поддержке гранта БРФФИ № Г17Р-007)

Исследование посвящено актуальной научной проблеме, связанной с анализом тенденций и перспектив миграционного взаимодействия Республики Беларусь со странами Евразийского экономического союза. Предложены организационно-практические мероприятия по созданию единого миграционного пространства и формированию единого рынка труда государств-участников ЕАЭС.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, рынок труда, занятость населения, иностранная рабочая сила, трудовая деятельность, миграционная политика, политика занятости, Российская Федерация, Республика Беларусь, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз.

Lyudmila E. Tikhonova,
Dr. Sc. (Econ.), Prof.,
Professor of the International Management Chair, Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus. E-mail: tihonovale@mail.ru;

Elena V. Maslenkova,
Senior Lecturer, Logistics and Marketing Chair, International University «MITSO»,
Minsk, Republic of Belarus. E-mail: maslenkoff@mail.ru

MIGRATION INTERACTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS WITH THE COUNTRIES OF THE EAEU: DIRECTIONS AND PROSPECTS

(the study was conducted with support from BRFFR, grant № Г17Р-007)

The research is devoted to the actual scientific problem connected with the analysis of trends and prospects of migration interaction of the Republic of Belarus with the countries of the Eurasian Economic Union. Organizational and practical measures to create a single migration space and form a single labor market for the EAEU member states are proposed.

Keywords: migration, labor migration, labor market, employment, foreign labor, labor activity, migration policy, employment policy, the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Eurasian integration, the Eurasian Economic Union.

В современном глобализующемся мире, в рамках единого евразийского пространства миграционные процессы получили новый импульс развития. При этом миграционные процессы оказывают серьезное влияние на демографические процессы и социально-экономическое развитие национальных экономик всех стран-участниц.

Поскольку страны ЕАЭС сильно различаются как по демографическому потенциалу, так и в области социально-экономического развития, и это влияет на миграционное поведение населения, вначале проанализируем данные по численности населения и социально-экономическому развитию стран-участниц.

Как видно из табл. 1, в 2012-2016 гг. численность постоянного населения росла во всех странах ЕАЭС, кроме Армении, а общая численность населения стран ЕАЭС составила 182,7 млн. человек.

Таблица 1

Численность постоянного населения стран ЕАЭС на 1 января, человек

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Темп роста 2016 г. к 2012 г., %
Беларусь	9465150	9463840	9468154	9480868	9498364	100,4
Казахстан	16673077	16909776	17160774	17417673	17670579	106,0
Россия	143056383	143347059	143666931	146267288	146544710	102,4
Армения	3021376	3026879	3017079	3010598	2998577	99,2
Кыргызстан	5551888	5663133	5776570	5895062	6019480	108,4
ЕАЭС	177767874	178410687	179089508	182071489	182731710	102,8

Источник: Данные Департамента статистики Евразийской экономической комиссии [5].

Отметим, что Беларусь занимает третье место по численности населения среди всех стран-участниц, что составляет 5 % в общей структуре населения ЕАЭС. При этом на долю Российской Федерации приходится 80%, а Казахстана — 10% всей численности населения ЕАЭС (рис. 1). Большие масштабы по территории и огромная численность населения России, а следовательно, и более разнообразные экономические возможности, более емкий рынок труда, являются привлекательными для мигрантов остальных стран интеграционного образования.

Рис. 1. Доля численности стран-участниц в общей численности населения ЕАЭС, % [5]

Что касается численности экономически активного населения в странах ЕАЭС, то здесь Беларусь тоже на третьем месте после России и Казахстана. Как видно из табл. 2, в Беларуси и Армении численность экономически активного населения в анализируемом периоде снижается в то время как в России, Казахстане и Кыргызстане она растет. Наибольшие темпы роста демонстрирует Казахстан (103,4%) и Кыргызстан (103,4%).

Россия имеет небольшой прирост численности экономически активного населения — 1,1%. При этом экономическое развитие всех стран ЕАЭС при одновременно не совсем благоприятной сложившейся демографической ситуации, прежде всего снижении численности молодежи, вступающей в трудоспособный возраст, требует пополнения трудовых ресурсов в большинстве стран евразийского экономического пространства.

Таблица 2

Численность экономически активного населения в странах ЕАЭС в 2011-2015 гг., тыс. человек

Страна	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Темп роста 2015 г. к 2011 г., %
Армения	1440,9	1418,3	1388,4	1375,7	1316,4	91,4
Беларусь	4722,7	4640,6	4601,8	4572,8	4537,3	96,1
Казахстан	8774,6	8981,9	9041,3	8962,2	9074,9	103,4
Кыргызстан	2490,1	2496,8	2468,7	2504,4	2544,3	102,2
Россия	75779,0	75676,1	75528,9	75428,4	76587,5	101,1
ЕАЭС	93207,3	93213,7	93029,1	92843,5	94060,4	100,9

Источник: Данные Департамента статистики Евразийской экономической комиссии [5]

Что касается показателя ВВП на душу населения, то как показал анализ, лидерами также являются Казахстан (10,5 тыс. долл. США в 2016 г.) и Россия (9,4 тыс. долл. США), а аутсайдерами — Армения (3,5 тыс. долл.) и Кыргызстан (1,2 тыс. долл. США). В целом по ЕАЭС данный показатель в 2016 г. составил 8,9 тыс. долл. США на душу населения, снизившись по сравнению с 2011 г. более чем на 4 тыс. долл. (табл. 3).

Таблица 3

Валовой внутренний продукт на душу населения в странах ЕАЭС в 2011-2015 гг., долл. США

Страна	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Темп роста 2015 г. к 2011 г., %
Армения	3350	3512	3680	3852	3512	104,8
Беларусь	6418	6913	7898	8289	5829	90,8
Казахстан	11634	12387	13891	12807	10510	90,3
Кыргызстан	1183	1233	1340	1331	1163	98,3
Россия	14368	15320	16015	14277	9372	65,2
ЕАЭС	12 977	13 951	14 703	13 235	8 931	68,8

Источник: Данные Департамента статистики Евразийской экономической комиссии [5]

Важнейшим фактором, влияющим на миграционное взаимодействие Беларуси со странами ЕАЭС является экономический — поиск новых рабочих мест с более высоким уровнем оплаты труда. Как показ анализ, уровень среднемесячной номинальной заработной платы в 2016 г. в России составил 548,8 долл. США, в Казахстане — 417,5 долл. США (табл. 4). Это заметно выше, чем в Беларуси, и оказывает определенное влияние на развитие экспорта рабочей силы в эти страны. В свою очередь, Беларусь может стать привлекательной для рабочей силы из Армении и Кыргызстана.

Таблица 4

Среднемесячная номинальная заработная плата в странах ЕАЭС в 2012-2016 гг., долл. США

Год	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2012	350,3	439,2	679,1	228,2	857,1
2013	357,7	564,2	717,4	234,1	936,3
2014	381,3	589,9	675,4	229,0	855,8
2015	359,1	413,1	568,4	209,2	561,0
2016	363,1	361,4	417,6	212,4	548,8

Источник: Данные Департамента статистики Евразийской экономической комиссии [5]

Анализируя миграционные процессы, сложившихся в Республике Беларусь в течение последних пяти лет, отметим их важную роль в формировании численности, половозрастной структуры и рынка труда страны. В частности, международная (безвозвратная) миграция снизила депопуляционные процессы, происходящие в стране, стабилизировала численность населения. В целом, за последние 5 лет в страну из России, Казахстана и других стран СНГ прибыло на 33,5 тыс. чел больше, чем выбыло. Страна продолжает сохранять положительный миграционный обмен абсолютно со всеми странами СНГ.

Миграционный обмен Беларуси со странами ЕАЭС происходит на фоне волнообразной динамики подвижности населения при положительном для страны сальдо миграции, что связано как с динамикой социально-экономического развития страны в этот период, так и другими факторами, определяющими миграционную привлекательность страны: выгодным географическим положением страны; высоким уровнем контактности и обустройства большинства участков белорусских границ; благоприятной визовой политикой, реализуемой Беларусью; близкой языковой и социальной средой и т.д.

Анализ численности мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства в Республику Беларусь из стран ЕАЭС позволяет сделать вывод о том, что фактор реэмиграции постепенно исчерпывается. Положительное сальдо миграции снизилось с 4,4 тыс. человек в 2015 г. до 1,6 тыс. человек в 2016 г. (табл. 5).

Таблица 5

Миграционный обмен Беларуси со странами ЕАЭС за 2015 -2016 гг., человек

Страны	2015 г.			2016 г.		
	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции
Армения	220	34	186	145	61	84
Казахстан	1 577	117	1 460	910	172	738
Кыргызстан	70	4	66	40	2	38
Россия	7 837	5 137	2 700	6 611	5 912	699
Всего	9704	5292	4412	7706	6147	1559

Источник: Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [2].

Таким образом, как показывают исследования, данный миграционный поток не будет в ближайшем будущем оказывать значительного влияния на улучшение демографической ситуации, не сможет существенно укрепить и усилить трудовой потенциал страны.

Внешняя трудовая миграция также является важнейшей составляющей миграционных потоков в раках ЕАЭС. За последние пять лет активно развивается евразийская миграционная система, в которой сформировался центр притяжения рабочей силы из Беларуси сначала в Россию, а затем и в Казахстан. При этом основной обмен рабочей силой, как и прежде, происходит с Россией. Он остается стабильным на протяжении ряда лет, причем в последние годы наблюдается всплеск интереса к российскому направлению трудоустройства (до 65 % от общего объема выезда). Новые возможности трудоустройства для белорусской рабочей силы появились вместе с расширением Евразийского экономического союза и появлением в нем новых участников (Армения, Кыргызстан).

За последние три года импорт рабочей силы в Республику Беларусь из стран ЕАЭС снизился — с 5,6 тыс. человек в 2014 г. до 2,9 тыс. человек в 2016 г. (табл. 6).

Анализ сложившихся масштабов привлечения иностранной рабочей силы в Беларусь показал, что в настоящее время объемы импорта трудовых ресурсов из стран ЕАЭС невелики и не оказывают заметного давления на национальный рынок труда, а трудовые мигранты не представляют значительной конкуренции в борьбе за имеющиеся рабочие места. Уровень использования иностранных работников и их вклад в формирование ВВП страны, составляет от 0,19% в 2012 г. до 0,47% в 2016 г. (табл. 7).

Таблица 6

**Численность трудящихся–мигрантов, въехавших в Республику Беларусь из
Государств — членов ЕАЭС в 2014-2016 гг.**

Страна гражданской принадлежности	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Республика Армения	-	383	372
Республика Казахстан	1 034	653	385
Кыргызская Республика	-	72	50
Российская Федерация	4 546	2209	2140
Всего	5 580	3 317	2 947

Источник: Данные Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь [6]

Таблица 7

**Оценка уровня использования иностранной рабочей силы в Республике Беларусь
в 2012-2016 гг.**

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Численность занятых в экономике, тыс. человек	4550,5	4496,0	4413,6
Численность иностранных работников, тыс. человек	37,9	31,8	20,9
Численность иностранных работников, из стран ЕАЭС, тыс. человек	5,6	3,3	3,0
Уровень использования иностранной рабочей силы, %	0,83	0,71	0,47
Уровень использования иностранной рабочей силы из стран ЕАЭС, %	0,12	0,07	0,07

Источник: Данные [2; 6]

Дифференциация в оплате труда приводит к тому, что объемы выезда незарегистрированных трудовых мигрантов во много раз превышают официальный трудовой обмен. Важно отметить, что неконтролируемый выезд на работу за рубеж приходится преимущественно на приграничные районные центры, в первую очередь Могилевской, Витебской и Гомельской областей.

Как показывает сравнительный анализ различных экспертов в оценке масштабов незарегистрированной трудовой миграции, имеет значительный размах вариации и составляют от 80 до 300 тыс. чел. (табл. 8).

Таблица 8.

**Сравнительная оценка масштабов незарегистрированной трудовой миграции из
Республики Беларусь**

Источник	Год	Оценка объемов экспорта рабочей силы из Беларуси, человек
Министерство внутренних дел Республики Беларусь	2013	до 300 тыс. работающих за рубежом
Перепись населения (Национальный статистический комитет Республики Беларусь)	2009	за пределами Беларуси работали 41,9 тыс. человек, в том числе 37,7 тыс. в России
Евразийский Банк Развития	2010	от 78,5 до 170,9 тыс. работающих в России
Выборочное обследование домашних хозяйств (Национальный статистический комитет Республики Беларусь)	2015	81,6 тыс. (включая вернувшихся в республику после работы за границей в течение последних трех лет)
Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации	2016	128 тыс. работающих граждан Республики Беларусь

Источник: Данные [1; 4; 7].

Цифру в 300 тыс. трудовых мигрантов называют представители Министерства внутренних дел РБ. [4]. Оценки, сделанные Евразийским Банком Развития на основе данных

платежного баланса за 2010 г., давали разброс количества трудовых мигрантов из Беларуси, работающих в России, от 78,5 до 170,9 тыс. человек в зависимости от предпосылки о доле сбережений, переводимых на родину трудовым мигрантом [7]. По данным Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации из Беларуси в РФ в 2016 году приехали 128 тысяч трудовых мигрантов. По мнению Л.П. Шахотько и Т.В. Кузьмицкой — внешняя трудовая миграция оценивается в размере около 200-300 тыс. чел. или 4-5% трудовых ресурсов Беларуси [1].

В целом, как показывают исследования, формирование общего рынка труда стран Евразийского экономического союза, высокая мобильность белорусов, безвизовый режим и знание языка будут способствовать дальнейшему увеличению всех форм экспорта белорусской рабочей силы в данный регион.

В целях достижения разумного баланса между максимизацией выгоды от трудовой миграции и минимизацией неизбежных социальных рисков от притока мигрантов, а также противодействия незаконной иммиграции и занятости мигрантов в формате ЕАЭС, на наш взгляд, должна быть сформирована более эффективная модель привлечения и использования иностранной рабочей силы в страну. В этом плане Беларуси необходимо в ближайшие сроки определиться с перспективной потребностью в количестве и качестве привлекаемых из стран-участниц сообщества трудовых мигрантов. При этом оценка реальной потребности в трудовых мигрантах должна основываться не только на демографических расчетах перспективной численности трудоспособного населения страны. Важно четко определиться с внутренними резервами уже имеющегося трудового потенциала и изыскания дополнительных источников рабочей силы за счет решения проблем структурной безработицы, сокращения незанятости нуждающихся в работе, повышения внутренней (в том числе трудовой) мобильности населения и т.д. В этих целях, очевидно, следует вернуться к практике расчета прогнозных балансов трудовых ресурсов не только по стране в целом, но и по областям и административным районам в разрезе видов экономической деятельности с учетом изменения демографической ситуации и структуры профессионального образования, а также возможностей привлечения и использования иностранной рабочей силы. При этом важно скоординировать динамику спроса экономики на рабочую силу определенных профессий и квалификаций с системой образования. Особое внимание следует уделить стимулированию бизнес-иммиграции из стран ЕАЭС, регулированию привлечения иностранных инвесторов и предпринимателей.

Страны ЕАЭС находятся только на начальной стадии формирования общего миграционного пространства. Странам еще предстоит согласовать целый комплекс организационных, практических мероприятий, а также мер по формированию нормативно-правовой базы в области формирования общего миграционного пространства, интеграцию информационных ресурсов.

Как показывает анализ, в плане миграционного сближения ближе всего подошли Россия и Беларусь, которые делают шаги в этом направлении довольно давно. В целом, за последние несколько лет был подписан ряд международных договоров, которые обеспечивают свободное перемещение граждан на территории двух стран, а также целый ряд других инноваций, связанных с сокращением срока рассмотрения вида на жительство, пропуска по недействительному документу, совершенствования порядка выезда несовершеннолетних граждан за пределы Беларуси. Также подписаны соглашения, которые регламентируют аспекты взаимного признания решений об отказе во въезде иностранных граждан, механизмы взаимодействия при исполнении решений об отказе на выезд собственных граждан. Утвержден План мероприятий на 2017–2020 годы по формированию единого миграционного пространства на территориях государств-участников Договора о создании Союзного государства [3]. В данном Плане содержатся как организационно-правовые, так и организационно-практические мероприятия. Это подготовка международных договоров в сфере миграции, гармонизация законодательства по вопросам мигра-

ционной политики, мониторинг заключенных договоров и соглашений, проведение совместных оперативно-профилактических мероприятий, организация рабочих встреч, информационное взаимодействие и сотрудничество в сфере кадрового обеспечения. Важнейшими темами Плана стали вопросы единой визовой политики, в этой сфере План предусматривает подготовку и подписание Соглашения о взаимном признании виз и иные вопросы до конца 2017 года. Это позволит снять проблему пересечения российско-белорусской границы гражданами третьих стран, которая обострилась в последнее время. Кроме этого, будут решаться вопросы сближения процедур и регламентов выдачи виз, стороны проработают возможности введения единой визы Союзного государства.

В Плане предусмотрена разработка проекта Концепции миграционной политики Союзного государства и плана ее реализации на период до 2025 года. Таким образом, План нацелен на дальнейшее развитие сотрудничества в сфере формирования единого миграционного пространства Союзного государства, решение новых задач, в том числе связанных с формированием единого визового пространства.

Создание единого миграционного пространства стран ЕАЭС определяет необходимость координации миграционных процессов по следующим направлениям:

- подготовка и заключение международных договоров в сфере миграции;
- взаимодействие миграционных служб стран-участниц по вопросам служебной деятельности, в том числе при проведении межведомственных оперативно-профилактических и специальных мероприятий по выявлению граждан третьих государств, незаконно находящихся на территориях государств — участников ЕАЭС, предупреждению с их стороны преступлений и правонарушений;
- проведение рабочих встреч представителей компетентных органов, в том числе приграничных регионов, с целью обсуждения вопросов борьбы с незаконной миграцией, мер по повышению эффективности приграничного сотрудничества, а также проблемных вопросов взаимодействия и путей их решения.
- согласование подходов по вопросам выдачи виз гражданам третьих государств и заключения соглашений, регулирующих поездки граждан с третьими странами;
- выработка единых подходов по вопросу приема-передачи незаконных мигрантов из третьих стран;
- выработка единых подходов к недопущению выезда в третьи государства граждан Республики Беларусь и Российской Федерации, в отношении которых действуют ограничения на выезд, путем гармонизации законодательств государств — участников ЕАЭС;
- взаимодействие информационных систем, используемых в деятельности миграционных служб, в том числе учета граждан третьих государств, въезжающих, временно пребывающих, временно и постоянно проживающих на территории ЕАЭС.

Для регулирования единого рынка труда необходимо осуществлять взаимодействие государственных служб занятости стран ЕАЭС по следующим направлениям:

- анализ, мониторинг и прогнозирование развития общего рынка труда; нормативно-правовое обеспечение согласованной политики занятости в ЕАЭС;
- научное, информационное и методическое обеспечение функционирования единого рынка труда стран ЕАЭС;
- подготовка и издание статистических данных и информационных материалов о спросе, предложении рабочей силы на едином рынке труда, возможностях трудоустройства, повышения квалификации, переподготовки и социальной защиты для потенциальных трудовых мигрантов, об особенностях состояния региональных рынков труда стран ЕАЭС.

Решение вышеперечисленных проблем будет способствовать созданию единого миграционного пространства и формированию единого рынка труда на нем. Показателями оценки достижения обозначенных целей станут:

- 1) сближение правовых подходов к вопросам въезда, пребывания, жительства граждан государств — участников ЕАЭС, а также граждан третьих стран;
- 2) сокращение количества нарушений гражданами третьих государств законодательства государств — участников ЕАЭС в области миграции;
- 3) информационное взаимодействие в области миграции.

В целом, для эффективного сотрудничества и взаимодействия стран-участниц ЕАЭС в сфере миграционной политики необходимо отлаживать механизм принятия решений, четко оформлять юридический статус этих решений и формализовать контрольный механизм, отслеживающий исполнение принимаемых решений.

Мероприятия по созданию единого миграционного пространства можно сгруппировать по четырем направлениям:

- 1) организационно-правовые мероприятия, в результате которых планируется совершенствование нормативной правовой базы;
- 2) организационно-практические мероприятия, направленные на сокращение количества нарушений гражданами третьих стран законодательства государств — участников ЕАЭС в области миграции;
- 3) взаимодействие информационных ресурсов;
- 4) кадровое обеспечение.

Белорусский контекст миграционных процессов в рамках ЕАЭС определяется целым рядом факторов, включающих направленность миграционных потоков и их объемы. Создание общего рынка труда и привлечение трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС может послужить мощным стимулом для усиления приоритетных направлений экономики страны и углубления региональной интеграции. Важным представляется формирование гибкой и сбалансированной миграционной политики с учетом специфики демографического потенциала и развития приоритетных отраслей экономики Республики Беларусь с привлечением иностранной рабочей силы с акцентом на высококвалифицированную рабочую силу, а также с сохранением собственного интеллектуального потенциала. Очень важным является устойчивость, безопасность и регулируемость миграционных потоков, основанных на более интегрированном сотрудничестве всех государств-членов как внутри ЕАЭС, так и по всему периметру его границ.

Литература и Интернет источники

1. Кузьмицкая Т.В. Международная трудовая миграция: проблемы оценки и влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://regconf.hse.ru/uploads/9ea0c8e4a45a30cf95998f570465530a15ff139b.pdf>.
2. Общие итоги миграции населения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/obschie-itogi-migratsii-naseleniya-respubliki-belarus/.
3. План мероприятий на 2017–2020 годы по формированию единого миграционного пространства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500248052>.
4. По приблизительным данным, около 300 тысяч белорусов осуществляют трудовую деятельность за рубежом. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://belapan.com/archive/2013/11/21/media_migration_v2/.
5. Статистика ЕАЭС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx.
6. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=16721>.
7. Чубрик А. Предложение рабочей силы в Беларуси: вызовы для экономической политики / А. Чубрик, Г. Шиманович // Исследовательский Центр ИПМ [Электронный ресурс]. — 2013 — Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2013r01.pdf>.

Злотников Анатолий Геннадьевич,
кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры права и экономических теорий
Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации,
Гомель, Беларусь. E-mail: zlot@tut.by

БЕЛАРУСЬ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье анализируются особенности современного развития государств-членов Евразийского экономического союза. Дана характеристика национальных рынков труда стран Евразийского пространства и их влияние на миграционные процессы в Республике Беларусь. Выясняется роль социокультурных ценностей в современных миграционных процессах стран Евразийского сообщества. Акцент делается на оценке эффективности обмена трудовым потенциалом и разработке согласованной социальной политики пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в рамках стран Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Республика Беларусь, миграционные процессы, этническая структура, трудовой потенциал, эмиграция, трудовая миграция, экспаты.

Anatoly G. Zlotnikov,
Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor,
Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation,
Gomel, Belarus. E-mail: zlot@tut.by

BELARUS IN MIGRATION PROCESSES EURASIAN ECONOMIC SPACE

The features of the modern development of the member states of the Eurasian Economic Union are analyzed. The characteristics of the national labor markets of the countries of the Eurasian space and their influence on the migration processes in the Republic of Belarus are given. The role of sociocultural values in the contemporary migration processes of the countries of the Eurasian community is elucidated. The emphasis is on assessing the effectiveness of labor exchange and developing a coherent social policy for the provision of pensions for labor migrants within the countries of the Eurasian Economic Union.

Key words: Eurasian Economic Union, Republic of Belarus, migration processes, ethnic structure, labor potential, emigration, labor migration, expats.

Одним из важнейших направлений деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в который входят Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан и Армения (в будущем предполагается и вступление в него Молдовы), является обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В частности, статьей 97 Договора о Евразийском экономическом союзе (29 мая 2014 г.) предусмотрено привлечение к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств — членов ЕАЭС без учета ограничений по защите национального рынка труда. Трудящимся этих стран не требуется получения каких-либо разрешений на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства.

Реализация этих возможностей связана с историческими, социальными, экономическими, географическими, социокультурными и рядом других особенностей государств-членов ЕАЭС. Прежде всего, важным фактором является их пространственное расположение. Из государств, входящих в Евразийский экономический союз, только Российская Федерация имеет общие границы с двумя странами — с Казахстаном и Беларусью. Остальные граничат только с одной из них. Армения вообще не имеет ни с одним государством ЕАЭС общей границы. Об этой географической особенности, к примеру, свидетельствуют значительные расстояния между столицами. Расстояние (по прямой) от Минска до Москвы составляет 675 км, до Еревана — 1974 км, Астаны — 2937 км и до Бишкека — 3067 км. До столиц других стран, с которыми граничит Беларусь, расстояния в разы меньше. Так, до Вильнюса — всего 72 км, Риги — 402 км, Киева — 433 км и Варшавы — 475 км.

Также существенны и уровни социального положения населения государств ЕАЭС (табл. 1). Так, численность населения России, Казахстана, Беларуси, Кыргызстана и Армении, соотносится в следующей пропорции: 1000:120:65:41:21. Соотношение сопоставимого показателя размера номинальной начисленной среднемесячной заработной платы (в долл. США) — 100:75,8:65,9:37,8:71,3, по которому Республика Беларусь среди государств — членов ЕАЭС уступает большинству стран (за исключением Кыргызстана. Существенны и различия в демографические показатели: общий коэффициент рождаемости самый низкий в Беларуси (12,5‰), а самый высокий — в Кыргызстане (27,4‰). В то же время общий коэффициент смертности в Республике Беларусь — один из высоких (12,6‰) на евразийском экономическом пространстве. И здесь существенным фактором одинаковых тенденций в демографическом развитии является различие в социокультурных особенностях групп государств — членов ЕАЭС. Самые низкие уровни рождаемости, с одной стороны, и наиболее высокие уровни смертности, с другой стороны, приходится на страны (а в России — на регионы) с преобладанием социокультурных христианских ценностей, т.е. на Россию, Беларусь и Армению. И, наоборот. Самые высокие показатели рождаемости, с одной стороны, и наименьшие уровни смертности, с другой стороны, приходится на страны с преобладанием социокультурных мусульманских ценностей, т.е. на Казахстан и Кыргызстан.

Эти, а также другие характеристики, и прежде всего, развал единого экономического и демографического пространства, приведший к резкому спаду экономического развития и падению жизненного уровня населения и обусловили и обуславливают тенденции и направления миграционных процессов в евразийском экономическом пространстве. Отметим, что по уровню экономического развития ни одно из государств бывшего Советского Союза не вышло на уровень 1990 г. При этом государства-члены ЕАЭС находятся на разных ступенях развития экономики. Россия и Казахстан демонстрируют более высокий уровень экономического и соответственно социального развития, а Беларусь, Армения и Кыргызстан имеют одни из неблагоприятных тенденций в этом развитии.

**Сравнительная характеристика уровней социального развития государств–членов ЕАЭС (2015 г.)
[4. С. 345-362]**

Показатель	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
Численность населения, тыс. человек	146406	17544	9490	5957	3005
Общая продолжительность жизни при рождении (женщины), лет	76,7	76,9	78,9	74,8	78,2
Общая продолжительность жизни при рождении (мужчины), лет	65,9	67,5	68,6	66,7	71,7
Возраст выхода на пенсию (женщины), лет	55	58	55	58	63
Возраст выхода на пенсию (мужчины), лет	60	63	60	63	63
Общий коэффициент рождаемости, ‰	13,3	22,7	12,5	27,4	13,9
Общий коэффициент смертности, ‰	13,0	7,5	12,6	5,8	9,3
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, долл. США	548,6	416,0	361,4	207,3	391,0
Децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наименее и 10% наиболее обеспеченных групп), раз	1:15,7	1:5,6	1:6,1	1:11,8	1:16,4
Удельный вес населения, находящегося за национальной чертой бедности, %	13,5	2,6	5,7	32,1	30,0

Это не могло не привести к оттоку трудового потенциала из Беларуси в соседние страны, а также к притоку людских ресурсов в Беларусь извне. При этом особенностью миграционного обмена Беларуси на Евразийском пространстве является диспропорция в его качестве: из Беларуси идет отток трудового потенциала более высокого (профессионального, образовательного) качества, а приток населения характеризуется менее качественными показателями.

Существенными факторами современных миграционных процессов Республики Беларусь являются: рост отрицательного сальдо миграции и преобладание в миграционных процессах трудовой миграции [3. С. 91-97].

Расширение общего рынка труда предполагает и рост миграционных потоков. Но эти потоки по-прежнему, в основном, связаны с приграничной миграцией. Наибольшие объемы белорусского миграционного обмена с другими государствами приходится на страны, с которым граничит Республика Беларусь — с Россией, Украиной, Польшей, Литвой и Латвией. Из них только Россия входит в ЕАЭС. С другими странами евразийского экономического сообщества миграционный обмен последних лет незначительный. Наибольшие масштабы белорусского миграционного движения населения с Казахстаном, Кыргызстаном, Арменией, а также Молдовой, являющейся наблюдателем в ЕАЭС, пришлось на 1990-е годы. Тогда Беларусь из страны, отдающей население, стала страной, принимающей население. Миграционная нагрузка прибывшего за 1990-е годы населения из стран, бывших республик Советского Союза в Беларусь (в расчете на 10 тыс. населения этих стран) характеризовалась следующими данными: Латвия — 199,71, Эстония — 50,85, Литва — 48,23, Казахстан — 29,02, Россия — 22,62, Молдова — 19,13, Украина — 18,08, Грузия — 15,91, Армения — 13,13, Туркменистан — 9,83, Таджикистан — 9,83, Азербайджан — 9,46, Кыргызстан — 8,58 и Узбекистан — 5,00 [1. С. 131]. Причем в этнической структуре белорусского иммиграционного движения преобладали русские, белорусы и украинцы. Такая иерархия миграционной нагрузки в 1990-е гг. определялась величиной русскоязычного населения в этнической структуре этих новых независимых государств.

Как видно, преобладают из них страны, с которыми граничит Беларусь (Латвия, Литва, Россия и Украина). Это обусловлено и тем, что этнические границы белорусов в отличие от государственных границ Беларуси пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В результате вдоль государственной границы Беларуси имеются полоса одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших ранее и проживающих ныне совместно. Эта полоса представляет совместные этнические границы народов Беларуси, России, Польши, Литвы и Латвии, что существенно влияет и на современные миграционные процессы. Государственные границы Беларуси, России, Польши, Литвы, Латвии проходят внутри этих этнических территорий. Для Беларуси эти этнические границы по линии Брест — Белосток — Сувалки — Вильнюс — Даугавпилс — Опочка — Верхние Луки — Ржев — Брянск — Трубчевск — Городня — Овруч — Брест. И это определяет и масштабы фронтальной миграции Беларуси.

Высокий коэффициент нагрузки Казахстана в иммиграционном движении населения с Беларусью обусловлен тремя факторами. *Во-первых*, Казахстан имеет вторую по величине численность населения страны в ЕАЭС, численность его населения более чем в 1,5 раза больше, чем в Беларуси. Кроме того в отличие от Беларуси, где численность населения уменьшается, в Казахстане численность населения увеличивается. *Во-вторых*, в советский период среди всех республик в Казахстане был самый высокий удельный вес русскоязычного населения, и белорусов в том числе. И, *в-третьих*, из Казахстана, куда в начале Великой Отечественной войны были депортированы граждане немецкой национальности, в Беларусь иммигрировала значительная часть этнических немцев. Мы предполагаем, что Беларусь ими была выбрана как ближайшая к Германии страна, куда значительная часть их впоследствии эмигрировала. В результате, иммиграции граждан немецкой национальности из Казахстана численность немецкой диаспоры в этнической структуре населения Беларуси выросла с 3517 человек в 1989 г. до 4805 человек в 1999 году.

Однако социально-экономическое положение Беларуси после развала Советского Союза сказалось на том, что приехавшие на этой волне немцы в Беларуси не задержались — они взяли курс на Германию. По переписи населения 2009 года немцев в этнической структуре Беларуси уже насчитывается 2474 человек (т.е. их численность уменьшилась в 2 раза), что стало даже меньше, чем в 1979 году.

Из других стран ЕАЭС численность белорусов в этнической структуре Армении и Кыргызстана в тех регионах (соответственно кавказского и среднеазиатского регионов), где расположены эти государства в советский период была самой низкой. И потому масштабы белорусской миграции из этих стран оказались незначительными. Но отметим, что в отношении миграционного процесса Армения — Беларусь, как в 1990-х гг., так и в новом столетии, преобладают армяне. Ныне армяне составляют одну из значимых этнических общностей в Беларуси. В отличие от других неславянских этносов (евреев, татар, цыган и немцев) армяне в Беларуси появились значительно позже, а массово — только в начале XX столетия. По материалам всероссийской переписи населения 1897 г. ни одного представителя армян на территории нынешней Беларуси не было зафиксировано. Немаловажным фактором прибытия армян в Беларусь в 1990-2010-е гг. является торгово-предпринимательская деятельность, а фактором выезда из Армении — один из низких уровней жизни населения этой страны постсоветского европейского пространства. Однако в последние годы уровень жизни населения значительно вырос. Наиболее большие масштабы армяно-белорусской миграции пришлись на период развала Советского Союза.

Численность армянского этноса в Беларуси за 1989-1999 гг. увеличилась с 4933 до 10191 человек, т.е. больше, чем в 2 раза. Это самый высокий показатель роста среди титульных этносов бывших советских республик в Беларуси. По переписи населения 2009 года в Беларуси проживают 8512 армян — это шестое место в этнической структуре страны.

Наибольшие масштабы белорусской миграции, естественно, приходится на российский вектор. Однако отметим, что, как в отношении характеристики белорусской миграции (имеет она положительное или отрицательное сальдо в целом), так в отношении характера белорусско-российской миграции имеются разночтения.

Согласно данным текущего статистического учета Белстатом (Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь), величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI столетия постоянно характеризуется положительным сальдо. К примеру, по этим данным за 2010-2015 гг. положительное сальдо миграции Республики Беларусь составило соответственно: 2010 г. — 10303 человек, 2011 г. — 9900 человек, 2012 г. — 9328 человек, 2013 г. — 11643 человек, 2014 г. — 15722 человек и в 2015 г. — 18494 человек. В том числе, согласно этим данным, положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза составило соответственно: 2010 г. — 10561 человек, 2011 г. — 10048 человек, 2012 г. — 7590 человек, 2013 г. — 10293 человек, 2014 г. — 13943 человек и в 2015 г. — 15826 человек. Из них по данным национального текущего статистического учета Белстата на долю Российской Федерации приходится почти половина положительного сальдо миграции Республики Беларусь, составившее 24755 человек, в т.ч., соответственно, в 2010 г. — 5031 человек, 2011 г. — 4713 человек, 2012 г. — 3067 человек, 2013 г. — 4772 человек, 2014 г. — 4662 человек и в 2015 году — 2700 человек.

Но анализ данных российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции дает совсем иную тенденцию, они не совпадают — и не совпадают на значительную величину. Российские данные за период 2010-2015 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35152 человек. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Россия имеет отрицательное сальдо на 24745 человек.

В этой противоречивой информации, на наш взгляд, за верные можно принять показатели Белстата о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию — показатели Росстата, ибо и те, и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное их прибытие. Что касается сведений о выбытии в ту или другую страну, то часто мы имеем дело с намерением переехать в эту другую страну. Реальное оформление их в странах прибытия может затянуться надолго, а может и не состояться, но в стране выбытия они уже числятся как эмигрировавшие. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010-2015 гг. будут следующими: прибыли на постоянное место жительства в Беларусь из России 53612 человек (данные Белстата), а в Россию на постоянное место жительства из Беларуси — 83007 человек (данные Росстата). Это значит, что Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо почти в 30 тыс. человек, а Беларусь — на эту величину отрицательное сальдо.

Если взять белорусские показатели текущего статистического учета выбытия граждан Беларуси в Россию, то они зафиксировали данные в 28867 человек, т.е. почти в 2,9 раза меньше, чем по российским показателям прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (т.е. из Беларуси) и оформлением документом как прибывших в другую страну (т.е. в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности

прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Росстата) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Белстата). Эта величина трудовой белорусско-российской миграции, которая по аналитическим расчетам в различные периоды колебалась от миллиона (2007-2008 гг.) до 600 тыс. человек в 2013-2015 гг. белорусских граждан, занятых на российском рынке труда.

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. По данным текущего статистического учета Белстата в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию из Беларуси переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси, усиливая нагрузку на социальные фонды.

В последние годы растет численность эмигрировавших белорусов в западном направлении. По информации Европейского статистического комитета, численность граждан Беларуси, получивших в 2014 г. вид на жительство в европейских странах, составила 80 тыс. человек. По общим количественным показателям, это больше, чем граждан России (73 тыс. человек), но меньше, чем граждан Украины (302,8 тыс. человек) [5]. Правда, в сопоставимых величинах от численности населения стран эмиграции процент граждан Беларуси, ставших в 2014 г. резидентами стран Европейского сообщества, оказался больше, чем аналогичный украинский показатель — соответственно 0,84% и 0,67%.

Таким образом, как реальная направленность, так и иммиграционные ориентации белорусского населения свидетельствуют, что за последние четверть века в постсоветском социуме сформировалось молодое поколение с новым менталитетом, которое в миграционной компоненте меньше ориентируется на постсоветское пространство. Российский рынок труда пополняет поколение 1975-1990 годов рождения. Молодое поколение, воспитанное в новых социально-экономических и политических реалиях, ориентируется на западный вектор миграции. Из России в Беларусь возвращается поколение 1950-1960-х годов рождения. Миграция молодого и зрелого поколения из Беларуси, с одной стороны, и возврат старшего поколения — с другой стороны, усугубляет депопуляционные процессы Беларуси.

Из других государств ЕАЭС наибольшие масштабы белорусской иммиграции приходится на Казахстан, который приносит третью величину (после России и Украины) миграционного прироста Беларуси. Вклад остальных двух государств ЕАЭС в миграционный прирост населения Беларуси не только существенно меньший в сравнении, к примеру, с Казахстаном (Армения в 6 раз, а Кыргызстан в 18 раз меньше, чем Казахстан), но и даже значительно меньше в сравнении с другими странами своего региона. Но при этом характерна этническая особенность этой миграции. На постоянное место из Армении в Беларусь в основном прибывают армяне — более 75-79%, казахов — в 6 раз меньше (13-14%), а киргизов — в 7 раз меньше (11-12%), чем армян. На убывших в обратном направлении на одного уехавшего армянина приходится прибывших в такой пропорции 1:4,5, соответственно казаха и киргиза — 1:5,8 и 1:6,75.

По данным МВД Беларуси наблюдается рост численности трудовых мигрантов по контракту. Вместе с тем возникают проблемы в системе трудовых отношений в ЕАЭС. Одни из них связаны с тем, что, к примеру, на рынке труда Беларуси трудовых мигрантов из вне государств ЕАЭС намного выше, чем из государств ЕАЭС, за исключением России. В

2015 г. в Республику Беларусь по контракту прибыло около 32 тыс. трудящихся-иммигрантов, т.ч. из Украины — 14045, Китая — 7225, Узбекистана — 1707 и Турции — 637 человек, что в совокупности составляет 74,3% трудовых иммигрантов в Беларуси по контрактам. В 2016 г. в Беларусь прибыло трудовых мигрантов из Китая — 7549 человек, Украины — 6348 человек, Узбекистана — 612 человек, Литвы — 452 человек, Турции — 386 человек. Из них более половины (57,3%) составляют мигранты массовых рабочих профессий. При этом следует отметить, что по этим массовым профессиям в самой Республике Беларусь распространена безработица. Что касается трудовой миграции на белорусском рынке труда из стран ЕАЭС, то с большинством из них (за исключением России) масштабы трудовой миграции меньше, чем из перечисленных государств, не входящих в ЕАЭС. Белорусская трудовая миграция на рынок труда таких стран ЕАЭС, как Армения, Казахстан и Кыргызстан осуществляется на договорной (контрактной) основе, но при этом наблюдается уменьшение объемов этого вида миграции.

Таблица 2

Сведения МВД Республики Беларусь о численности трудящихся мигрантов на контрактной и договорной основе в Беларуси из государств-членов ЕАЭС, человек [6]

Страна	2017 г. (январь-июнь)	2016 г.	2015 г.	2014 г.
Армения	196	372	383	387
Казахстан	153	385	653	1034
Кыргызстан	28	50	72	48
Россия	1222	2140	2209	4546
Всего	1599	2947	3317	6015

Основные масштабы белорусской трудовой миграции связаны с белорусско-российской миграцией. По аналитическим расчетам в различные периоды колебались от миллиона (2007-2008 гг.) до 600 тыс. человек в 2013-2016 гг. белорусских граждан, занятых на российском рынке труда. По данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации на рынок труда России дано разрешение (поставлено на учет) на трудовую деятельность более 345 тыс. человек (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о численности граждан Республики Беларусь, поставленных на учет в России по месту пребывания за период с 3 февраля 2009 г. по 31 декабря 2016 г., человек

Субъект федерации	Всего за период 2009-2016 гг.	из них за:	
		2015 г.	2016 г.
Всего по России	1688277	307510	345801
<i>в том числе:</i>			
Центральный федеральный округ	851266	156239	178846
Северо-Западный федеральный округ	429625	86374	89685
Южный федеральный округ	117240	18108	32608
Северо-Кавказский федеральный округ	8830	1564	1635
Приволжский федеральный округ	100400	16997	18588
Уральский федеральный округ	110785	15402	14840
Сибирский федеральный округ	36688	5575	6357
Дальневосточный федеральный округ	29986	3974	3242
Республика Крым	11091	3277	7614

В 2016 г. по сравнению с 2015 г. прирост белорусов, поставленных на учет по месту пребывания в России составил 12,5%. Этот рост отражает проблемы занятости белорусского трудового потенциала на национальном рынке труда. Кроме того, думается, что

рост трудовых мигрантов белорусов, официально зарегистрированных на рынке труда России, связан с протестными действиями в Беларуси в феврале-апреле 2017 г., вызванными Декретом Президента Республики Беларусь № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», получившем в обиходе название декрета о тунеядстве. Официальная регистрация белорусских трудовых мигрантов на рынке труда России позволяет им не иметь проблем с налоговыми службами Республики Беларусь.

Основной поток граждан Беларуси в трудовой миграции с Россией ориентирован на Центральный федеральный округ (14,5% прироста по сравнению с 2015 г.) и Северо-Западный федеральный округ (3,8% прироста), из них — прежде всего в Москву и Московскую область, а также в Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Всего в этих двух федеральных округах граждане Беларуси в общей численности поставленных на учет в России в 2009-2016 гг. составляют более одного млн 280 тыс. человек (75,9% общего трудового миграционного потенциала Республики Беларусь в Российской Федерации; в 2015 г. он составлял 75,4% [2]).

Таким образом, белорусско-российская миграция локализована: она осуществляется преимущественно в приграничных регионах (фронтьерская миграция). Эта ориентация белорусских трудовых мигрантов на близлежащие (т.е. приграничные) регионы России препятствует (создавая конкуренцию) иммиграции из среднеазиатских регионов. Но при этом следует отметить, что в 2016 г. по сравнению с 2015 г. существенно увеличилась трудовая миграция в Южный Федеральный округ (в 1,8 раза), а также в Республику Крым (в 2,3 раза). Только в двух регионах Российской Федерации сократился поток трудовой миграции из Беларуси: это Уральский и Дальневосточный федеральные округа, где зарегистрированных трудовых мигрантов сокращение составило соответственно 3,6% и 18,4%.

В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусов в России можно назвать экспатами — теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданство. Тем более, что по менталитету и социокультурным ценностям белорусы близки к русским. Многие из них стараются оформить два паспорта — гражданина Беларуси и России, что может негативно отразиться на демографической ситуации в Беларуси. Это выдвигает на первый план перед Беларусью заботу о сохранении своего демографического и трудового потенциалов. Высокий уровень трудовой эмиграции белорусских рабочих массовых профессий и особенно строительных профессий обостряет социальные проблемы внутри страны, прежде всего для системы социального обеспечения, сокращая поступления взносов в Фонд социального страхования.

В результате происходит дополнительное давление на пенсионную систему, а также социальную защиту населения, которые и без миграционных процессов испытывают рост нагрузки на трудоспособное население.

Протекание трудовых и миграционных процессов в рамках Евразийского экономического пространства свидетельствуют о необходимости проведения согласованной миграционной политики. Это: определение миграционного потенциала стран ЕАЭС; определение потребностей в количестве и качестве трудового потенциала; разработка мер будущего пенсионного обеспечения; решение вопросов о взаимном перерасчете взносов в фонды социального развития; оценке эффективности обмена трудовым потенциалом.

Расширение рынка труда в масштабе ЕАЭС ставит для трудовых мигрантов проблему их будущего пенсионного будущего — это реальные проблемы, с которыми они уже столкнулись. В государствах Евросоюза юридически эта проблема урегулирована, хотя и там есть нестыковки в силу различного срока выхода на пенсию в различных странах. В странах, ранее входивших в состав Советского Союза, эта проблема не урегулирована. В силу этого в странах ЕАЭС, в которых действует единый рынок труда началась проработка

Договора о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС по экспорту пенсий, учета стажа работы, приобретенного в другом государстве-члене ЕАЭС. Для белорусских трудовых мигрантов, занятых на рынке труда России, эти проблемы особенно актуальны, где наиболее велика их доля и где в рамках договора между Россией и Беларусью в области социального обеспечения от 24 января 2006 года эти проблемы решаются, указывая методологию их решения и с другими странами. В Армении, Казахстане и Кыргызстане численность белорусских мигрантов незначительна, но тем не менее и здесь уже встают вопросы. Более высока в белорусском рынке труда численность армянских трудовых мигрантов.

Таким образом проблема пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в новых условиях социально-трудовых отношений на постсоветском пространстве ставит многие вопросы, как для граждан, так и для социальных структур, как внутринационального, так и международного характера.

Литература и Интернет источники

1. Кузьмицкая Т.В. Международная трудовая миграция: проблемы оценки и влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://regconf.hse.ru/uploads/9ea0c8e4a45a30cf95998f570465530a15ff139b.pdf>.
2. Общие итоги миграции населения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/obschie-itogi-migratsii-naseleniya-respubliki-belarus/.
3. План мероприятий на 2017–2020 годы по формированию единого миграционного пространства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/500248052>.
4. По приблизительным данным, около 300 тысяч белорусов осуществляют трудовую деятельность за рубежом. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://belapan.com/archive/2013/11/21/media_migration_v2/.
5. Статистика ЕАЭС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx.
6. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=16721>.
7. Чубрик А. Предложение рабочей силы в Беларуси: вызовы для экономической политики / А. Чубрик, Г. Шиманович // Исследовательский Центр ИПМ [Электронный ресурс]. — 2013 — Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2013r01.pdf>.

*Cynthia A. Pizarro, PhD (Anthropology),
Professor at the School of Agriculture of the University of Buenos Aires,
Researcher at the National Council of Scientific and Technological Research,
Buenos Aires, Argentina. E-mail: pizarro.cynthia@gmail.com*

**MERCOSUR. IMMIGRANTS FROM NEIGHBORING COUNTRIES IN ARGENTINA:
INTEGRATION OR EXCLUSION?**

(the study was conducted with the support from the University of Buenos Aires grant,
Project 20020130100147BA)

We refer to the way in which the MERCOSUR State Parties have addressed immigrants' cultural integration and socio-economic inclusion. We analyze the two approaches to integration: adaptation and multiculturalism, and the integration policies in Argentina. We remark that the spirit of the Migration Law 2004, that guarantees immigrants' human rights and recognizes the importance of those coming from the MERCOSUR countries, has substantially turned into a xenophobic and restrictive perspective, observable in recent amendments.

Keywords: *international migration, integration, inclusion, migration policies, MERCOSUR, Argentina.*

*Пизарро Синтия Александра,
доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса,
Буэнос Айрес, Аргентина.
E-mail: pizarro.cynthia@gmail.com*

**МЕРКОСУР. ИММИГРАНТЫ ИЗ СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН В АРГЕНТИНЕ:
ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ИСКЛЮЧЕННОСТЬ?**

(исследование проведено при поддержке гранта Университета Буэнос-Айреса,
грант 20020130100147BA)

В статье анализируется, как государства-участники МЕРКОСУР рассматривают культурную интеграцию иммигрантов и их социально-экономическую включенность. Рассмотрены два подхода к интеграции: адаптация и мультикультурализм, а также политика интеграции в Аргентине. Отмечается, что Закон о миграции 2004 года, изначально гарантировавший права человека иммигрантам, прибывающим из стран МЕРКОСУР, в последнее время, по сути, стал играть ограничительную роль.

Ключевые слова: *международная миграция, интеграция, включенность, миграционная политика, МЕРКОСУР, Аргентина.*

Migrations within the MERCOSUR and to Argentina

Migrations in Latin America are mainly intra-regional, and the United States of America are the predominant destination outside the region. Political factors have historically influenced these population movements. For instance, dictatorships and political violence used to expel many refugees. This kind of migration has mostly come to an end since political conditions are more stable, enabling several people to return.

During the 1980's, a new migration phase began in many Latin American countries as a result of the socioeconomic crisis [1], stimulating vast amounts of people to emigrate within the region and, mostly, to the United States and Europe [2]. Economic factors, such as trade liberalization and the unsteady increase of economic inequalities between countries in the region, are nowadays the main causes of population movements.

In the late 1990s, the State Parties of the Southern Common Market (MERCOSUR) became concerned about the advantages and disadvantages of migrations from and within the region. This agreement includes several countries¹ that share common geographic and cultural features but, at the same time, have big social and economic differences. Despite the economic integration that the MERCOSUR entails, these inequalities have increased because of the impact of neoliberal policies. This led to certain changes in the labor markets which are related to migration processes such as the emergence of new kinds of part-time or homebase jobs and the increase of informal work [3].

Even though the State Parties agreed upon free trade of goods, services and means of production, a common external tariff, and the co-ordination of macroeconomic and sectoral policies, the social dimension of the integration was not part of the treaty signed in 1991. Moreover, the search for social justice described in the preamble of the document was not reflected in explicit actions aimed to protect the most vulnerable social groups within the globalization process [3].

These topics were discussed in subsequent meetings. On the one hand, the MERCOSUR State Parties posed that northern receiving countries should develop more inclusive immigrant integration policies [4]. On the other hand, they attempted to ameliorate what was (and still is) considered a migration governability crisis within the region. In December 2002, the presidents of these States announced that they would allow free mobility of people within the region. Therefore, some considered that their countries' migration policies should be looked over. Nevertheless, the only state that did make substantial changes was Argentina, enacting a new National Migration Law in 2004 which guarantees immigrants' rights, and recognizes the importance of migrants coming from the State Parties of the MERCOSUR [5].

During the 1990s, the increase of migrants moving within the Southern Cone of South America brought about changes in the proportions of migratory flows in several countries. In 2010, Argentina ranked third in the world as a host country receiving Latin American immigrants. Most of them, about 75%, came from the State Parties of the MERCOSUR. Longstanding Bolivian and Paraguayan immigration flows significantly increased during the last decades of the 20th Century. Foreign population represented 4.50% of the total of Argentina and immigrants from neighboring countries represented 3% of that population and 69% of the total foreign one. Paraguayans ranked first, followed by Bolivians, Peruvians, Chileans, Uruguayans, and Brazilians.

These immigrants usually come from impoverished social contexts and tend to integrate into marginal segmented labor markets, taking up jobs which are not accepted by natives because payment is very low and working conditions are extremely precarious. They generally insert in the construction industry, domestic service, apparel production and informal trade in urban areas, and agriculture and bricks production in peri-urban and rural ones. The informal nature of

---

¹ The agreement was signed in 1991 between Argentina, Brazil, Paraguay and Uruguay. Bolivia and Venezuela joined later as member countries. Nowadays, Chile, Colombia, Peru, Ecuador, Guyana and Surinam are associated countries.

their labor agreements leads to lack of access to social security and healthcare services, as well as to fewer possibilities of education for children and young people.

Immigrants' cultural integration or social inclusion?

Immigration has emerged as a hot issue in many states. In 1984, the Organization for Economic Cooperation and Development recognized that migration was not “conjunctural”, that is, temporary and related to economic circumstances, but actually “structural”, a permanent phenomenon which had to be taken into account [6]. Nowadays, global migration governance is a topic of the political agenda at national and regional levels, inspiring debates about what is defined as “the problem of migration” [7].

One of the concerns refers to immigrants' adaptation or integration. Politics and common sense about this topic differ according to which of these terms is privileged [8]. When adaptation is the focus, immigrants are expected to melt in the host society, incorporating its culture and identity. In these sense, in Argentina, natives usually think that their nation has always welcome migrants, since its very foundation. It is a common place to hear that Argentines descend “from the ships” instead of referring to native ancestry. This is because it is thought that most Argentine population descends from the European migrants that arrived by ship during the late 19th Century and the first mid-20th Century.

While Europeans are looked up to because they are thought to be modern and white, indigenous people are looked down on because they are supposed to be un-civilized. It is thought that Argentina was so kind to receive so many migrants that it is nowadays a melting pot. But it must be remarked that those migrants were digested in their way to assimilation since they were expected to acquire Argentine national identity. This acculturation process took place in various ways, for instance, at school and at the military service.

When the stress goes on integration and multiculturalism, instead of adaptation, it is desired that both migrants and natives accept each other, respecting and tolerating cultural diversity. In this way, according to the integration approach, they should not be imposed the culture of the host country, nor be subsumed in its national identity that, besides, is the result of historical processes.

The advocacy of cultural pluralism and tolerance arouse in opposition to eurocentrism. Social movements around the world denounced ethnic discrimination and segregation, and claimed for cultural integration. But even when multiculturalism promotes the tolerance of minority groups, it does not ensure complete integration and participation in the global society. Moreover, tolerance might be just a politically correct make up, resulting in a society with less institutionalized discrimination but probably atomized in several collectivities whose cultures are frequently considered a picturesque folkloric manifestation. Thus, intercultural aesthetics is just a folklorization of cultural differences [9].

Even when the multi-culturalist discourse is manifestly tolerant and respectful of difference, it hides a certain perversity: it refers to cultural differences but it does not notice the politic and economic ones that are associated to them. For instance, in Argentina, immigrants' socio-economic exclusion is explained in cultural terms, thus naturalizing and justifying inequality [10].

Immigrants from neighboring countries frequently live and work in very bad conditions. Low incomes, temporal and insecure jobs and informal labor agreements usually coincide with spatial segregation and public stigma. Nevertheless, it is frequently ignored that their social practices do not only enact their cultural heritage but are also traversed by their socio-economic backgrounds both of their host society and of the places where they come from [11].

Thus, residential segregation is usually explained on the grounds of their cultural preference of living together. Exclusion from the labor market is thought to be due to their mentality. Bad health and reluctance to be assisted by the hegemonic medical system, especially in immigrant women, are explained with reference to cultural peculiarities.

Integration policies for immigrants in Argentina

Integration policies show the Argentina's wish to smooth the unequal and contested relationships between hegemonic social agents and certain minorities such as immigrants. During the 20th Century the Argentine state sought immigrants' naturalization by means of education, military service and compulsory voting. It was not only a matter of legal interest but cultural assimilation was an important goal as well. Public schools were thought to be a crucial scenario where Argentine identity could be incorporated by immigrants and their descendants.

In contrast, during the 1990s immigrants from neighboring countries were stereotyped as criminals and were thought to be a threat to Argentines' access to work, health and education, and a security problem. Various restrictive and repressive strategies against regional immigrants were part of their everyday life. The State labelled those who had an irregular migratory status as illegal, instead of making it easier for them to regularize their papers. At that time, policies regarding sociocultural diversity oscillated between considering immigrants' uses as a "disadvantage", on one side, and remarking their "cultural wealth", on the other [12].

The first idea focuses on cultural difference as a deficit, and considers that intercultural education is a strategy of educational equity. Thus, policies in Argentina were focalized and compensatory, and aimed to achieve the inclusion of disadvantaged groups such as indigenous people and immigrants, but did not aim to change the socioeconomic inequalities or to go against the interests of the hegemonic groups.

The idea that highlights the importance of minority groups' culture is a leit motive of a different stream among policies that were also promoted in the 1990s in Argentine which at the same time defined the country as a multicultural, pluriethnic and multilingual State. In this sense, immigrants' cultures were exalted and policies focused on the importance of immigrants' cultural practices and considered them as a remarkable rich folklore. In the same direction, immigrants felt proud and were very eager to participate in various multicultural performances showing their typical dances, music and food.

This essentialist multiculturalism, which promotes respecting and tolerating diversity and difference, does not encourage emancipatory practices and is not an alternative model to that of assimilationist integration. On the contrary, it hides segregation and discrimination processes.

In 2004 Argentina passed the Migration Law 25.827. This enactment brought about a substantial change in the immigration policy since the law recognizes the right to migrate, and it fosters the equality of treatment of the immigrants and their access to information. It guarantees the non-discriminatory admission of citizens of the MERCOSUR and their access to social services, public benefits, health assistance, education, justice, work, employment and social security. It specifies that the irregular situation of a foreigner does not prevent him or her from being admitted as a student in educational institutions or from accessing to health, social or sanitary assistance.

When this was launched, the common-sense preconceptions that pose that immigrants are threat and that their entry to the country should be restricted seemed to weaken and it was thought that they would eventually disappear. The spirit of this Law is remarkably open-minded since it formally recognizes the basic Human Rights to every migrant in Argentina. It also suppresses all the restrictive clauses of the previous Law, such as the one that obliged civil servants to denounce irregular migrants, who would therefore, be deported. Nevertheless, it took 10 years to regulate the application of this Law and discriminatory practices in every institution and in everyday life did not cease.

A special mention should be made to its multi/intercultural approach regarding cultural integration which highlights the richness of cultural difference. One of the objectives of the Law is to promote the integration to the Argentine society of those immigrants who had been admitted as permanent residents. It also says that the State will stimulate actions seeking to integrate immigrants, especially those aiming to put into value the cultural, social, economic and religious

expressions of the immigrants. It recommended as well the organization of training courses leading to the development of respectful multicultural relations and the prevention of discriminatory behaviors. Nevertheless, the Law presents a significant contradiction since it says that immigrants should respect the Argentine cultural identity. That is to say, it considers that Argentines are the hegemonic cultural group in which immigrants should fit in [13].

In this sense, cultural integration is more about an unequal relationship between a hegemonic Argentine "us" and a minority immigrant "them", than an equal relationship between diverse groups of human beings who have been born in different countries. In brief, the Argentine Migratory Law recognizes the importance of immigrants' cultural contribution and appraises their coexistence with native citizens, but it does not refer to the importance of their socio-economic inclusion under equal conditions with native citizens.

Going back to a restrictive migration governance

In December 2015, a new governmental administration began in Argentina. As it is happening in many countries, a neoliberal and conservative order is spreading very quickly. At mid-2016, the Government announced that a Center of Detention of Irregular Immigrants was being built. This decision was astonishing because of it was taken so quick after the beginning of the administration and because it had an outstanding xenophobic orientation. Nevertheless, many government officials supported it, recreating the latent discrimination discourses of the 90's, similar to the global anti-immigration criminalizing stigmas that have spread around the world.

Although this jail has not been put to work yet, public opinion was not unfavorable to this decision at all, not even when the President launched an Act which amended the Migratory Law of 2004 at the beginning of 2017. This amendment establishes a series of strategies that make it easier to deport those immigrants condemned as criminals and even those who have only been processed. Besides, immigrants are more than frequent arrested for behaviors for which native people would be not.

Even though this amendment did not modify those statements regarding immigrants' social rights, the common-sense discourse that highlights Argentina's generosity towards immigrants and remarks that they are eager to take advantage of the free access to public social services such as hospitals and schools. This discriminatory statements focus especially in those immigrants coming from neighboring countries. At the same time, the access of immigrants to several state services is being cut (e.g. technic assistance to agriculture entrepreneurs, pensions, health assistance), and the police is increasingly arresting pedlars who sell items such as food, sport clothes, glasses and the so in the streets.

The Migration Law that preceded the 2004 one was criticized because it was extremely restrictive. Similar critics should be done to nowadays policies, which seem to be turning even more excluding, and, for the moment, immigrants' integration seems to be the least important topic regarding what is thought to be the "problem of migration".

Final remarks

"The problem of integration" is usually explained on the ground of stereotyped culture(s) instead of social inequalities [14]. Therefore, the belief that the root of the problem is cultural affects the direction of "integration policies". On the contrary, it must be remarked that "the immigrant problem" is primarily a problem of social exclusion. Social and residential segregation, discrimination, stigmatization and marginalization are equally or more important than cultural confinement. Social exclusion can create subcultures, which give a feeling of identity and a sense of belonging in a harsh world. But, at the same time, they generate a feeling of being subordinate outsiders. A feeling of not belonging to the nation can create bitterness and conflicts. It may lead

to disputes not only between immigrants and natives, but also between the weak, for example, working class native children on working class immigrant children.

Multiple forms of social exclusion arise in a world in which the search for roots has become widespread [14]. The uniting discursive core of different exclusionary practices is often a cultural rationalization of social tensions regulated and controlled through definitions of normality. For instance, people ascribe immigrants certain backward traditions that differ from a stipulated normality. Thus, the social inequalities of a multiethnic society tend to be understood in simplistic culture-related terms. Cultural differences are cultivated and polarized. For instance, in Argentina, there is an increasingly common political and popular discourse that ponders if certain groups of refugees and immigrants are suitable or unsuitable to be accepted in “our” society. Therefore, a complex and dynamic perspective on culture and identity is unavoidable, if we are to render visible the fundamental social conflicts associated with the cultural integration [14].

References and sources

1. Massey, D. et al. *Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Clarendon Press, 2005.
2. Cerrutti, M. *Gender and Intra-Regional Migration in South America* // *Human Development Research Paper*, 2009.
3. Patarra, N. *Economic integration, the job market and international migration: the case of MERCOSUR* // *Regional Seminar Globalization and International Migration in Latin America and the Caribbean: Trends and Prospects for the 21st Century*, Santiago de Chile: UNESCO, 1999. P. 13-15.
4. Stuhldreher, A. *Cambio de ciclo en las relaciones birregionales entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe: Discurso, teorías y políticas en torno al issue migratorio* // *FLACSO-ISA Conference*, 2014.
5. Novick, S. *Migración y políticas en Argentina: tres leyes para un país extenso (1876-2004)* // In S. Novick (Ed.) *Las migraciones en América Latina. Políticas, culturas y estrategias*, Buenos Aires: Catálogos/CLACSO, 2008.
6. Rey-von Allmen, M. *Towards an Intercultural Education* // In M. Mesic (Ed.) *Perspectives of Multiculturalism — Western and Transitional Countries*. Zagreb: Croatian Commission for UNESCO, 2004. P. 103-113.
7. Pizarro, C. and Gunchenk, G. *Migration, Integration and Multiculturalism* // *Стратегия развития индустрии сервиса, туризма и дизайна: новые вызовы и практика инноваций, Северо-Кавказского федерального университета*, 2015. № 2, P. 247-253.
8. May Grosser, S. *La importancia de incluir las competencias interculturales en las relaciones con población refugiada* // *WIMB LU*, 2015. Vol. 10, № 1. P. 57-66.
9. Mármora, L. *La inclusión social del migrante* // *Revista migraciones internacionales. Reflexiones desde Argentina*, 2017. № 1. P. 7-18.
10. Pizarro, C. *Clasificar a los otros migrantes: las políticas de migración argentinas como productoras de etnicidad y desigualdad* // *Revista Métis, Historia & Cultura*, 2012. Vol. 11, № 22. P. 219-240.
11. Pizarro, C. *El racismo en los discursos de los patrones argentinos sobre inmigrantes laborales bolivianos. Estudio de caso en un lugar de trabajo en Córdoba, Argentina* // *Convergencia Revista de Ciencias Sociales*, 2012. № 60. P. 255-285.
12. Domenech, E. *Políticas migratorias y estrategias de integración en Argentina: nuevas respuestas a viejos interrogantes* // *XXV IUSSP International Population Conference*, 2005.
13. Pérez, E. *“Acá somos todos iguales”: migración y escuela* // *Congreso Internacional de Ciencias Sociales y Humanidades*, Universidad Nacional de Córdoba, 2013.
14. Alund, A. *Pathways of Social Exclusion; Youth in Multicultural Sweden* // In M. Mesic (Ed.) *Perspectives of Multiculturalism — Western and Transitional Countries*. Zagreb: Croatian Commission for UNESCO, 2004. P. 131-151.

Письменная Елена Евгеньевна*,
доктор социологических наук, профессор
Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ,
Москва, Россия;

Азимов Абдумавлон Джалилович**,
доктор экономических наук, профессор, заведующей кафедрой «Экономической теории» Института
Экономики и Торговли Таджикского Государственного Университета Коммерции,
Худжанд, Таджикистан;

Акрамов Шариф Юлдашевич,
кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник
Института социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия;

Азимова Зулайхо Абдумавлоновна,
соискатель Института Экономики и Торговли
Таджикского Государственного Университета Коммерции,
Худжанд, Таджикистан

*E-mail: nikitaR@list.ru;

**E-mail: mavlon_1954@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭМИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

(Исследование проведено при поддержке РФФИ (РГНФ), грант № 17-33-00059)

В статье рассматриваются особенности трансформации миграционного поведения населения и эмиграционных процессов в Республике Таджикистан в постсоветский период. Анализируются особенности мотивации и адаптации таджикских мигрантов в российском обществе. Предлагаются меры по совершенствованию регулирования трудовой эмиграционных процессов в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: Таджикистан, эмиграция, эмиграционные установки, мотивация, рынок труда.

Elena E. Pismennaya, Dr. Sc. (Sociol.), Prof. *
Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia;

Abdumavlon Ja. Azimov, Dr. Sc. (Econ.), Prof. **
Head of Economic Theory Chair, Institute of Economy and Trade of Tajik State University of Commerce,
Khujand, Tajikistan;

Sharif Yu. Akramov, Cand. Sc. (Sociology),
Leading Researcher, Institute for Socio-Political Research, RAS, Moscow, Russia;

Zulaikho A. Azimova,
Competitor, Institute of Economy and Trade of Tajik State University of Commerce,
Khujand, Tajikistan.

*E-mail: nikitaR@list.ru;

**E-mail: mavlon_1954@mail.ru

EVOLUTION OF MIGRATION BEHAVIOR OF POPULATION AND SOCIO-ECONOMIC IMPLICATIONS OF EMIGRATION FROM TAJIKISTAN

(The study was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RHF),
grant No. 17-33-00059)

The article deals with the peculiarities of the transformation of migration behavior of the population and emigration processes in the Republic of Tajikistan in the post-war period. Features of motivation and adaptation of Tajik migrants in Russian society are analyzed. Measures are proposed to improve the regulation of labor emigration processes in the Republic of Tajikistan.

The Keywords: Tajikistan, emigration, emigration, motivation, labor market.

Таджикистан с момента распада СССР становится одним из самых крупных эмиграционных доноров в Центральной Азии. Характер и структура эмиграционных потоков из страны изменялись в зависимости от геополитических событий и экономической ситуации. В 1990-е гг. эмиграция из Таджикистана была обусловлена вынужденными выталкивающими причинами, связанными с гражданской войной. Мотивация миграционного поведения таджикского населения того времени носила стрессовый характер. В иерархии «выталкивающих» факторов эмиграции этого времени главное место занимали рост радикальных сил ислама, которые развязали гражданскую войну в Таджикистане после развала СССР, а также рейдерство, попирающие гражданских свобод. На основе развала унитарного государства и наличия сил радикального ислама появились межэтнические противоречия. Особое место здесь занимало вытеснение русских из Таджикистана. Русские и представители других этнических групп активно покидали Таджикистан в то время. Как справедливо отмечает Р.У. Ульмасов: «Во время гражданской войны вынужденными мигрантами стали, прежде всего, русскоязычные жители страны. Для того, чтобы избежать последствий войны, в 1993 г. более 86 тысяч человек эмигрировали из республики. Это был незначительный процент от всего населения (1,5%), однако, это были высококвалифицированные специалисты. Война разрушила значительную часть инфраструктуры в зонах конфликта, особенно в Хатлонской области. Таджикских мигрантов в начале 1990-х гг. интересовала, прежде всего, безопасность членов семьи. Внутренний конфликт, активная стадия которого продолжалась с 1992 по 1995 гг., унес, как минимум, 50 тыс. жизней. Экономический ущерб Республики Таджикистан составил 7 млрд. долларов США»¹.

Русские в Таджикистане обладали высоким уровнем квалификации, имели мотивацию работать, но ожидания деструктивных политических и экономических событий, вынудило их стать переселенцами. Республику в этот период покинули примерно 86 тыс. человек. Данные об оттоке населения из Таджикистана приведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные параметры эмиграции из Республики Таджикистан в 1991-2015 гг., тыс. человек

Показатели миграции	1991 г.	1995 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Число выбывших из страны, в том числе:	101,3	74,9	27,3	36,1	40,1
Горно-Бадахшанская автономная область	5,0	2,0	2,1	1,8	1,8
Согдийская область	24,1	29,1	8,1	12,4	9,5
Хатлонская область	24,7	17,3	9,2	11,3	17,8
Душанбе	30,0	16,8	3,1	2,9	2,9
Районы республиканского подчинения	17,5	9,8	4,9	7,7	8,1

Источник Таджикистан: 25 лет государственной независимости. Статсборник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. — Душанбе: 2016. — С. 38-45.

Миграционный отток русского населения привел к усилению моноэтничности структуры населения Таджикистана. В табл. 2 представлена динамика численности русского населения в странах Центральной Азии. Следует отметить, что отток русских из Таджикистана был самым масштабным из всех стран региона: в 2000 г. численность русскоязычного населения по сравнению с 1989 г. сократилось в пять раз, а в 2010 г. по сравнению с 2000 г. — в два раза.

¹ Ульмасов Р.У. Развитие государственного регулирования временной трудовой эмиграции из Таджикистана в Российскую Федерацию. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М.: 2009. — С. 20.

Динамика численности русского населения в странах Центральной Азии в 1989-2010 гг., тыс. человек

Страна	1989 г.	2000 г.	2010 г.
Таджикистан	388	68	35
Узбекистан	1653	1092	720
Киргизия	917	603	420
Казахстан	6062	4480	3794

Источник: Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. — М.: ИСПИ РАН, 2014. — С. 56, 97.

Эмиграционный отток русского и русскоязычного населения из Таджикистана имел существенные социально-культурные последствия для общества. Прежде всего, сократилась сфера использования русского языка: численность носителей русского языка, социально-экономических сфер его применения, количество школ, в которых он изучается. Вместе с эмиграцией русских в Таджикистане был «вымыт» слой интеллигенции, сократился культурный потенциал. Республику покинули 83 тыс. квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, которые составляли основу научно-технического и творческого потенциала страны. Безусловно, отток русского и русскоязычного населения для Таджикистана стал проигрышем.

Многие эмигранты из Таджикистана в этот период переехали в Россию, фактически став вынужденными мигрантами, но так и не получили формального статуса «беженца» в тот период времени. Спустя годы, они, конечно, адаптировались и интегрировались в российское общество в целом достаточно успешно, пройдя через массу бюрократических проблем.

По мере стабилизации политической ситуации в 2000-е гг. мотивация эмигрантов из Таджикистана существенно изменилась. На первый план вышли социально-экономические мотивы эмиграции. К «выталкивающим» факторам эмиграции населения из Таджикистана можно отнести, прежде всего, низкий уровень заработной платы, бедность, сокращение производства, безработицу. Экономическая трансформация таджикостанской экономики сопровождалась существенным «сжатием» рынка труда с количественной и качественной точек зрения. Сокращалось количество рабочих мест, а также росла доля малооплачиваемых рабочих мест. По сути, в Таджикистане происходила примитивизация социально-трудовых процессов, усиливалась роль отраслей экономики, которые не требовали специализированного труда, высокой квалификации и производительности, что приводило к усилению роли неэффективных институтов занятости. До сих пор перед Таджикистаном остро стоит вопрос углубления разделения труда, трудовых процессов посредством внедрения новых технологий и развития инфраструктуры экономики.

В значительной степени трудовая эмиграция консервирует данные негативные процессы в экономике Таджикистана. Поскольку в результате трудовой эмиграции с национального рынка труда «вымывается» трудоспособное население, молодежь и квалифицированные специалисты. Данные негативные процессы в Таджикистане шли параллельно с сокращением численности выпускников учреждений среднего профессионального образования (СПО). И хотя количество единиц СПО за двадцать пять лет (1991-2015 гг.) увеличилось с 43 до 51, доля учащихся в них сократилось с 41 до 38 тыс. человек. Общий выпуск специалистов за этот период сократилось с 14 до 10 тыс. человек². При этом все это

² Таджикистан: 25 лет государственной независимости. Статсборник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. — Душанбе: 2016. — С. 100- 101.

происходило на фоне роста численности трудовых ресурсов в стране, которые выходили на национальный рынок труда. Однако, учитывая, что они не находили применения в стране, многие отправлялись в эмиграцию.

Изменилась мотивация эмигрантов из Таджикистана, став более экономической. Многие мотивированы на работу в России и Казахстане. Таджикские трудовые мигранты широко представлены на российском рынке труда в различных отраслях экономики (строительство, транспорт, услуги и пр.). По данным ФМС России, в 2014 г. гражданам Таджикистана было выдано 415 тыс. разрешений на работу и патентов и произведено 687 тыс. фактов регистрации по месту пребывания с целью трудовой деятельности. Таджикские трудовые эмигранты представлены практически во всех регионах и отраслях экономики России. На практике таджикских трудовых мигрантов в России очень трудно разделить мигрантов на временных и постоянных. Многие работают по десять-пятнадцать лет, то есть практически постоянно живут в России, выучили русский язык и неплохо адаптировались на рынке труда, некоторые перевезли в Россию семьи, у них родились здесь дети. Фактически они интегрированы в российское общество, но в силу разных причин, они не могут стать гражданами России и формально продолжают оставаться трудовыми мигрантами.

С.В. Рязанцев справедливо считает, что важным инструментом российской миграционной политики является развитие инфраструктуру найма трудящихся-мигрантов в Таджикистане как одном из основных поставщиков трудовых ресурсов для работы на российских предприятиях (миграционные центры, центры изучения русского языка, центры профессиональной подготовки потенциальных трудящихся-мигрантов, агентства занятости). Следует отработать механизм лицензирования и создать единый реестр частных агентств занятости, работающих в России и основных странах-поставщиках трудящихся-мигрантов. Развитие широкой сети официально лицензированных рекрутинговых компаний по найму трудящихся-мигрантов с паритетным участием как государства, так и частных инвесторов, для поиска, оформления документов на работу, помощи в переезде и трудоустройстве трудящихся-мигрантов в различных регионах, отраслях и предприятиях экономики, испытывающих потребность в трудовых ресурсах, а также создание базы данных о вакансиях на рынке труда и наличии неудовлетворенных потребностей работодателей в России позволит ввести трудовую миграцию в организованное русло, предотвратить неорганизованный поток трудящихся-мигрантов в страну. Наиболее эффективными инструментами распространения информации о ситуации на рынке труда являются специальные агентства по трудоустройству персонала которые могут быть как независимыми организациями, так и существовать под патронажем служб занятости и центров занятости населения.

В последние года происходит существенное изменение социально-демографического состава трудовых эмигрантов из Таджикистана. До кризиса 2014-2016 гг. в России, в эмиграцию все более активно включались новые группы населения: жители сельских районов и отдаленных кишлаков; молодежь, в том числе выпускники школ; женщины. Сформировались новые модели трудовой эмиграции, маркированные определенными социально-демографическими когортами населения. Например, многие выпускники школ, имея перед глазами успешный опыт трудовой эмиграции своих родственников и соседей, сразу после окончания школы отправляются в эмиграцию в Россию.

Таджикские женщины все чаще включаются в эмиграция как основные участники или как сопровождающие лица. Подобная трансформация эмиграционного поведения таджикских женщин обусловлена наличием феномена «брошенных жен». Многие женщины-эмигрантки отмечают, что готовы сопровождать своих мужей в Россию, чтобы не распался брак.

Последний финансово-экономический кризис в России привел к усилению возвратной миграции в Таджикистан некоторой части трудовых мигрантов. Из-за резкой девальвации рубля сократились заработные платы таджикских рабочих. Усилилась мотивация некоторой части трудовых мигрантов к возвращению домой, в Таджикистан. В научной литературе по миграции возвратная миграция понимается как «вид международной добровольной миграции на постоянное место жительства, как стимулируемый, так и не стимулируемый принимающим государством, при котором переселение происходит в государство происхождения лиц, ранее эмигрировавших из него (или оказавшихся за границей в силу его распада), а также потомков этих лиц, в основе может лежать упрощенный порядок предоставления гражданства или вида на жительство»³. Возвратную миграцию отличают от реэмиграции: «...реэмиграция является последним этапом временной трудовой миграции, которая подразумевает возвращение в страну въезда»⁴. Однако феномен возвратной миграции из России в Таджикистан требует дополнительного изучения.

Литература

1. 25-лет Государственной независимости. Статистический сборник, Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. — Душанбе, 2016. — 250 с.
2. Азимов А.Дж. Некоторые пути по совершенствованию регулирования миграции в Таджикистане ВЕСТНИК ТГУПБП №1 2015г.
3. Азимов А. Дж. Неоклассическая теория рационального поведения и её ограниченность //Вестник ТГУПБП. — 2016. — №1 (66). — С. 100108.
4. Азимов А.Дж. Трансформация миграционного поведения и процессов в трудоизбыточной стране: теория и методология исследования (на примере Республики Таджикистан): Диссертация на соискание учёной степени доктора наук. — Худжанд, 2016.
5. Азимов А.Дж., Акрамов Ш. Ю. Причины и особенности миграции а Республике Таджикистан // Миграционные мосты в Евразии V международная конференция «Трудовая миграция в Российской Федерации: предотвращение трудовой эксплуатации, стимулирование социально-экономического развития, совершенствование регулирования». Международная школа для молодых ученых «Междисциплинарные подходы к исследованию миграции населения» 23-24 октября, 2013. — М.: Экон-Информ. — С. 487-496.
6. Рыбаковский Л. Л. Демография (статьи XXI века). — М.: Экон-Информ, 2009. — 245с.
7. Рыбаковский О.Л. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. М.: Экон-Информ, 2008. — 288 с.
8. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в России и странах СНГ: тенденции и управление. — М., 2009.
9. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: Экономико-социологическое исследование. — М.: Научный мир, 2011.
10. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей. ИСПИ РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: 2014. — 236 с.
11. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Результативность внешней миграционной политики России и подходы к оценке возможных объемов привлечения мигрантов // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2017. — № 2. — С. 7-13. DOI: 10.26653/2076-4685-2017-2-7-13

³ Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: население, интеграция и возвратная миграция в Россию. — М.: ИСПИ РАН, 2014. — С. 90.

⁴ Там же. С. 92.

Динамика русского населения в некоторых странах ЦА, тыс. человек

Страна	1989 г.	2000 г.	2010 г.
Таджикистан	388	68	35
Узбекистан	1653	1092	720
Киргизия	917	603	420
Казахстан	6062	4480	3794

Источник: Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. — М.: ИСПИ РАН, 2014. — С. 56, 97.

Ограниченная, внешняя и временная миграция имеет противоположные черты относительно вышеназванной формы миграции и во временном интервале между этими формами миграции практически отсутствует связь. Характерными чертами поведения этой миграции являются: низкоквалифицированный ручной труд, низкий уровень образования и культуры, превалирование религиозных предрассудков и отсутствие специальных знаний и мастерства и незнание русского языка. Цель этой формы — достижение и получение определенных доходов, позволяющих обеспечить семью на уровне нормальной жизнедеятельности. В этом отношении связь с прошлым в том, что мы имели институты, которые стимулировали более или менее результативный труд ранее, а в настоящее время, имеем институты с низкими стимулами к этой деятельности. В этом плане, по сравнению с прошлым, мы имеем регрессивный тренд для институтов настоящего и будущего.

Литература

1. 25-лет Государственной независимости. Статистический сборник, Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. — Душанбе, 2016. — 250 с.
2. Азимов А.Дж. Некоторые пути по совершенствованию регулирования миграции в Таджикистане ВЕСТНИК ТГУПБП №1 2015г.
3. Азимов А. Дж. Неоклассическая теория рационального поведения и её ограниченность //Вестник ТГУПБП. — 2016. — №1 (66). — С. 100108.
4. Азимов А.Дж. Трансформация миграционного поведения и процессов в трудоизбыточной стране: теория и методология исследования (на примере Республики Таджикистан): Диссертация на соискание учёной степени доктора наук. — Худжанд, 2016.
5. Азимов А.Дж., Акрамов Ш. Ю. Причины и особенности миграции а Республике Таджикистан // Миграционные мосты в Евразии V международная конференция «Трудовая миграция в Российской Федерации: предотвращение трудовой эксплуатации, стимулирование социально-экономического развития, совершенствование регулирования». Международная школа для молодых ученых «Междисциплинарные подходы к исследованию миграции населения» 23-24 октября, 2013. — М.: Экон-Информ. — С. 487-496.
6. Рыбаковский Л. Л. Демография (статьи XXI века). — М.: Экон-Информ, 2009. — 245с.
7. Рыбаковский О.Л. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. М.: Экон-Информ, 2008. — 288 с.
8. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в России и странах СНГ: тенденции и управление. — М., 2009.
9. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: Экономико-социологическое исследование. — М.: Научный мир, 2011.
10. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей. ИСПИ РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: 2014. — 236 с.

РАЗДЕЛ 2. АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО

*Гневашева Вера Анатольевна,
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры Демографической и миграционной политики
МГИМО (Университет) МИД России,
ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: vera_cos@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (исследование проведено при поддержке РФФИ, грант РФФИ № 16-36-60002)

В статье определяются основополагающие факторы воздействия на процесс формирования рабочей силы в условиях общемировой трансформации социально-экономической и политической сферы, а также глобализации международных экономических отношений.

Ключевые слова: рабочая сила, миграция, рынок труда, глобализация международных экономических отношений.

*Vera A. Gnevasheva, Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor,
Professor at the Demographic and Migration Policy Chair,
MGIMO (University) of the MFA of Russia,
Leading Researcher, Institute for Socio-Political Studies, RAS
E-mail: vera_cos@rambler.ru*

FEATURES OF THE FORMATION OF THE LABOR FORCE IN THE CONTEXT OF THE GLOBALIZATION OF MIGRATION PROCESSES (the study was conducted with the support of the RFBR, grant No. 16-36-60002)

The article defines the basic factors of the impact on the process of forming the labor force in the conditions of the global transformation of the socioeconomic and political spheres, as well as the globalization of international economic relations.

Keywords: labor force, migration, labor market, globalization of international economic relations.

Современные миграционные тенденции на рынке труда обусловлены не столько количественными компонентами, сколько качественными особенностями и предпосылками формирования рабочей силы. В отношении национального рынка труда следует определить ряд особенностей, повлекших формирование рабочей силы в том качестве и количестве, как сегодня представлено на национальном рынке. Трансформационный переход 1990-х гг. вместе с трансформацией экономики в целом привел к выявлению существующих проблем в этой сфере. Особенным недостатком существовавшей системы формирования рабочей силы был отмечен структурный характер подготовки и распределения трудовых ресурсов. Совместно с изменениями технологий и систем управления экономическими процессами наличие структурности в этом процессе стало еще более выраженным. Все это способствовало как снижению конкурентоспособности национальной рабочей силы на внешнем рынке, так и стихийному формированию миграционных потоков в отношении национального рынка труда.

Период реформирования рынка труда РФ характеризуется высокой долей структурной безработицы, то есть несоответствием уровня профессиональных компетенций работников занимаемым должностям, потребностям рынка. Спрос на рабочую силу по многим компетентностным критериям формирующийся сегодня отлично существующему предложению национального рынка труда, высокая доля структурной безработицы, завышенные ожидания национальных работников, несоответствующие требованиям работодателей, высокие притязания вновь сформированной рабочей силы (молодежного сектора рынка труда), усиливающийся процесс глобализации и интеграции практически всех сфер жизнедеятельности общества. Все это приводит к стремительному росту миграционных потоков рабочей силы.

В начальном периоде трансформаций рынков труда стран постсоветского пространства меняется отношение населения к профессиональному образованию, а именно: теряется его социально-экономическая значимость в силу высокой ставки дисконтирования населения, т.е. ожиданий быстрого дохода с меньшими затратами. Период реформирования рынков труда бывшего СССР также характеризуется высокой долей структурной безработицы, т.е. несоответствием уровня профессиональных компетенций работников занимаемым должностям, потребностям рынка.

По мере самостоятельного развития внутренних рынков, складываются определенные формы интеграции стран в новых товарно-денежных и трудовых отношениях. Общая политика интегрирующихся стран может быть сформирована исходя из двух альтернативных подходов — федералистского подхода А. Спинелли, основанного на идее сотрудничества и взаимодополнения местных, региональных, национальных и европейских правительств, или функционалистского подхода Ж. Монне, направленного на постепенный переход суверенитета от национального уровня до уровня содружества.

В период 2000-2012 гг. интенсивная интеграция в различных областях идет в том числе между странами Россией и Республикой Беларусь, что обусловлено высоким уровнем разделения труда и взаимозависимости. По оценкам аналитиков, рынок труда Республики Беларусь за период 2000-2012 гг. отличается самым высоким уровнем занятости населения среди стран постсоветского пространства. Состояние стабильности рынка труда объясняется исчерпанием белорусской экономикой фактора экстенсивного роста промышленного сектора и высокой долей государственного сектора в национальной экономике. Кажущееся благополучие в сфере занятости населения нивелируется ее структурной компонентой.

Для рынка труда Украины отмечают завышенные требования работодателей в отношении профессиональных характеристик рабочей силы, опыта работы потенциальных сотрудников, в то время как сами работники предъявляют повышенные ожидания уровня заработной платы и условий труда, претендуя на высококвалифицированные должности, что приводит к росту структурной безработицы.

Основываясь на практике развитых стран с рыночной экономикой, на Украине для решения проблемы структурных несоответствий спроса и предложения на рабочую силу введена система профессиональных стандартов.

Украинскому рынку труда присуща схожая с другими странами СНГ модель развития рынка труда, нацеленная на удержание дешевизны рабочей силы, уже не соответствующей экономическому базису. В основном, рост занятости обеспечивают неквалифицированные работники сферы услуг.

По отдельным оценкам [2], Молдова относится к тем странам СНГ, которые в результате рыночных преобразований и резкого снижения конкурентоспособности отечественного производства пошли по пути сокращения промышленной и увеличения сельскохозяйственной занятости. При этом, как отмечается, развитие сферы услуг происходило, прежде всего, за счет мелкой торговли и общественного питания, не предъявляющих высоких требований к квалификации работников. Эта тенденция — естественная реакция на открытие рынков в первые годы рыночных реформ. С точки зрения рынка труда в результате сокращения конкурентоспособности целых отраслей экономики, сокращается спрос на квалифицированную рабочую силу в национальной экономике. Одновременно снижается и ее предложение.

При всем разнообразии стран очевидны существующие устойчивые тенденции, сохраняющиеся вне зависимости от экономических или политических кризисов как внутри стран, так и в интегрируемом пространстве. Основная доля мигрантов в РФ — это мигранты из стран СНГ, что составляет за период 1997-2014 гг. практически 90%. С точкой некоторого минимума в период 2011-2013 гг. до уровня практически 87%. В рамках стран СНГ прослеживаются некоторые изменяющиеся тенденции в сторону существенного увеличения численности мигрантов в одних странах — Армения (потоки миграции в РФ изменились с 3,2 до 7,8%), Таджикистан (с 3,9 до 9,3%), Узбекистан (с 6,6 до 22,2%); и в сторону существенного снижения в других странах — Казахстан (с 39,5 до 10,0%). В отношении Украины рассматриваемый период отмечается в распределении потоков миграции провалом в период 2010-2013 гг., когда потоки трудовых мигрантов сократились практически вдвое и восстановлением уровня миграции к 2014 года.

В распределении миграционных потоков основная доля мигрантов — это представители Узбекистана, Украины, Казахстана, Таджикистана, на момент 2014 г. общая доля мигрантов, приходящихся на эти страны, составляла около 63%. Характер трудовой миграции можно определить как комплементарный национальному рынку труда. Важно отметить, что в целом по выборке процент международной миграции в РФ из других стран также составляет значимую величину с устойчивой тенденцией увеличения, и на момент 2014 г. доля составила 8,5%, где 1,8% — это международная миграция из Китая.

Оценивая уровень производительности рабочей силы рассмотренных стран следует отметить, что по оценкам Аналитического управления Совета Федераций коэффициент роста производительности труда за период 1991-2012 гг. рабочей силы Китая составил 6,8, а рабочей силы России 1,29 [4].

В связи с этим значимость структурной безработицы как характеристики национального рынка труда РФ в современных социально-экономических условиях мирового пространства рынка труда является проблемой для решения, в первую очередь, внутри государства, в рамках национального рынка труда, с целью увеличения темпов экономического развития национальной экономики, в том числе и за счет технологизации производства. Однако важно определить процессы формирования рабочей силы в контексте мировой практики с целью обеспечения конкурентоспособности национальной рабочей силы на мировом рынке труда, в том числе и с учетом национальной безопасности.

Следуя основным экономическим предпосылкам, спрос на труд, являясь производным от спроса на конечные товары и услуги, свидетельствует об изменчивости системы трудовых отношений в зависимости от меняющихся экономических условий мирового экономического пространства, от изменения агрегированного спроса на товары и услуги.

Предложение труда — производная от социальных факторов, где значимыми факторами, изменяющими предложение, выступают система социальных отношений в вопросах труда, занятости, уровня заработной платы, структуры специальностей, мотивационных ожиданий и поведения контрагентов на рынке труда, экономической активности рабочей силы и т.д. В связи с этим только рассмотрение национального рынка труда с позиции многофакторного системного подхода позволяет определить перспективы его развития, как в национальном, так и в мировом контексте.

Важными для изучения процессов развития интеграции национальных рынков в процессе глобализации остаются вопросы оценки комбинаторных факторов формирования рабочей силы и показателей уровня доходов населения с точки зрения сближения (или расхождения) уровней экономического развития территорий; уровней занятости и безработицы, влияния интеграции на рынке труда, миграционных потоков и финансовых эффектов от миграции для стран; уровней производительности труда, экономической результативности человеческого капитала, а также скорости и характера изменения этих показателей под воздействием интеграции с учетом активности и эффективности на внутреннем и внешних рынках сопредельных территорий.

Многие противоречия региональной макроэкономической системы являются специфичными, связанными не только с природными факторами и трудовыми ресурсами стран, но и с их социальным, политическим и культурным потенциалом, формирующим условия использования и воспроизводства базовых факторов, в том числе рабочей силы, и детерминирующим способы разрешения возникающих социально-экономических противоречий. Важно оценить степень возникающих противоречий и их значимость для дальнейшего развития мирового хозяйства.

Литература и Интернет источники

1. Гайдук К., Чубрик А., Парчевская С., Валевский М. Рынок труда в Беларуси: общий обзор // ЭКОБЕСТ. — 2006. — № 5. — С. 44-91.
2. Новая модель рынка труда России: Роль внешних факторов / Под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева, д.э.н. В.А. Гневашевой. — М.: Экон-Информ, 2014. — 409 с.
3. Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. — М.: Изд-во Института Дальнего Востока РАН, 2003.
4. Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни // Аналитический вестник. № 29 (628). Аналитическое управление Аппарата Совета Федераций, 2016.
5. Рынок труда в странах Содружества Независимых Государств: Статистический сборник. — М.: Статкомитет СНГ, 2004.
6. Рязанцев С.В. Масштабы и социально-экономическое значение трудовой миграции для стран СНГ // Практика привлечения и использования иностранной рабочей силы в России: тенденции, механизмы, технологии. Материалы научно-практической конференции (16–17 октября 2006 г.). — М., 2006.
7. Степанец В. И. Глобализация и ее влияние на рынок труда и занятость // Труд за рубежом. — 2004. — № 1. — С. 3-23.
8. Ткаченко М.Ф. Глобальные вызовы для мирового рынка труда // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — № 10. — С. 51-58.
9. Топилин А.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. — М.: Экономика, 2004. — 321 с.
10. Чижова Л.С., Кашепов А. Занятость и рынок труда. Новые реалии, национальные приоритеты, перспективы. — М.: Наука, 1998. — 254 с.
11. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by> (Дата обращения: 11.07.2017).
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 11.07.2017).

Сигарева Евгения Петровна,

*кандидат экономических наук, заведующая сектором воспроизводства населения
Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: sigarevae@mail.ru*

СОСТОЯНИЕ РЫНКА ТРУДА СТРАН ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ И ПЕРСПЕКТИВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Статья представляет анализ состояния рынка труда в пространстве стран-участников ЕАЭС и вопросы его влияния на трудовую миграцию. Исследование динамики уровня официальной безработицы, числа вакансий позволяют оценить перспективы влияния рынка труда на трансформацию масштабов трудовой миграции внутри интегрируемых стран ЕАЭС.

Ключевые слова. Рынок труда, трудовая миграция, ЕАЭС, безработица, вакансия, рабочая сила.

Evgenia P. Sigareva, Cand. Sc. (Econ.),

*Head of the Department of Population Reproduction,
Institute for Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia.*

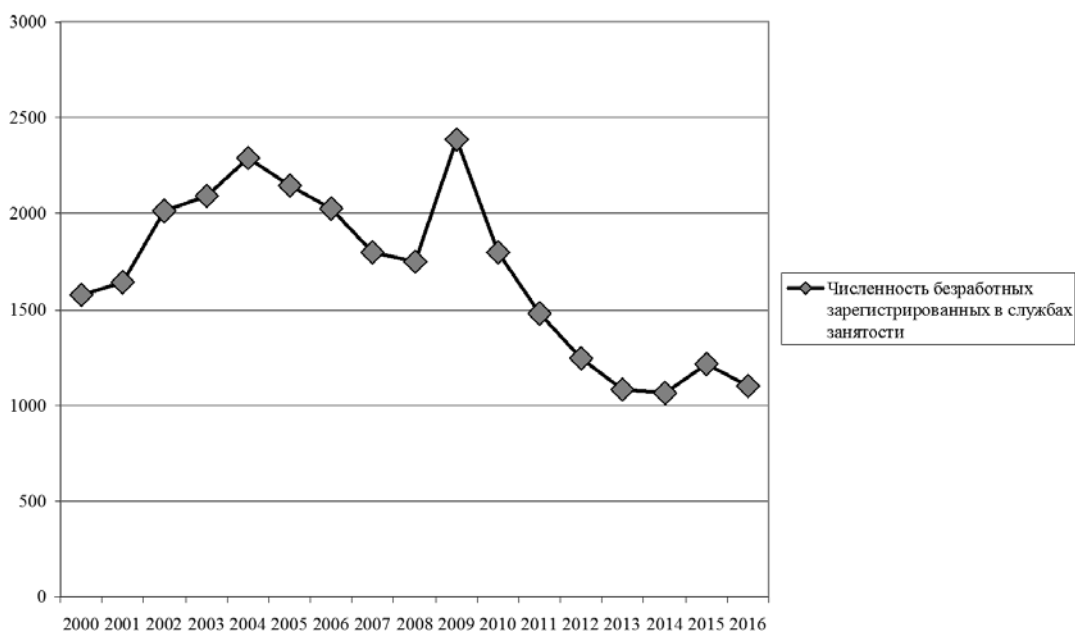
E-mail: sigarevae@mail.ru

CONDITION OF LABOUR MARKET OF THE COUNTRIES OF EEU IN THE CONTEXT OF DYNAMICS AND THE PROSPECTS OF LABOUR MIGRATION

Article submits the analysis of a condition of labor market in space of the participating countries of EEU and questions of his influence on labor migration. The research of dynamics of level of official unemployment, number of vacancies allows to estimate the prospects of influence of labor market on transformation of scales of labor migration in the integrated EEU countries.

Keywords: Labor market, labor migration, EEU, unemployment, vacancy, labor.

Конъюнктура рынка труда создает необходимые, но недостаточные условия для формирования потоков и трендов трудовой миграции. Взаимосвязь состояния рынка труда и миграционных процессов хотя и очевидна, но не определена достоверно. Поэтому исследование рынка труда в пределах пространства стран — участников ЕАЭС актуальна как с точки зрения развития интеграционных связей, так и с позиций прогнозирования развития миграции обмена рабочей силой. Анализ динамики масштабов безработицы, которая рассчитана в абсолютных показателях и суммарно для территории стран участников ЕАЭС свидетельствует, что ее параметры, которые оцениваются по числу официально зарегистрированных в службах занятости претендентов на работу, в последние годы имеет наименьшее значение относительно начала века или относительно последнего экономического кризиса 2008 г. (рис. 1).

Источник: рассчитано по данным Статкомитета СНГ. — Режим доступа: <http://cisstat.com>

Рис. 1. Динамика общей численности безработных, зарегистрированных в службах занятости стран ЕАЭС (на конец года), тыс. человек

Максимальная суммарная численность безработных, зарегистрированных в службах занятости, в пределах стран ЕАЭС наблюдалась в 2009 г. и составляла 2,835 млн. человек. К концу 2016 г. этот показатель сократился почти вдвое и составляет всего 1,103 млн. человек. Это означает, что потенциал перераспределения трудовых ресурсов в пределах стран-участников ЕАЭС в настоящее время существенно сужен, а значит, перспективы развития трудовой миграции в этих условиях замедляются.

Очевидно, что в структуре официальной численности безработных наибольшими ее масштабами в абсолютных показателях обладает Россия, в силу превалирования численности населения и трудовых ресурсов (табл. 1). Ее доля среди стран — участников ЕАЭС в разные периоды составляла от 65 до 90%. К концу 2016 г. удельный вес числа безработных в России в суммарном числе безработных в странах ЕАЭС достигает 81,1% и после 2009 г. — года пикового показателя, он имел тенденцию к снижению.

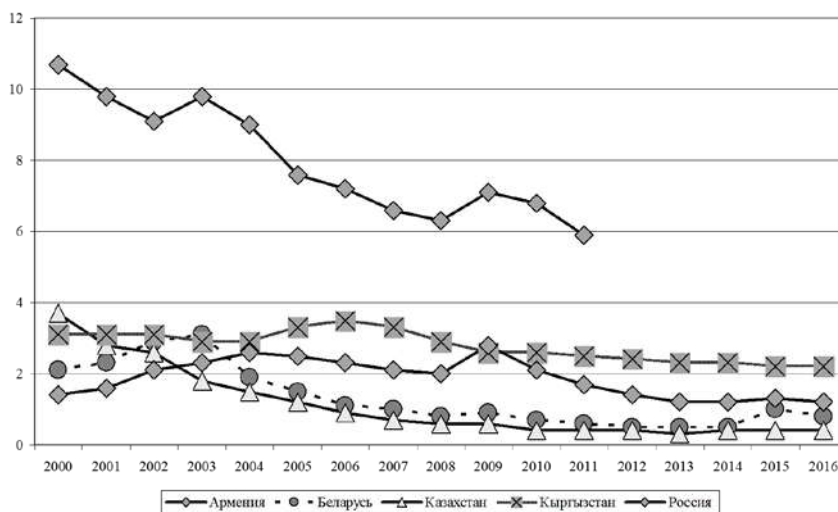
Структура стран ЕАЭС в численности безработных, зарегистрированных в службах занятости
(на конец года), тыс. человек

Год	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2000	154	96	231	58	1037
2001	138	103	216	61	1123
2002	127	131	194	60	1500
2003	119	136	143	57	1639
2004	109	83	118	58	1920
2005	89	68	94	68	1830
2006	85	52	75	73	1742
2007	75	44	55	71	1553
2008	75	37	48	67	1522
2009	84	40	53	61	2147
2010	79	33	35	63	1589
2011	69	28	37	61	1286
2012	62	25	35	60	1065
2013	56	21	30	58	918
2014	66	24	33	58	883
2015	77	43	35	56	1001
2016	80	35	37	56	895

Источник: Данные Статкомитета СНГ. — Режим доступа: <http://cisstat.com>

Что касается других стран— участниц ЕАЭС, то следует отметить, что по сравнению с 2009 г. сокращение абсолютных показателей зарегистрированной безработицы произошло, не столь значительно, как в России, или почти не произошло. Если без учета России в 2009 г. в пространстве ЕАЭС насчитывалось 238 тыс. зарегистрированных безработных, то к концу 2016 г. их число снизилось всего на 30 тыс. человек, до 208 тыс. человек.

Относительные данные об уровне официальной безработицы в странах-участниках ЕАЭС показывают также тенденцию к ее снижению за весь исследуемый период и для всех интегрируемых государств (рис. 2).

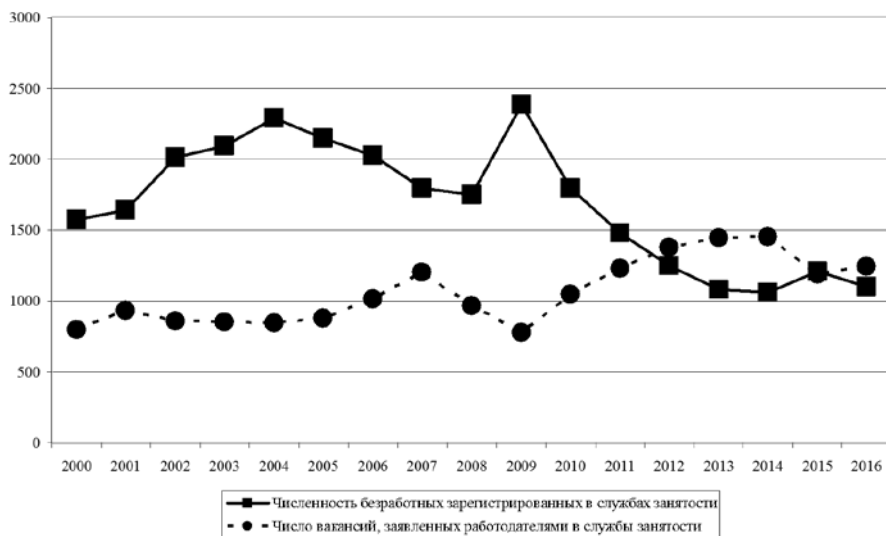

Источник: Данные Статкомитета СНГ. — Режим доступа: <http://cisstat.com>

Рис. 2. Уровень безработицы в странах ЕАЭС, % к экономически активному населению

Уровень официальной безработицы, рассчитанный в процентах к экономически активному населению к концу 2016 г. составлял: в Казахстане — 0,4 %, в Беларуси — 0,8 %, в России — 1,2 %, в Киргизии — 2,2 %. И только в Армении относительный показатель официальной безработицы был всегда (в пределах имеющихся данных) значительно выше, чем у других стран интеграционного союза ЕАЭС.

Миграционное перераспределение трудовых ресурсов в пределах пространства стран — членов ЕАЭС обуславливается двумя обстоятельствами. Первое связано с уровнем напряженности на рынке труда, когда число вакантных мест существенно меньше, чем претендентов на них, что вынуждает работников к поиску сферы приложения труда за пределами своего места проживания. Второе обстоятельство зависит от структурной несбалансированности между вакантным предложением и профессионально-квалификационными характеристиками претендента на работу, что также может мотивировать трудовые ресурсы к переезду. В этом контексте проанализируем динамику суммарной численности официальных безработных в странах ЕАЭС в сравнении с динамикой суммарного числа вакансий в этих странах (рис. 3).

Источник: Данные Статкомитета СНГ. — Режим доступа: <http://cisstat.com>

Рис. 3. Динамика суммарной численности безработных, зарегистрированных в службах занятости стран ЕАЭС и суммарного числа вакансий в странах ЕАЭС (на конец года), тыс. человек и тыс. мест

Как видно из графика на рисунке 4 длительный период (с 2000 г. по 2011 г.) численность официальных безработных превышала численность вакантных мест в разные годы в пределах 1,6 млн. человек до 250 тыс. человек. Естественно, в этот период главной мотивацией для трудовых мигрантов был просто поиск работы. Особенно значительной напряженностью рынка труда была в 2009 г., когда на 1 вакансию приходилось 3 официально зарегистрированных безработных. Впоследствии численность официальных безработных в пределах стран-участников ЕАЭС стала сокращаться, а число вакантных рабочих мест, напротив, расти. В 2012 г. и позже число вакансий стало больше или, примерно, равно численности безработных в интегрируемых странах. И в этот период в мотивационном комплексе причин к миграции могли проявляться и другие цели: например, поиск

работы в ином месте жительства с целью получения большей зарплаты или иных преимуществ. Возникла ситуация, когда в пространстве ЕАЭС для официальных безработных появился «выбор» вакантных мест. Таким образом, можно сказать, что в последние годы в пределах ЕАЭС на миграционную мотивацию оказывает большее влияние не сам масштаб безработицы, а именно структурный дисбаланс на рынке труда. Понятно, что при несоответствии между вакантными требованиями и профессиональными компетенциями официально зарегистрированного безработного эту вакансию может занять как «неофициальный» безработный, так и мигрант из-за пределов стран-участников ЕАЭС. Однако, учитывая преимущества рабочей силы стран ЕАЭС в процессе трудоустройства, можно предположить, что в данный период количественные параметры рынка труда находятся в наилучшей позиции за последние десятилетия, тогда как качественные параметры рынка труда требуют деятельности, направленной на сбалансированность спроса и предложения посредством совершенствования производительности труда и подготовки кадров по специальностям, востребованным экономикой стран-участников ЕАЭС. В этом случае трудовая миграция в пределах интегрированных стран станет более оптимальной и экономически оправданной.

Так же, как и в случае со структурой численности официальных безработных в структуре стран— членов ЕАЭС, по числу вакансий преобладает Россия (табл. 2). И именно от состояния рынка труда в ней зависит и общая конъюнктура рынка пространства ЕАЭС. Из-за своих масштабов рынка труда Россия и является наиболее привлекательным ориентиром для трудовых мигрантов. Однако и в других странах ЕАЭС в последние годы изменяется ситуация, которая и определяет сдерживающий тренд в трудовой миграции в настоящее время.

Таблица 2

Структура и динамика числа вакантных мест в странах ЕАЭС, тыс. мест

Год	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2000	0,6	32,7	9,3	2,1	751,0
2001	0,5	32,3	9,7	1,7	887,0
2002	0,9	24,4	9,6	3,0	818,0
2003	0,7	31,7	13,7	3,5	804,0
2004	0,6	34,5	17,4	3,8	788,0
2005	1,1	35,8	21,3	4,3	817,0
2006	1,2	44,8	20,8	8,7	935,7
2007	0,8	50,8	21,4	5,4	1126,3
2008	0,7	50,7	14,5	6,1	894,7
2009	0,7	34,5	7,9	6,2	724,4
2010	0,9	48,8	10,9	7,1	981,9
2011	1,2	51,7	11,0	8,2	1160,8
2012	1,7	62,0	10,3	7,1	1298,3
2013	1,5	50,5	9,4	7,0	1377,5
2014	1,7	33,6	11,1	6,5	1397,4
2015	1,8	28,7	16,3	6,2	1135,2
2016	1,3	36,0	26,0	6,5	1175,6

Источник: Данные Статкомитета СНГ. — Режим доступа: <http://cisstat.com>

Так, если судить по историческому максимуму (в пределах нового тысячелетия) числа вакансий на рынке труда в странах ЕАЭС, то выяснится, что в Армении он был достигнут в 2015 г. и составил 1,8 тыс. вакантных мест, в Белоруссии — в 2012 г. и составил 62,0 тыс. вакантных мест, в Казахстане в 2016 г. и составил 26 тыс. вакантных мест, в Киргизии — в 2011 г. и составил 8,2 тыс. вакантных мест, в России — в 2014 г. и составил 1397,4 тыс.

вакантных мест. То есть, в пределах последних 5-7 лет в каждой стране на пространстве ЕАЭС сформировался максимальный потенциал для приложения труда рабочей силы. Это обстоятельство также повлияло сдерживающим характером на трудовую миграцию. К концу 2016 г. этот потенциал снизился (кроме Казахстана). Но все равно он остается достаточно высоким по сравнению со всем 17-тилетним периодом. Поэтому можно предположить, что в перспективе трудовая миграция в пространстве стран ЕАЭС будет обусловлена серьезной конкуренцией за трудовые ресурсы как между странами — участниками ЕАЭС, так и странами, находящимися за пределами этого интеграционного альянса.

В конце следует заметить, что состояние рынка труда — это лишь один, хотя и необходимый элемент для трудовой миграции. Важной составляющей для ее реализации является формирование мотивационной компоненты, на которую оказывает в настоящее время влияние и адекватность заработной платы прилагаемому труду, условия, и организация трудоустройства, и надежность социальной защиты. Эти и другие аспекты мотивационного плана должны стать важной составляющей в разработке общей для стран-участников ЕАЭС миграционной стратегии.

Литература и Интернет источники

1. Сайт международного статистического комитета содружества независимых государств. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cisstat.com>
2. Социально-демографические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь — март 2017 года: Статистический бюллетень/ Евразийская экономическая комиссия. — Москва, 2017. — 33 с.
3. Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе-июле 2017 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cisstat.com>
4. Топилин А.В., Парфенцева О.А. Миграция и рынок труда в условиях кризиса. — М.: МАКС Пресс, 2009. — 64 с.
5. Флоринская Ю., Мкртчян Н. Миграция в России: Старые тренды, новые проблемы // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. — 2016. — № 19 (37). Декабрь / А. Мамедов, Н. Мкртчян, Ю. Флоринская, Е. Фомина, М. Хромов, С. Цухло. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли, при партнерстве с Ассоциацией инновационных регионов России. 21 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2016_19-37_December.pdf

Волкова Ольга Александровна¹,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы.

E-mail: volkova_oa@bsu.edu.ru;

Ковальчук Ольга Викторовна¹,

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы. E-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru;

Королева Ксения Юрьевна¹,

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы. E-mail: korolyova@bsu.edu.ru

Сазонова Елена Сергеевна¹,

старший преподаватель кафедры социальной работы. E-mail: sazonova@bsu.edu.ru

Гребеникова Юлия Александровна¹,

старший преподаватель кафедры социальной работы. E-mail: grebenikova@bsu.edu.ru

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

(исследование проведено при поддержке РГНФ(РФФИ), грант № 15-13-31004)

В статье рассмотрены результаты эмпирического исследования особенностей организации волонтерской работы с беженцами в приграничном регионе России. На материалах исследования проанализированы основные проблемы вынужденных переселенцев, направления социальной работы государственных структур и добровольческих организаций по их решению, обозначены перспективы развития волонтерской работы с беженцами в условиях приграничного региона. Результаты исследования могут быть полезны западноевропейским ученым, страны которых сегодня испытывают значительную миграционную нагрузку на социум.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, толерантность, социальное партнерство, добровольчество, гражданское общество, социальные институты.

Olga A. Volkova, Dr. Sc. (Sociol), Prof¹.,

Head of the Social Work Chair. E-mail: volkova_oa@bsu.edu.ru

Olga V. Kovalchuk, Cand. Sc. (Philosophy)¹,

Associate Professor of Social Work Chair. E-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

Ksenia Y. Korolova, Cand. Sc. (Philosophy)¹,

Associate Professor, Social Work Chair. E-mail: korolyova@bsu.edu.ru

Helen S. Sazonova¹,

Senior Lecturer, Social Work Chair. E-mail: sazonova@bsu.edu.ru

Julia A. Grebenikova¹,

Senior Lecturer, Social Work Chair. E-mail: grebenikova@bsu.edu.ru

¹Belgorod state national research University, Belgorod (Russia).

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF REFUGEES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: DEVELOPMENT OF SOCIAL PARTNERSHIP

(the study was conducted with the support of the RFH, grant № 15-13-31004)

The article considers the results of empirical research of peculiarities of the organization of volunteer work with refugees in the border region of Russia. The authors analyze 1) the main problems of internally displaced persons, 2) the areas of social work government agencies and volunteer organizations for their solution, 3) perspectives of volunteer work with refugees in the border region. The results of the study can be useful for Western scientists, whose countries today are experiencing significant migratory pressure on the society.

Keywords: migration, migration, tolerance, social partnership, volunteerism, civil society, and social institutions.

Одной из социальных проблем современного мира являются процессы мобильности населения из нестабильных бедных регионов в более благополучные в социально-экономическом плане. В данной ситуации продуктивным направлением социальной работы с беженцами видится активизация потенциала институтов гражданского общества в направлении создания условий для реализации партнерских отношений в социуме, в противовес идеологии социальной конфронтации [8].

Вопросы о сложных взаимосвязях миграционных процессов и адаптации мигрантов к принимающей социальной среде рассматриваются в работах многих исследователей [4; 8; 9; 12]. Однако исследования особенностей взаимодействия государственных и негосударственных структур в организации помощи беженцам ранее не проводились.

В целях изучения проблем и перспектив сотрудничества общественных организаций с государственными структурами в оказании помощи беженцам коллективом кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено прикладное социологическое исследование, включавшее стандартизированное интервью с волонтерами, членами региональных добровольческих организаций, принимавших участие в оказании помощи беженцам ($n = 165$), а также полужоформализованное интервью с беженцами, прибывающими в регион ($n = 31$) из Украины.

Для обеспечения репрезентативности данных опроса волонтеров в основу стратифицированной выборки лег пропорциональный отбор по таким признакам, как пол, возраст, стаж работы в волонтерской организации. При проведении интервью с беженцами для формирования выборочной совокупности применялся метод типичных единиц: от социальных служб была получена информация необходимая для отбора респондентов из числа беженцев по таким признакам как пол, возраст, место проживания, брачный статус, социально-профессиональный статус.

Вызовы современности, характеризующиеся обострением вопросов глобального экономического неравенства, ожесточением борьбы за сферы влияния и ресурсы, интенсивными миграционными потоками, провоцируют новые очаги социальной напряженности, экстремизма в широком смысле слова и порождают новые социальные проблемы, которые люди не могут решить без внешней помощи.

Последствия социально-экономического кризиса, а также бытовые, поведенческие, культурно-религиозные отличия вынужденных мигрантов, зачастую являются причиной недоброжелательного отношения к ним со стороны местного населения. Результаты мониторинга, проводимого УФМС России, показывают, что беженцы испытывают трудности при обустройстве в новых местах жительства: положительную оценку отношения к себе соседей дали 68% опрошенных; 15% опрошенных охарактеризовали отношение как безразличное, на негативное отношение (в открытом вопросе от «не очень дружелюбного» до «откровенно враждебного») указали 5% респондентов, 12% опрошенных затруднились дать такую оценку (оценка отношения соседей к переселенцам по данным УФМС, 2014 г. — на 01.02.2015 гг.). Феномен толерантности, в контексте волонтерской работы с беженцами, приобретает особую остроту и практическую значимость. Одним из основных направлений адаптационной работы с беженцами является деятельность по повышению их функциональной грамотности в новых социально-экономических, правовых условиях и содействие аккультурации, связанной с принятием культурных образцов страны проживания.

Волонтерская деятельность имеет глубокие нравственные корни: принципы альтруизма, сострадания, помощи ближнему, разделения трудностей и испытаний с людьми, попавшими в тяжелые жизненные обстоятельства, лежащие в основе добровольчества, созвучны как религиозным доктринам, так и нормам светской морали. Оказание помощи

другим людям, безвозмездная работа волонтера обретает разнообразные формы: это не только пожертвование личным временем, физический труд, но и любая другая деятельность, основой которой является его человеческие и социальные ресурсы, направленные на благо нуждающихся в посторонней помощи людей. Значительная часть добровольческой социальной работы связана с осуществлением профессиональной деятельности (педагогической, медицинской, психологической и др.) на безвозмездной основе в свободное от основной занятости время.

Большая часть актива волонтерских организаций региона представлена учащейся молодежью в возрасте от 18 до 20 лет. С одной стороны, это является результатом планомерной работы учебных заведений по повышению социальной активности учащихся, с другой стороны, это подчеркивает влияние фактора наличия свободного времени на вовлеченность в добровольческие практики. Незначительная часть членов волонтерских организаций представлена людьми среднего возраста от 29 до 40 лет (около 4%), для них эта деятельность по своей сути стала профессиональной — среди представителей данной возрастной когорты присутствуют руководители общественных организаций и объединений и предприниматели, работающие в социальной сфере (1%), и регулярно взаимодействующие с волонтерскими организациями при проведении различных акций и реализации проектов. 82% добровольцев составляют женщины и 18% — мужчины, что, в целом, соответствует пропорциям численности женщин, занятых в сфере оказания социальных услуг (под данным Росстата, удельный вес численности женщин составлял на 2015 год 79% от общей численности [11. С. 111-113]).

По мнению волонтеров, развитие добровольческого движения в регионе имеет высокое значение — 97% опрошенных участников волонтерских организаций отметили важность добровольческой деятельности для решения социальных проблем региона и формирования солидарного общества. 30% респондентов постоянно участвуют в добровольческих мероприятиях, почти половина опрошенных — 45%, принимают участие в отдельных мероприятиях время от времени, 21% указали, что редко участвуют в работе (ядро данной группы составили волонтеры со стажем деятельности до одного года).

Основным мотивом к осуществлению добровольческой деятельности является социальная ответственность — желание приносить людям пользу (79%), приобретение нового опыта стало вторым по важности мотивом волонтерской работы (42%). Участие в общественной жизни и социальная значимость — главные мотивы для 41% респондентов. Мотивы личного роста, развития (10%), возможности реализации собственных идей (16%) и расширение круг общения (18%), характерны для молодых людей, только начинающих свою добровольческую деятельность — среди отметивших данные мотивы доминируют лица, имеющие стаж волонтерской деятельности менее года.

В работе с беженцами и вынужденными переселенцами волонтеры продемонстрировали готовность оказывать широкий спектр услуг, начиная с организационно-вспомогательных (выдача талонов, сбор и оформление документов, помощь в организации досуга и питания) — 8%, психологических (5%), посреднических — сбор необходимых вещей (21%), сбор средств (11%) и продуктов питания (4%), заканчивая обеспечением жильем (2%), образовательными услугами (2%) и содействием занятости — 3%.

Однако 39% опрошенных участников волонтерских организаций затруднились определить, какую именно помощь волонтеры могут оказывать беженцам. Это указывает на недостаточно налаженное информационное взаимодействие между добровольческими организациями и государственными структурами, вовлеченными в работу с беженцами. Не имея представления о том, что уже делается, какие виды помощи предоставляются государством, добровольческие организации испытывают сложности с определением собственной ниши/сегмента в организации помощи беженцам, с тем, чтобы, не дублируя

функции социальных служб, сконцентрировать свои ресурсы на тех услугах, которые востребованы, но не покрываются гарантиями государства.

Наиболее востребованным направлением волонтерской работы с беженцами является психосоциальная работа: психологическое консультирование взрослых и детей, переживающих посттравматический синдром; психологическая коррекция и помощь в социальной адаптации прибывающих граждан; психопрофилактика стресса; проведение психологических тренингов с мигрантами, обучение аутотренингам и психологической саморегуляции; психологическая диагностика развития детей и подростков из семей мигрантов. Результаты опроса добровольцев показали, что за помощью в решении психологических проблем к специалистам и волонтерам-психологам, волонтерам-социальным работникам обращались более половины прибывших в регион беженцев (53%). Результаты интервью с беженцами подтверждают эти данные: четверть опрошенных респондентов из числа беженцев отметили, что они и члены их семей нуждаются в психологической помощи, и уже обращались за ней.

Анализ ответов на вопрос «Что стало причинами Вашего приезда в РФ?», показал преобладание социально-политических факторов на принятие решения о переезде: «общую небезопасность проживания на Родине» назвали в качестве основной причины 20 респондентов, еще 18 отметили «политические конфликты». На втором месте экономические факторы, 16 человек указали на «низкий уровень жизни на Родине», «лучшие экономические перспективы в РФ», обозначили желание «найти лучшее место для жизни других членов семьи». Факторы профессиональной мобильности отметили половина опрошенных — 15 человек: «возможность найти работу» и «лучшие образовательные перспективы для детей в РФ».

Все опрошенные беженцы уже стали к моменту проведения интервью на миграционный учет, 10 человек уже оформили разрешение на работу, 14 респондентов получили разрешение на временное проживание (вид на жительство), а двое подали заявление на получение гражданства.

Две трети интервьюируемых (21 человек) были представлены социально-благополучными и стабильными в финансово-экономическом плане группами населения: до конфликта, побудившего их сменить место жительства, эти люди не нуждались в помощи со стороны государства. При ответе на вопрос «Как бы Вы сегодня охарактеризовали свое социально-экономическое положение в сравнении с другими людьми из Вашего окружения (соседи, друзья, коллеги)?» они выбрали вариант «среднее» («как все», «нормально», «были не хуже других, а сейчас — еще не знаю»), трое респондентов продемонстрировали уверенность в своих силах и отметили, что обеспечены лучше среднего. Все представители этой подгруппы уже смогли на момент интервью трудоустроиться (всего, среди принявших участие в интервью, работавших было 22 человека), 13 человек имели личные сбережения, которые помогли им «остаться на плаву», двоим помогали друзья. пожаловались на уровень материальной обеспеченности 9 респондентов. Как показало дальнейшее собеседование, это были люди, которые еще не нашли работу, и жили за счет помощи со стороны государства и родственников, они, в целом, ниже оценивали степень своей адаптации на новом месте, демонстрировали негативные оценки происходящих в их жизни изменений.

Содействие трудоустройству — еще одно актуальное направление волонтерской работы — 20% респондентов получали поддержку. Волонтерская помощь включила в себя следующие виды деятельности: психологическая диагностика и консультирование в области приобретения новой специальности, востребованной на рынке труда регионов-реципиентов, поиск вакансий, подбор работы.

Трудовая деятельность является основным источником дохода для беженцев и нетрудопособных членов их семьи, поэтому содействие в трудоустройстве является одним из наиболее востребованных видов социальной поддержки среди беженцев: 24 опрошенных отметили, что им важна информация о возможностях трудоустройства, 27 человек интересуются особенностями национального законодательства в вопросе защиты прав беженцев. Все опрошенные имели семьи: 25 человек состояли в зарегистрированном браке, 6 имели постоянного партнера. Только пятеро респондентов не имели детей, 7 человек были из семей, которые являются многодетными.

Помощь правительства лишь отчасти покрывает нужды семей, даже с учетом дополнительных гарантий и преференций, учитывающих защиту прав несовершеннолетних: 18 человек в ходе беседы проявили активный интерес к информации о деятельности учреждений социальной защиты и социальной поддержке семей в РФ.

Среди респондентов были 13 человек с высшим образованием, 18 — со средне специальным, представители различных профессий, многие из которых востребованы на региональном рынке труда. Несмотря на то, что 19 человек из 31 интервьюируемых отметили, что, в целом, их ожидания в сфере трудоустройства оправдались, многие из них уже столкнулись с нарушением либо ущемлением прав и свобод в сфере трудоустройства: на отказ работодателя от заключения трудового контракта/договора и легализации правового статуса пожаловались 17 человек, на несвоевременную выплату работодателем заработной платы — 2 человека. Четверо респондентов рассказали, что местное население проявляет недовольство по отношению к вновь прибывающим.

Никто из опрошенных в качестве источника дохода не отметил собственный бизнес, хотя некоторые респонденты имели опыт предпринимательской деятельности до переезда, *«потеряли дело на Родине и не смогли начать свой бизнес»* на новом месте. 7 человек во время интервью отметили значимость получения кредитной поддержки для открытия собственного дела.

При ответе на вопрос «Как Вы думаете, достаточно ли у Вас возможностей в России для того, чтобы содержать себя и свою семью в будущем?» 14 человек ответили утвердительно, 12 человек усомнились, в том, что у них получится обеспечить финансово себя и свои семьи, 5 человек затруднились ответить.

Половина опрошенных разместились в городе 15 человек, 16 человек устроились на проживание в сельскую местность. Живут на съемном жилье 9 человек, столько же живут с родственниками. 13 опрошенных живут в помещениях, предоставленных миграционной службой. Проблема обеспеченности постоянным жильем остается в сознании людей достаточно актуальной, несмотря на то, что прибывшие размещены, им не хватает уверенности в завтрашнем дне. Многие испытывают психологические трудности в связи со своим *«зависимым», «подвешенным положением»*.

Ряд проблем связан психологическим состоянием детей мигрантов и посттравматическим синдромом — такой вид помощи, как психологическое консультирование, отмечался как важный и востребованный. Дополнительные трудности в адаптации детей связаны с различиями в системах образования и степенью владения русским языком. Здесь поддержка государственных структур ограничивается, главным образом, организационной помощью в оформлении и устройстве детей в образовательные учреждения, а в дальнейшем адаптация ложится на плечи педагогов и родителей, которые сами зачастую подвержены дезадаптации. 16 респондентов отметили, что хотели бы сами пройти обучение по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Помощь представителей волонтерских организаций в обеспечении дополнительного обучения детей и родителей, социокультурной адаптации детей и семей оказывается востребованной.

Результаты проведенного исследования позволяют нам сделать вывод о значительном потенциале добровольческих организаций и объединений в решении широкого круга социальных проблем. Однако необходима более четкая координация деятельности всех заинтересованных сторон, налаживание информационно-коммуникативного сопровождения работы волонтеров. Добровольческая деятельность сегодня выступает в качестве одного из основных каналов горизонтальной кооперации, не связанных с кровно-родственными отношениями и профессиональными общностями, она формирует социальную ответственность, аккумулирует социальные инициативы гражданского общества. Адаптация к обыденной жизни в новых условиях требует значительных усилий, и без активной поддержки локального сообщества (а иногда, как показали результаты интервьюирования и при его противодействии) она затруднительна. В связи с этим вызывает необходимость актуализации добровольческой работы с беженцами за счет активного включения институтов гражданского общества, бизнес-структур в систему социального партнерства при работе с данной социальной категорией.

Литература и Интернет источники

1. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб./Росстат. — М., 2015. — С.111-113.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации как субъекта бюджетного планирования на 2011 год и на период до 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/stat/39>.
3. Официальный сайт ФМС РФ [Электронный ресурс] // Сайт ФМС РФ. — Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=99838.
4. Bryman, A., 2015. Social Research Methods. – Oxford University Press, UK. – pp: 748.
5. Creswell, J.W., 2003. Research design: Qualitative, Quantitative, and mixed method approaches. 2nd ed. – London: SAGE Publications Ltd, UK – pp: 246.
6. Muijs D., 2011. Doing Quantitative Research in Education with SPSS. — SAGE Publications Ltd, UK, pp: 248.
7. Yadov V.A., 2000. Social research strategy. Description, explanation and understanding of social reality. — М.: Dobrosvet, pp: 596. [In Russian].
8. McNeill P., Chapman S., 2005. Research Methods. — Routledge, GB, pp: 225.
9. Potocky-Tripodi M., 2002. Best Practices for Social Work with Refugees and Immigrants – Columbia University Press. New York, USA, pp: 539.
10. Реджей М.А., Лисовицкий В.Н. Новые явления и тенденции в развитии миграционных процессов // Научный результат. Экономические исследования. — Режим доступа: <http://research-result.ru/journal/economic/annotation/86/>.
11. Салов А.И., Быстрянец С.Б. «Миграционный навес» в российской экономике // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — Режим доступа: <http://research-result.ru/journal/humanities/annotation/148/>.
12. Andrei V. Korobkov. Brics Members And The Migration Challenge /А. В. Коробков. Страны БРИКС и вызовы миграции// © Tractus Aevorum 2 (2). Fall / Winter 2015: 190–203. — Режим доступа: <http://ta.bsu.edu.ru/ru/component/content/article/1-2012-10-16-11-26-18/51-brics-members-and-the-migration-challenge-full>.
13. Декларации принципов толерантности Юнеско (принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) [Электронный ресурс] // Сайт Юнеско. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtm.

Бессонова Татьяна Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
Институт менеджмента и экономики, Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск, Россия. E-mail: T_Bessonova@ugrasu.ru

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ — ЮГРА

В статье рассмотрены особенности трудовой миграции в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра. Выделены ключевые факторы, способствующие притоку трудовых мигрантов в регион. Проанализированы итоги действия Программы переселения соотечественников в ХМАО — Югра. Выработаны рекомендации, направленные на регулирование трудовой миграции в регионе.

Ключевые слова также: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, трудовая миграция, Программа переселения соотечественников, факторы миграции.

Tatyana N. Bessonova, Cand. Sc. (Econ.),

Assistant Professor, Management Chair,
Institute of Management and Economics, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia. E-mail: T_Bessonova@ugrasu.ru

LABOR MIGRATION IN THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG — YUGRA

The article consider the features of labor migration in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. Key factors that facilitate the inflow of labor migrants into the region are identified. The results of the program of resettlement of compatriots in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra are analyzed. Recommendations are formulated that are aimed at regulating of labor migration in the region.

Keywords: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, labor migration, program of resettlement of compatriots, factors of migration.

История становления и развития России неразрывно связана с миграцией населения, которая играла и будет играть первостепенную роль в жизни Росси. Являясь одним из наиболее влиятельных социальных явлений современности, миграционные процессы сегодня вызывают интерес самых широких кругов общественности.

Неоспорим тот факт, что миграция является значимым и неизменным компонентом экономической, социальной и культурной жизни любого государства. Таким образом, упорядоченные и грамотно управляемые миграционные процессы принесут реальную пользу как для мигрантов, так и для государства. Миграция — явление многогранное и включает в себя множество разнообразных и сложных аспектов, важнейшие из которых являются — государственное управление миграцией; трудовая миграция; миграции и национальная безопасность; борьба с нелегальной миграцией, правовой статус мигрантов, интеграция мигрантов. Миграционная политика представляет собой комплекс правил, мер и ограничений, направленных на упорядочение гражданских и общественных отношений в области перемещения лиц через границу Российской Федерации (как внутрь, так и за её пределы).

С теоретической точки зрения регион, принимающий рабочую силу, получает следующие преимущества:

- иностранные работники заполняют малопривлекательные для местного населения вакансии, среди которых: низкооплачиваемая мало престижная работа, работа, связанная с вредными, опасными и тяжелыми условиями труда;
- повышается конкурентоспособность производимых товаров, вследствие уменьшения издержек производства, связанных с более низкой ценой иностранной рабочей силы;
- иностранные рабочие, предъявляя дополнительный спрос, на товары и услуги, стимулируют рост производства и дополнительную занятость в стране пребывания;
- при импорте квалифицированной рабочей силы принимающая сторона экономит на затратах на образование и профессиональную подготовку;
- иммигранты привносят новый опыт, знания и навыки;
- иностранная рабочая сила обладает большей мобильностью по сравнению с местным населением;
- иностранные рабочие часто рассматриваются как определенный амортизатор в случае кризисов и безработицы. Вследствие того, что их легче можно уволить;
- иностранные работники не обеспечиваются пенсиями и не учитываются при реализации разного рода социальных программ.

К отрицательным моментам, связанным с импортом рабочей силы относятся:

- затраты, связанные с профессиональной подготовкой, обучением иностранных работников;
- увеличение масштабов безработицы для принимающей стороны;
- возникновение элементов социальной напряженности в обществе (при занятии тех рабочих мест, на которые претендуют местные работники), межнациональная неприязнь;
- понижением в результате притока иммигрантов реальных зарплат неквалифицированной рабочей силы;
- вывоз капитала иностранными работниками;
- ухудшение криминогенной обстановки в результате правонарушений со стороны иностранных работников.

Актуальность исследования миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре обусловлена не только экономической и социокультурной спецификой, но и его стратегическим значением в обеспечении национальной безопасности России. Регион открыт для внедрения инновационных проектов и технологий в различных сфе-

рах жизнедеятельности, тем самым, продолжая сохранять финансовую привлекательность для мигрантов. Сегодня на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югре проживают представители 123 национальностей.

Активный приток мигрантов в регион можно объяснить следующими причинами:

- регион отличается социально-экономической стабильностью и финансовой привлекательностью, возможностью профессиональной реализации;
- значительную роль в привлечении мигрантов играет спрос на рабочую силу в регионе;
- приток мигрантов способствует стратегия работодателей, предпочитающих брать на работу трудолюбивых и дисциплинированных, но одновременно низкооплачиваемых иностранных рабочих [3].

Ханты-Мансийской автономный округ — Югра — регион России, активно осваивался и заселялся во второй половине XX века. Поэтому большинство его жителей являются мигрантами в первом или втором поколении. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, только 31% жителей округа являются его уроженцами, это один из самых низких по стране показателей. К возрасту 20 лет уже более половины жителей округа имели хотя бы однократный опыт миграции, к возрасту 40 лет — 95% (включая переселения в пределах автономного округа).

Среди внешних и внутренних факторов, влияющих на миграционную ситуацию в Югре, можно отметить:

- окончание основных строительных работ на площадках, реализуемых в Югре крупнейших инвестиционных проектов «Строительство Няганьской ГРЭС» и «Строительство второго блока Нижневартовской ГРЭС», на строительстве которых в большинстве своем были задействованы мигранты из соседних с Югрой регионов;
- реализацию мер по переселению граждан в регионы с более благоприятным климатом;
- усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства;
- оптимизацию квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу;
- изменение с 2012 года порядка учета долгосрочной миграции и, как следствие, в число выбывших попадают мигранты, срок пребывания которых закончился независимо от их посещения миграционных органов [4].

На территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, по состоянию на 1 июля 2017 года, фактически значатся состоящими на миграционном учете 74 609 иностранных граждан, из них: 55 857 — по месту пребывания; 18 752 — по месту жительства (на основании разрешения на временное проживание — 9 052 и вида на жительство — 9 700).

Из числа первично поставленных на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства (63 817), основная часть (77% или 49 294 человека) указали в качестве цели въезда в Российскую Федерацию работу по найму, 18% (11 499) человек въехали на территорию автономного округа с частной целью. Количество иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших в округ с иными целями незначительно и составляет менее 2% по каждой из них (учеба — 1,2% или 745; туризм — 0,6% или 390).

Более 95% составляют граждане, прибывшие в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы. Преимущественно это выходцы из Таджикистана — 34% (35 587), Узбекистана — 24% (26 023), Украины — 16% (16 457), а также Киргизии — 9% (9 291) и Азербайджана — 6% (6 340).

Среди въехавших в округ иностранных граждан на основании визы, преобладают граждане, прибывшие из Китая (370), Германии (284) и Канады (150). Далее по нисходящей следуют лица, имеющие гражданскую принадлежность таких государств, как США (196), Великобритания (97) и Финляндия (51) [5].

В настоящее время в регионе реализуется государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Ханты-Мансийский автономный округ — Югру соотечественников, проживающих за рубежом, на 2016-2020 годы». Программой предусмотрены мероприятия, направленные на привлечение квалифицированных специалистов из числа соотечественников, проживающих за рубежом, а также постоянно или временно проживающих на законном основании в автономном округе, либо прибывших в Российскую Федерацию в экстренном массовом порядке, признанных беженцами на территории Российской Федерации или получивших временное убежище на территории Российской Федерации. Исполнителем программы является Департамент труда и занятости Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Финансовое обеспечение программы в 2016 составило 31 197,7 тыс. рублей.

В рамках данной программы в 2016 г. было рассмотрено 1793 заявления (анкеты) соотечественников для участия в Программе, поступивших из Управления по вопросам миграции Управления Министерства внутренних дел России по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре, согласовано 1 617 кандидатур соотечественников.

Согласование кандидатур осуществлялось при условии возможности трудоустройства соотечественника на вакансии, которые находятся в банке вакансий автономного округа более одного месяца. С учетом отраслевой специфики экономики автономного округа участники Государственной программы трудоустроены на востребованные вакансии по квалифицированным рабочим профессиям в сфере строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, а также вакансии квалифицированных специалистов в сфере здравоохранения и образования.

По информации УВМ УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре количество участников Государственной программы и членов их семей, переселившихся в автономный округ в 2016 г., составляет 3320 человек (130,2% от плана года 2550 человек), из них 1 674 — участники Государственной программы и 1646 человек — члены их семей.

Нестабильность ситуации на Украине повлияла на увеличение числа соотечественников, желающих принять участие в Программе, в том числе получивших временное убежище на территории региона. Основным критерием согласования участия соотечественника в Программе является трудоустройство его на постоянное рабочее место.

С целью минимизации количества принимаемых решений об отказе при рассмотрении заявлений соотечественников используется гибкая система критериев, расширяющая возможности согласования их участия в Программе, а именно:

- соотечественникам, трудоустроенным на момент обращения с заявлением для участия в Программе на рабочие места с применением труда, не требующего специального образования (неквалифицированный труд), осуществляется подбор из банка вакансий подходящей вакансии по имеющейся у заявителя профессии (специальности);
- соотечественникам, имеющим основное и среднее общее образование, неполное высшее (неполное среднее профессиональное) образование, осуществляется согласование с учетом дополнительного критерия — трудоустройство на рабочие места по профессиям рабочих, должностям служащих, полученным по программам профессиональной подготовки, переподготовки.

В процессе реализации Программы согласовано участие 1018 граждан Украины (96,3% от рассмотренных заявлений — 1057). Отказано в участии 39 гражданам Украины, что составляет 22,2% от общего числа отказов (176) [4].

Мигранты из Беларуси, Украины и Молдовы, как русские и украинцы, белорусы и молдаване, так и представители других национальностей, в целом и ранее успешно использовали благоприятные социальные и культурные условия для адаптации и дальнейшей интеграции в сообщество Югры [1].

Как правило, иностранные граждане, приезжающие в регион, обладают преимущественным стремлением к обустройству, а значит, приживаемости на территории округа. Ведь Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, по-прежнему, остается одним из наиболее стабильных экономических регионов страны. Среди иностранных граждан, используемых в автономном округе велика доля мужчин, осуществляющих свою трудовую деятельность с целью хоть каким-то образом помочь своим семьям.

В настоящее время миграция в автономном округе определяется как отрицательными, так и положительными факторами.

С одной стороны, предприятия, организации и физические лица вынуждены привлекать квалифицированных специалистов из-за пределов региона, что позволяет восполнить нехватку трудовых ресурсов на территории автономного округа, предоставляет возможность использовать трудовой и творческий потенциал мигрантов для развития экономического потенциала Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. С другой стороны, необходимо создавать условия, при которых работодателю будет выгодно соблюдать требования законов и иных нормативных правовых актов, привлекать на работу жителей автономного округа, а не трудовых мигрантов.

Нельзя не отметить, что достаточно высокий приток трудовых мигрантов в округ влечет за собой множество различных проблем. Из-за правовых пробелов в федеральном законодательстве возрастает число лиц, нелегально осуществляющих трудовую деятельность на территории автономного округа. Это приводит не только к нарушению их трудовых и социальных прав, но и создает угрозу появления новых социальных и жилищных проблем, осложнению санитарно-эпидемиологической обстановки, ростом национальных неприязней.

Нелегальная внешняя миграция сказывается на росте преступности, проникновении наркотиков, увеличении преступных этнических группировок, в связи с чем основной проблемой является влияние незаконной миграции на криминогенную ситуацию в округе [2].

Социально-экономическое благополучие автономного округа является главным фактором развития миграционной ситуации и определяет иммиграционную привлекательность окружного центра и крупных городов округа, где развитая инфраструктура и есть возможность трудоустройства. Вместе с тем, массовая иммиграция иностранных граждан, прежде всего, из государств с безвизовым порядком въезда в Российской Федерации не способствует формированию социальной ответственности бизнеса и технологическому развитию производительных сил и не подводит к решению проблем развития системы образования и адаптации, безработных в соответствующих производственных нишах.

Литература и Интернет источники

1. Бобейко В.И. Проблемы миграции и адаптации мигрантов из европейских стран ближнего зарубежья в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (конец XX — начало XXI вв.) // Северный регион: наука, образование, культура. — 2015. — Т. 4. — № 2 (32). — С 60-64.
2. Власюк Е.И. Современное состояние миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в контексте миграции в России // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. — 2017. — № 13. — С. 133.
3. Горева О.М., Осипова Л.Б. Анализ миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19575>
4. Департамент труда и занятости населения Ханты-мансийского автономного округа — Югры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.depтрud.admhmao.ru/gosudarstvennyy-programmy/>
5. Управление МВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://86.xn--b1aew.xn--p1ai/ms>

Мищук Светлана Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник,
Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан, Россия. E-mail: svetamic79@mail.ru;

Хавинсон Михаил Юрьевич,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан, Россия. E-mail: havinson@list.ru

МИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

(исследование выполнено по программе фундаментальных исследований ДВО РАН
«Дальний Восток» на 2015-2017 гг., проект № 15-I-8-008)

В работе дан краткий анализ трансформации рынка труда Дальнего Востока России. Показано, что трудовые мигранты лишь количественно компенсируют миграционную убыль населения, в то время как уровень их квалификации уступает соответствующему уровню местного населения. Формирование положительного имиджа Дальнего Востока может вызвать миграционный прирост, который будет опережать скорость роста рабочих мест и приведет к увеличению уровня безработицы.
Ключевые слова: Дальний Восток, численность занятых, инвестиционные проекты, миграция.

Svetlana N. Mishchuk, Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor,
Scientific Secretary, Institute for Complex Analysis of Regional Problems,
Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS),
Birobidzhan, Russia. E-mail: svetamic79@mail.ru;

Mikhail Yu. Khavinson, Cand. Sc. (Econ.),
Senior Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems,
Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS),
Birobidzhan, Russia. E-mail: havinson@list.ru

MIGRATION AND LABOR MARKET OF THE RUSSIAN FAR EAST AT THE PRESENT STAGE OF SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS

(The study was conducted according to the program of fundamental research of FEB RAS
«Far East» for 2015-2017, project № 15-I-8-008)

The paper gives a brief analysis of the transformation of the labor market in the Russian Far East. It is shown that the number of labor migrants compensate migration population loss. A small proportion of migrants have a higher than average qualification level. The positive image of the Far East can cause a migration increase which will advance the growth rate of jobs and will lead to an increase in the level of unemployment.

Keywords: the Far East of Russia, the number of employees, investment projects, migration.

Государство на протяжении всего периода развития ДВ предпринимало различные подходы к регулированию миграционных процессов, оказывающих непосредственное влияние на развитие производственного потенциала региона. В советский период произошло формирование основной части постоянного населения Дальнего Востока. В это время были распространены самостоятельные и принудительные потоки миграции. Проблема дефицита рабочей силы решалась с помощью привлечения трудовых ресурсов из центральных регионов страны и союзных республик, использования труда китайских и корейских рабочих, применения труда заключенных различных исправительно-трудовых лагерей.

На начало 1991 г. численность населения Дальнего Востока достигла максимального показателя за всю историю его освоения — 8 064 тыс. человек. Если в 1990-е гг. для России в целом миграция стала важной составляющей положительной динамики населения, компенсируя естественную убыль более чем на 50%, то на Дальнем Востоке сложилась противоположная ситуация: с началом экономических и политических преобразований в стране сальдо миграции приобрело отрицательное значение [5].

Анализируя выводы известного демографа В.А. Ионцева в отношении безвозвратной эмиграции из России [4], мы считаем возможным говорить об особом значении не самого факта роста миграции из регионов ДВ, а оттока квалифицированных трудовых ресурсов, что привело к негативным последствиям для развития региона. Если для России были рассчитаны экономические потери от «утечки умов», то для отдельных регионов подобные расчеты не проводились. Однако, анализируя развитие рынка труда на ДВ в рамках 1989-2016 г. можно отметить возросшую значимость внешней трудовой миграции, которая компенсировала недостаток трудовых ресурсов в дальневосточных регионах.

Данный тезис подтверждается динамикой численности населения в трудоспособном возрасте и среднегодовой численности занятых в экономике региона. При сокращении общей численности населения с 1995 г. по 2016 г. на 15,8% и сокращении численности населения в трудоспособном возрасте на 19,5%, среднегодовая численность занятых в экономике в 2015 г. сократилась лишь на 3,7% к уровню 1995 года. Основная причина сложившихся пропорций объясняется учетом иностранных граждан постоянно или временно проживающих на территории субъекта РФ в показателе среднегодовой численности занятых в экономике региона. Таким образом, можно сделать вывод, что привлечение иностранных трудовых мигрантов количественно нивелировало снижение трудоспособного населения за счет миграционной убыли.

Анализ роли трудовых мигрантов в экономическом развитии регионов Дальнего Востока России подтверждает мнение о том, что основной эффект от миграции – это сохранение отдельных малопривлекательных отраслей экономики для местного населения. Исходя из предположения, что ВРП принимающего региона может увеличиться в результате более высокой производительности и квалификации мигрантов в сравнении с местным населением, можно говорить о положительном влиянии мигрантов на развитие сельского хозяйства, строительства, торговли в российских регионах [2]. Однако в отношении ДВ высока вероятность привлечения трудовых мигрантов с более низкой квалификацией и образованием в сравнении с местными трудовыми ресурсами.

Воздействие мигрантов на рынок труда во многом зависит от экономической ситуации в регионе прибытия мигрантов, а также от уровня их квалификации.

По результатам оценки иностранных трудовых мигрантов, осуществлявших свою деятельность на основе разрешений на осуществление работы в южных субъектах ДФО, доля квалифицированных и высококвалифицированных специалистов остается низкой. Максимальная доля данной категории трудовых мигрантов в общей численности ИРС в регионе отмечалась в Приморской крае (7,4%), в ЕАО данный показатель составлял 4,9% [6].

Можно говорить, что внешняя трудовая миграция компенсирует существующие диспропорции на рынке труда регионов Дальнего Востока. При этом мы согласны с мнением, что на Дальнем Востоке приток низкоквалифицированных трудовых ресурсов сдерживает возможности инновационного развития экономики территории, закрепляет функционирование в экономике трудозатратных и низкопроизводительных отраслей. В то время как привлечение высококвалифицированных специалистов способствует повышению гибкости рынка труда, стимулированию инновационного пути развития экономики [7. С. 909]. Занятость мигрантов на низкооплачиваемых и невостребованных рабочих местах, с одной стороны, обеспечивает потребность рынках в рабочих специальностях, с другой стороны, позволяет местному населению занимать более квалифицированные рабочие места.

Если в целом для России миграция во многом остается основным фактором роста населения, то для ДВ миграция, с одной стороны, определяет динамику численности населения, с другой стороны, в значительной мере зависит от экономических процессов, происходящих в регионе. На ВЭФ-2017 было подписано 217 соглашений, в результате реализации которых будет создано 68 тыс. новых рабочих мест. Учитывая принцип увеличения числа трудовых мигрантов при увеличении объема инвестиций в регионе [8], очевидно, что активизация инвестиционной деятельности в субъектах ДФО вызовет рост числа ИРС и актуальность вопроса обеспечения данных предприятий квалифицированными кадрами будет возрастать.

Безусловно, привлечение инвестиций играет стимулирующую роль в экономическом развитии регионов. Новые инвестиционные проекты представляют собой потенциальный источник устойчивого роста и развития, учитывая его предполагаемую способность: генерировать инновации и содействовать в формировании, развитии человеческого потенциала и передаче навыков. Однако необходимо учитывать, что инвестиции могут оказывать положительное влияние на экономический рост, если обеспечен высокий уровень распространения технологий; высокий уровень образования и компетентности; благоприятные экономические, политические, социальные и культурные условия [1]. Нехватка трудовых ресурсов может быть одним из существенных факторов, снижающих вероятность достижения положительных результатов инвестиционных проектов.

Интенсивное развитие отдельных регионов Дальнего Востока, значительные объемы инвестиций формируют положительный имидж территории, в том числе среди мигрантов. Это «идеальное» представление стимулируется средствами массовой информации и поддерживается федеральными и региональными органами власти. Резкое увеличение сальдо миграции может служить индикатором несоответствия скорости роста новых рабочих мест и скорости миграции. В итоге может возникнуть эффект мальтузианской ловушки, при котором рост населения опережает рост ресурсов для обеспечения населения, в данном случае рабочих мест.

В результате моделирования динамики численности занятых и численности возрастных групп для южных регионов ДФО нами были получены следующие качественные результаты:

Во-первых, занятость возрастной группы населения 30-49 лет активно развивающихся регионов Дальнего Востока — Хабаровского и Приморского краев — близка к насыщению, поэтому дальнейшее увеличение численности занятого населения этой возрастной группы будет определяться миграционным приростом. *Во-вторых*, в регионах происходит (и является необходимым условием компенсации недостатка работников) более активное вовлечение в трудовую деятельность молодежи до 30 лет, в связи с чем, требуется более гибкий подход к обучению молодежи непосредственно у работодателя и социальная поддержка, связанная с воспитанием детей и обеспечением жильем. *В-третьих*, уровень занятости когорты 30-49 лет находится в окрестности точки бифуркации, связанной с возможным увеличением миграционного притока, спровоцированного «имид-

жевым пузырем» — активным созданием имиджа территории как региона с особой социальной поддержкой населения (дальневосточный гектар, территории опережающего развития с налоговыми льготами) и развивающейся экономикой. Такой эффект может возникнуть в Хабаровском и Приморском краях, его следствием может стать массовая безработица среди мигрантов, либо местного населения.

Таким образом, проблема нехватки трудовых ресурсов всегда была актуальной для Дальнего Востока. Однако в разные временные периоды эта проблема находила разные решения.

Современные социально-экономические условия и перспективы развития дальневосточных регионов определяют необходимость поиска нового пути решения вопроса недостатка трудовых ресурсов на ДВ.

Решение кадрового вопроса будет решаться в первую очередь самостоятельно предприятиями. Один из вариантов решения данного вопроса связан с реализацией кадровой политики предприятий, ориентированной на привлечение работников из других регионов России или из-за рубежа. В качестве примера можно рассматривать опыт строительства Амурского газоперерабатывающего завода в г. Свободном, где планируется возведение жилого микрорайона на 5 тыс. жителей, включающий многоквартирные жилые дома (для работников предприятия и членов их семей), поликлинику, детский сад, школу, спортивный комплекс, Дом культуры с концертным залом и Дом детского творчества [3].

Другой путь решения — организация образовательных курсов для местного населения с необходимой профессиональной ориентацией. Данная стратегия необходима для протекционной политики в отношении местных трудовых ресурсов. С 2015 г. по 2017 гг. в Магаданской области, Сахалинской области и Республике Саха (Якутия) вводились запреты на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, в определенные отрасли или на определенные должности. Основная цель установления запрета была связана с необходимостью поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов в регионе путем трудоустройства в приоритетном порядке российских граждан, сокращение нарушений миграционного законодательства. Обозначенные варианты не исключают друг друга, более того, их совместная реализация необходима для эффективного решения проблемы дефицита кадров, с одной стороны, и поступательного социально-экономического развития экономики ДВ — с другой.

Литература и Интернет источники

1. Edmore E Mahembe, Nicholas M Odhiambo, (2016). Does foreign direct investment cause economic growth? A dynamic panel data analysis for SADC countries. *International Journal of Emerging Markets*, Vol. 11 Issue: 3, pp.316-332, — Режим доступа: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-06-2014-0084>
2. Migrants in low-skilled work: The growth of EU and non-EU labour in low-skilled jobs and its impact on the UK. Migration Advisory Committee. Full Report. July 2014. 356 p.
3. Амурский газоперерабатывающий завод. — Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/amur-gpp/>
4. Ионцев В.А. Международная миграция населения: Россия и современный мир. Демография. Миграции. 1998. — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/596/824/1217/004.IONTSEV.pdf>
5. Мищук С.Н. Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке середины XIX в. – начала XXI в. // Известия РАН. Серия географическая. — 2013. — № 6. — С. 33-42.
6. Мищук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России / / Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Мат-лы VI междуна. науч.-практич. конф. Министерство образования и науки РФ; Благовещенский государственный педагогический университет; Институт Конфуция в БГПУ. — Благовещенск, 2016. — С. 271-274.
7. Цапенко И.П. Социальные эффекты миграции // Вестник Российской академии наук. — 2015. — Т. 85. — №10. — С. 906-915.
8. Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. Временные трудовые мигранты в России. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0579/tema04.php>

Маклашова Елена Гавриловна,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия. E-mail: maklashova@mail.ru;

Васильева Ольга Валерьевна,

кандидат политических наук, научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия. E-mail: osipovaovr@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

(исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 16-13-14001)

В данной статье приводятся основные научные результаты, полученные в ходе выполнения гранта РГНФ на первом этапе. Обобщаются результаты массового социологического опроса в г. Якутске и п. Нижний Бестях, как населенных пунктов с наиболее заметными процессами изменения этнической структуры сообщества. Установлено, что в Якутии для повышения интеграционного потенциала населения необходимо уделять внимание не просто укреплению социально-экономического статуса местного населения, но и повышению гражданской культуры населения, доверия внутри сообщества.
Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), миграция, принимающее сообщество, уровень доверия.

Elena G. Maklashova, Cand. Sc. (Politics),

Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN),
Siberian branch of the RAS (SB RAS),
Yakutsk, Russia. E-mail: maklashova@mail.ru

Olga V. Vasileva, Cand. Sc. (Politics),

Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN),
Siberian branch of the RAS (SB RAS),
Yakutsk, Russia. E-mail: osipovaovr@rambler.ru

PROBLEMS OF INTEGRATION IN MULTICULTURAL SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

(the study was conducted with support from RHF grant № 16-13-14001)

In this article, the main scientific results of the first stage the implementation of the RHF's grant are given. The results of a mass sociological survey in Yakutsk and Nizhny Bestyakh (the Republic Of Sakha (Yakutia)), which are settlements with dynamic processes of changing in the ethnic structure of the community, are summarized. It is necessary to pay attention not only to strengthening the socio-economic status of the local population, but also to raising the civil culture of the society and trust in the community for increase the integration potential of the host community in Yakutia.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), migration, host community, level of trust.

Введение

Развитие Дальнего Востока (далее — ДВ) в целом и Республики Саха (Якутия), в частности, связывается с миграцией и политикой расселения. В 2017 г. Правительство России утвердило Концепцию демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, согласно которой предполагается улучшить демографическую ситуацию и увеличить численность населения в макрорегионе до 6,5 млн. человек за счет естественного и миграционного прироста, привлечения в регионы Дальнего Востока на постоянное место жительства жителей из других субъектов РФ, соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных иностранных специалистов и молодежи [2].

Иностранная рабочая сила рассматривается как постоянный и неотъемлемый элемент развития региональных экономик, что зафиксировано в большинстве стратегий социально-экономического развития самих регионов Дальнего Востока. Так реализация крупных инвестиционных проектов (Сахалин-1, Сахалин-2, космодром «Восточный» и т.д.), а также создание территорий опережающего социально-экономического развития (далее — ТОСЭР) обусловили увеличение внешнего притока мигрантов, о чем свидетельствуют официальные статистические данные по внешней миграции на Дальний Восток.

По мнению ряда зарубежных и отечественных экспертов, проблемы культурных различий не так актуальны, однако в действительности, необходимо обратить внимание на само принимающее сообщество и уровень социальной поляризации в нем. Когда происходит его повышение, пропорционально возрастает недоверие между представителями различных слоев и групп населения, что, в свою очередь, влечет за собой высокий градус социальной напряженности. При этом постепенно происходит смещение акцента с опасной маргинализации отдельных слоев населения в самом обществе на мигрантов, число которых возрастает по мере преобразований трудового процесса и движения капиталов. В связи с этим необходимо изучить, какие проблемы внутри самого сообщества приводят к снижению интегративных возможностей общества и затрудняют процессы националистического, что обусловило исследовательский интерес, реализованный в рамках проекта РГНФ «Принимающее сообщество: проблемы интеграции мигрантов в контексте формирования гражданской нации».

Методы и методология

Междисциплинарный характер проблемы обусловил применение комплексного подхода — системного, аксиологического, социолингвистического и социального конструктивистского, обеспечивающего получение результатов объективно отражающих современное состояние проблемы, позволяющего выстроить четкую схему развития межэтнических отношений, восприятия коренным населением мигрантов и сделать научно обоснованные рекомендации государственным структурам как на уровне республиканского центра, так и местных органов власти.

Основными методами исследования стали социологические, при использовании преимуществ как количественного (анкетный опрос), так и качественного методов (фокус-группа, полустандартизованное интервью). Опросы населения проведены в таких населенных пунктах, где наиболее заметными являются процессы изменения этнической структуры сообщества, как г. Якутск — административный центр Якутии, в черте которого планируется строительства ТОСЭР «Индустриальный парк “Кангалассы”», п. Нижний Бестях, город Нерюнгри — город-участник инвестиционного проекта «Комплексное развитие Южной Якутии».

Результаты исследования

Первый этап исследования (статистический анализ социально-экономического развития, массовый опрос в г. Якутске и п. Нижний Бестях) показал следующее.

1. Сравнительный анализ социально-экономического состояния девяти регионов Дальнего Востока свидетельствует, что Якутия пока не обладает достаточным уровнем социальной привлекательности для массовой внутренних и внешней мигрантов по сравнению с иными субъектами ДВ и центральной части России. В Якутии наблюдается дальнейшая трансформация в этноструктуры региона, вызванная, прежде всего, оттоком населения. Пока для Дальнего Востока, и, в частности, для Якутии не характерно наличие негативного напряжения в системе «принимающее сообщество — мигранты» и несмотря на изменения этноструктуры населения Дальний Восток остается одним из макрорегионов со стабильно низким уровнем межнационального напряжения. Данные процессы, фактически, предоставляют «фору» региональным управленческим органам по выработке и реализации мер по интеграции мигрантов, так как, стоит признать, что миграция останется основным источником пополнения трудового потенциала регионов ДВ.

2. Анализ документов в области реализации национальной политики и управления межэтническими отношениями в Якутии показал, что Концепция государственной национальной политики РС(Я) и государственная программа РС(Я) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012-2017 годы» направлены в первую очередь на поддержку этнокультурного многообразия. Внимание к вопросам адаптации и интеграции мигрантов в документах весьма слабое и размытое в части понимания мер и направлений работы.

3. Среди респондентов наблюдается заметная неудовлетворенность сложившейся социально-экономической структурой общества, которая воспринимается как несправедливая. Считаем, что данный показатель наряду со сравнительно низким уровнем доверия официальным структурам, выступает своеобразным индикатором уровня социальной напряженности. Уровень субъективного экономического благополучия, гендер и возраст не оказывают решающего влияния на оценку обоснованности социально-экономической структуры общества. Отмечается значительное влияние на ответы такого фактора как место проживания респондента (оппозиция село/город). Жители сельской местности значительно в большей мере воспринимают сложившуюся структуру общества как несправедливую, а также проявляют более негативное отношение к мигрантам. Наблюдается и такое явление как этнизация процессов миграции, что в широком плане позволяет сделать вывод, что острое восприятие неравенства трансформирует социальную напряженность в этническую.

4. В городской, как и сельской среде наблюдается высокий уровень этнической солидаризации, который, как показал перекрестный анализ, не выступает конкурентом формирования и поддержания российской идентичности в регионе с «национальным характером» и высокой долей этнокультурного разнообразия. На основе предложенной В.И. Мукомелем и С.В. Рыжовой методологии [1] уровней доверия и межэтнической толерантности авторами статьи зафиксировано, что социально-экономическое положение оказывает существенное влияние на доверие и оценку межнациональных отношений, а высокая степень этнической солидарности в национальных регионах не мешает установлению единства гражданской нации.

Заключение

При кажущемся внешнем благополучии — отсутствии открытых конфликтов — было выявлено наличие отрицательных эмоциональных установок к представителям этнических групп, не являющихся традиционными для Якутии. Наиболее негативные оценки выявлены в отношении представителей народов Кавказа. Таким образом, фиксируемая сегодня спокойная ситуация в сфере межнациональных отношений в обществе не означает включения не характерных иноэтнических представителей в региональный социум, данный процесс требует разработки дополнительных мер со стороны государства. На основе анализа данных социологического исследования охарактеризованы индикаторы низкого уровня развития социального капитала общества. Соответственно, решая проблемы интеграции мигрантов, стоит существенное внимание обратить на развитие гражданского общества.

Литература и Интернет источники

1. Мукомель В.И., Рыжова С.В. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. — 2017. — №1. — С. 37-46.
2. Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока (Распоряжение от 20 июня 2017 года №1298-р) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://goeovernment.ru/docs/28228/> (дата обращения 01.08.2017).

Соловьев Иван Алексеевич,

кандидат географических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия. E-mail: soloivan@mail.ru;

Зольникова Юлия Федоровна,

кандидат географических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия. E-mail: zolnst@mail.ru

СТРАТЕГИИ АДАПТИВНО-ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МИГРАНТОВ ИЗ УКРАИНЫ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

(Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации
№ НШ-9300.2016.6)

На основе социологического исследования в статье определены основные стратегии адаптивно-интеграционного поведения мигрантов из Украины в Ставропольском крае. Раскрыты ключевые механизмы решения мигрантами таких важнейших проблем адаптации и интеграции, как языковая, натурализация, легализация, материальное положение. Стратегии адаптации и интеграции мигрантов нами рассматривались на примере самых массовых категорий иностранных мигрантов в Ставропольском крае: стрессовые мигранты, иммигранты и трудовые мигранты.

Ключевые слова: иммигранты, соотечественники, стратегии адаптивно-интеграционного поведения, стрессовые мигранты, трудовые мигранты.

Ivan A. Soloviev,

Cand. Sc. (Geography), Associate Professor, North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia. E-mail: soloivan@mail.ru;

Yuliya F. Zolnikova,

Cand. Sc. (Geography), Associate Professor, North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia. E-mail: zolnst@mail.ru

STRATEGIES OF ADAPTIVE-INTEGRATION BEHAVIOR OF MIGRANTS FROM UKRAINE IN THE STAVROPOL REGION

(The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation № NSH-9300.2016.6)

On the basis of sociological research, the article outlines the main strategies for the adaptive and integrative behavior of migrants from Ukraine in the Stavropol Territory. The key mechanisms of migrants' solution for such important problems of adaptation and integration as language, naturalization, legalization, financial position are revealed. Strategies for adaptation and integration of migrants were examined by the example of the most massive categories of foreign migrants in the Stavropol Territory: stressful migrants, immigrants and labor migrants.

Keywords: immigrants, compatriots, strategies for adaptive-integration behavior, stress migrants, labor migrants.

В связи с конфликтом на Украине в 2014 г. в России впервые после 1990-х гг. произошел всплеск вынужденной миграции. Общий объем стрессовой миграции из Украины в Россию по официальным оценкам на 10 сентября 2015 г. составлял 1,1 млн человек [1]. Из них на 1 января 2016 г. статус беженца, вынужденного переселенца и лица, получившего временное убежище, в России насчитывалось 340 тыс. человек. В Ставропольском крае этот показатель составил 8257 человек. Большинство (91,7%, 312 тыс. человек) стрессовых мигрантов России выходцы из Украины [2]. Другими массовыми категориями новоселов из Украины, являются трудовые мигранты и иммигранты. Масштабность миграции определили сложности адаптации и интеграции переселенцев в России.

Информационной основой работы является социологическое исследование, проведенное в 2017 году. Были взяты глубинные интервью у 10 мигрантов различных категорий из Украины: иммигранты, стрессовые и трудовые мигранты.

Исследование показало, что основными проблемами адаптации и интеграции мигрантов из Украины являются экономические сложности и натурализация. Подчеркнем, что для этих категорий переселенцев языковая интеграция неактуальна в силу того, что для них русский язык является родным, несмотря на то, что многие из них украинцы.

Большинство мигрантов из Украины нацелены на иммиграцию в России и полную интеграцию в принимающее сообщество. Этим обуславливается их главная стратегия адаптивно-интеграционного поведения, направленная на приоритетное решение проблемы натурализации и трудоустройства.

Казалось бы, респонденты должны воспользоваться программой привлечения соотечественников в Россию, которая реализуется в Ставропольском крае и получить по упрощенной схеме российское гражданство. Напротив, большинство респондентов избрали для себя более сложный и долгий путь поэтапной натурализации. Чтобы стать обладателями российского подданства на первом этапе, им необходимо получить разрешение на временное проживание в России, потом вид на жительство, и после этого гражданство. В результате приехавшие в Россию, преимущественно в 2014 г., украинцы не смогли пройти натурализацию в течение 3-х лет.

Самые пассивные и юридически некомпетентные мигранты эту проблему не могут решить более 10 лет. Например, к таковым относится мигрант из Ивано-Франковской области, мужчина 50-59 лет возраста, проживающий в одном из хуторов Кочубеевского района с 2000 года. И это несмотря на то, что он имеет законные права на упрощенное получение российского гражданства, так как его близкие родственники — жена и дочь являются гражданами Российской Федерации. Теоретически он мог бы стать участником программы добровольного переселения соотечественников и получить гражданство в течение 6 месяцев. В этом частном случае мигранту, не знающему своих прав, не повезло с равнодушными специалистами миграционной службы, которые своевременно не объяснили мигранту о возможности по быстрейшему решению этой проблемы, несмотря на то, что к ним он обратился первый раз ещё в 2004 году.

Только один респондент решил успешно эту проблему за счет участия в программе добровольного переселения соотечественников. В последнем случае участник этой программы смог получить российское гражданство по упрощенной схеме в течение 5 месяцев (с сентября 2016 по январь 2017 гг.).

Возникает вопрос: почему украинские мигранты неохотно участвуют в программе переселения соотечественников? Ответ заключается в дефектах этой программы, в частности на Ставрополье ее участниками могут стать только мигранты сельской местности, а переселенцы из Украины преимущественно из крупных городов — Донецка, Луганска и других. Многие из них не хотят жить в сельской местности, что, не удивительно, учитывая не развитость здесь рынков труда, и социально-экономическую депрессивность села. Поэтому мигранты из Украины, среди которых много инженеров, преподавателей, рабочих

заводов выбирают для своего проживания Ставрополь и другие города, таким образом, ставя приоритет в решении проблемы материального положения над натурализацией. Кроме того, многие респонденты при переезде на Ставрополье опираются на поддержку родственников.

Другой причиной определяющей сложности натурализации является дороговизна ее процедур. Особенно эта проблема характерна для «обездоленных» в ходе войны на Украине стрессовых мигрантов. В частности, интервьюируемая мигрантка из Луганска в ходе переезда испытала материальные сложности и понижение социального статуса. При этом для оформления разрешения на временно проживание в России на семью (3 человека) за медосмотр она заплатила 10 тыс. руб., за государственную пошлину — 2 тыс. руб., за комплексный экзамен (по русскому языку, истории и законодательству РФ) — 5,3 тыс. руб. Не меньшие затраты мигранты несут при оформлении вида на жительство в России и гражданства. Для живущей очень скромно беженке из Украины, вынужденной арендовать дорогое жилье в Ставрополе, такая сумма является существенной. У многих беженцев просто нет денег на получение гражданства. Кроме того, возникает вопрос, почему соотечественники (даже без официального статуса), для которых русский язык является родным, должны сдавать по нему экзамен? Поэтому стрессовые мигранты жалуются на бюрократизм в процедуре натурализации и серьезные трудности с решением этой проблемы. Многие стрессовые мигранты, для легализации своего правового статуса на первом этапе оформляли разрешение на временное убежище в России. Затем выбирали путь поэтапной натурализации или упрощенного получения гражданства. В последнем случае становились участниками программы добровольного привлечения соотечественников в Россию.

Главной стратегией адаптивно-интеграционного поведения трудовых мигрантов из Украины, является оформление патента, разрешающего работать у физических лиц и разрешения на работу (по квоте). В этом случае гастарбайтеры, прежде всего, нацелены на улучшение своего материального положения.

Исследование показало, что основными адаптивно-интеграционными стратегиями мигрантов из Украины выступают:

- 1) улучшения материального положения (за счет ориентации на трудоустройство, преимущественно в городах);
- 2) «поэтапной натурализации» (разрешение на временное проживание в России — вид на жительство — гражданство РФ);
- 3) «упрощенной натурализации» (временное убежище в РФ — программа привлечения соотечественников).

Во всех трех стратегиях для многих мигрантов большую роль играют родственные связи.

В решении проблемы натурализации значительную роль оказывает государство. По нашему мнению, по отношению к мигрантам из Украины необходимо упрощать имеющиеся процедуры получения российского гражданства, т.к. все они без исключения относятся к соотечественникам. В гуманных и экономических целях государство может существенно облегчить адаптационно-интеграционные процессы для сотен тысяч украинцев в России.

Литература и Интернет источники

1. Захарова М. МИД РФ: более миллиона 100 тысяч беженцев с Украины находятся в России // РИА Новости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/society/20150910/1241943341.html#ixzz4DoZCoPzG>
2. Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. сборник / Росстат. — М., 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm

Франц Валерия Андреевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры
интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга
Института государственного управления и предпринимательства
УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия. E-mail: val-franc@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-33-00010)

В статье рассматриваются успешные институциональные практики интеграции иноэтничных мигрантов в принимающее сообщество, а также факторы формирования миграционной привлекательности территории, оценивается уровень привлекательности Свердловской области и России в целом для мигрантов из Средней Азии и их стремление к интеграции, изучается ситуация в сфере государственно-частного партнерства в области миграции, а также степень соблюдения прав мигрантов в различных сферах.

Ключевые слова: иноэтничные мигранты, миграционная привлекательность территории, институциональные практики, дискриминация, этнические НКО.

Valeriya A. Frants, Cand. Sc. (Politics),

Associate Professor, Integrated Marketing Communications and Branding Chair,
Institute of Public Administration and Entrepreneurship,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia. E-mail: val-franc@yandex.ru

INSTITUTIONAL ASPECTS OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA INTEGRATION IN THE SVERDLOVSK REGION: REALITIES AND PROSPECTS

(the study was conducted with support from RFBR, grant № 16-33-00010)

The article consider successful institutional practices of migrant of different ethnicity integration into the host community, as well as the factors of migration attractiveness of the territory, assess the level of attractiveness of the Sverdlovsk region and Russia for migrants from Central Asia and their desire for integration, examines the state-private partnership in the field of migration, as well as the degree of respect for the rights of migrants in various fields.

Keywords: migrants of different ethnicity, migration attractiveness of the territory, institutional practices, discrimination, ethnic NGOs.

В результате геополитических трансформаций, усиления международной напряженности, а также изменений в российской миграционной политике и законодательстве, характерных для нескольких последних лет, уровень миграции из стран Средней Азии как в Россию в целом, так и в Свердловскую область, начинает снижаться. Учитывая существующие демографические тренды и возрастающие потребности России в рабочей силе, это можно назвать негативной тенденцией, нуждающейся в корректировке.

На наш взгляд, помимо геополитических факторов, возможности воздействия на которые как на уровне государств, так и отдельных организаций, достаточно ограничены в силу их относительной непредсказуемости, существуют факторы внутригосударственного уровня, которые могут быть скорректированы «здесь и сейчас» с целью повышения миграционной привлекательности страны в целом и отдельных регионов.

Миграционная привлекательность территории, помимо прочего, коррелирует с возможностью комфортного сосуществования мигрантов с представителями местного сообщества, что неминуемо требует от них хотя бы минимально необходимого уровня интеграции, а также возможностью без существенных препятствий достигнуть целей пребывания на территории. С целью выявления факторов, необходимых для успешной интеграции мигрантов в принимающее сообщество, а также практик, повышающих эффективность и степень интеграции, рассмотрим теоретический и практический опыт, накопленный европейскими государствами, имеющими дело с необходимостью интегрировать иноэтничных мигрантов из стран с кардинально отличающейся социокультурной матрицей в течение более длительного исторического периода, нежели Россия.

Исследования значительного числа западных ученых, в частности, Х.-Й. Хоффман-Новотны, П. Ирленда, К.-О. Хондриха и др. [1; 4; 5], показывают, что степень интеграции в местное сообщество, характерная для тех или иных групп мигрантов, зависит, в первую очередь, от локального институционального контекста, и в гораздо меньшей степени — от этнической или социально-классовой принадлежности этих групп. Так, результаты исследований П. Ирленда продемонстрировали, что в рамках территорий, где власти субсидировали мигрантские ассоциации, активно привлекали иноэтничное население к работе консультативных органов власти, где режим взаимодействия властей с мигрантами и их лидерами в целом был достаточно открытым, мигрантское население демонстрировало наиболее высокие показатели интегрированности в местное сообщество и было в меньшей степени привязано к странам происхождения. В случаях же, когда политический ландшафт территории определялся партиями и политиками, далекими от нужд мигрантов и лишь эпизодически вступавшими в контакт с иноэтничным населением, мигранты были в большей степени склонны формировать собственные структуры (родительские, культурно-просветительские и т.д.) и сохраняли тесные связи со странами происхождения [4. С. 233-282].

Также в контексте вопроса миграционной привлекательности территории хотелось бы отметить, что на международном уровне благоприятными условиями интеграции иностранцев считаются безопасность проживания, возможность воссоединения с семьей в стране пребывания, доступ к натурализации и борьба с дискриминацией [6].

При этом, как показывает статистика, в России реализация как минимум двух из этих условий является проблематичной. Так, на сегодняшний день мигранты, в особенности те, кто приезжает на временные заработки из государств Средней Азии, не могут в полной мере рассчитывать на безопасное проживание и отсутствие дискриминации. Согласно результатам исследований В.В. Чупик, приведенных в статье «Дискриминация мигрантов в России» [2. С. 111-138], мигранты в нашей стране ощущают себя дискриминированными:

- в сфере труда и занятости, в условиях и оплате труда;

- в сфере найма и покупки жилья;
- в бытовых отношениях с местным сообществом;
- в отношениях с государственными, особенно правоохранительными органами.

Большинство социальных услуг, доступных россиянам, недоступны для мигрантов. Исключением являются три базовых услуги: бесплатная экстренная медицинская помощь, помощь роженицам и обучение детей мигрантов в российских школах. Однако в сравнении с уровнем социального обеспечения, доступным мигрантам в ЕС, эти возможности достаточно малы. Наряду с интеграционными практиками, между российскими и зарубежными законодательными и правоприменительными практиками также существует большой контраст. В частности, стоит отметить, что РФ не была подписана Международная конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990, вступила в силу в 2003 г.), Конвенции МОТ №97 «О трудящихся — мигрантах» (1949 г.) и №143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (1975 г.).

Что касается европейских интеграционных программ, исследователями выделяется две основные их разновидности [2. С. 227-243]. Первый и наиболее распространенный тип представляет собой программы первичной адаптации мигрантов, включающие обязательное прохождение интеграционных курсов (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Нидерланды). Такого рода программы, как правило, предполагают финансирование Правительством государства организации интеграционных курсов муниципалитетами, что, на наш взгляд, является особенно ценным примером для России. Немаловажно, что участие в таких программах является для европейских мигрантов бесплатным.

Вторым типом интеграционных программ являются программы, ориентированные на мигрантов, которые по тем или иным причинам не смогли адаптироваться к принимающему сообществу — безработных или получающих социальную помощь (Швеция, Финляндия). Такого рода программы предполагают право мигрантов, зарегистрированных в качестве безработных или получающих социальное пособие, на индивидуальный интеграционный план — соглашение, заключаемое между муниципальными органами самоуправления, организацией по трудоустройству и самим мигрантом. Данное соглашение гарантирует поддержку мигранта и членов его семьи в процессе приобретения знаний и навыков, необходимых для успешного трудоустройства и общей адаптации к принимающему сообществу. Интеграционный план может включать содействие в изучении языка принимающего государства, профессиональное консультирование и реабилитацию, тренинги и другие необходимые меры. Что немаловажно, интеграционный план должен быть разработан в течение двух месяцев с момента потери мигрантом работы или начала получения социальной помощи.

Также, на наш взгляд, интерес представляет распространенный во многих странах Европы феномен межкультурного посредничества — неформальная практика профилактики и урегулирования межэтнических и межкультурных конфликтов на основе принципов добровольности, беспристрастности и конфиденциальности. В качестве посредников, как правило, выступают мигранты, уже успешно интернировавшиеся в принимающее сообщество и способные оказать помощь соотечественникам и представителям принимающего государства в вопросах взаимной адаптации.

Вышеописанные исследовательские выводы были взяты нами за основу анализа степени интегрированности и готовности к более глубокой интеграции мигрантов из Центральной Азии, проживающих в Екатеринбурге и Свердловской области, привлекательности для них города и области, а также институциональных аспектов интеграции мигрантов и государственно-частного партнерства в данной сфере.

В рамках исследовательского проекта «Формирование идентичности мигрантов из стран Центральной Азии и россиян как проблема взаимоадаптации в условиях российского мегаполиса» (№16-33-00010) в 2016 году нашей группой под руководством д.с.н. И.Б. Бритвиной было проведено два опроса мигрантов и местных жителей в Екатеринбурге, а также реализована серия интервью с экспертами — представителями НКО и органов государственной власти. Опросы мигрантов и местных жителей позволили частично определить уровень привлекательности России для мигрантов и их стремление к интеграции в местное сообщество, а также отношение местных жителей к мигрантам с точки зрения наличия/отсутствия тенденции к дискриминации. Интервью с экспертами дали возможность оценить ситуацию в сфере государственно-частного партнерства в области миграции, а также степень соблюдения прав мигрантов в различных сферах.

Так, опрос 231 временного трудового мигранта продемонстрировал достаточно высокий уровень миграционной привлекательности страны для мигрантов из Средней Азии: 63% опрошенных высказали намерение получить российское гражданство, 47% — остаться в России на ПМЖ. При этом мигранты демонстрируют достаточно высокий уровень готовности к адаптации. Так, среди желающих остаться в России 78,9% тех, кто согласен с тем, что необходимо соблюдать российские культурные нормы, 92,7% согласны с необходимостью соблюдать российские законы. При этом только треть мигрантов готовы принять российский стиль одежды, а селиться рядом с русскими готовы лишь 27,5% (22,5% — не готовы, 50% затруднились дать однозначный ответ), что говорит в пользу сохраняющейся тенденции к анклавизации. При этом изменить свои культурные привычки готово большинство — 36,6% опрошенных, однако, в первую очередь, из соображений безопасности.

При этом временные трудовые мигранты из Средней Азии, не планирующие остаться в России навсегда, демонстрируют гораздо меньшую готовность к интеграции. Это подтверждают результаты опроса экспертов. Так, по словам Фаруха Мирзоева, председателя Свердловской региональной ассоциации общественных объединений «Ассоциация национально-культурных объединений Свердловской области», из-за бюрократических барьеров и коррупции в сфере легализации мигрантов, часть мигрантов, которая приезжает в город на заработки, практически не покидает свое место работы и взаимодействует только с земляками, а также коллегами-мигрантами из других государств. При этом единственным местом, которое они могут посещать раз в неделю, становится мечеть, что зачастую приводит к радикализму, а также к тому, что приезжие, вместо того, чтобы изучать российские, местные обычаи и традиции, привыкают к исламу и арабским традициям».

Из 485 местных жителей большинство, 51,3% выразили отношение к постоянному приему Россией мигрантов из Средней Азии, также большинство, 56,3% считают прием мигрантов из данного региона проблемой, которая обостряет многие другие проблемы горожан. При этом большинство, 62,7%, считают возможным давать мигрантам из Средней Азии гражданство при соблюдении с их стороны российских законов и культурных норм. В качестве требований к мигрантам, выполнение которых необходимо для комфортного сосуществования с местным сообществом, опрошенные назвали, в первую очередь, соблюдение российских культурных норм и законов, а также знание русского языка. Большинство опрошенных подчеркнули, что их отношение к мигрантам из Средней Азии зависит, в первую очередь, от того, является ли пребывание мигранта в РФ и его трудовая деятельность здесь легальной (54,8%), каков уровень образования мигранта (35,3%), в какой сфере мигрант осуществляет трудовую деятельность (28,7%). Большинство опрошенных (43,7%) отметили, что, так или иначе, контактируют с мигрантами. В основном

эти контакты происходят в связи с предоставлением мигрантами услуг местному населению (27,8%), а также проживанием по соседству (22,3%). При этом в деловых отношениях большинство, 30,5% опрошенных екатеринбуржцев рассматривают мигрантов в качестве подчиненных и только 20,2% в качестве партнеров, 55,7% воздержались от однозначного ответа.

Что касается деятельности гражданского общества и государственно-частного партнерства, в настоящее время в Екатеринбурге действует 7 этнических общественных объединений мигрантов из Средней Азии, из них 3 таджикских, 2 узбекских, 1 казахское и 1 киргизское. Основной целью создания данных организаций была необходимость оказания информационной и социальной поддержки недавно иммигрировавшим соотечественникам, а также популяризация культуры страны происхождения в Российской Федерации [3].

Кроме того, интеграции мигрантов оказывают содействие ряд НКО, к настоящему времени имеющих значительный общественный авторитет и осуществляющих активное взаимодействие с муниципальными и региональными органами государственной власти. Это такие НКО, как некоммерческое партнерство «Международный информационный центр», Свердловская региональная ассоциация общественных объединений «Ассоциация национально-культурных объединений Свердловской области», региональное общественное учреждение культуры «Свердловский областной Дом Мира и Дружбы» и др.

Наиболее распространенными направлениями деятельности национальных и иных НКО являются: сохранение и популяризация традиций стран происхождения мигрантов, содействие мигрантам в изучении русского языка и законодательства, содействие в прохождении юридических и иных процедур, необходимых для легального проживания и трудовой деятельности в РФ, защита прав мигрантов. Менее распространенными, но также довольно часто встречающимися направлениями деятельности таких организаций являются деятельность по привлечению внимания общественности и власти к проблемам миграции, формирование позитивного образа мигрантов в глазах местного сообщества, а также социально-психологическая помощь мигрантам. Все перечисленные организации осуществляют активное взаимодействие с органами государственного управления (Свердловская областная Администрация, Администрация Екатеринбурга, Аппарат уполномоченного по правам человека Свердловской области и др.).

Интервью с экспертами показали, что для Екатеринбурга и Свердловской области характерна достаточно высокая активность гражданского общества, особенно в лице этнических общественных объединений, в отношении интеграции мигрантов. Так, Нурзида Бернсгир, исполнительный директор Ассоциации Некоммерческое партнерство «Международный информационный центр», в качестве существенного преимущества города и области указывает сильные диаспоральные организации, осуществляющие работу с соотечественниками.

При этом эксперт отмечает, что адаптация мигрантов в Екатеринбурге на уровне органов государственной власти имеет достаточно стихийный характер, данная деятельность недостаточно систематизирована, нет необходимого количества программ адаптации мигрантов. Вновь прибывший в город мигрант получает поддержку, главным образом, со стороны соотечественников, но такая адаптация является искаженной и приводит к анклавизации. Однако властью в целом можно вести диалог, она прислушивается к мнению общественности и представителям НКО.

Фарух Мирзоев, председатель Свердловской региональной ассоциации общественных объединений «Ассоциация национально-культурных объединений Свердловской области», подчеркивает существенную роль этнических организаций в обеспечении за-

щиты прав мигрантов, а также разрешении межэтнических конфликтов и борьбе с экстремизмом. «Если есть какие-то проблемы межэтнические, экстремизм, то мы предотвращаем, проводим профилактику экстремизма, то есть проводится очень много семинаров, круглых столов с участием правоохранительных органов, СМИ и этнических групп вместе с местным населением» — рассказывает Ф. Мирзоев.

При этом начальник Управления межнациональных отношений Департамента внутренней политики губернатора Свердловской области Иван Падерин отмечает, что основным направлением деятельности органа власти является координация национально-культурных организаций в сфере профилактики экстремизма и недопущения межнациональных конфликтов на территории области и города. «Наша задача — координировать работу национально-культурных организаций и направить ее в русло, чтобы они обеспечивали сами адаптацию мигрантов, которые пребывают. То есть они обеспечили максимальный контакт со своими земляками. А с нашей стороны — мы координируем и направляем, предлагаем какие-то мероприятия проводить совместно, где также участвуют органы государственной власти, тем самым включая их в местные культурные процессы». Таким образом, можно говорить о том, что деятельность по обеспечению национальной безопасности в контексте взаимодействия мигрантов и местного населения возложена в Екатеринбурге и области на гражданское общество в лице национальных НКО.

Резюмируя, можно сказать, что в Екатеринбурге и Свердловской области существует своеобразный аналог европейского института культурных посредников, что играет положительную роль в их адаптации, однако, посреднические усилия, предпринимаемые общественностью в сфере интеграции мигрантов, не всегда встречают необходимую поддержку со стороны институтов государственной власти. Помимо прочего, эксперты подчеркивают недостаток государственного финансирования при реализации НКО необходимых интеграционных программ.

Также эксперты подчеркивают сложную ситуацию с соблюдением прав мигрантов и наличием несовершенств в соответствующем законодательстве, а также реализации бюрократических процедур. По словам Фаруха Мирзоева, «большинство мигрантов, не зная правила и законы Российской Федерации, попадают в щекотливые условия, когда создаются препоны для того, чтобы они легально регистрировались и получали документы. Это, во-первых, правовой нигилизм, недобросовестное отношение правоохранительных органов, мошеннические отношения сограждан, то есть тех лиц, которые уже приехали из государств Средней Азии и адаптировались. Во всех этих случаях компетентные общественные объединения стараются им помочь, но зачастую не имеют возможности, потому что те сроки и те обязательства, которые несет в себе Российское законодательство, привлекает мигрантов в неправовые отношения».

С точки зрения Н. Бенсгьер, самой большой проблемой в сфере адаптации мигрантов является русский язык. «И надо об этом говорить, а ведь у нас ни одной бесплатной школы русского языка нет. Ни для детей мигрантов, ни для самих мигрантов. И если есть возможность при получении гранта, мы обязательно включаем туда курсы русского языка» — утверждает эксперт.

Помимо вышесказанного, эксперты отмечают негативное (дискриминирующее) отношение со стороны образовательных учреждений, работодателей и работников медицинских учреждений (несмотря на то, что медицинское обслуживание мигрантов в России является платным). Самым массовым нарушением прав мигрантов, по их мнению, является невыплата заработной платы. Также значительной проблемой в области прав мигрантов и соответствующего законодательства является вопрос статуса членов семей мигрантов, которые, по выражению Н. Бенсгьер, «сейчас совершенно как бы выпадают из правового поля и рассматриваются нелегальными».

С целью содействия соблюдению прав мигрантов, рядом НКО реализуются проекты по обучению мигрантов основам российского законодательства, а также использованию существующих процедур защиты прав. В сфере защиты прав мигрантов НКО реализуется достаточно тесное взаимодействие с аппаратом Уполномоченного по правам человека в Свердловской области и иными общественными институтами. «Мы, конечно, участвуем в составлении обращений, помогаем мигрантам написать обращение на имя Уполномоченного по правам человека, и в Прокуратуру и так далее», рассказала Н. Бенсгьер.

Таким образом, можно утверждать, что мигранты из Средней Азии, планирующие переселиться в Россию для постоянного проживания, демонстрируют достаточно высокий уровень готовности к интеграции в местное сообщество. Те же, кто приезжает в Россию временно, готовы интегрироваться (изучать русский язык, законодательство РФ, местные культурные нормы, активно взаимодействовать с местным населением) в гораздо меньшей степени. Именно эта категория несет в себе наибольший заряд социальной напряженности. При этом стоит отметить, что она же является наиболее уязвимой с правовой точки зрения, в настоящее время имеет место большое число правонарушений и иных дискриминационных практик в отношении временных трудовых мигрантов из Средней Азии. В целом, дискриминация, в первую очередь, правовая, является одной из наиболее значимых проблем в сфере миграции как в Свердловской области, так и в России. В то время как снижение количества правонарушений в отношении мигрантов и уровня их дискриминации могло бы существенно повысить миграционную привлекательность страны и ее отдельных территорий, т.к. мигранты, возвращающиеся на родину, могли бы стать ретрансляторами позитивного образа государства. Гражданское общество, в первую очередь, в лице этнических НКО, демонстрирует достаточно высокую активность в сфере интеграции мигрантов, особенно это характерно для крупных мегаполисов. При этом органы государственной власти реализуют мероприятия в сфере миграционной политики во многом с опорой на институты гражданского общества, государственные услуги по интеграции в основном платные и, например, в отличие от стран Европы, предоставляются не комплексно, а разрозненно, что несколько замедляет и усложняет интеграцию мигрантов.

Литература и Интернет источники

1. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. — М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. — 272 с.
2. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. — М.: НП «Центральный Дом адвоката»; Московское бюро по правам человека; Academia, 2014. — 245 с.
3. Этнические общественные объединения Свердловской области. Официальный сайт Правительства Свердловской области. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.midural.ru/community/100332/100689/100693/>
4. Koopmans R., Statham P. Challenging immigration and Ethnic Relations Politics: Comparative European Perspectives. Oxford University Press, 2001. 456 p. Pp. 233-282.
5. Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2005. 312 pp.
6. Niessen J. Immigration, Citizenship and the Benchmarking of Integration in the EU // The Nexus between Immigration, Integration and Citizenship in the EU. Collective Conference Volume. April 2006. Pp.33-38.

Карабулатова Ирина Советовна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор-исследователь кафедры иностранных языков филологического факультета,
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия. E-mail: radogost2000@mail.ru

**ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ И ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ
ТРУДОВОГО МИГРАНТА В «ХОЖЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА**
(исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 17-04-00607)

Современный транскультурный конфликт ярко проявляется в электронно-информационном обществе, поскольку креолизованный текст является ведущим в трансформационных стратегиях по изменению идентичности современной языковой личности. Миксация этносоциолингвоментальных кодов в коммуникативных тактиках и стратегиях приводит к проявлению феномена транскультурной языковой личности. Дневниковые заметки купца Афанасия Никитина представляют пример трансформации языковой, конфессиональной идентичности трудового мигранта в маятниковой миграции в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: транскультурная языковая личность, транскультура, конструирование идентичности, культурные коды, транскультурный конфликт, Афанасий Никитин, писатель-мигрант, трудовая миграция.

Irina S. Karabutatova, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Professor, Foreign Languages Chair, Faculty of Philology,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia. E-mail: radogost2000@mail.ru

**TRANSCULTURAL CONFLICT AND REFLECTION OF THE TRANSFORMATION OF
THE PERSONALITY OF A LABOR MIGRANT IN «THE JOURNEY OF THE THREE SEAS»
BY AFANASY NIKITIN**

(the study was conducted with support from RFBR, grant 17-04-00607)

The modern transcultural conflict is clearly manifested in the electronic information society, since the creolized text is leading in the transformation strategies to change the identity of the modern linguistic personality. Mixing of ethno-socio-lingual-mental codes in communicative tactics and strategies leads to the manifestation of the phenomenon of the trans-cultural linguistic personality. The diary notes of merchant Afanasy Nikitin represent an example of the transformation of the linguistic, confessional identity of a labor migrant into a pendulum migration in the Middle Ages.

Keywords: transcultural linguistic personality, transculture, identity building, cultural codes, transcultural conflict, Afanasy Nikitin, migrant writer, labor migration.

Сегодня идентичность в контексте глобализации является процессом дифференциации и комплиментарности субъективно-объективных факторов. Сложность процесса идентификации современной транскультурной языковой личности состоит в многослойности параметров идентичности, актуализации социально-политического и культурно-символического наследия. Межкультурные конфликты, являясь естественным проявлением назревших противоречий в сфере образования, в некоторой степени определяют витальность самих образовательных систем, качество их эволюции во времени. Здесь назревает болезненный нарыв в виде столкновений интересов национальных систем высшего образования (культурологический аспект) и интересов транснациональных образовательных корпораций (экономический аспект).

Транскультурная компетентность языковой личности как своеобразная «навигационная система», позволяет индивиду, находясь в надкультурном пространстве, преодолеть субъективность оценки «своего» и «иного», видя их различия, удерживать каждую из них и занять индивидуальную позицию в диалоге культур. Нельзя сказать, что это новация сегодняшнего дня. Национальная и культурная идентичность в современном мультикультурном информационном обществе остается одной из острых проблем, актуализирующихся в связи с ростом внешних и внутренних миграционных потоков внутри стран.

Историческая изменчивость, с одной стороны, и устойчивость культурных характеристик — с другой, обуславливают необходимость семиотических описаний феномена порождения культурных знаков внутри текстопорождающих стратегий авторов-мигрантов. Наиболее очевидным подтверждением этому является творчество писателей мигрантов начала XV-XXI веков, которые в силу вынужденных обстоятельств — путешествий по торговым делам на Восток, ссылки на Север России, учебы в зарубежном вузе — оказались в условиях иноязычной культуры.

Для исследователя дискурса мигранта этот материал тем более любопытен, что он позволяет ему включить такие параметры исследования, а также характеристики феномена языковой личности, как речевая картина мира, дискурсивные стратегии автора, его самосознание в контексте аккультурации (вторичной социализации) и инкультурации (символизации «чужой» культуры). Ключевой вопрос для нас звучит так: обладает ли человек одной-единственной идентичностью или же в процессе вторичной социализации он обретает иную идентичность, свойственную для другой лингвокультуры, отказываясь при этом от своей собственной? Дневниковые заметки купца А. Никитина в данном контексте максимально отражают индивидуальный ментальный стиль и особенности мировосприятия автора-мигранта.

Коммуникационный прогресс оказывает трансформирующее влияние на бытие как отдельного индивидуума, так и общества в целом, становясь одной из наиболее важных государственных проблем, поскольку разнообразная реализация современного человека взаимообусловлена конфликтогенными ситуациями в целом [4: 794].

К числу тенденций, формирующих принципиально новые параметры современного мира в его электронно-цифровой реальности, вне всякого сомнения, можно отнести увеличение, распространение и изменение характера коммуникационных конфликтов в контексте транскультуры. Эпистемологически транскультура есть осмысление многообразия полилингвальности, полиэтничности, поликультурности, где вся эта множественность встречается, взаимодействует, но не сливается, сохраняя свое право на «непрозрачность».

Транскультурная языковая личность получает свою актуализацию при размывании границ языков и культур, повсеместных явлений интерференции и даже некой социальной моды на подобное языковое поведение. Транскультурная компетентность личности — это способность к такой культуре мышления, которая позволяет личности, находясь в

надкультурном пространстве, занять несколько позиций одновременно, видя их различия, удерживать каждую из них и критически оценивать ситуацию. За транскультурностью скрываются такие динамические процессы как формирование и развитие активного сознания, расширение языковой картины мира [5; 12].

Как известно, событийная канва Хождения хронологически определяется общепринятыми датами путешествия Афанасия Никитина (1466-1472), вычисленными И. И. Срезневским [9]. Автобиографический дискурс обусловлен экономической и хозяйственной необходимостью купца Афанасия Никитина, отправившегося в торговое путешествие из родной Твери в кавказское княжество Ширван в 1460-х гг. После нападения войска султана Касима на торговый караван Никитина и его товарищей под Астраханью купцы утратили имущество и вынуждены были разойтись в разных направлениях. Фольклорные маркеры текста, включающие фразеологизмы, моделируют авторское самосознание Никитина: «У кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли» [8. С. 19]. В данном речевом фрагменте текста Хождения представлен параллелизм, характерный для фольклорной поэтики. Формула «...а тот пошел куды его очи понесли» здесь стоит в позиции семы (значения), предшествующей другой — «...и тот пошелъ на Русь». Традиционный навык читать наличное в тексте как предикацию конкретного объекта значением, по мысли Е. Фарино, «хотя лингвистически это и предикаты» [10], обуславливает непонимание смысла фразы и интерпретацию ее в плане объективной причины продолжения путешествия А. Никитина вглубь на восток из-за его долговых обязательств перед кредиторами. Напротив, его товарищи вернулись на Русь в силу того, что им было чем расплатиться на родине за утраченный товар. Так, например, полагает Я.С. Лурье, считавший, что практически у Никитина не было никакого выбора и утверждавший, что торговые экспедиции в эту эпоху были дорогостоящими и купцы должны были иметь с собою крупные суммы, бравшиеся для подобных предприятий купцами займы. Это, по мнению ученого, доказывает, что Никитин был в долгу и осознавал, что попадет в кабалу к своему займодавцу, если он по возвращении домой не сможет выплатить долг, и предпочитает продолжить путешествие [7. С. 71]. Аргументацию Я.С. Лурье опровергает американская исследовательница Г.Д. Ленхофф [6]. С ее точки зрения, убеждение ученого в том, что купцы, отправляясь в такого рода торговые экспедиции, брали крупные суммы в долг, не подтверждается историческими фактами: среди купцов, ведших торговлю с дальними странами, не было товаров, требовавших больших денежных вложений, и что, как правило, они не возили с собой крупные денежные суммы.

А. Никитин рассказывает о наиболее ярких, с точки зрения автора, особенностях жителей Индии. Дискурсивная стратегия описания строится при этом с опорой на культурные стереотипы русской языковой картины мира. Никитин описывает достопримечательности, праздничные мероприятия, ситуации бытового межличностного общения, повседневный труд коренного населения. Яркие детали описания и разговорная лексика (экспрессивные фразеологизмы) подчеркивают субъективность восприятия и оценок увиденного и пережитого Никитиным в Индии, стремление узнать и понять жителей.

Нейтральный тон заметок Никитина сменяется оценочной лексикой, как только автор начинает рассуждать о кастовой системе или о пищевых табу. Негативные чувства автора проявлены в описании Индуистского идола, простирающего десницу столь же величественно, как и изваянный в Константинополе византийский император Юстиниан, однако «на немъ нѣтъ ничево, а гузно у него обязано ширинкою, а виденье обезьянино» [8. С. 10].

При этом включения иноязычных слов в ткань повествования свидетельствуют, с нашей точки зрения, что эти вкрапления выполняют функцию маркеров «чужой» для ми-

гранта культуры, негативное отношение к которой показывает, что процесс социализации, приобщения к ценностям и нормам «чужой» культуры пока только начался, она еще не стала «другой». Можно сказать, что автор пребывает в состоянии культурного диссонанса, шока.

Показателем успешной социализации можно считать трансформацию «свой-чужой» в оппозицию «свой-другой». Дискурсивным маркером такого перехода можно считать, прежде всего, искренность, с которой Афанасий Никитин говорит о конфликтной ситуации, в которой он оказывается волею обстоятельств. Здесь мы имеем в виду так много раз обсуждавшуюся учеными смену семиотического кода текста, когда автор оказывается в новой системе координат мусульманского мира и вынужден сделать предельно сложный личный выбор между православием, от которого оторвался, и магометанством. Таким образом, транскультурная компетентность является содержательной стороной процесса развития личности, тогда как социальная креативность внешним ее проявлением.

Транскультурная языковая личность обладает некоей своеобразной «навигационной системой», которая позволяет индивиду, находясь в надкультурном пространстве, преодолеть субъективность оценки «своего» и «иного», видя их различия, удерживать каждую из них и занять индивидуальную позицию в диалоге культур.

Эмоции отчаяния Афанасия Никитина связаны с тем, что он «не ведает» православных праздников и постов. Он отрицательно маркирует собственное положение как человека, который не соблюдает православных праздников и постов. Данная субъективная оценка вполне соответствует топам духовной жизни в средневековой литературе после-монгольского периода. Ключевые точки религиозного дискурса здесь — праздники Великий Пост и Пасха как сущность литургической, соборной жизни христианина. Несомненно, Никитин удручен тем, что не соблюдает «своих» календарных религиозных праздников, что соотносилось со стереотипом утраты христианской веры [11]. Важно отметить, что факт потери временной ориентации по «своему» календарю и ориентации по мусульманскому свидетельствует о процессе трансформации национальной картины мира А. Никитина в сторону встраивания в нее сведений о «чужом» [8. С. 103].

Никитин держал пост месяц, в то время как православный пост длится 48 дней, чего не мог не знать Никитин. Этот факт также свидетельствует о трансформации «своей» картины мира мигранта и встраивания в нее сведений о «чужом». Никитин «сочетал» православную и мусульманскую практику, воздерживаясь от мяса, как это было обычно для него во время Великого Поста, и в то же время следуя мусульманскому обычаю праздника Рамадана (пост в течение месяца) отказываясь от дневной трапезы в течение месяца. Его поведение — яркая иллюстрация процесса сосуществования в рамках вживания в иную культуру «своих» и «чужих» стереотипов, освоения новых моделей интеракции в речевом сознании мигранта.

Безусловно, Никитин при этом вводит оценочные маркеры своей позиции. Ведь, если он постился вместе с мусульманами и соблюдал рамадан, то следовал одному из пяти главных требований, которые предъявляются к каждому мусульманину. Другие требования - паломничество в Мекку, через которую он *не* должен ехать на Русь («А на Мякъку пойти, ино стати в вѣру бесер-меньскую, занъже христиане не ходят на Мякъку вѣры дѣля, что ставять в вѣру» [8: 28], а также раздача милостыни, пятикратная молитва и произнесении «шахады» или молитвы, заключающуюся в том, что «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Божий» [3], он выполнил. Присутствие православной молитвы в тексте Троицкого списка Хожения — краткой молитвы, произносимой православными христианами в отсутствие священника, изложенной на правильном церковнославянском языке, также является дискурсивным маркером перехода оппозиции «свой-чужой» в оппозицию «свой-другой».

Он пишет по-русски, что он «молился... Богу вседержителю, кто сътворилъ небо и землю, а иногo... не призывал никотороvо имени», затем он переходит к молитве с арабскими вставками следующего содержания: «Богъ олло, Богъ керимъ [милостивый], Богъ рахымъ [милосердый], Богъ худо [Господь], Богъ акъберъ [великий], Богъ царь славы, олло варенно, олло рагымелло, сеньсень олло ты [Аллах жив, Аллах, Ты милосерд, Ты, о Ты, Аллах]» [8. С. 21]. Смесь церковнославянского и арабского языков иллюстрируют процесс формирования личностной идентичности, условием которой, по Я. Ассманну, является совместное освоение членами общества символического мира [2]. Культура при этом с ее нормами, ценностями становится для всех членов общества самодостаточной и безальтернативной. Поэтому сама по себе «чужая» культура Индии не может сообщить Никитину коллективную идентичность, ибо она закрепляется множественностью идентичностей. «Без множественности нет единичности, без инаковости нет своеобразия» [2. С. 166]. Поэтому следует признать, что в процессе вторичной социализации мигрант А. Никитин не приобрел другую идентичность (мусульманскую), он не перешел из православия в мусульманство, как считают отдельные исследователи [1], а освоил и приобрел новые способы интеракции в новом социуме, новые социокультурные роли в новых дискурсивных условиях инокультурной среды. Подтверждение этой гипотезы может быть найдено в пространном описании того отчаяния, которое испытал Никитин после встречи с мусульманским правителем. Автор записок бичует себя за то, что не сумел исповедать своего христианства: «Горе мнѣ, окаанному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю уже самъ пойду. Господи Боже вседержителю, творецъ небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко скорбь близъ есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго и настави мя, Господи, на путь твой правый, яко никоeя же добродѣтели в нужи той сотворих тебѣ, Господи мой, яко дни своя преплых все во злѣ, Господи мой, олло переводигерь, олло ты, каримъ олло, рагымъ олло, каримъ олло рагымелло; ахалимъдулимо (Аллах-защитник, Аллах, ты милостив; Аллах, ты милосерд; Аллах милостив; Аллах — милосердый Бог; Аллах — милостивый Бог; хвала Аллаху)» [8. С. 26; 8. С. 13]. Никитин завершает эту необыкновенную молитву, настаивая на том, что он не отрекся от христианства. Приведенные выше слова звучат как последний крик отчаяния и протеста перед жестокой неизбежностью. С этого момента Никитин обращает все свои молитвы только к Богу, который не может не отождествляться с Аллахом. Он исповедует, что «Маметь дени иариа, а растъ дени худо доносит (Мухам-медова вера праведна) — а правую вѣру Богъ вѣдаеть. А праваа вѣра Бога единого знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисту» [8. С. 29; 8. С. 15]; что Мухаммед есть «посланец Бога», что Иисус Христос есть «дух Аллаха» [8. С. 31; 8. С. 17]. Последнее утверждение противоречит основному православному догмату, согласно которому Отец, Сын и Святой Дух триедины, Отец есть начало, ни от кого не рожденный и ни от кого не исходящий, Сын рожден от Отца, а Святой Дух от Отца исходит. Это утверждение отражает вместе с тем мусульманское учение о том, что Иисус был пророком, принесшим благовестование и поддерживаемым духом Аллаха.

Скептики могут возразить, что Афанасий Никитин пользовался иностранными языками для описания чего-то иностранного, но это не так. Напротив, говоря о дальних странах, Афанасий Никитин в основном пользуется русскими словами. Зато, вспоминая о России, он часто переходит на тюркский или арабский язык. Чего стоит, например, молитва Афанасия Никитина о русской земле. Перечисляя виденное в разных странах, Никитин наконец с особо теплыми чувствами вспоминает о Руси (Урус). И кончает это перечисление молитвой о Русской Земле. С самого начала этой молитвы он переходит с русского языка на тюркский: «Да Подольскаа земля обилна всем; а Урус ерь таньгры сакласынъ; Олло сакла, худо сакла, будоньяда мунуқыбитъ ерь ектуръ; нечик Урус ери бегъляри акай

тусил; Урус ерь абаданъ больсын; расте камъ дереть. Олло, худо, Бог, Бог данъгры» [8. С. 581].

Не только возрастающая пропорция восточных молитв сравнительно с церковнославянскими, но также и характер этих молитв и условия, в которых эти молитвы произносятся, показывают, что Афанасий Никитин постепенно принял ислам отнюдь не только как видимость, а как другую систему культурных знаков. Перед нами, по сути, процесс смешения или гибридизации культурных, национальных идентичностей в языковой картине мира мигранта-купца Никитина. Столкновение культурных стереотипов Никитина в результате миграции — сложная форма, так как связь мигранта с прежней культурой осуществляется только в его памяти и воображении или опосредованно, через следованные обычаи, традициям в еде, одежде и т.д. Транскультурная языковая личность обладает некоей своеобразной «навигационной системой», которая позволяет индивиду, находясь в надкультурном пространстве, преодолеть субъективность оценки «своего» и «иного», видя их различия, удерживать каждую из них и занять индивидуальную позицию в диалоге культур.

Литература и Интернет источники

1. Алексеев П.В. Мусульманский код «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — №3 (15). — С. 70-74.
2. Assmann J. Verlag Beck Munchen, 2000. S. 166.
3. Christopher J. B. The Islamic Tradition. New York, 1972. P. 39-51.
4. Karabulatova I.S. The problems of linguistic modeling of new Eurasian linguistic personality in multilingualistic and mental environment (by example of onomasphere) // Middle-East Journal of Scientific Research, 2013, 17 (6), pp. 791-795, 2013.
5. Karabulatova I.S. and B.Z.Akhmetova. Characteristics of Social-Cultural Vitality of Modern Russian Settlements of the Former Gorky Line of Kazakhstan // Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015, pp.201-206.
6. Lennhoff G. BeyoDd Three Seas : Afanasiy Nikitins Journey from Orthodoxy to Apostasy. East European Quarterly, vol. XIII, N 4, December 1979, p. 431-445.
7. Лурье Я. С. Русский «чужеземец» в Индии 15 века // Хожение за три моря Афанасия Никитина / Подгот. изд. Я.С. Лурье и Л.С. Семенова. — Л., 1986. — С. 71-72.
8. Семенов Л. С. Хожение за три моря Афанасия Никитина / Подгот. изд. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова. — Л., 1986.
9. Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472. — СПб., 1857. С. 36-38.
10. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. — С. 549.
11. Fedotov G. The Russian Religious Mind. 2 vols. (1946- 1966; rpt. Belmont, Massachusetts, 1975). Vol. 2. P. 147-148
12. Khairullina N.G., Karabulatova I.S., Shvedova M.F., Koyshe K.K. Tatars of Siberia: religious rebirth and identity problems // Terra Sebus: Acta Musei Sabesensis, 2015, 7, pp. 565-583.
13. Хожение за три моря Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси // РАН. ИРЛИ / Подготовка текста М.Д. Каган-Тарковской и Я.С. Лурье, перевод Л.С. Семенова, комментарии Я.С. Лурье и Л.С. Семенова. — СПб.: Наука, 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. — 581 с.

РАЗДЕЛ 3. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИНИМАЮЩИХ СТРАН

Рыбаковский Олег Леонидович*,
доктор экономических наук, заведующий отделом демографии,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Москва, Россия;

Таюнова Ольга Александровна,
кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия
*E-mail: 1246185@mail.ru

ВРЕМЕННАЯ ТРУДОВАЯ И ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛ ПОПОЛНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

(исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 15-02-00342)

В статье рассматриваются вопросы влияния временной трудовой миграции на рост численности населения в России. Показано положительное и отрицательное влияние на изменение численности населения Российской Федерации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Показаны профессиональные и гендерные различия в адаптации иммигрантов.

Ключевые слова: миграционная компонента, иммигранты, временная трудовая миграция, адаптация, интеграция.

Oleg L. Rybakovskiy, Dr. Sc. (Econ.), *
Head of the Demography Division, Institute of Social and Economic Studies of Population, RAS,
Moscow, Russia;

Olga A. Tayunova, Cand. Sc. (Econ.),
Associate Professor, Samara State Economic University,
Samara, Russia
*E-mail: 1246185@mail.ru

TEMPORARY LABOR AND RETURN MIGRATION AS A POTENTIAL FOR REPLENISHING THE POPULATION OF RUSSIA

(the study was conducted with support from RHF, grant № 15-02-00342)

The article examines the impact of temporary labor migration on population growth in Russia. There is shown a positive and negative impact on the change in the population of the Russian Federation. The State Program for the Promotion of Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad. Professionalism and gender differences in the adaptation of immigrants are shown.

Keywords: migration component, immigrants, temporary labor migration, adaptation, integration

После миграционного бума 1990-х гг., в начале XXI века в России наблюдался спад иммиграционного притока, который был вызван скорее не тем, что иссяк потенциал постоянной миграции в Россию, а ужесточением правил получения российского гражданства, принятием нового закона о гражданстве накануне первой постсоветской переписи населения в 2002 году.

Тяжёлая демографическая ситуация, включавшая депопуляцию, начала усугубляться резким сокращением миграционной компоненты, компенсировавшей свыше половины естественной убыли населения России в 1992-2000 гг. Поняв, что одними запретительными мерами миграционный прирост не увеличить, власти начали предпринимать шаги, направленные на рост постоянной миграции в РФ.

Указом Президента РФ от 22.06.2006 №637 была утверждена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Она ставила своей основной задачей возвращение соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Программа была направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями социально-экономического развития российских регионов, решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения [1]. Эффективность и результативность Программы в первые шесть лет её действия были близки к нулю. Со слабой финансовой поддержкой и без гарантий постоянного жилья переселенцам (за исключением временного жилья, да и то — на срок до шести месяцев) Программа и не могла быть действенной.

От Программы возвращения соотечественников была лишь косвенная польза. Она состояла в том, что обеспеченные иммигранты, не подходящие напрямую под категорию соотечественник, но пользуясь этой Программой, — через юридические фирмы, аффилированные с ФМС, — получали ускоренно гражданство РФ за приличные деньги. До 2014 г. минимальная стоимость российского гражданства таким путём составляла 250 тыс. рублей, или \$ 7-8 тыс. Так происходила «селекция» среди мигрантов, отбиравшая среди них наиболее обеспеченных для получения гражданства РФ. Безусловно, это имело и негативные последствия, помимо коррупционной составляющей процедуры. Гражданство могли получить террористы и криминальные элементы. Но в подавляющем числе гражданство получали всё-таки законопослушные иммигранты, пополняя население России не самыми бедными выходцами из стран — её миграционных доноров.

Указом Президента Российской Федерации 9 октября 2007 г. № 1351 была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Она включала, помимо задач стимулирования рождаемости и снижения смертности, задачу «привлечения мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции» [1].

Во-первых, миграционные задачи Концепции никак не согласовывались с предшествующей Программой 2006 года. Они были представлены в Концепции, что называется, вскользь. Общей была лишь фраза «с потребностями демографического и социально-экономического развития». И это не удивительно — ведь основной упор в Концепции был сделан на стимулирование рождаемости и снижение смертности населения России. Во-вторых, в данной задаче по привлечению мигрантов не делалось различия между постоянными и временными мигрантами, а в постоянных — между соотечественниками и не соотечественниками. И было совершенно не понятно, кому из них нужна адаптация, интеграция, а кому нет. Создавалось впечатление и рождалось понимание того, что адаптация и интеграция требуются для всех иммигрантов в Российскую Федерацию — и постоянных и временных, что, на первый взгляд, не совсем логично и противоречит здравому

смыслу. Для чего нужна интеграционная программа для временного трудового мигранта, приехавшего, скажем, работать строителем либо дворником на один год в РФ? Понятно, что адаптационный минимум ему необходим — минимальное знание русского языка и законодательства Российской Федерации. Но нужно ли ему изучать историю России — вопрос спорный.

Если временную миграцию рассматривать в качестве среды происхождения постоянной миграции, то процесс адаптации и интеграции у таких потенциальных постоянных мигрантов начинает происходить «естественным путём», т.е. без государственного содействия этому процессу, с того момента, как иммигранты переезжают в Россию. В процессе спонтанного «естественного отбора» отдельные представители из временных мигрантов быстро адаптируются, получают возможность перейти в разряд постоянных жителей РФ. Лишь после этого необходимо государственное содействие интеграции — помощь в обучении русскому языку, истории России и более полному знанию законодательства РФ. В настоящее же время всех трудовых мигрантов без разбора, получающих патент, заставляют сдавать все три экзамена. И польза от такой, часто достаточно формальной сдачи, лишь пополнение бюджета. Например, порядок оформления патента в Многофункциональном миграционном центре г. Москва предполагает «Тестирование на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ», цена обязательной услуги — 700 рублей [2].

Более ощутимые, в сравнение с РФ, падение и дифференциация уровня жизни, занятости, доходов в странах — её основных миграционных донорах в последние годы способствует тому, что трудовые мигранты — выходцы из этих государств занимают в России ниши низкоквалифицированного труда. Это так называемые «мигрантозависимые» [4] вакансии в производстве, строительстве, сфере услуг, на транспорте, в торговле, в секторе частных услуг. Всему этому способствуют еще не разрушенные до конца связи частей некогда единого государства, объединяемого русским языком и единым менталитетом.

Профессиональная дифференциация труда как постоянных, так и временных этнических мигрантов способствует образованию анклавов, изолирующих этих лиц от местного населения, особенно если их работа не связана с перманентным общением с населением. Например, иммигранты — продавцы, кассиры в магазинах и т.п. — постоянно общаются с местным населением, поэтому они не зацикливаются на внутриэтническом общении, а иммигранты — строители, ремонтники и т.п. — в основном общаются между собой или с бригадиром, тоже чаще всего иммигрантом. Поэтому их исходные условия для адаптации хуже, чем у иных профессиональных групп иммигрантов.

Аналогичные различия складываются и в гендерном разрезе работающих иммигрантов. Женщины-иммигрантки лучше адаптируются, чем мужчины. Об этом свидетельствуют расчеты на основании данных официальной статистики — коэффициенты результативности миграционных связей РФ для женщин заметно превышают аналогичные индикаторы для мужчин в любом разрезе миграции [6].

Это происходит не только вследствие того, что женщины изначально более общительны и устойчивы к неблагоприятной среде приёма иммигрантов, чем мужчины; не только вследствие того, что женщины более активно вступают в брак с представителями местного населения в сравнение с мужчинами — иммигрантами. Но это еще связано с особенностями труда, в котором задействованы преимущественно женщины — иммигранты в сравнении с мужчинами — иммигрантами. У женщин работа связана по большей части с общением с местным населением. Это те же продавцы, кассиры, а также уборщицы квартир и т.п. Все они имеют достаточно тесное и регулярное общение с представителями местного населения. Мужчины, работающие в строительстве, на производстве, в ЖКХ по

уборке и т.п., по большей части общаются между собой, поэтому их адаптация и интеграция более медленная.

На временную трудовую миграцию в России можно и необходимо смотреть как на потенциал пополнения численности граждан страны, именно граждан, а не постоянного населения, как, к сожалению, это активно делает в последнее десятилетие Росстат, постоянно повышая численность постоянного населения России учетным путем за счёт временных, в том числе трудовых мигрантов [5].

Но рассмотрение временной трудовой миграции как потенциала пополнения численности граждан страны может противоречить доктрине интенсивного развития экономики России. Здесь приходится выбирать одно из двух: либо рост численности граждан путём их пополнения за счёт трудовой миграции, либо сокращение этой трудовой миграции через рост производительности труда. Понятно, что одно может и не исключать другое, ведь экономика России многообразна и всегда нуждалась и нуждается в дополнительных трудовых ресурсах. Проблема состоит лишь в том, как их рационально использовать, не препятствуя росту производительности труда в отдельных отраслях экономики. К сожалению, практическое воплощение в жизнь исходно разумных идей часто приводит к тому, что и производительность труда не растёт в соседстве с дешёвым трудом иммигрантов, и население должным образом не пополняется за счёт этих потенциальных граждан, особенно в тех регионах, которые в этом испытывают острую необходимость.

Россия в своих взглядах на трудовую миграцию не отличается от других государств мира со сходной направленностью экономики. Так, например, в высокодоходных странах Персидского залива трудовым мигрантам из относительно отдалённой юго-восточной Азии гражданство получить практически невозможно, несмотря на то, что выходцы из Пакистана, Индии и т.п. постоянно находятся и работают в этих странах по 20-30 лет. И лишь соплеменникам, единоверцам из смежных менее развитых государств Персидского залива предоставляется возможность получения гражданства высокодоходных соседних государств.

Аналогичная «приоритетно-протекционистская политика» [3] в недостаточном проработанном виде явно и неявно работает в России. Выходцам из старого зарубежья, прежде всего, юго-восточной Азии получение гражданства РФ сильно затруднено, и их пребывание на территории России строго ограничено визовым режимом. Выходцы из бывших частей СССР, напротив, имеют преимущество, а из отдельных стран нового зарубежья и льготы при получении гражданства РФ. Первоочередное преимущество имеют соотечественники, представители русских и других коренных народов России вне зависимости от стран происхождения, для которых с 2006 г. действует государственная программа возвращения. К сожалению, в эту программу не включены представители одной этнической группы с русскими — восточные славяне — украинцы. В отличие от других восточных славян — белорусов, они также лишены и льгот при получении российского гражданства.

Не затрагивая политическую ситуацию в Донбассе и учитывая тяжёлое социально-экономическое, политическое положение в Украине, можно было бы в отношении её остальной Юго-Восточной части, населённой в значительной степени ориентированными на Россию украинцами, общающимися на русском языке и имеющими сходный менталитет с россиянами, ввести аналогичные льготы, что и соотечественникам государственной программы РФ. Тем более что потенциал пополнения России прямыми соотечественниками после политически мотивированного подъема 2014 года начал достаточно быстро сокращаться. Согласно данным МВД по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-август 2017 года в страну прибыло и поставлено на учет на 20% меньше соотечественников и членов их семей, чем за аналогичные периоды 2015 и 2016 годов.

Литература и Интернет источники

1. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения — 130917); <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937> (дата обращения — 120917).
2. <http://mc.mos.ru/about-the-patent/how-to-get-a-patent-in-mmс/> (дата обращения — 160917).
3. Мартыненко С.В., Рыбаковский О.Л., Миграционная политика современной России: структура и направления // Народонаселение. — 2013. — № 2.
4. Рыбаковский О.Л. Гендерный аспект глобальной миграции / С.В. Мартыненко, О.Л. Рыбаковский // Социологические Исследования (СоцИс). — 2012. — № 4. — С.35-41. — Режим доступа: http://www.isras.ru/socis_2012_04.html.
5. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Реализация концепции демографической политики РФ в области постоянной миграции населения // Социологические исследования. — 2016. — № 6. — С. 34-41.
6. Рязанцев С.В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета — 2016. — № 2(22). — Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/gumnauka/2016_02/2.pdf.
7. Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2017. — № 1. — С. 5-12.
8. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Результативность внешней миграционной политики России и подходы к оценке возможных объемов привлечения мигрантов // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2017. — № 2. — С. 7-13. DOI: 10.26653/2076-4685-2017-2-7-13

Фаузер Виктор Вильгельмович,¹

*доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем,
заведующий лабораторией демографии и социального управления.*

E-mail: fauzer@iespn.komisc.ru;

Лыткина Татьяна Степановна,¹

*кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
демографии и социального управления.*

E-mail: tlytkina@yandex.ru;

Фаузер Галина Николаевна,¹

научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления.

E-mail: fauzer@iespn.komisc.ru

¹*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
Научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия*

МИГРАЦИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИИ

(исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-03-00078).

В статье рассматривается динамика численности и этническая структура населения Севера России. Особое внимание уделено этносам, имеющим национально-территориальные образования. Делается вывод, что под влиянием миграций изменился этнический состав населения принимающих территорий.

Ключевые слова: Север России, этническая структура, миграции населения, национальность.

Victor V. Fauzer, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,¹

*Head of the Department of Socio-Economic Problems and the Laboratory of Demographic and
Social Management.*

E-mail: fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vvfauzer.ru>;

Tatyana S. Lytkina, Cand. Sc. (Sociol.),¹

Senior Researcher, the Laboratory of Demographic and Social Management,

E-mail: tlytkina@yandex.ru;

Galina N. Fauzer,¹

Researcher, the Laboratory of Demographic and Social Management.

E-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

¹*Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences, Syktывkar, Russia*

MIGRATIONS AND ETHNIC STRUCTURES OF POPULATION OF THE NORTHERN SUBJECTS OF RUSSIA

(the study was conducted with support from RFBR, grant №16-03-00078).

The dynamics of population and the ethnic structure in the Russian North are considered. Special attention is paid to ethnic groups with national-territorial entities. It is concluded that the population's ethnic structure of the host territories has changed under the migrations influence.

Keywords: Russian North, ethnic structure, migration, nationality.

Введение

В настоящее время достаточно работ, раскрывающих влияние миграции на общую численность населения и его демографические структуры. Менее изученными остаются вопросы взаимосвязи миграции и этнических процессов окраинных территорий. Существовала точка зрения, что освоение новых территорий сопровождалось «расселением представителей одних этнических групп среди других, численно преобладающих» [5. С. 28]. Действительно данное утверждение справедливо для начального этапа освоения. В последующие годы численность пришлого населения становится преобладающей, что в корне меняет соотношение между местным и пришлым населением, между этническими группами [7. С.10].

Представляется важным дополнить работы по миграции и этнопроцессам последних лет, выполненных по России в целом [4] или по крупным административным образованиям [6]. Необходимо оценить тесноту и последствия взаимосвязи миграции и этнических процессов, в первую очередь, для территорий проживания коренных северных этносов. Влияние миграции на этнические структуры наиболее заметно проявилось на отдаленных территориях (северных и восточных) в результате заселения их пришлым населением с целью вовлечения в экономический оборот природных ресурсов.

Основной исследовательский замысел статьи — проанализировать и раскрыть два момента взаимосвязи миграции и этнических процессов. Во-первых, как представлены наиболее многочисленные этносы России в национальной структуре населения Севера. Во-вторых, как миграции изменили представительство коренных этносов в национальных регионах. Для анализа этнических процессов в качестве «стартового» взят 1939 г. поскольку к этому времени все северные этносы оформили свои территориально-национальные образования (исключение Тыва, 1944) и еще не были подвержены массовым принудительным миграциям [8].

Информационной базой стали материалы переписей населения, начиная с 1939 и заканчивая 2010 г. и текущего учета Росстата на 1 января соответствующего года.

Общая характеристика Севера России и его населения

Север России богат природными ресурсами. Здесь сосредоточено: 80% запасов всех полезных ископаемых России, в т.ч. 93% газа, 90% алмазов и платиноидов, 83% серебра, 72% нефти и газового конденсата, 63% золота, 43% угля [2]. Территория занимает 11 млн. 931,1 тыс. кв. км, или 69,7% территории Российской Федерации. Большая часть площади Севера приходится на Азиатский Север — 61,8%, Европейский Север занимает 7,9% территории РФ. По плотности населения картина противоположная: на обширной территории Азиатского Севера она составляет всего 0,6, в то время как на Европейской части — 2,5 человека на кв. км. С 2014 г. в составе Севера выделены сухопутные территории Арктики [10], их площадь составляет 3711,2 тыс. кв. км, или 21,7% площади России. В 2017 г. в Арктике проживало 2 млн. 372 тыс. человек. Плотность населения низкая, примерно как на Азиатском Севере — 0,639 человек на кв. км.

В настоящее время население районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним, проживает в 294 городских округах и муниципальных районах. Из них 132 (44,9%) расположены в районах Крайнего Севера, а 162 (55,1%) — в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера. Средняя площадь административной единицы, расположенной на Севере, составляет 40,6 тыс. кв. км, в том числе в районах Крайнего Севера — 66,7 тыс. кв. км, а в местностях приравненных — 19,3 тыс. кв. км, по России в целом — 7,3 тыс.

кв. км. На Севере России расположено восемь национально-территориальных образований. В них проживают титульные этносы: карелы, коми, манси, ненцы, тувинцы, ханты, чукчи и якуты.

В 2017 г. на территории, относящейся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, проживало 9 млн. 953 тыс. 663 человека, или 6,78% населения России. На территории, полностью относимые к Крайнему Северу, и местности, приравненные к ним, проживали 7 млн. 861 тыс. 985 человек, или 5,36% населения России. С 1990 г. по 2017 г. население Севера уменьшилось на 1 млн. 869,1 тыс. человек, в том числе на Европейском — на 1 млн. 406,6 тыс. человек и на Азиатском Севере — 462,5 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, 1990-2017 гг., тыс. человек

Субъект	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2017 г.
Российская Федерация	147 665,1	148 459,9	146 890,1	143 801,0	142 833,5	146 804,4
Север России	9 731,1	9 047,8	8 454,5	8 162,1	7 943,6	7 862,0
Европейский Север	4 807,6	4 492,5	4 124,8	3 828,6	3 598,0	3 401,0
Республика Карелия	791,7	770,7	735,5	689,6	648,7	627,1
Республика Коми	1 248,9	1 156,8	1 057,9	982,9	912,0	850,6
Архангельская область	1 575,5	1 498,2	1 390,3	1 299,2	1 237,5	1 165,7
Ненецкий АО	52,0	44,5	41,2	41,9	42,1	43,9
Мурманская область	1 191,5	1 066,9	941,1	856,9	799,8	757,6
Азиатский Север	4 923,5	4 555,3	4 329,7	4 333,5	4 345,6	4 461,0
Республика Саха (Якутия)	1 111,5	1 037,2	962,5	953,2	958,3	962,8
Республика Тыва	312,6	303,5	306,2	304,1	307,3	318,6
Камчатский край	476,9	421,6	372,3	343,9	323,2	314,7
Магаданская область	390,3	266,9	202,0	173,9	159,0	145,6
Сахалинская область	714,0	659,4	569,2	529,8	501,3	487,4
Ханты-Мансийский АО — Югра	1 267,0	1 293,0	1 359,6	1 462,2	1 521,2	1 646,1
Ямало-Ненецкий АО	489,2	478,0	496,3	514,6	524,1	536,0
Чукотский АО	162,1	95,8	61,6	51,8	51,2	49,8

По абсолютным потерям по мере убывания регионы распределились так: Мурманская обл. — 433,9 тыс. человек (36,4% от численности 1990 г.); Архангельская обл. — 409,8 тыс. человек (26,0%); Республика Коми — 398,3 тыс. человек (31,9%); Магаданская обл. — 244,7 тыс. человек (62,7%); Сахалинская обл. — 226,6 тыс. человек (31,7%); Республика Карелия — 164,6 тыс. человек (20,8%), Камчатский край — 162,2 тыс. человек (34,0%); Республика Саха (Якутия) — 148,7 тыс. человек (13,4%); Чукотский АО — 112,3 тыс. человек (69,3%); Ненецкий АО — 8,1 тыс. человек (15,6%). В трех регионах наблюдался рост населения: в Ханты-Мансийском АО — Югра — 379,1 тыс. человек (129,9%), Ямало-Ненецком АО — 46,8 тыс. человек (109,6%) и Республике Тыва — 6,0 тыс. человек (101,9%).

Численность титульных национальностей Севера России

Масштабное привлечение населения на Север страны (добровольно или принудительно) было связано с реализацией крупных промышленных проектов [9]. Миграции населения из всех территорий Союза ССР на Север и Восток отразились на изменении этнической структуры осваиваемых/заселяемых территорий, ареалов проживания северных этносов. Больше всего подверглись миграционному влиянию такие титульные нации

как: карелы, коми, манси, ханты и ненцы (в Ямало-Ненецком АО). Два народа — тувинцы и якуты остаются пока не только достаточно многочисленными титульными этносами на своих территориях, но они также занимают значительную долю в этнической структуре населения своих республик.

Рассмотрим, как менялась структура коренных этносов за 1939-2010 годы. Республика Тыва представлена с 1959 г., что связано с вхождением в состав СССР 17 августа 1944 года. Коренные/титульные этносы северных регионов России показывают разнонаправленную динамику по занимаемой доле в этнической структуре населения своих регионов (табл. 2).

Таблица 2

Доля титульного этноса в национальных регионах Российского Севера по данным переписей населения 1939-2010 годов, %

Регионы	Год образования	Титульный этнос	Годы						
			1939	1959	1970	1979	1989	2002*	2010*
Республика Карелия	1920	карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4
Республика Коми	1921	коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7
Республика Саха (Якутия)	1922	якуты	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9
Республика Тыва	1944	тувинцы	-	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0
Ненецкий АО	1929	ненцы	11,8	10,9	15,0	12,8	11,9	19,0	18,6
Ханты-Мансийский АО	1930	манси	6,2	5,0	2,5	1,1	0,5	0,7	0,8
		ханты	13,1	9,0	4,5	1,9	0,9	1,2	1,3
Чукотский АО	1930	чукчи	56,3	21,4	10,9	8,1	7,3	24,0	26,7
Ямало-Ненецкий АО	1930	ненцы	29,3	22,4	22,0	11,0	4,2	5,3	5,9

* в процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность

В 1939 г. общая численность северных этносов, проживающих в национальных регионах России, составляла 970 тыс. 999 человек, из них 622 тыс. 318 человек (64,1%) проживало на этнической родине. По переписи населения 2010 г. численность северных этносов в России увеличилась до 1 млн. 134 тыс. 829 человек, или на 16,9% по отношению к 1939 г. На этнической территории проживало 1 млн. 36 тыс. 298 человек (91,3%). Как видим за прошедшие 72 года северные этносы стали жить компактнее, что может одновременно свидетельствовать как о патриотических чувствах — желании жить на своей родине, так и социальном исключении, когда возможности за пределами своих сообществ остаются недоступными [3]. Анализируя данные табл. 2 можно также отметить, что для отдельных этносов — карелов, коми и чукчей переломным был 1959 г., когда их доля в составе населения сократилась примерно в два раза (к 1939 г.). Шло плавное уменьшение/рост доли в этнической структуре населения у якутов. Наиболее «пострадавшими» от миграций стали манси, ханты и ненцы из ЯНАО. Только тувинцы показывали завидную динамику роста как абсолютно, так и относительно.

Заметим, для того чтобы получить достаточно полную и достоверную картину динамики северных этносов, необходим развернутый анализ развития каждого народа. К аналогичным выводам пришел Д.Д. Богоявленский. Он отмечает, что поскольку такой прирост (очень разный — В.В.) наблюдался далеко не у всех народов Севера, и «демографические» рост или убыль у них сильно разнятся, правильно разобраться с современной этнодемографической ситуацией у народов Севера можно, только рассматривая ее по каждому народу и по отдельным территориям расселения. Ведь объединяя народы Севера в одну группу и оперируя этим термином, мы нередко забываем, что это очень разные народы [1. С. 59]. Уменьшение/рост абсолютной и относительной численности северных

народов объяснить только демографическими факторами нельзя. Здесь, скорее всего, играли не последнюю роль факторы ассимиляции и факторы самоопределения себя с той или иной национальностью, в зависимости от «политической и экономической полезности» национальности [11. С. 8-10]. Теперь рассмотрим, как менялась численность и этническая структура населения в местах традиционного проживания коренных/северных этносов.

Карелы. С 1939 по 2010 г. численность карелов, проживающих в Российской Федерации, уменьшилась с 249855 до 60815 человек, в том числе проживающих в Республике Карелия с 108571 до 45570 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 43,5% от их общей численности в РФ, в 2010 г. уже 74,9%. За этот период времени заметно уменьшилась доля карелов в общей численности населения республики с 23,2 до 7,4%.

Коми. С 1939 по 2010 г. численность коми, проживающих в России, уменьшилась с 415173 до 228235 человек, в том числе проживающих в Республике Коми с 231301 до 202348 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 55,7% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 88,7%. За этот период времени заметно уменьшилась доля коми в общей численности населения республики с 72,5 до 23,7%.

Манси. С 1939 по 2010 г. численность манси, проживающих в России, увеличилась с 6295 до 12269 человек, в том числе проживающих в Ханты-Мансийском АО с 5768 до 10977 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 91,6% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 89,5%. За этот период времени в разы уменьшилась доля манси в общей численности населения округа с 6,2 до 0,8%.

Ненцы. С 1939 по 2010 г. численность ненцев, проживающих в России, увеличилась с 24716 до 44640 человек, в том числе проживающих в Ямало-Ненецком АО с 13454 до 29772 человек; в Ненецком АО с 5602 до 7504 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало ненцев в Ямало-Ненецком АО 54,4% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 66,7%, в Ненецком АО соответственно 22,7% и 16,8%. За этот период времени в Ямало-Ненецком АО доля ненцев в общей численности населения округа уменьшилась с 29,3 до 5,9%; в Ненецком АО доля ненцев увеличилась с 11,8 до 18,6%.

Тувинцы. С 1959 по 2010 г. численность тувинцев, проживающих в Российской Федерации, увеличилась с 99864 до 263934 человек, в том числе проживающих в Республике Тыва с 97996 до 249299 человек. В 1959 г. на этнической родине проживало 98,1% от их общей численности в стране, в 2010 г. меньше — 94,5%. За этот период времени значительно увеличилась доля тувинцев в общей численности населения республики с 57,0 до 82,0%.

Ханты. С 1939 по 2010 г. численность хантов, проживающих в России, увеличилась с 18447 до 30943 человек, в том числе проживающих в Ханты-Мансийском АО с 12238 до 19068 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 66,3% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 61,6%. За этот период времени в десять раз уменьшилась доля хантов в общей численности населения округа с 13,1 до 1,3%.

Чукчи. С 1939 по 2010 г. численность чукчей, проживающих в России, увеличилась с 13830 до 15908 человек, в том числе проживающих в Чукотском АО с 12111 до 12772 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 87,6% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 80,3%. За этот период времени в два раза уменьшилась доля чукчей в общей численности населения округа с 56,3 до 26,7%.

Якуты. С 1939 по 2010 г. численность якутов, проживающих в России, увеличилась с 241889 до 478085 человек, в том числе проживающих в Республике Саха (Якутия) с 233273 до 466492 человека. В 1939 г. на этнической родине проживало 96,4% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 97,6%. За этот период времени незначительно уменьшилась доля якутов в общей численности населения республики с 56,3 до 49,9%.

Этнический состав населения России и ее северных регионов

Для раскрытия взаимосвязи миграционных процессов и этнических структур сделаем следующее допущение. Представители всех этносов России имели примерно одинаковую интенсивность миграции, как за пределы своих национальных образований, так и в северные регионы России. В таком случае наиболее многочисленные этносы должны быть представлены в национальной структуре населения Севера согласно своей доле в составе населения России. Чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутое допущение рассмотрим национальный состав населения России, выделив в нем десять наиболее многочисленных национальностей, на долю которых в 2010 г. приходилось 91,94% (табл. 3).

Таблица 3

Национальный состав населения России по переписям населения 2002 и 2010 годов, микропереписи населения 2015 года

Национальность	Человек		% от указавших национальную принадлежность		Справочно, микроперепись населения 2015 года	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	национальность	% от указавших
1. Русские	115889107	111016896	80,64	80,90	1. Русские	81,92
2. Татары	5554601	5310649	3,87	3,87	2. Татары	3,27
3. Украинцы	2942961	1927988	2,05	1,40	3. Чеченцы	1,07
4. Башкиры	1673389	1584554	1,16	1,15	4. Чуваши	0,94
5. Чуваши	1637094	1435872	1,14	1,05	5. Украинцы	0,93
6. Чеченцы	1360253	1431360	0,95	1,04	6. Башкиры	0,74
7. Армяне	1130491	1182388	0,79	0,86	7. Армяне	0,61
8. Аварцы	814473	912090	0,57	0,66	8. Осетины	0,58
9. Мордва	843350	744237	0,59	0,54	9. Мордва	0,56
10. Казахи	653962	647732	0,46	0,47	10. Ингуши	0,55

В число десяти наиболее многочисленных национальностей вошли представители трех этносов, представляющих сегодня независимые государства: Украину, Армению и Казахстан (украинцы, армяне и казахи). Доля указанных этносов в национальном составе населения России в 2010 г. составляла 2,73% (в 2002 г. — 3,30%). Пять этносов проживают в своих национальных республиках: татары, башкиры, чуваши, чеченцы, мордва — 7,65% (2002 г. — 7,71%). Аварцы проживают в своем большинстве в Республике Дагестан — 850011 человек (93,2% от общей численности, проживающих в России), на их долю приходится 29,4% населения республики. В национальной структуре населения России они увеличили свою долю на 0,09 п.п. Микроперепись населения 2015 года зафиксировала иной состав наиболее многочисленных национальностей (табл. 3). Восьмое место «заняли» осетины, десятое ингуши; аварцы и казахи переместились на 11 и 13 место соответственно. Якуты стали занимать 12 позицию.

Теперь рассмотрим национальный состав населения Севера России. Также для анализа возьмем десять наиболее многочисленных этносов. Анализируя национальный состав населения Севера России можно отметить следующее. В национальном составе населения Севера РФ присутствует Украина. В структуре национальностей она и по России, и на Севере занимает третью позицию. Национальный состав Севера представляют еще два суверенных государства, но уже другие, в отличие от России: республики Беларусь и Азербайджан. Вместе с Украиной на их долю приходится 5,72% (в 2002 г. — 7,77%). Из приведенных цифр следует, что в национальном составе населения Севера украинцев, белорусов и азербайджанцев в 2010 г. стало на 2,05 п.п. меньше, чем было в 2002 г. (табл. 4).

**Национальный состав населения Севера России
по переписям населения 2002 и 2010 годов**

Национальность	Человек		% от указавших национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
1. Русские	5798139	5359227	70,39	71,10
2. Якуты	433210	467321	5,26	6,20
3. Украинцы	456561	297495	5,54	3,95
4. Тувинцы	235735	249704	2,86	3,31
5. Коми	275548	216379	3,35	2,87
6. Татары	189245	175628	2,30	2,33
7. Белорусы	129233	80235	1,57	1,06
8. Азербайджанцы	54625	53728	0,66	0,71
9. Башкиры	52893	50661	0,64	0,67
10. Карелы	68787	47444	0,84	0,63

Из десяти этносов, проживающих на Севере, шесть представляют свои национальные республики: якуты, тувинцы, коми, татары, башкиры и карелы. Их доля в национальной структуре населения Севера составляет 16,01% (в 2002 г. — 15,25%). Можно отметить, что указанные этносы увеличили свое представительство на 0,76 п.п. Четыре этноса представляют республики, чьи территории относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям: якуты, тувинцы, коми и карелы. На их долю приходится 13,01% (в 2002 г. — 12,31%). Как видим северные народы увеличили свое представительство на 0,7 п.п. за счет якутов и тувинцев. Однако в абсолютном исчислении с 2002 по 2010 г. произошло уменьшение этих этносов с 1 млн. 013 тыс. 280 человек до 980 тыс. 848 человек, абсолютная убыль составила 32 тыс. 432 человека. Здесь также можно добавить, что одиннадцатую позицию в структуре национальностей населения Севера занимают ненцы — 39 тыс. 940 человек, в том числе из них проживали на Европейском Севере — 8 тыс. 676 человек и на Азиатском Севере — 31 тыс. 264 человека (2010 г.)

Рассмотрев национальную структуру населения России и Севера РФ можно отметить следующее. Из десяти многочисленных этносов России на Севере РФ в первой десятке представлены четыре: русские, украинцы, татары и башкиры. Остальные шесть этносов по своей доле в этнической структуре населения Севера занимают следующие места: чуваш — 13, армяне — 21, мордва — 27, чеченцы — 28, казахи — 31 и аварцы — 37 (табл. 5).

**Место, занимаемое отдельными этносами в национальной структуре населения
России и Севера России по переписи населения 2010 года**

Национальность	Российская Федерация	Север России	Европейский Север	Азиатский Север
1. Русские	1	1	1	1
2. Татары	2	6	6	5
3. Украинцы	3	3	3	4
4. Башкиры	4	9	16	6
5. Чуваш	5	13	8	14
6. Чеченцы	6	28	32	27
7. Армяне	7	21	12	21
8. Аварцы	8	37	35	34
9. Мордва	9	27	14	26
10. Казахи	10	31	29	30

По-разному представлены эти этносы на Европейском и Азиатском Севере. Европейским регионам отдали предпочтение чуваша, армяне и мордва; Азиатскому Северу — башкиры. Частично объяснить эти предпочтения можно расстоянием между территориями обмена мигрантами и схожестью отраслевой специализации отдающих и принимающих сторон. Этническая специализация зависит от стажа миграции между территориями и от укорененности диаспоры в принимающей среде [6. С. 212].

Заключение

Подводя итог, отметим, что на всем протяжении освоения, а затем, обживания Севера России, миграции вносили существенные изменения, как в численность, так и в демографические структуры населения. Особенно заметно это отразилось на этнических структурах тех регионов, где население было сформировано миграциями. Как результат коренные этносы стали составлять незначительный удельный вес в составе населения своих национально-территориальных образованиях. Из наиболее многочисленных этносов России только русские, украинцы, татары и башкиры принимают активное участие в заселении северных регионов. Чтобы сгладить негативные последствия миграций (утрата национальной культуры и родного языка аборигенным населением) региональным правительствам необходимо проводить целенаправленную национальную политику, призванную сохранить культуру и язык коренного населения.

Литература и Интернет источники

1. Богдавленский Д.Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. — 2005. — № 8. — С. 55-61.
2. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930-1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. — Т. XIX. — №1 (84). — С. 90-109.
3. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. — Сыктывкар. — 2014. — №3 (19). — С.144-151.
4. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. — 2015. — № 4. — С. 18-28.
5. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социологические исследования. — 1982. — № 4. — С. 27-34.
6. Соболева С.В., Октябрьская И.В., Антропов Е.В. Человеческий потенциал городов Сибирского федерального округа: оценка этнических рисков в контексте развития миграции // Регион: экономика и социология. — 2013. — №4 (80). — С. 198-220.
7. Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Серия прerinтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО РАН. — Сыктывкар, 1992. — Вып. 293. — 32 с.
8. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Принудительные миграции советского периода: хронология и масштабы // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. матер. VI Уральского демографического форума с международным участием / Отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. наук А.И. Кузьмин. — Т. I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — С. 124-131.
9. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). — 2015. — № 3. — С.151-168.
10. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. — 2016. — № 2. — С. 40-50.
11. Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития. — Сыктывкар, 2005. — 24 с.

Варвара Андреевна Сажина,

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления в сфере межэтнических и
межконфессиональных отношений факультета государственного управления,

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Москва, Россия. E-mail: Sazhina@spa.msu.ru

РОЛЬ ТУРИСТИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА СТРАНЫ

С августа 2017 г. для граждан 18 стран мира были упрощены процедуры оформления документов для посещения Дальнего Востока России. Данная мера привела к повышению интереса к посещению страны иностранными гражданами и как следствие к значительному росту туристического потока в регион. В статье рассматриваются текущие данные статистики туристической миграции на Дальний Восток. Аргументируется необходимость быстрого реагирования сферы туристических услуг на социокультурные особенности нового въездного туристического потока с целью использования туристического потенциала и интерпретации природного и культурного наследия региона в формировании позитивного имиджа страны.

Ключевые слова: туристическая миграция, Дальний Восток России, развитие региона, имидж страны, интерпретация культурного и природного наследия.

Varvara A. Sazhina, Cand. Sc. (Sociol.),

Associate Professor, Department of Interethnic and Interfaith Relation Management,

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia. E-mail: Sazhina@spa.msu.ru

THE ROLE OF TOURIST MIGRATION IN THE FAR EAST IN SHAPING RUSSIA'S IMAGE

Since August 2017 the procedures for issuing documents for visiting of the Russian Far East have been simplified for citizens of 18 countries. This measure led to increased interest in visiting Russia by foreign citizens and as a result significant increase in the tourist flow to the region. The article deals with the current statistics of tourist migration to the Far East. It is argued the need for a rapid response of the sphere of tourist services to the sociocultural features of the new tourists with the aim of using the tourist potential and interpreting the region's natural and cultural heritage in shaping the country's positive image.

Keywords: migration, tourism, the Russian Far East, development of the region, country image, interpretation of cultural and natural heritage.

Подъем Сибири и Дальнего Востока президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию еще в 2013 году назвал национальным приоритетом России на весь XXI век [4]. Для скорейшего экономического и социального роста Восточной части страны было принято значительное количество стратегических управленческих решений, имеющих экономические и социальные последствия. Среди них: введение льготных ставок налога на прибыль и ряду других налогов для новых инвестиционных проектов в регионе, создание зон особого статуса, активное развитие инфраструктуры, привлечение и закрепление на Дальнем Востоке трудовых ресурсов, введение закона о «дальневосточном гектаре» и многое другое.

Особого внимания заслуживает вопрос развития туризма на Дальнем Востоке как одного из наиболее перспективных и востребованных направлений развития региона. Дальневосточные территории до сих пор остаются малопосещаемыми как соотечественниками, так и зарубежными туристами, в связи с территориальной удаленностью от основных транспортных узлов страны, слабой развитостью инфраструктуры, общей высокой стоимостью туристической поездки, недостаточно широким спектром и не всегда соответствующим уровнем предлагаемых услуг. Безусловно, существует внутрирегиональная разница в показателях успешности развития сферы и ее специфике, однако ни один из субъектов федерального округа не лишен обозначенных трудностей. При этом туризм нельзя рассматривать исключительно как механизм стимулирования экономической активности населения и ресурс экономического роста региона. Одновременно с этим он является инструментом создания и продвижения имиджа территории, как отдельно взятой местности, так и всей страны в целом. В процессе туристических поездок благодаря самостоятельному переживанию определенных событий, туристы формируют свое представление о регионе, не редко противоположное существующим и/или транслируемым средствами массовой информации общественным массам образам. Зачастую общение с местными жителями, столкновение с жизнью территории, полученные и эмоционально окрашенные впечатления от увиденного и услышанного — весь личный опыт путешественника оставляет у зарубежного гостя образ страны, гораздо более благоприятный и позитивный, нежели он был до поездки. Очевидно, что наиболее часто встречающееся восприятие России как богатой, коррумпированной, обладающей высокими амбициями страны, благодаря туризму может и должен быть дополнен и «смягчен» в сторону ценностных и культурных компонентов общего имиджа.

В рейтингах индексов, которые наиболее часто применяются для комплексной оценки имиджа стран мира (Anholt-GfK Nation Brand Index и Country Brand Index), Россия традиционно занимает позиции аутсайдера и лишь по отдельно взятым сферам – искусство, культура – поднимается ближе к верхним позициям [7]. Согласно индексу национальных брендов Anholt-GfK, в 2016 году Россия заняла 8 место среди стран с самой интересной потребителям культурой. Также наблюдались позитивные сдвиги в области туризма: произошел переход с 26 места (2015 г.) на 23 в рейтинге самых привлекательных туристических брендов [5]. Развитие въездного туризма, обеспечение высокого уровня туристских услуг и своего рода пропаганда культурного наследия страны является, таким образом, необходимым на сегодняшний день условием соблюдения имиджевой стратегии России.

На наш взгляд, кроме культурного нельзя недооценивать значение и ценность природного наследия России и в особенности Дальневосточного региона, природные объекты которого уже сегодня высоко ценятся на международном уровне и имеют статусы

уникальных объектов в мировом масштабе¹. Особой популярностью среди туристов пользуются маршруты и экскурсии по природным местам. Иностранцам хорошо понятно, что совсем немного стран в мире сегодня могут похвастаться таким объемом нетронутой человеком дикой природы, какой есть еще пока в России. Именно за этой «дикостью» и первозданной красотой приезжают туристы в знаменитую Долину Гейзеров, на Курильское озеро, Командорские острова, остров Итуруп, вулканы Камчатки и на многие другие территории. При этом все чаще в современных условиях для реализации рекреационного природопользования используются особо охраняемые природные территории, что связано с растущим интересом к экологическому туризму, сопряженному с экологизацией общественного сознания, с экологическим императивом [2]. Отметим, что особенностью экологического туризма является не только его природная ориентированность. Огромное значение уделяется образовательному и информационному компоненту во время рекреации. Именно эта составляющая дает возможность формирования «нужного» образа региона, отвечая потребностям и концепции не только природоохранного дела, но и национальным интересам страны. То, какая информация будет предоставляться посетителям и каким образом будет интерпретировано иностранным туристам увиденное, во многом сформирует образ не только отдельно взятой местности. Путешественникам свойственно транслировать полученные впечатления и пережитый опыт на масштаб, выходящий за рамки одного региона. Можно утверждать, что образ локальной местности вносит весомый вклад в образ всей страны в восприятии туриста. На наш взгляд, уникальные сохраненные природные ландшафты Дальнего Востока и дальнейшее развитие экологического туризма в сочетании с высоким уровнем обеспечения интерпретации природного и культурного наследия от местных гидов могут способствовать формированию имиджа России как государства ответственного за устойчивое развитие, лидера «зеленого» туризма и т.д. Так, например, на Совете экспертов по теме «Развитие туризма на Дальнем Востоке: поиск прорывных решений» представители EastRussia озвучили идею по продвижению туризма на Дальнем Востоке под брендом «Без ГМО»: здоровая еда, здоровая вода, здоровый воздух [8]. То обстоятельство, что Россия на мировом уровне признается сегодня важнейшим игроком в борьбе с глобальным изменением климата и обладает огромным потенциалом для развития «зеленой» энергетики и энергосбережения, только способствует смещению акцентов в общем имидже страны от политических амбиций и сырьевых ресурсов в сторону экологических, природных и культурных ценностей.

Как уже было отмечено, создание условий, способствующих развитию туризма на Дальнем Востоке, сегодня входит в стратегические задачи государства. Под сферу туризма и отдыха используется сейчас 8,5% территорий программы Дальневосточного гектара [1]. В период с 2011 по 2018 год действует федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации». За период с 2009 по 2015 год объем туристских услуг, оказанных населению, вырос в 2,8 раз [3]. Статистика въездного туризма отражает постоянное увеличение интереса к региону, рост числа посетителей и расширение географии стран, из которых приезжают туристы. По данным субъектов Дальневосточного федерального округа, турпоток в 2015 году составил 2,7 млн человек, в том числе 2,1 млн человек – граждан Российской Федерации, и 600 тыс. человек – зарубежных туристов. Прирост турпотока в 2015 году по отношению к 2014 году составил более 10% [8]. В 2016 г. регион посетило уже около 3 млн. туристов. Самыми популярными

---

¹ Так, например, на территории Камчатского края шесть природных территорий разных рангов (Кроноцкий заповедник, Южно-Камчатский федеральный заказник, Быстринский, Налычевский, Ключевской и Южно-Камчатский природные парки) включены в «Список Всемирного и Культурного Наследия ЮНЕСКО». Объекты ЮНЕСКО также есть и в других субъектах Дальневосточного федерального округа: Приморском крае, Якутии, Чукотском АО.

субъектами являются Приморский край (70% всего въездного потока), Амурская и Сахалинская области, Хабаровский край. Среди иностранцев, посещающих Дальний Восток, основную массу составляют жители Китая и Южной Кореи. При этом отмечается резкое увеличение потока азиатских туристов: рост на 68% в 2016 году по сравнению с 2015 годом китайцев и прирост в 62% в сравнении с 2015 годом среди корейских туристов [6].

Введение в 2017 г. нового визового порядка въезда в Россию через пункты пропуска на территории свободного порта Владивосток стало еще одним шагом на пути к развитию региона. Теперь вся процедура получения разрешающих на въезд документов значительно упрощена: заполнив электронную анкету на сайте МИД России, иностранный гражданин в случае положительного ответа получает визу, действующую в течение 30 дней, непосредственно на российской границе. Сборы за визу не взимаются. Планируется, что с января 2018 года по электронной визе можно будет посетить и другие субъекты (Камчатский край, Сахалинскую область). На сегодняшний день упрощенный визовый режим «открыл» Россию для граждан 18 стран: Алжир, Бахрейн, Бруней, Индия, Иран, Катар, КНР, КНДР, Кувейт, Марокко, Мексика, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сингапур, Тунис, Турция, Япония. В контексте развития туризма и его значимости для формирования имиджа страны важно отметить, что эта государственная мера направлена не только на повышение инвестиционной привлекательности и расширение деловых контактов Дальнего Востока, но и на увеличение числа зарубежных туристов и развитие туристической сферы в целом.

Введенные меры государственной миграционной политики, облегчающие проезд на территорию региона иностранных туристов, очевидно, приведут к продолжению роста числа посетителей России (в первую очередь азиатских) с туристическими целями. В связи с этим, пристальное внимание необходимо уделять не только расширению спектра туристических услуг, развитию инфраструктуры, снижению транспортных тарифов и т.д., но и качественным характеристикам предоставляемых услуг. Принципиально отличающийся от российского и от европейского туриста посетитель, например, из Китая или Кореи, является носителем иной культуры, в корне отличающейся особенностями восприятия, значимостью символов, интерпретацией увиденного и т.д. Уже сегодня во многих регионах Дальнего Востока наблюдается недостаток владеющих китайским языком гидов, способных грамотно донести и интерпретировать информацию до потребителя. Кроме того, особенности бытовой культуры (в приготовлении пищи, при размещении, коммуникации и др.) становятся проблемной точкой соприкосновения на территориях, где сталкиваются несколько туристических групп, состоящих из носителей различных культур². В формировании новых предложений на рынке туристических услуг, на наш взгляд, нельзя игнорировать этот этнокультурный аспект нового в своих качественных характеристиках въездного потока. Учитывая количество амбициозных проектов, реализуемых сейчас на территории Дальневосточного федерального округа, а также тот факт, что сроки введения безвизового режима неоднократно переносились в виду неготовности нормативно-правовой базы и технических средств, меры по обеспечению качественно иных предложений на рынке туристических услуг региона, учитывающих социокультурные особенности туристов, необходимо принимать как можно скорее.

---

² В процессе исследования рекреационной активности туристов на территории Южно-Камчатского заказника имени Т.И. Шпиленка (Камчатский край) в 2017 году, автор неоднократно фиксировал недовольства представителей европейских туристических групп по отношению к группам туристов из Азии (к уровню шума, поведению при коммуникации, особенностям приготовления пищи и др.). Разрешать конфликтные ситуации и в целом снижать уровень напряженности приходилось или сотрудникам заказника, или гидам, сопровождающим группу. Однако зачастую дополнительные сложности создавались в связи с низким уровнем владения иностранным языком и/или отсутствием переводчиков.

Литература и Интернет источники

1. Дальневосточный гектар: интерактивная карта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/far_east/dalnevostochnyi_gektar_interaktivnaya_karta.shtml
2. Мазуров Ю.Л. Экотуризм в России: глобальный контекст и национальные особенности // Региональные исследования. — Смоленск. — 2004. — № 1 (3). С. — 44-47.
3. Объем туристских услуг, оказанных населению. Ростуризм. Электронный ресурс. Доступ: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf/statisticheskie-dannye-po-subektam-rf-za-2015-god/>
4. Послание Президента Федеральному Собранию. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>
5. Пресс-релиз Индекс национальных брендов Anholt-GfK 2016. Электронный ресурс. — Режим доступа: http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2016/Gfk_Rus_Press_Release_Anholt-GfK-Nation-Brand-Index_2016.pdf
6. Приморский край в 2016 году привлек полмиллиона иностранных туристов и стал популярнее у соотечественников // ВЛ Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsvl.ru/vlad/2016/12/28/155014/#ixzz4t21ST4DM>
7. Рожковская О.О. Неблагоприятный имидж России за рубежом как фактор, сдерживающий развитие въездного туризма. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pglu.ru/upload/iblock/df1/p160023.pdf>
8. Турист поехал на Дальний Восток // Эксперт online. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://expert.ru/2016/11/23/turist-poehal-na-dalnij-vostok/>

Ризокулов Туракул Рабимкулович,

*доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям,
Институт экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции,
Худжанд, Таджикистан. E-mail: t_rizokulov@mail.ru*

ВКЛАД ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТАДЖИКИСТАНА

В статье рассматриваются тенденции миграционных процессов в экономике Таджикистана. Проанализированы факторы и причины миграции в Таджикистане, а также ситуация на рынке труда с точки зрения баланса спроса и предложения. Дана количественная характеристика взаимосвязи миграции населения с темпами социально-экономического развития. Сформулированы предложения по управлению миграционными процессами в интересах развития национального хозяйства Таджикистана.

Ключевые слова: *внешняя трудовая миграция, экспорт и импорт рабочей силы, трансформационные кризисы, спрос и предложение на рынке труда, денежные переводы трудовых мигрантов, темпы роста ВВП в долларах США, безработные, управление миграцией населения.*

Turakul R. Rizokulov, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,

*Deputy Director for Science and Innovation,
Institute of Economics and Trade of the Tajik State University of Commerce,
Khujand, Tajikistan. E-mail: t_rizokulov@mail.ru*

THE CONTRIBUTION OF EXTERNAL LABOR MIGRATION IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN

In article it is considered tendencies of migratory processes in economy of Tajikistan. Factors and the reasons of migration in Tajikistan, and also a situation in labor market from the point of view of balance of supply and demand are analysed. The quantitative characteristic of interrelation of population shift with rates of social and economic development is given. Offers on management of migratory processes in interests of development of national economy of Tajikistan are formulated.

Key words: *external labor migration, labor export and import, transformation crises, supply and demand in the labor market, remittances of labor migrants, GDP growth in US dollars, unemployed, population migration management.*

В странах постсоветского пространства миграция стала неотъемлемым элементом формирования и развития национальных рынков труда, формирование которых происходило в условиях системных трансформационных кризисов, связанных с переходом к рыночной форме хозяйствования, а также в условиях усиления воздействия глобализационных процессов. Одни страны выступают только как экспортёры рабочей силы, другие как импортёры, а третьи выступают одновременно и как импортеры и как экспортеры рабочей силы. Факторы и условия, определяющие развитие миграционных процессов в каждой стране, разумеется, являются разными. Однако, для тех стран, которые выступают как экспортеры трудовых ресурсов, можно указать некоторые типичные факторы и условия, обуславливающие миграцию рабочей силы. Точно такой же типичные характерные моменты можно указать и по отношению к странам импортерам рабочей силы. Для первой группы стран типичным явлением, обуславливающим отток рабочей силы, можно отнести следующие: стагнация в большинстве отраслей народного хозяйства, безработица, низкая заработная плата, высокие налоги, сокращение или отсутствие рабочих мест, рост бедности, дискриминация, ограничение свободы действий или вероисповедания, наличие военных конфликтов и иногда неблагоприятные природные и климатические условия жизнедеятельности. В то время как ко второй группе стран к числу типичных явлений, привлекающих извне трудовые ресурсы можно отнести: наличие рабочих мест, относительно высокий уровень экономического развития, возможности для быстрого трудоустройства, в том числе и в теневой экономике, который является важным для нелегальных иммигрантов, более высокая заработная плата и доходы за труд, безопасность, свободу выбора место жительства и рабочих мест внутри страны и другое.

Что касается Таджикистана, то в годы суверенитета он выступает как страна — экспортёр рабочей силы, и этот фактор является главным в решении вопросов социально-экономического развития страны и многих бытовых проблем в обществе. В среднем в год более 40 тыс. трудоспособного населения выезжает на заработки за пределы страны. Основной поток внешней трудовой миграции в Российскую Федерацию — 98%, в другие страны СНГ — 1,0% и страны дальнего зарубежья — 1% [3. С. 38].

В целом в годы суверенитета внешняя трудовая миграция в стране получила наибольшее распространение и достигла значительных размеров. О причинах углубления миграционных процессов в таджикской печати в годы реализации рыночных реформ написано достаточно много. В принципе почти все ученые в числе основных причин роста иммиграции указывают следующее: низкая заработная плата, нехватка рабочих мест, ухудшение условий жизни и относительно высокий уровень бедности, стагнация в производственном секторе экономики, сокращение производительности труда, наличие ряда сфер, предоставляющих низкооплачиваемые работы, сокращение возможностей профессионального и культурного роста.

Справедливости ради следует отметить, что выше отмеченные не являются полным перечнем причин, обуславливающих миграцию рабочей силы Таджикистана, но являются основополагающими. В частности, отечественные ученые-экономисты Ульмасов Р.У. [4. С. 75], Азимов А. Дж. [1. С. 197], Умаров Х.У. [5. С. 19], и многие другие среди разнообразных причин миграции, главной указывают низкий уровень заработной платы и считают, что это является основной причиной массового выезда трудоспособного населения Таджикистана на заработки в другие страны.

Наряду с этим, на наш взгляд, нехватка рабочих мест в стране также играет существенную роль в углублении миграционных процессов в национальном хозяйстве Таджикистана. В этом контексте рассмотрим состояние конъюнктуры рынка труда в республике (табл. 1).

Спрос и предложение рабочей силы на рынке труда в экономике Таджикистана (на конец года), человек

Показатель	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Лица, ищущие работу и состоящие в службах занятости	64441	54681	72373	59669	64079	63540	71168	72409	72521
Заявленная предприятиями потребность в работниках	6054	7883	15748	10473	11694	11973	11280	10335	7275
Нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию	10,6	6,9	4,6	5,7	6,4	6,2	6,9	8,1	10,0

Источник: Данные государственного статистического агентства [3. С. 98]

Следует отметить, что в Таджикистане нет системы полноценного учета численности лиц, ищущих работу. Большинство граждан, не имеющих рабочих мест, хотя находятся в постоянном поиске работы, но не состоят в учете в официальных службах занятости как безработные. Но по данным таблицы видно, что и без этого на отечественном рынке труда ситуация выглядит более настораживающей. Говоря иначе на одну вакантную должность приходится около 10 безработных, состоящих на учете служб занятости, означающий то что из десяти человек один имеет шанс покинуть число безработных. Отсюда возникает вопрос, остальные 9 как могут выжить в сегодняшних жестких условиях рыночной экономики, где социальная защита населения еще остается быть не развитой. Часть из них просто вынуждены найти выход из этой ситуации став трудовыми мигрантами. Подобно тому, что нет четкой системы учета спроса и предложения на рынке труда можно сказать, что нет достоверных данных о численности иммигрантов в отечественной экономике. Разные источники приводят различные данные по оценке масштабов миграции. В общем, можно отметить, что совершенная система регистрации мигрантов в Таджикистане не существует. Точное число трудовых эмигрантов неизвестно. Но ясно то, что они вносят большой вклад в социально-экономическое развитие страны.

В этом контексте количественная оценка взаимосвязи миграции с экономическим развитием страны представляется интересным. Следует отметить, что в экономической науке достаточно много показателей, характеризующих эту взаимосвязь. В частности, миграция снимает напряжение на внутреннем национальном рынке труда и тем самым позволяет сокращать безработицу, обуславливает рост доходов населения и вносит вклад в повышении уровня жизни населения. Кроме отмеченных, миграция способствует расширению интеграционных процессов в мировой экономике, а также играет важную роль в активизации экономической деятельности хозяйствующих субъектов, углублении знаний в передаче новых технологий и техники.

Здесь мы остановимся на анализе одного общеизвестного показателя, характеризующего процесс углубления трудовой миграции в макромасштабе. Это ежегодное поступление денежных переводов трудовых мигрантов в национальную экономику.

Нами предпринимается попытка по количественному измерению влияния динамики объема денежных переводов трудовых мигрантов на динамику ВВП в долларовом исчислении, который можно считать показателем экономического роста в стране. Содержание отмеченных показателей приведено в табл. 2.

Исходя из данных таблицы, можно обнаружить, что денежные переводы трудовых мигрантов имеют непосредственное отражение в темпах экономического роста в долларовом исчислении. Действительно, если анализировать табл. 2, то можно обнаружить, что когда доходы трудовых мигрантов составили более 40% к ВВП, то темпы роста ВВП в

Республику Таджикистан в млрд. долларах США составили существенно больших величин, то есть в отдельные годы достигли от 112 до 138,7% в ежегодном измерении. Не углубляясь в дальнейший такого рода поверхностный анализ, мы попытались дать количественную оценку взаимосвязи между этими отмеченными параметрами.

Таблица 2

Денежные переводы и ВВП в экономике Республики Таджикистан, млрд. долл. США

Год	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Денежные переводы	1,019	1,691	2,544	1,748	2,306	3,06	3,626	4,219	3,384	2,259	1,900
ВВП	2,830	3,719	5,161	4,979	5,642	6,523	7,593	8,506	9,241	7,852	6,592
Темпы роста ВВП	107,7	131,4	138,7	96,4	113,3	115,6	116,4	112,0	108,6	84,9	88,5
Денежные переводы, % к ВВП	36,0	45,5	49,3	35,1	40,9	46,9	47,7	49,6	36,6	28,7	27,9

Источник: Данные Национального банка Таджикистана (НБТ) [2]

Отсюда вытекает, что в качестве результативного показателя нами выбраны ежегодные темпы роста ВВП в Республику Таджикистан в млрд. долл. США (y), достигнутые в национальном хозяйстве, а в качестве факторного рассматриваются денежные переводы трудовых мигрантов, поступившие в страну через банковскую систему. На основе этих переменных, само собой разумеется, можно построить двухфакторную регрессионную модель, где в качестве информационной базы были использованы официальные данные, опубликованные в статистических источниках.

На основе расчетных данных двухфакторная регрессионная модель зависимости темпов изменения в производстве ВВП в долларовом эквиваленте от количественного значения поступления денежных переводов трудовых мигрантов можно представить в следующей форме:

$$y=43,68 + 1,67*x .$$

Значения параметров данного уравнения показывают, что на текущем этапе развития Таджикистана, увеличение денежных переводов трудовых мигрантов существенно влияет на размер ВВП в долларовом исчислении. Следовательно, пользуясь данным уравнением можно построить прогноз увеличения темпов экономического роста в зависимости от изменений внешней миграционной активности населения страны.

Связь между рассмотренными факторами тесная, поскольку коэффициент корреляции в данном случае равен 0,8498. Вариация результативного показателя от исследованного здесь факторного переменного составляет 72,2% (коэффициент детерминации равен 0,7220).

Хотелось бы подчеркнуть, что расчетные данные почти подтверждают тезис о том, что экономическое развитие страны сильно зависит от денежных переводов трудовых мигрантов. Как показывают расчетные данные коэффициент эластичности результативного признака от изменений факторного, можно сказать, является существенно высоким, т.е. чувствительность всего 1,67% на каждый процент изменений.

Отсюда исходит, что на текущем этапе развития Таджикистана одним из важных направлений в стратегии развития страны является эффективное управление внешней трудовой миграцией, дабы снизить ее влияние на содержание социально-экономического развития страны. Так, например, основные объемы денежных переводов в Республику Таджикистан идут из Российской Федерации. В связи с ростом процедур санкций в мире и в

России с 2014 г. произошло сокращение численности трудовых мигрантов, и во-вторых сокращение объема денежных переводов, что привело к возникновению сложных ситуаций во многих отраслях народного хозяйства Таджикистана.

Следовательно, в миграционной политике Республики Таджикистан необходимо обратить внимание на диверсификацию направлений иммиграции рабочей силы, т.е. ориентироваться на рынки труда не одну, а одновременно на несколько других стран. Это тоже не является решением проблемы, здесь самое главное, как можно больше создать новых рабочих мест внутри страны и не допустить слишком большого расширения масштабов внешней миграции. Для этого внутри страны имеется достаточный потенциал. В доказательство можно привести один факт, который полностью подтверждает справедливость данного тезиса: сегодня задействованы только около 30% производственных возможностей страны, а остальные находятся в нетронутом состоянии. Это огромная возможность расширения производственного потенциала в привлечении трудовых ресурсов к полезному труду и решению проблем безработицы.

Литература и Интернет источники

1. Азимов А. Некоторые проблемы трудовой миграции в Республике Таджикистан // Сборник Международного симпозиума «Миграционный мост между Центральной Азией и Россией: моделирование и эффективное управление миграционными потоками». — Москва Худжанд, 2009.
2. Банковский статистический бюллетень. — Душанбе; Национальный банк Таджикистана, 2016.
3. Таджикистан: 25 лет государственной независимости (статистический сборник). — Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2016. — С. 38
4. Ульмасов Р.У. Таджикистан в зеркале миграции: Монография (в соавторстве). — Душанбе, 2016. — 139 с.
5. Умаров Х.У. Повышение уровня занятости как фактор ускорения динамики и эффективности национальной экономики // Проблемы трудовых отношений и социального развития Таджикистана. Мат. Респ. науч.-практ. конференции. — Душанбе: Товус, 2008. — 547 с.
6. Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2017. — № 1. — С. 5-12.
7. Pismennaya E., Ryazantsev S., Bozhenko V. Central Asian Diasporas in the Russian Federation: migration channels and their contribution to the socio-economic development of sending communities // Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies. 2016. Vol. 17. Issue 4. P. 87-94.

Сивоплясова Светлана Юрьевна,

кандидат экономических наук, доцент; ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН,
доцент Московского авиационного института
(Национальный исследовательский университет),
Москва, Россия. E-mail: svetlankamos84@rambler.ru

РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА БРАЧНЫХ РЫНКАХ ЯПОНИИ, КОРЕИ И КИТАЯ

(исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации,
проект № МК-2984.2017.6)

В статье рассматривается проблема брачной миграции из России в страны Северо-Восточной Азии. Приоритетными направлениями для переезда женщин из России с целью замужества за рубежом являются Япония, Китай и Корея. Каждая страна имеет свои ментальные особенности, обуславливающие закономерности, проблемы и перспективы брачной миграции в этих государствах. В статье приводятся статистические данные по брачной миграции из России, анализируются факторы, привлекающие молодых россиянок в брачную миграцию, а также барьеры, сдерживающие ее.

Ключевые слова. брачная миграция, межнациональные браки, женщины, барьеры, страны Северо-Восточной Азии.

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor,
Leading Researcher, Centre of Social Demography, Institute Socio-Political Research, RAS,
Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University);
Moscow, Russia. E-mail: svetlankamos84@rambler.ru

RUSSIAN WOMEN IN THE MARRIAGE MARKETS OF JAPAN, KOREA AND CHINA

(the study was conducted with support from Presidential Grants Council,
project № МК-2984.2017.6)

This article deals with the issue of marriage migration from Russia to North-Eastern Asian countries. Priorities for moving women from Russia abroad to get married are Japan, China and Korea. Each country has its own mental characteristics determined patterns, problems and prospects of marriage migration in these states. There are presents statistical data on marriage migration from Russia in the article. Factors involving young women in the marriage migration and the barriers hindering it are analysed.

Keywords. Marriage migration, intermarriage, women, barriers, North-East Asia.

Термин «брачный рынок» появился относительно недавно, в 1970-х годах. Под ним понималась система соотношений численностей различных групп бракоспособного населения [2; 3; 5]. Сегодня данный термин используется для характеристики всей совокупности потенциальных женихов и невест в населении, а также всей системы их взаимных притязаний и требований к будущим супругам [8].

В зарубежной теории и практике брачный рынок часто рассматривается как экономическая категория. Так, Беккер под брачным рынком понимает поиск человеком наилучшего партнёра (с точки зрения выгод от брака) с учетом рыночных ограничений [11]. Бергстром рассматривает брачный рынок как пространство потенциальных партнёров — мужчин с одной стороны и женщин — с другой, между которыми должно установиться соответствие (т.е. брак) [12].

Таким образом, брачный рынок — это особый тип рынка, на котором взаимодействуют покупатели и продавцы (женихи и невесты), формируя спрос и предложение. Отличительной особенностью данного типа рынка является то, что покупали одновременно являются продавцами, и наоборот.

Брачный рынок государства формируется из числа незамужних мужчин и женщин брачного возраста, являющихся как гражданами данной страны, так и негражданами. Второй случай, чаще всего, характерен для женщин. Переезжая в другую страну с целью создать семью, люди формируют особый тип миграции — брачную миграцию. Соответственно, наибольший объем этого потока составляют именно женщины [9; 10].

В настоящее время масштабы брачной миграции в мире довольно велики. Вместе с тем, достоверно оценить его практически невозможно, так как другие формы миграции, например, трудовая, образовательная и т.д., могут переходить в брачную.

Страны мира можно условно разделить по роли в брачной миграции на принимающие и страны-«экспортеры». Россия может быть отнесена ко второй группе. После распада СССР и открытия границ многие девушки и женщины поехали за рубеж искать «свое женское счастье». На сегодняшний день этот канал миграции сохраняется.

Анализируя брачную миграцию из России можно выделить несколько устойчивых направлений: Европейское, Североамериканское, Ближневосточное, Азиатское. Причём, последнее получило в последнее время новый импульс развития.

Среди азиатских государств, как стран назначения, особое место занимают Китай, Япония и Корея. Их отличает высокий уровень социально-экономического развития и близость к границам России. Кроме того, в России отмечается повышенный интерес к азиатской культуре. Все это в совокупности способствует не только сохранению, но и увеличению потока женщин в эти страны с целью замужества.

Среди названных стран Китай является наиболее востребованным для эмиграции из России в целом, и для брачной эмиграции в частности. Причем, до 2015 г. отмечалось увеличение числа мигрантов, которые переезжали как для временного пребывания, так и на постоянное место жительства. Сейчас этот поток несколько сократился. В настоящее время в Китае насчитывается чуть более 15 тыс. русских.

Брачная миграция из России в Китай неспроста является популярным способом переезда в страну. Согласно иммиграционным правилам иностранные супруги граждан Китая имеют право стать постоянными жителями страны уже через год после официального заключения брака, а через пять лет подавать документы на получение гражданства. Таким образом, это один из самых быстрых путей стать гражданином Китая.

Привлекательность китайских мужчин для россиянок с точки зрения создания семьи формируется, как правило, на контрасте с русскими молодыми людьми. Женщины ожидают от женихов из Поднебесной (как и в целом от иностранных женихов) заботы, вни-

мания, финансовой состоятельности, отсутствие пристрастия к алкоголю и т.д. И, как показывают примеры из жизни, ожидания девушек, как правило, оправдываются. Китайские мужчины оказываются любящими, внимательными мужьями, заботливыми отцами.

Опросы показывают, что среди женщин, которые уже вышли замуж за китайца, 70% довольны замужеством (причем 27% из них сказали, что китайский муж однозначно лучше русского), 13% опрошенных не видят разницы, а 16% разочарованы и ругают себя за то, что решили выйти замуж за китайца [4].

Вместе с тем, такие интернациональные семьи сталкиваются и с рядом трудностей. Во-первых, языковой барьер. Китайцы редко знают русский язык, а россиянки крайне плохо знают китайский, а чаще всего и вовсе не знают. Кроме того, зачастую и английский язык не помогает, так как с ним складывается такая же ситуация. Как отмечают русские девушки, часто словарного запаса иностранного языка хватает для решения бытовых вопросов, но поговорить с мужем «по душам» уже сложно.

Во-вторых, разный менталитет, культура и национальные традиции. Это то, что больше всего удивляет, часто раздражает и мешает семейному счастью, и то, что необходимо изучить прежде, чем принимать решение о переезде.

В целом, российские девушки весьма востребованы на брачном рынке Китая. Во-первых, из-за демографической политики, проводимой Китаем в конце XX века, сформировался резкий гендерный дисбаланс. Так как семьям разрешалось иметь только одного ребёнка, родители стремились, чтобы это был мальчик, так как они видели в нем продолжателя рода (фамилии) и поддержку в старости. Поэтому, если родители на этапе беременности узнавали, что ожидается девочка, от ребенка часто избавлялись. Это привело к тому, что на 100 девочек рождались 120 мальчиков. Поэтому, конкуренция между молодыми людьми, достигшими брачного возраста, стала очень острой. Часть из них стали искать невест среди представительниц других стран.

Во-вторых, в Китае иметь жену славянской внешности очень престижно. Это, своего рода, статус мужчины, показатель его состоятельности. Русская жена — это предмет гордости китайца и зависти соседей.

К сожалению, точных данных о численности россиянок, которые связали свою жизнь с гражданином Китая, нет. Предположительно, их около 5-8% от общей численности иммигрантов [6], или 1-1,5 тыс. человек.

Несколько по-иному обстоят дела в Корее. Доля иностранцев на брачном рынке страны высока. Около 10% всех браков заключается между гражданами Кореи и иностранцами. В 1990-е гг. эта доля была ещё выше — 30-40%. При этом, подавляющее большинство интернациональных браков заключается с гражданами Китая и Вьетнама. Если говорить еще более точно, то это браки между корейцами и китайками и вьетнамками. В целом, три четверти заключенных межнациональных браков — это случаи, когда иностранка — невеста.

В таких браках, как правило, муж заметно старше жены. В середине 2000-х гг. было проведено исследование интернациональных брачных пар в Корее, которое показало, что средний возраст женихов составляет 41 год, в то время как невест — 34 года [7]. В то же время, нередки браки, в которых разница в возрасте жениха и невесты более значительна, например, известен случай заключения брака между 56-летним холостяком из Кореи и 27-летней представительницей Марокко [1].

С иностранками чаще всего заключают брак жители сельской местности. Дело в том, что многие корейки переезжают из сельской местности в города и там находят себе мужей, а мужчины остаются в сельской местности, отправляясь искать жену среди «приезжих».

Из России люди мигрируют в Корею довольно активно. Наибольшее число мигрантов отмечалось в первой половине 2000-х гг. (максимум наблюдался в 2003 г. — 9,3 тыс. человек). К 2012 г. их число заметно сократилось до 2,7 тыс. человек, 40% из них (1,08 тыс. человек) составляли женщины [13]. Очевидно, что далеко не все из них заключили брак с корейцем. Таким образом, русских жён в Корее не так много. Низкая востребованность русских женщин на брачном рынке Кореи, вероятно, объясняется тем, что они имеют довольно высокие запросы, являются представительницами другой культуры и плохо знают (или вовсе не знают) язык. Поэтому, несмотря на то, что женщины со славянской внешностью очень привлекают азиатских мужчин, немногие из них хотят рисковать и связывать себя узами брака с русской.

Брачный рынок Японии отличается высокой степенью однородности по национальному составу. Около 99% браков заключаются между гражданами Японии. В целом, это соответствует национальному составу населения страны, где 99% — японцы. Кроме того, низкий уровень интернациональных браков в стране объясняются жёсткими нормами законодательства, призванными исключить фиктивные браки с целью получения японского гражданства.

Среди тех граждан Японии, кто вступает в брак с представителями других стран, подавляющее большинство — мужчины. То есть в стране невест-иностранок намного больше, чем женихов-иностранцев. Однако данные свидетельствуют, что в почти 90% случаев это браки с представительницами азиатских стран, прежде всего китайками (более 30% интернациональных браков).

Браки с россиянками в Японии не слишком часты. Так, по данным переписи населения 1990 г. на территории страны проживали 576 семейных пар, в которых муж был японцем, а жена являлась россиянкой, и 123 пары, в которых муж был русским, а жена — японкой [14].

В целом русские жены весьма востребованы среди японцев. Их привлекает европейская внешность, и, в то же время, россиянки отличаются меньшей эмансипированностью по сравнению с европейками и американками и готовностью исполнять роль жены. Однако, языковой барьер, административные барьеры для переезда, значительные различия в национальных традициях сдерживают брачную миграцию из России в Японию.

Таким образом, азиатское направление брачной миграции из России является довольно популярным. В настоящее время оно получило новый импульс в своем развитии. Российские женщины весьма востребованы у азиатских женихов. Однако языковые и ментальные барьеры в ряде случаев ограничивают масштабы брачной миграции. Кроме того, как утверждают россиянки, ставшие женами азиатских мужчин, они всегда воспринимаются в другой стране как «чужие», пожалуй, и муж также вряд ли станет «своим» в России.

Литература и Интернет источники

1. Бинур А. Замуж за южного корейца: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://istory.kz/17100/zamuzh-za-yuzhnogo-korejtsa-plyusy-i-minusy>. (Дата обращения: 17.08.2017)
2. Брак и семья: Демографический аспект : Сб. статей : Пер. с англ., франц., чеш. / Под ред. и с предисл. А. Г. Волкова и Л. Е. Дарского. — Москва: Статистика, 1975. — 224 с. : ил.; 20 см. — (Новое в зарубежной демографии / НИИ ЦСУ СССР; Сб. 8).
3. Браки и разводы. Демографическое исследование на примере УССР / Чуйко Л.В. — М.: Статистика, 1975. — 175 с.
4. Выйти замуж за китайца: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://china-times.ru/vyyiti-zamuzh-za-kitaytsa-plyusyi-i-minusyi-2013-08-19>. (Дата обращения: 18.08.2017)

5. Вишневский А.Г. (ред.) Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. статей. — М.: Статистика, 1977. — 250 с.
6. Грибин С. Русские в Китае. Какая она, русская диаспора Харбина? [Электронный ресурс] // Школа жизни.ру. Познавательные журнал. — Режим доступа: <https://shkolazhizni.ru/world/articles/67220/>. (Дата обращения: 17.08.2017)
7. Гуенков В. Мифы об интернациональных браках в Корее развеяны [Электронный ресурс] // Семейский вестник. — Режим доступа: <http://vestnik.kr/society/909.html>. (Дата обращения: 17.08.2017)
8. Синельников А. Брачный рынок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://voluntary.ru/termin/brachnyi-rynok.html>. (Дата обращения: 13.08.2017)
9. Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю. Женская эмиграция из России: факторы, тенденции, география // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2016. — № 4. — С. 36-46.
10. Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю. Общие тенденции женской эмиграции из России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2015. — № 3 (июнь). — С. 29-33.
11. Becker G. A Theory of Marriage // Economics of the Family, Marriage, Children and Human Capital / Ed. by Th.W. Schultz. Chicago: The University of Chicago Press, 1974. P. 300.
12. Bergstrom T.C. A Survey of Theories of the Family // Handbook of Population and Family Economics / Ed. by M. Rosenzweig, O. Stark. Amsterdam: Elsevier Science, 1997. Vol. 1. P. 1.
13. International Migration Outlook 2016, OECD Publishing, Paris. http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2016-en. Дата обращения: 10.08.2017
14. 1990. Population Census of Japan. Volume 8 / Statistics Bureau, Management and Coordination Agency.

*Ахметова Бигайша Зейнулъевна,
PhD (филология), доцент, заведующая кафедрой теории языков и литературы
Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова,
Костанай, Казахстан. E-mail: bigajsha@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ РЕПАТРИАЦИИ ОРАЛМАНОВ НА СОВРЕМЕННУЮ ЯЗЫКОВУЮ СИТУАЦИЮ В КАЗАХСТАНЕ

С первых лет независимости регулирование миграционных процессов в Казахстане относится к одному из важных направлений государственной политики. Казахстан стал одним из первых государств постсоветского пространства, инициирующих возвращение представителей государствообразующего этнуса на историческую родину. Этот процесс характеризуется определенными плюсами и минусами.

Ключевые слова: *Казахстан, миграционная политика, оралманы, языковая ситуация.*

*Bigaysha Z. Akhmetova, PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Theory of Languages and Literature Chair, Humanities and Social Faculty,
Baitursynov Kostanay State University,
Kostanay, Kazakhstan. E-mail: bigajsha@mail.ru*

INFLUENCE OF THE REPUBLIC OF ORALMANS ON THE CONTEMPORARY LANGUAGE SITUATION IN KAZAKHSTAN

Since the first years of independence, the regulation of migration processes in Kazakhstan has been one of the most important areas of state policy. Kazakhstan became one of the first post-Soviet states to initiate the return of representatives of the state-forming ethnicity to their historical homeland. This process is characterized by certain pros and cons.

Keywords: *Kazakhstan, migration policy, oralmans, language situation*

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 2 декабря 2008 года №1126 принята Национальная программа возвращения этнических казахов на 2009-2011 годы, правовую основу для которой составляют Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года «О миграции населения», Указы Президента Республики Казахстан от 28 августа 2007 года №399 «О Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 годы», от 28 августа 2006 года №167 «О стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 года» и от 10 июля 2003 года №1149 «О Государственной программе развития сельских территорий на 2004-2010 годы». В соответствии с принятыми законами в настоящее время в Казахстан из стран ближнего и дальнего зарубежья интенсивно осуществляется репатриация этнических казахов — оралманов, которая все более расширяется.

В Законе «О миграции населения» от 13 декабря 1997 г. [2], в ст. 1 «Основные понятия» дано определение: *оралманы* — это иностранцы или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания. *Квота иммиграции* оралманов — это число семей оралманов, ежегодно допускаемых к переселению на территорию Республики Казахстан, на которых распространяются льготы и компенсация в соответствии с настоящим Законом.

Согласно ст. 29 закона, государство создает льготные условия для переселения в РК и обеспечивает оралманам *создание условий для изучения государственного и русского языков* (выделено мною. — А.Б.).

До 1991 г., по данным демографа М. Татимова, за пределами Казахстана проживали свыше 3 млн. этнических казахов, в том числе: в Китае — около 1,3 млн. человек, Узбекистане — 870 тыс. человек, России — 660 тыс. человек, Монголии — около 157 тыс., Туркмении — 90 тыс., Афганистане — 45 тыс., Кыргызстане — 40 тыс., Турции — 30 тыс., Иране — 15 тыс., Украине — 15 тыс., Таджикистане — 12 тыс., Пакистане — 3 тыс. человек и т.д. [10]. В 1991-2000 гг., по данным Агентства по демографии и миграции, в республику прибыли более 43 тыс. казахских семей, или 183 тыс. человек. 40% от общего числа репатриантов приехали в Казахстан из стран дальнего зарубежья: Монголии (35,5%), Ирана (2,7%), Турции (2%), Китая (1,2%), Афганистана (1%) и Китая (0,6%). Около 60% этнических казахов прибыли из республик СНГ: Узбекистана (34,2%), Туркменистана (12%), Таджикистана (5,7%), России (4,6%) и других стран.

За последующие годы численность казахской диаспоры в других государствах изменилась. Так, в Китае в 2000 г. проживали более 1,5 млн. казахов, поскольку политика ограничения рождаемости не коснулась казахского населения. В Узбекистане в 1999 г., по данным текущей статистики, уже было 940,6 тыс. казахов и 531,3 тыс. каракалпаков [3: 109]. По информации посольства Республики Казахстан в Узбекистане, более 0,5 млн. этнических казахов, в основном проживающих в районах экологического бедствия — Приаралье и пустыне Кызыл-Кум, намерены переселиться на свою историческую родину.

В 1993 г. квота миграции для оралманов составляла 10 тыс. семей. В 1994 г. — 7 тыс. семей, в 1995 г. — 5000, в 1996 г. — 4000, в 1997 г. — 2, 18 тыс. семей, в 1998 г. — 3000, в 1999-2000 гг. — по 500 семей, в 2001 г. — 600 семей. По данным Агентства по миграции и демографии, большое количество семей прибывает сверх квоты. Например, в 1999 г. в Казахстан прибыли 2668 семей, из них 280 — по квоте, 2388 — сверх квоты; в 2000 г. — 5490 семей, 458 и 5032 семей соответственно. Квота иммиграции перекрывалась за счет иммиграции из России и центральноазиатских стран.

На основании Указа Президента РК от 10 февраля 2003 г. №1017 «О квоте иммиграции оралманов на 2003 год» была установлена квота в количестве 5000 семей, которая

была распределена следующим образом: из Узбекистана — 4096 семей, Российской Федерации — 492, Туркменистана — 91, Китая — 76, Афганистана — 65, Монголии — 52, Турции — 40, Ирана — 38, Кыргызстана — 30, Пакистана — 10, Таджикистана — 10.

В соответствии с Указом Президента РК от 1 декабря 2004 г. №1476 «О внесении изменений в Указ Президента РК от 31 октября 2003 г. №1216» «О квоте иммиграции оралманов на 2004 год», было решено принять 10000 семей, в том числе из Узбекистана — 6638 семей, Российской Федерации — 1008 семей, Туркмении — 767 семей, Китая — 716, Монголии — 620, Кыргызстана — 74 семьи, Афганистана и Пакистана — 70, Турции — 50, Ирана — 25, других стран СНГ — 32.

Как видим, в Казахстане создаются условия для приема значительного числа оралманов. Однако последние тенденции в сфере стимулирования возвращения соотечественников, которые проводятся Россией, стимулируют на принятие российского гражданства не только оставшимися представителями других этносов Казахстана, но и этническими казахами. При этом русские Казахстана, укorenившиеся здесь в ходе укрепления казахских гарнизонов XVIII-XIX веков, обнаруживают более сильную витальность своей культуры, чем переселенцы, осваивавшие казахстанскую целину, которым свойственны миграционные настроения за пределы Казахстана [4].

Наиболее яркая положительная динамика характерна для миграции казахов, прибывающих в Казахстан из Узбекистана, Туркмении, Кыргызстана и России. Большинство репатриантов, возвращающихся в Казахстан из-за рубежа, — бывшие граждане Узбекистана. Так, в 2008 году в Южно-Казахстанскую область (ЮКО), граничащую с Узбекистаном, прибыли 8357 оралманов (1939 семей), причем 96% из них — из соседнего Узбекистана. Нужно отметить, что вообще с 1991 года по настоящее время в Южно-Казахстанскую область прибыло наибольшее число оралманов — 25,2% от общего числа семей: 46630 семей оралманов из 21 страны мира. В целом общее число переселенцев в эту область Казахстана составило 159559 человек, из них 88% репатриантов — из Узбекистана, 2% — из Туркмении, 5% — из Таджикистана, 1,5% — из Ирана, остальные — из Афганистана, Монголии, Кыргызстана и Турции [3]. Постоянно возрастает численность казахов, прибывающих в Казахстан из Китая и Монголии: по сравнению с 1999 г. число казахов, выехавших из Китая, увеличилось в 2004 г. в 24,4 раза, из Монголии — в 3,65 раза.

Интересны представленные в таблице сведения о численности оралманов, прибывших в разные области Казахстана.

Таблица

Динамика численности оралманов в регионах Казахстана (1991 г. — по наст. вр.), человек

Регион	Количество семей	Человек
Республика Казахстан, в т. числе:	184963	727289
Акмолинская область	7717	39689
Актюбинская область	6883	34133
Алматинская область	31904	107003
Атырауская область	3681	15108
Восточно-Казахстанская область	9825	38771
Жамбылская область	11409	65101
Западно-Казахстанская область	3249	14617
Карагандинская область	13307	47220
Костанайская область	6074	25459
Кызылординская область	3661	17933
Мангистауская область	24796	87216
Павлодарская область	6210	28247
Северо-Казахстанская область	6539	34770
Южно-Казахстанская область	46630	159559
г. Алматы	1836	6642
г. Астана	1242	5821

При рассмотрении данных таблицы можно заметить, что 50,6% семей репатриантов-оралманов от их общего количества прибыли по квотам в южные регионы Казахстана — Южно-Казахстанскую, Алматинскую, Жамбылскую и Кызылординскую области. 20,9% семей были поселены в западных районах Казахстана, прежде всего в Мангистауской, Актюбинской, Атырауской и Западно-Казахстанской областях. Всего 14,3% семей оралманов стали жителями северных регионов республики — Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей. В Восточно-Казахстанской области поселились 5,3% семей от их общего количества, в Карагандинской области (Центральный Казахстан) — 7,2%, в г. Алматы — 1,0%, в г. Астане — 0,7%.

Следует отметить, что в 2004 году квота на въезд оралманов составляла *10 тыс. семей*, в 2005-2008 гг. она была увеличена до *15 тыс. семей* ежегодно. Выполнение квоты иммиграции оралманов по итогам 2008 года действительно составило 15 тыс. семей в составе 79024 человек. В связи с чем возникает проблема межкультурной коммуникации между местным населением и прибывающими оралманами [6].

По данным, представленным Комитетом по миграции Министерства труда и социальной защиты населения РК, в 44 странах мира еще проживают несколько миллионов этнических казахов, которые желают вернуться на свою историческую родину. В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан №690 от 17 ноября 2008 года «О квоте иммиграции оралманов на 2009 год» и постановлением Правительства Республики Казахстан №32 от 22 января 2009 года «О распределении квоты иммиграции оралманов на 2009 год», квота иммиграции оралманов *на 2009 год была увеличена до 20 тыс. семей* в год, что означает увеличение числа оралманов ежегодно приблизительно на 100 000 человек.

В 2009 году в Казахстан вернулись 16335 семей оралманов, или 75485 человек. Из них более половины прибыли из Узбекистана — 59%; из Монголии — 14%, из Китая — 10%, Туркмении — 8% и России — 4,2%. Больше всего оралманов приняла Алматинская область — 3,9 тыс. семей; на втором месте Южно-Казахстанская область — 2,8 тыс. семей, затем Мангистауская (2,05 тыс.), Жамбылская (1,95 тыс. семей) и Восточно-Казахстанская области (1,2 тыс. семей оралманов).

В целом, согласно Национальной программе возвращения оралманов, за годы независимости в Казахстан (по состоянию на 2009 год) прибыли 201 198 семей, или *802 774 человек*.

Увеличение квоты в 2009 году связано с реализацией задачи по приросту населения страны к 2015 г. до 20 млн. человек. Можно предполагать с большой долей вероятности, что к 2015 году в Казахстан из-за рубежа придут более полумиллиона этнических казахов, и общее число оралманов, возвратившихся на историческую родину, достигнет приблизительно 1,3 млн. человек.

Следует подчеркнуть, что у репатриантов-казахов, которые проживали в зарубежных странах, родной язык сохранился за счет внутриэтнического употребления. В связи с этим они испытывают значительные затруднения при овладении литературным казахским языком и русским языком как широко функционирующим в РК средством межэтнического взаимодействия. Одной из проблем языкового обучения репатриантов является то, что в разных странах они пользовались различными письменностями: в Турции — латиницей, в Монголии — кириллицей, в Китае — арабской вязью [1]. Значительная численность прибывших и прибывающих в Казахстан оралманов оказывает свое существенное влияние на этноязыковую ситуацию в республике.

Общеизвестно, что в полиэтничном Казахстане на протяжении продолжительного исторического времени взаимодействие между многочисленными этносами в общественной, административной, экономической, культурной и других сферах жизни осуществлялись в основном на русском языке [6; 7]. Казахский язык, тем самым, был вытеснен за годы советской власти за рамки официально-политической деятельности [9: 37]. Этнический язык миноритарных этносов использовался, как правило, в межличностных контактах, в отдельных регионах — при обучении в школе [7; 8]. Эта ситуация усугубляла последствия этнотравмы казахского народа вследствие утраты собственной независимости после присоединения Казахской степи в Российской империи [5]. Таким образом, языковая ситуация в Казахстане в тот период формировалась за счет функционирования, в первую очередь, *казахско-русского билингвизма*, исключительно широко распространенного в республике, во вторую, *русскоязычия* (русские, белорусы, украинцы, поляки, немцы, корейцы, греки, молдаване, мордва, чувашаи и др.), *национально-казахско-русского многоязычия* (узбеки, уйгуры, турки, курды, азербайджанцы, таджики, чеченцы, киргизы, татары, дунгане, башкиры и др.). Важно заметить, что в процентном отношении в этом полиязычии разных этносов, исключая таджиков и узбеков, доминировал русский язык.

За прошедшие годы языковой ландшафт Казахстана претерпел большие изменения. Вследствие многих причин, одной из которых явились крупнейшие миграционные процессы, в том числе репатриация *около миллиона* этнических казахов, расширились сферы функционирования государственного казахского языка и в целом сократился объем использования русского языка в коммуникативно-языковом пространстве Казахстана.

Литература и Интернет источники

1. Жангуттин Б.О. Миграционная политика Казахстана и России: попытка сопоставительного анализа, 2009 / Государственный университет «Высшая школа экономики». — Режим доступа: www.hse.ru/data%202009
2. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 13 декабря 1997 года — Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a081.htm>
3. Казахстан: Большинство переселенцев в Южно-Казахстанскую область — из Узбекистана, 2009. — Режим доступа: <http://www.ferghana.ru/news.php?id=11082&mode=snews> (дата обращения 17.09.2017).
4. Karabulatova I.S., Sayfulina F.S., Akhmetova B.Z. Ethno-lingual aspect of modern functioning of Russian dialects in North Kazakhstan (on an example of Kostanai region) // World Applied Sciences Journal Issue 27 (Education, law, economics, language and communication): 137-140, 2013.
5. Osipov G., Karabulatova I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Niyazova G. Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space// Central Asia and Caucasus. Vol.17, Issue 2, 2016, pp.: 87- 94.
6. Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Боранали А.А. Специфика проблем межкультурной коммуникации мигрантов в контексте правового регулирования репатриации этнических казахов // Миграционные мосты Евразии. Сб. материалов VI международной научно-практической конф. / Под ред. С.В. Рязанцева. 2014. — М.: Экон-Информ, 2014. — С. 317-322.
7. Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Ахметова Б.З. Проблемы этнокультурной витальности современных русских населенных пунктов бывшей Горькой линии Северного Казахстана // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2015. — № 4, — С. 92-104.
8. Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. — Алматы: Ғылым, 2001.
9. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Словарь социолингвистических терминов. — Астана: Арман-ПВ, 2008.
10. Татимов М. Влияние демографических миграционных процессов на внутривнутриполитическую стабильность в Республике Казахстан // Саясат: События, проблемы, анализ, прогнозы. — 1995. — № 5. — С. 18-23.

Virkkunen Joni, Dr. (Human Geography),
Research Manager, Karelian Institute, University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland. E-mail:joni.virkkunen@uef.fi;
Piipponen Minna, Dr. (Human Geography),
Researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland. E-mail:minna.piipponen@uef.fi

STRATEGY OF AFGHANS REFUGES IN THE ARCTIC REGIONS OF RUSSIA

(the study was conducted with support of KONE Foundation and
the Strategic Research Council of the Academy of Finland)

This article looks at Afghan migrants in Russia in the context of so-called Arctic Migration Route (2015-2016). A particular attention is paid to the Afghan asylum seekers in Finland who used Russia as a country of transit, or relocated after not finding a sustainable position in society. The analysis is based on qualitative content analysis of the asylum investigation and interview protocols of Afghan citizens conducted by Finnish authorities.

Keywords: Afghans, Arctic Migration Route, Asylum Seekers, European Union, Transit Migration, Finland, Russia

Вирккунен Йони,
доктор наук, руководитель исследований Центра российских и пограничных исследований
Карельского института Университета Восточной Финляндии,
Йоэнсуу, Финляндия. E-mail:joni.virkkunen@uef.fi;
Пиппонен Минна,
доктор наук, исследователь, Карельского института Университета Восточной Финляндии,
Йоэнсуу, Финляндия. E-mail:minna.piipponen@uef.fi

СТРАТЕГИИ АФГАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ

(исследование проведено при поддержке Фонда KONE и Совета стратегических исследований
Академии Финляндии)

В статье рассматриваются стратегии афганских мигрантов в России в контексте так называемого Арктического миграционного маршрута (2015-2016 гг.). Особое внимание уделяется афганским просителям убежища в Финляндии, которые использовали Россию в качестве страны транзита или переселились после того, как не нашли устойчивой позиции в обществе. Исследование основано на качественном анализе ходатайств о предоставлении убежища и протоколов собеседований афганских граждан, проводимых финскими властями.

Ключевые слова: афганцы, арктический маршрут, просители убежища, Европейский союз, транзитная миграция, Финляндия, Россия.

Introduction

The article looks at the transit migration in Russia in the context of so-called Arctic Migration Route (2015-2016). A particular attention is paid to the Afghan asylum seekers in Finland who used Russia as a transit country or relocated to Finland after not finding a sustainable position as in Russia. We will discuss two overall questions: Why did the Afghan asylum seekers in Finland decide to leave home and transit through the Russian North? Why did the Afghan immigrants in Russia choose to emigrate to Finland / the European Union instead of returning home in Afghanistan, or stay in Russia as refugees or labour migrants? We argue that the answer to these questions lies in the Afghans' everyday struggles, fears of conflict and lack of perspectives in both Afghanistan and Russia. In Afghanistan this does not only relate to the armed conflict but, significantly, also to the severe everyday impacts of the very conservative Islamic social environment (controlled partly by Taleban and ISIS networks), and a lack of long-term socio-economic perspectives in the country. In Russia, many of the Afghans had ended up in very precarious situations where their lives were, basically, defined by their status as irregular immigrants, fear of and tiredness to very common everyday and administrative racism and the lack of future perspectives.

Method and Material: The analysis is based on the qualitative content analysis of 194 asylum investigation and interview protocols of Afghan citizens conducted by the Finnish Border Guard, Police and the Finnish Immigration Service. This number was approximately a half of the 405 application protocols of different nationalities that were analysed for this article. In addition, also academic and media reports, seminar discussions and information received from publications (news, statistics, etc.) of and meetings with asylum authorities.

Transit migrants, Labour migrants, or Refugees? Based on our research of the Afghan asylum seekers in Finland, it has become clear that the categories of labour migrants, transit migrants and asylum seekers are not as distinct as most migration research and policy regimes, as well as media discourses, present them. In a globalized world, migratory processes consist of consecutive and parallel movements of people whose future expectations and motives for migration change and overlap along the changing social and personal conditions (e.g. Zetter 1991; Castles & Miller 2009; Betts 2013). This should be obvious when migration regimes categorize and label different groups of migrants, and how migrants themselves (hope to) change their plans and statuses during the process. Displaced and deported individuals, for example, have to pursue secondary migration in order to find other directions to their lives. Neither staying as irregular nor return back to the country of origin is always a possible option.

Agnieszka Kubal (2016) illustrates this well in her analysis of undocumented Syrians in Russia. She also pays attention to how the image of 'ideal refugee' is shaped by international standards of the 1951 UN Refugee Convention. Based on the post-World War context, the Convention sets a legal standard where refugees do not engage in paid work as labourers. This historical categorisation became a standard that had a direct impact on the ways states interpret asylum as a category and, thus, enact and implement the Convention. In Russia, this also set the legal context within which the categories of irregular migrant workers, offenders of the immigration law, or asylum seekers are defined (ibid). According to Kubal (2016), problems arise when asylum is being decoupled from the cotemporary empirical reality of mixed migration where migration often also relate to securing the future prospects of children and overall economic livelihoods. These were very visible also among the Afghan asylum seekers in Finland.

Arctic Migration Route

The so-called Arctic route refers to a route that migration migrants (or later asylum seekers) used to enter Norway and Finland through the very Northern border crossing points of the Russian Federation.

Figure 1. Map of the Arctic route through Moscow to the North, 2015-2016

The Russia and the Arctic route became an alternative to the Mediterranean and Balkan routes that turned most popular and, also, expensive and dangerous due to very high maritime risks and bordering of the East and Central European states such as Serbia and Hungary. In total, 38,127 applied asylum in Finland during 2015-2016, out of which only 1756 (4.6%) entered Finland from Russia [Finnish Migration Services 2015; 2016; Finnish Border Guard 2015-2016].

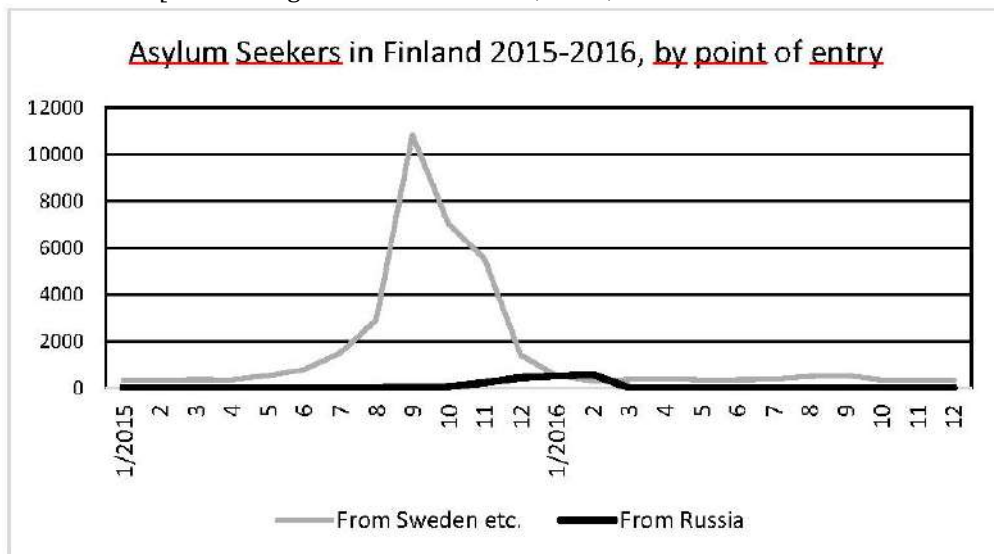

Figure 2. Asylum seekers in Finland 2015-2016 by point of entry [Finnish Border Guard 2015-2016; Finnish Migration Service 2015; 2016]

Approximately one fourth of the asylum seekers who entered Finland and Norway in the North had a previous residence or a longer stay in Russia prior arriving in Finland [Finnish Border Guard 2015; Moe & Rowe 2016]. In other words, their migration through the Arctic was only partly related to the wider migratory 2015-2016 ‘refugee crisis’ but, arguably, also to Russian restrictive asylum, immigration or labour market policies that made the position of third-country immigrants (not citizens of the Russian Federation or the Eurasian Economic Union) in Russia precarious.

The short phenomenon of the ‘Arctic migration route’ lasted only for a few months: from October 2015 to February 2016 (see Figure 2 and Figure 3). In the North, the ‘Arctic’ migration through the Russian North channelled through Moscow to Murmansk, and further to the Northern Finnmark province of Norway (Storskog border crossing point) and the Province of Lapland in Finland (Salla and Raja-Jooseppi). During the 5 months, about 5500 asylum seekers entered Norway in Storskog and 1756 in Salla and Raja-Jooseppi.

Figure 3. Asylum seekers from Russia to Finland, 2015-2016, total [Finnish Border Guard 2015-2016]

Due to existing immigrant networks in Norway and Norway’s reputation as a wealthy, tolerant and open society, Norway clearly was the destination country number one in the North. The neighbouring Finland was much less-known and became of interest only when the rumours about ‘open borders’ spread in the news and Internet sites, and when the Russian border guards began to require a valid Norwegian or Schengen visa from individuals at the Russian-Norwegian border. The rapid growth of asylum applications in late 2015 was evidently linked to Norway’s and Russia’s tightening border control at Storskog: when the traffic on the Norwegian border reduced, it moved to these two Finnish border crossing stations.

In our analysis, we will take a look at the Afghan migration in Russia in general and analyse especially the experiences of the Afghans on the Arctic route.

Afghans on the Run

Due to the long and colourful history of Afghanistan-Soviet Union relations, Afghan citizens have been a notable group among so-called third country citizens immigrating to Russia (other than citizens of the CIS and Eurasian Economic Union). They have also become one of the largest groups applying for asylum in Russia. As witnessed by numerous scholars and practitioners in

the field, getting a permanent refugee status in Russia is extremely difficult. Of the total 770 persons with refugee status in 1 January 2016, up to 69% (352) were Afghans (Rosstat 2017b). However, this is only a tiny share of all estimated 100,000-150,000 Afghan citizens in the country (see e.g. Ivanova 2004).

Related to the above, we need to clarify that there are two categories of refugees in Russian legislation: refugees and temporary refugees ("Law on Refugees" N. 4528-I, 1993). The temporary refugee status may be granted to persons who cannot be recognized as refugees according to Russian legislation, but on humanitarian grounds, cannot be deported or sent back to their countries of origin either. The status can be granted also to persons who would be eligible for refugee status but, for some reason, wish to avail themselves of temporary protection instead.

The temporary asylum status is granted usually up to one year, and it can be renewed periodically ("Law on Refugees" N. 4528-I, 1993; Government Resolution No 274). According to the Rosstat statistics (2017b, see also UNHCR 2017), Afghans (417) were the third largest group with temporary refugee status after Ukrainians (226,044) and Syrians (1317). Even though the temporary asylum status brought some hope for possible legalization of the Afghan immigrants in Russia, this has not happened. Overwhelmingly largest share of the Afghans stay in the country as irregular, without a valid visa, residence or work permit. (see e.g. Ivanova 2004; Ivanova & Yastrebova 2009).

Of the 194 Afghan asylum seekers in Finland who were included in our research, 51 had arrived in Russia for a purpose other than immediate transit. In other words, they consist of the Afghan immigrants who decided to re-migrate from Russia. The average stay in Russia was 8-9 years but it ranged from half a year to over 30 years. As most other immigrants, they mainly stayed in Moscow or Moscow region where the Afghan networks existed and where they had better opportunities for employment. A couple of the Afghans had also resided in Belarus or Kazakhstan prior relocating to Russia and emigrating further to Finland. In contrast to the public image of asylum seekers as young men, and young men only, the case of Afghans was very different. Majority (150) of all the 194 Afghans, and 39 of the 51 Afghans with longer stay in Russia, entered Finland with families. This reflects well the overall structure of Afghans in Russia where up to half of the Afghans were children. (Ivanova 2004). Out of the 51 Afghans, only 17 actually applied for asylum in Russia. Others did not bother, as they did not believe the status was possible.

Most of our 51 Afghans in Russia worked in trade, selling things in bazaars, shops, and on streets, or did deliveries of goods and other varying work. Some of them had their own businesses. The stricter control and the economic downturn made the position of both business owners and labourers in Russia more difficult and functioned as the main push factors for emigration apart from the irregular status. Women usually stayed at home.

The hubs of the Arctic route: Moscow and Murmansk. Three quarters of the analysed 194 Afghans cases used Russia as a country of short-term transit. This does not, however, mean that all of them travelled through Moscow to Murmansk and to one of the border crossing points within few days. On the contrary, many of them stayed Russia several weeks or even months in order to 'prepare' or to 'wait' for the trip to continue. Moscow became a kind of hub through which almost everybody flew to the Northern hub of Murmansk. Some, but only a few, travelled through other cities such as Saint Petersburg, or by car all the way through Russia.

Most of the Afghans on the 'Arctic route' were facilitated by 'smugglers' or 'assistants' who assisted immigrants by organizing them travel and accommodation during the trip to the Finnish border. Apart from international or local smugglers, some were assisted by local Afghans. Whereas some got 'such a good service' during their long car journey that they were not stopped even once by authorities during their trip from Afghanistan to the Arctic, others arranged their journeys by themselves through websites and travel agencies. The latter was possible especially for those who were comfortable in Russia and knew the Russian language. As expected, several Afghan families were also cheated or mistreated by their smugglers, which meant their travel

plans changed or new smugglers that stepped in. After Murmansk, most of the asylum seekers used also the small settlements of Kandalaksha and Nikel close to the two Russian-Finnish borders crossing points as bases where they waited their turns for border crossing, and the waiting period varied from one day up to ten days. After banning the border crossings by bicycle in 23.12.2015, many had to spend from five to even eleven days in the car by the border (in many cases without food). As the harsh winter weather of the North is very cold, one Indian citizen froze to death in his car while waiting for his turn for border crossing.

Deportation orders and re-entry bans. Deportation orders and re-entry bans had a multiple functions in the Arctic migration. The Russian state has tightened its immigration control and, thus, increased the number of deportations. In other words, a great share of Afghans without valid visa had received a deportation order after being caught by the police. On the other hand, deportation orders – also named as ‘exit visas’ or ‘exit permits’ by migrants – were used as tools for definite departure. That was required by the Russian border guards and, interestingly, used by asylum seekers as guarantees for not being returned or expelled back to Russia.

For many, the stay in Russia lasted longer than initially planned and their short-term tourist visas outdated. Fellow migrants, smugglers and facilitators advised them to register with the police and get the order either in Moscow or in Murmansk. In some cases, the smugglers included these documents in their service, and in the price. Others got the deportation order and re-entry ban when they had tried to renew their legal documents for staying. The receivers of such decisions had to leave Russia during a certain number of days.

Escaping Afghanistan to Living in Limbo in Russia

The push and pull factors of Afghans coming to Russia ranged from insecurities caused by the weak political regimes, conflicts, and poverty in Afghanistan to search for employment and decent living in Russia. One of the main motives was, yet, to escape the very conservative Islamic social and political control that did not become a matter of political or security concern at the state level only but also at the level very strong social control within families and communities. A great share of the Afghan asylum seekers in Finland had worked for the previous governments or foreign employers, had visited and lived abroad, did not want to be recruited to Taleban or other extremist organisations, wanted an education or to avoid organized marriage. Fused with the fear of violence, these became very concrete issues of safety and everyday life. The following Afghan man who lived in Russia since 1993 escaped Afghanistan after the Soviet-backed government collapsed and Islamist fundamentalists seized power:

“I participated in the Najibullah’s army, and that is why the radical Muslims threatened to kill me. I fled to Russia.” (53-year-old Afghan man)

For him, Russia offered a more flexible and modern context, opportunities for work and another way of life. Overall, the estimated 100,000-150,000 Afghans in the country offer a firm community and basis for social networks helping fellow compatriots. However, the experiences of the Afghans repeated uncertainties, especially related to their irregular legal status. The above quoted Afghan man continued his story:

“If it had been safe in Afghanistan, I would not have stayed in Russia any longer... It was not worth living there. However, as I did not have any other choice, I had to. In Afghanistan I had a farm, house.. everything that I needed. I could have easily lived there... When the residence permit runs out in Russia, and it is not possible to renew it anymore, I do not have any rights here as an immigrant. Me, or my children, do not have a right to study and live there like other people who have rights. This means that if I do not have Russian passport, my children - even though they were born there - will not have any rights that Russians have.” (53-year-old Afghan man)

Related to conservative practices in Afghan society, most of our Afghan immigrants feared that they would not be accepted to the Afghan society in the case of return. Extremist groups and political leaders and, surprisingly, relatives would apparently consider them as unreliable foreign enemies and betrayers. According to the cases analysed, Islamic customs and traditions were used for justifying all kinds of pervasive and violent social control, threats, jealousy and economic greediness within families, neighbourhoods and work places. Many Afghans with long residence in Russia have also lost their connection to the culture and society 'back home' in Afghanistan. The following school-aged Afghan girl was born and went to school in Russia expressed a gendered fear of the current Afghan society:

"I grew up in a free country and I do not want to end up in the place where I should be subordinate to men. I want to live safely in a free country. I do not know anything about Islam, I do not pray and I do not wear a scarf, and there, if they notice this, they will kill me." (13-year old Afghan girl)

Her father expressed the same worry on behalf of the family:

"I cannot return to Afghanistan because I have three daughters. They would be in danger. They have been growing up in Russian culture and traditions." (53-year-old Afghan man)

Fear of social pressure, standards of clothing, religious expertise is very gendered and related to the fear of religious extremism. Within the context of precarious life in Russia, these migrants and their families actually ended up in a limbo-like situation between past, present and anticipated future – between Afghanistan and Russia. An Afghan passport or even decades' life experience in Russia does not necessarily mean that they can return back to Afghanistan, or manage to legalize their status in Russia.

The above dilemma has become a kind of trap especially for second-generation immigrants. Young asylum seekers and families brought very concrete impacts of the situation through insecure access to schooling and education in Russia: Whereas small children of many irregular immigrants are denied access to basic schooling in Russia, the quality of education is considered excellent in Finland. This applies also to upper secondary vocational and university education. In many cases, the schools just decide to block the entry of an immigrant's child to the exams or to a free study place. Due to their position, money was something that these families had neither for paid education nor for passing examinations. Nevertheless, this presented as unfair and was repeatedly stated as a reason for future life in Finland.

Asylum Policies and Racism

The greatest challenges that the Afghans in Russia arguably faced are related to migration and asylum governance. Out of the very few (17) Afghans in our material who applied for asylum in Russia, nobody received permanent refugee status.

The length of the temporary status is one year, after which it needs to be renewed. This often turns out a critical point for the long-term solution for the Afghans. Agnieszka Kubal (2016) illustrates well in her study of Syrian refugees in Russia how the decision making authority, the Federal Migration Service, suddenly hardened its policy in the spring 2015. It did not renew temporary asylums anymore and new applications were denied. In February 2016, the authority again started to accept more appeals and overturning some of its earlier decisions.

Even if visas and work permits had been valid in the beginning of the stay in Russia, the usual story was to end up in the country expired documents. The unpredictability of the becoming status (that may end up in a status, or deportation and re-entry ban), the costs of the paperwork and unhelpful attitude of authorities were among the experienced challenges. Especially the lack

of employment opportunities made the document renewal too expensive, at least for a whole family. A 30-year old Afghan man's protocol is illustrative of the random attitudes among the authorities:

"The applicant turned to Russian authorities in order to get help because he taught his life was in danger... The applicant tried to report an offence... The authorities however responded that Russia is a Russian country and he cannot report any offence of them. The applicant and his children were deported, even if the children were born in Russia. They were given 10 days to leave Russia, and the applicant decided to come to Finland." (30-year old man, in Russia since 2010)

This example of a life without documents and the arbitrary behaviour of authorities illustrates well the precarious positions of the Afghan immigrants in Russia in many ways. The repeated vulnerability became visible in the interview protocols especially the way that the asylum seekers described how police conducted their document check-ups on the streets or metro stations. Almost all Afghans referred to more or less serious incidents of corruption with the Police. Stories of corrupt policemen and robbed cash or valuables were very common. If the immigrants did not pay, for some reason, they were taken to a custody, or driven to a distant place from where they were made to return on their own. The immigrants were to be afraid of such behaviour basically every time they left the apartment:

"Once also the police mugged me there at the police station. The police asked me to give them money. I refused. There were three police officers there, and they all mugged me. Three ribs were broken. This happened in 2008." (53-year old man, in Russia since 1993)

Many also had experiences of overt racism on the streets, in metro, schools and other public places. It is a well-known fact that racism is very common in Russia, and no one is immune to repeated attacks ranging from hate speech to verbal bullying, and from spitting and physical violence to comments such as "go home" and to "go away". The below school-aged Afghan girl, who had lived her whole life in Russia, describes the bullying, spitting and hitting at school as follows:

"They do not count us among humans in Russia. We were despised and called names, why we black-headed have come to their country. We were treated very badly." (13-year old Afghan girl)

Conclusions

The short period of Arctic migration route on the Finnish-Russian Northern borders in 2015-2016 was an alternative to the most populated Mediterranean and Balkan routes to Schengen. However, the route had its regional peculiarities that related to Russian migration processes. In this article, we paid attention especially to the Afghan asylum seekers in Finland who used Russia as a country of transit in the route, or who decided to relocate after living up to several decades in Russia. There is a long history of Afghanistan-Soviet Union relations, and Afghan citizens have been a notable group among so-called third country citizens immigrating to Russia, and among asylum seekers there.

Afghans' everyday struggles and the lack of perspectives in both Afghanistan and Russia are obvious. In Afghanistan, problems relate to armed conflicts and, significantly, also to the severe everyday impacts of the very conservative Islamic social environment (controlled by ISIS or Taliban networks), and lack of long-term socio-economic perspectives in the country. In Russia, many Afghans have ended up in very precarious situations and are, basically, trapped in their status as irregular immigrants, fear of and tiredness to everyday and administrative racism and the lack of future perspectives. Using opportunities to transit through Russia and relocate along

the Arctic route relate very much to these conditions, in which returning to Afghanistan is not seen possible. Also the daily life in Russia has become more stringent.

Afghans at the Arctic route illustrates well the ways that contemporary mixed migratory processes challenge the rigid states and migration regimes that categorise distinct groups of migrants when they, in reality, overlap and change during the migration processes. Displaced and deported people pursue secondary migration in order to find other directions to their lives. Neither staying as irregular after expiration of visa or work permit nor return back to the country of origin is always a possible option.

References and Sources

1. Betts, A. *Survival Migration. Failed Governance and the Crisis of Displacement*: Cornell University Press, 2013. 256 pp.
2. Буртина Е.Ю., Коростелева Е.Ю., Симонов В.И. Россия как страна убежища. Доклад об исполнении Российской Федерацией Конвенции о статусе беженцев 1951 года. Москва, 2015. [Electronic resource]. Access mode: https://memohrc.org/sites/default/files/rossiya_kak_strana_ubezhishcha_source.pdf
3. Castles S., Miller M. *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World*. Fourth Edition: Palgrave Macmillan, 2009.
4. Finnish Border Guard 2015-2016. *Rajavartiolaitoksen tiedotteet - News from the Border Guard*. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.raja.fi/tietoa/tiedotteet>
5. Finnish Border Guard 2015. *Sallan ja Raja-Joosepin rajanylityspaikoilla sallitaan vain autojen rajanylitykset. Tiedote 28.12.2015*. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.raja.fi/tietoa/tiedotteet>
6. Finnish Migration Service 2015. *Statistics on asylum and refugees*. [Electronic resource]. Access mode: http://www.migri.fi/about_us/statistics/statistics_on_asylum_and_refugees
7. Finnish Migration Service 2016. *Statistics on asylum and refugees*. [Electronic resource]. Access mode: http://www.migri.fi/about_us/statistics/statistics_on_asylum_and_refugees
8. Government Resolution No 274 'On Granting Temporary Asylum in the Territory of Russian Federation', 2001. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.refworld.org/type,DE-CREEES,,RUS,3ed7378b4,0.html>
9. Иванова, Т. & Yastrebova, А. Беженцы из Афганистана: Социальные и Правовые проблемы пребывания на территории Российской Федерации. 2009. [Electronic resource]. Access mode: http://www.mos-ur.ru/articles.php?article_id=209
10. Иванова, Т. Есть ли будущее в России у афганских беженцев? // Отечественные записки. 2004. № 5. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/est-li-budushchee-v-rossii-u-afganskih-bezhencev>
11. Kubal, Agnieszka. *Refugees or Migrant Workers? A case study of undocumented Syrians in Russia*. // *Immigration, Asylum and Nationality Law*. 2016. №3. P. 265-282.
12. *Law on Refugees N. 4528-I, 1993*. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.refworld.org/docid/527246344.html>
13. UNHCR (2017). *УВКБ ООН в РФ*. [Electronic resource]. Access mode: <http://unhcr.ru/uvkb-oon-v-rf.html>
14. Moe A., Rowe, L. *Asylstrømmen fra Russland til Norge I 2015: Bevisst russisk politik? Nordisk Østforum*. 2016. № 2. P. 80-97.
15. Rosstat (2017a). *Международная миграция*. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gks.ru/>
16. Rosstat (2017b). *Численность вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище*. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gks.ru/>
17. UNHCR (2017). *УВКБ ООН в РФ*. [Electronic resource]. Access mode: <http://unhcr.ru/uvkb-oon-v-rf.html>
18. Zetter, Roger. *Labelling Refugees: Forming and Transforming a Bureaucratic Identity*. // *Journal of Refugee Studies*. 1991. № 1. P. 39-62.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна,
кандидат философских наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики
МГИМО (Университет) МИД России, старший научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований Российской Академии наук (ИСПИ РАН),
Москва, Россия. E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЦЕССОВ РАДИКАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

В статье поднимается актуальная для сегодняшнего времени проблема экстремизма в России, в частности, на Северном Кавказе. Исследуются причины, социально-демографическая структура и деятельность террористических групп на Северном Кавказе. Даются рекомендации по предотвращению вербовки молодых людей в сети террористов. Автор дает свое видение по улучшению анти-террористической ситуации на Кавказе.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, «спящие» ячейки, антитеррористическая операция.

Gyulnara I. Gadzhimuradova, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Associate Professor, MGIMO (University) of the MFA of Russia,
Leading Researcher, Center for Social Demography, Institute for Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

SOCIO-DEMOGRAPHIC AND POLITICAL SITUATION IN THE REGIONS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE ACTUALIZATION OF THE EXTREMIST PROCESSES OF RADICAL-RELIGIOUS DIRECTIONS

The article raises the actual for today's problem of extremism in Russia, in particular, in the North Caucasus. The reasons, social and demographic structure and activity of terrorist groups in the North Caucasus are investigated. Recommendations are given to prevent the recruitment of young people in the terrorist network. The author gives his vision on improving the antiterrorist situation in the Caucasus.

Keywords: terrorism, extremism, "sleeping" cells, anti-terrorist operation.

За последние десятилетия радикально-религиозный экстремизм превратился в серьезную угрозу национальной и международной безопасности. Осязаемые формы проблемы экстремизма и терроризма приобрели в странах Ближнего Востока, которые усилились после «цветных» революций в ряде стран мусульманского культурно-исторического ареала. Появление территорий, подконтрольных террористическим организациям и обретение этими структурами неких государственных черт (например, ИГИЛ)¹, не только привели к изменению политической карты региона, но и оказали значительное воздействие на социально-политическую ситуацию в различных странах, включая страны Центральной Азии с преимущественно мусульманским населением и Россию, где проживает 21 млн. мусульман, что составляет 14% населения страны.

Мусульманская община в нашей стране стремительно растет: рекорды воспроизводства населения в России ставят в нескольких северокавказских республиках, являющихся сегодня трудоизбыточными, в республиках Поволжья Башкыртостане и Татарстане, где большинство жителей моложе 30 лет. К тому же, после распада Советского Союза Россия оказалась в окружении новых независимых государств Центральной Азии, где преобладает исламское население. В России в регионах с преимущественным мусульманским населением, к примеру, в Дагестане, существуют приверженцы «традиционного», или «официального» ислама и противопоставленного ему так называемого чистого ислама. «Чистый» ислам называют еще радикальным и представлен он различными группами верующих: салафитами, ваххабитами, исламистами. И для решения своих задач он преследует следующие цели: распространение своего влияния на мусульман и захват политической власти.

На сегодняшний день в республиках Северного Кавказа идет по сути идеологическая война между традиционалистским исламом и официальными властями, с одной стороны, и радикалами-фундаменталистами — с другой.

«Политизированный ислам стремится занять свою особую нишу в республике, которая позволит влиять на государственных и муниципальных служащих, работников правоохранительных органов, вершителей правосудия, деятелей науки, культуры, образования и пр. Это и есть наиболее эффективный и безболезненный с религиозной точки зрения путь проникновения ислама во все сферы общественной и личной жизни. Он же является и реально наблюдаемым в последнее десятилетие механизмом клерикализации дагестанского общества, который уже в отдельных сельских горных населенных пунктах республики де-факто утвердил исламское правление, по сути, подменив органы местной власти в исполнении своих административных функций». [7]

Нельзя не согласиться с Гусейновым О.М., что «что в исламе, как и в любой другой религии, в зародышевой форме содержатся и элементы антигуманизма, нетерпимости к иным верам, ростки экстремизма, которые могут получить свое развитие, если в реальной жизни создаются для этого “благоприятные” условия». [4]

К сожалению, экстремизм и терроризм в настоящее время стали крупной социальной и политической проблемой, негативно влияющей на многие важные аспекты развития российского государства. Для понимания природы экстремизма и терроризма необходим системный подход. Под системным подходом подразумевается, что экстремизм и терроризм должны рассматриваться не как отдельно взятые социальные явления, а «как определенные социальные явления, представляющие собой сложнейшую систему из множества взаимодействующих между собой элементов и совокупности отношений и связей между этими элементами. Такой подход — самый эффективный из всех возможных, так как он позволяет не упустить ни один важный фактор и/или взаимодействие факторов в

¹ Террористическая организация, запрещенная в России. Претендует на роль государственного образования.

структуре экстремизма и терроризма как явлений и, в конечном итоге, создать адекватную (а значит, и практичную) модель соответствующих причин и условий». [9]

По мнению Александра Игнатенко «сегодня на территории СНГ образовалась единая дуга нестабильности, простирающаяся от Центральной Азии до Северного Кавказа». [5]

Какковы сущность и социальный контекст возникновения религиозного экстремизма? В частности, не получил своего полного подтверждения тезис о бедности как об одном из основных факторов терроризма, хотя этот факт, на наш взгляд, также нельзя списывать со счетов. Это мнение, к примеру, не нашло своего подтверждения в исследованиях зарубежных ученых, показавших отсутствие непосредственной связи показателей терроризма с низким уровнем доходов в странах с демократическим устройством [6] или уровнем образования. [1]

Именно радикальный ислам, часто используя недовольство населения политикой местных властей и социальной несправедливостью, провоцирует нетерпимость к иным конфессиям и этносам, внося деструктивные идеи и дестабилизируя общественно-политическую обстановку в стране.

Увеличение числа сторонников «чистого ислама» на Северном Кавказе имеет свои причины: радикальные религиозно-политические движения позиционировали себя изначально как движения протестные. Салафизм за двадцать лет после распада Советского Союза стал своеобразной формой социального протеста большей части северокавказских мусульман против тяжелой социально-экономической ситуации, связанной с отсутствием работы, перспектив для молодого поколения, неприкрытой коррупцией, распространением наркомании и преступности, местничества (куначества) и т.п. По мнению К.М. Ханбабаева, активному распространению на Северном Кавказе радикального ислама способствовали такие факторы, как «социально-экономический кризис, приведший к ухудшению жизни; идеологический, духовно-нравственный кризис; обострение межнациональных отношений; криминализация всех сторон жизни, безнаказанность, коррупция и бездействие властей; геополитические трансформации в регионе; низкий авторитет духовенства и руководства республик». [10]

Сегодня в северокавказских республиках не совершаются крупномасштабные резонансные террористические акты; здесь орудуют малочисленные мобильные во многом самостоятельные группы (так называемые джамааты «Дженнет», «Шариат», «Халифат» или «Ярмук»), которые научились быстро менять места дислокации, маневрировать, в случае необходимости объединяться или распадаться на несколько небольших групп, одновременно выполняя разные задания. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь, действия которых в случае необходимости согласовываются и координируются.

В течение нескольких лет произошло изменение социально-демографического состава участников экстремистских бандформирований. Если вначале они формировались за счет маргиналов и некоторых представителей криминального мира, то сегодня активными участниками террористического подполья становятся студенты, рабочая молодежь, интеллигенция. В своих проповедях экстремисты активно эксплуатируют исламские призывы и лозунги, обращаются к кораническим сурам и аятам, высказываниям пророка, которые преподносятся часто в искаженном виде.

Деятельность большинства вооруженных формирований экстремистов приобрела в последнее время все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип. По мнению Артура Кембровски «в эпоху индустриального общества мощь зависела от масс. Теперь она имеет тенденцию зависеть от информации, доступа к ней и скорости этого процесса.

Нам пришлось назвать эту новую теорию войны сетевым военным искусством». [3]

Террористические организации сумели за короткий срок приспособиться к новейшим технологиям и создать уникальные по своей результативности транснациональные сетевые группы, хорошо обученных и подготовленных агитаторов и вербовщиков, общее количество которых в ДАИШ (запрещена в России) по всему миру составляет около 90 тыс. человек. Агитация одновременно ведется на 24 языках, причем русский язык занимает третье место после арабского и английского. Вербовка ведется через социальные сети; особой популярностью пользуется Telegram, насчитывающий около 100 млн пользователей. Из всех существующих мессенджеров именно он особенно популярен в арабских странах, в Германии и в России, где, собственно, и был изобретен². Джихадисты все чаще используют Telegram в пропагандистских целях. Одно из его преимуществ, по мнению специалистов по информационной безопасности, — надежность шифрования данных. [2]

Если на начальных этапах формирования террористических групп на Северном Кавказе в них принимали участие только мужчины, то вскоре активными участниками бандитского подполья стали и женщины. По данным информационного портала «Кавказский узел» только за 12 лет (2000-2012 гг.) 46 смертниц совершили 26 терактов в разных городах России!³

10 октября директор ФСБ и глава НАК Александр Бортников заявил, что в этом году на Северном Кавказе удалось выявить и пресечь деятельность двадцати «спящих» ячеек и более 120 их членов. [8]

Ярким примером эффективной работы российских спецслужб явилось задержание 14-15 октября 2017 года в Москве и Махачкале членов «спящей» ячейки ИГ (запрещена в России), которые планировали нападение на московское метро и совершение ряда дерзких резонансных террористических актов. Ими оказались уроженцы Северного Кавказа в возрасте 20-25 лет. Законспирированная ячейка действовала под прикрытием на территории Дагестана. Боевики не стали отрицать связи с террористами в Сирии и на допросе в подробностях рассказали о технологии изготовления взрывчатки, а также раскрыли имена тех, кто снабжал их необходимыми материалами⁴.

Какими должны быть меры по борьбе с террористами и с экстремизмом как опасным социально-политическим явлением? Нельзя не согласиться с Яхьяевым М.Я., который пишет о том, что в борьбе с экстремистами «необходимы:

- а) широкомасштабная пропаганда против экстремизма;
- б) провокационная работа с целью организации конфликтов в рядах экстремистов вплоть до вооруженных столкновений внутри групп и между группами;
- в) переход силовых структур к активным продолжительным атакам на экстремистов одновременно во всех регионах страны;
- г) перекрытие возможных источников финансирования, как внешних, так и внутренних». [11]

Думается, что основной упор в стратегии противодействия экстремизму необходимо делать на решении проблем, связанных с урегулированием имеющихся и недопущению возникновения новых конфликтов, а также на улучшении социально-экономической си-

---

²Telegram — бесплатный кроссплатформенный мессенджер для смартфонов и других устройств, позволяющий обмениваться текстовыми сообщениями и медиафайлами различных форматов, созданный и финансируемый российским программистом и предпринимателем Павлом Дуровым.

³Хроника терактов. — Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/179683/>

⁴Видео допроса пособников ДАИШ в Москве и Махачкале. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/15/reg-cfo/video-v-moskve-i-mahachkale-zaderzhany-posobniki-daish.html>

туации во всем регионе. Речь идет прежде всего об искоренении коррупции, создании рабочих мест, возможности доступа молодежи к социальным лифтам, решении кадровых вопросов в многонациональных республиках на паритетных началах, многоплановой работе с молодежью с учетом религиозного фактора и т.д. Именно улучшение социально-экономической ситуации в республиках Северного Кавказа будет играть **главную** роль в противодействии экстремизму, так как она не только сведет к нулю социальную базу экстремистов, но и будет способствовать решению большинства имеющихся противоречий, накопленных за долгие годы, многие из которых появились вследствие разности экономических интересов людей и огромного социального расслоения общества.

Литература и Интернет источники

1. Blomberg B., Hess G. The Lexus and the olive branch: Globalization, democratization and terrorism // Terrorism, economic development, and political openness. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 116–147.
2. Гаджимурадова Г.И., Доброхлеб В.Г., Безвербный В.А., Храмова М.Н. Религиозно-политический экстремизм в Центральной Азии и на Кавказе: социально-демографические факторы возникновения и возможности противодействия// Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. — 2017. — Т. 20 — № 3. — С. 86-95.
3. Георгий Гавриш «Комбинация потрясений»: сетцентричное военное искусство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://csef.ru/ru/direction/print/1082>
4. Гусейнов О.М. Религиозно-политический экстремизм как проявление деформации культурно-нравственной жизни общества // Исламоведение. — 2013. — № 3. — С. 22-27
5. Игнатенко Александр. На Северном Кавказе и в Центральной Азии действуют отряды «Аль-Каиды», реализующие единую цель — создание мирового халифата // Россия. 09.07.200
6. Krueger A., Maleckova J. Education, poverty, and terrorism: Is there a causal connection // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. № 4. P. 119–144.
7. Рабаданов Р.М. Религиозная ситуация в Республике Дагестан и перспективы государственно-конфессиональных отношений // Исламоведение. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 45–53
8. Филипенко Артем В Москве задержали готовившую резонансные теракты «спящую» ячейку ИГ. — Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/14/10/2017/59e259199a7947abed931378>
9. Ханбабаев К.М. Актуальность изучения проблем религиозно-политического экстремизма / Исламоведение — 2011, — № 2, — С. 54-62.
10. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: общее и особенное // Исламоведение. — 2010. — № 3. — С. 79-89.
11. Яхъяев М.Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе. — Режим доступа: http://xn--h1ajgms.xn--p1ai/articles/?ELEMENT_ID=111

Maria Teresa T. B. Lemos, Dr. (History), *
Professor, University of State of Rio-de-Janeiro,
Rio-de-Janeiro, Brazil;

Alexis T. Dantas, Dr. (Econ.), *
Professor, University of the State of Rio-de-Janeiro, Rio-de-Janeiro, Brazi.
* E-mail: alexis.dantas@gmail.com

IMMIGRANTS AND REFUGEES FROM SYRIA IN BRAZIL

Due to the War in Syrian, new migratory waves arrived in Brazil, including a considerable group of Muslims. They were still immigrants. With the resurgence of the Syrian Civil War and the attacks of the Islamic State, the Syrians were forced to leave the country. Many went to prison camps. Hungry and without a place to stay, entire families have left for other European countries such as Germany, Austria, Greece, Italy and other countries. True exodus. Many came to Brazil and were received by family members living in Brazilian cities. This new group, different from the first immigrants, mostly educated, formed by professionals, students, merchants, doctors and other professionals. The number of refugees has increased since 2015. The majority have gone to the Southeast and Midwest regions. This new group of migrants was received as a refugee. In Brazil they received humanitarian aid and support from Caritas. This new stage, marked by refugees from wars, has helped accelerate changes in immigration laws.

Keywords: *Immigration, Refugees, Migration policy, Population displacements, Migration processes.*

Лемос Мария Тереза Торибю Бриттес, *
доктор наук, профессор, Университет штата Рио-де-Жанейро,
Рио-де-Жанейро, Бразилия;

Дантас Алексис Торибю, *
доктор наук, профессор, Университет штата Рио-де-Жанейро,
Рио-де-Жанейро, Бразилия
* E-mail: alexis.dantas@gmail.com

ИММИГРАНТЫ И БЕЖЕНЦЫ ИЗ СИРИИ В БРАЗИЛИИ

В результате сирийского конфликта в Бразилию прибыло достаточно большое количество иммигрантов, в том числе, значительная группа мусульман. Деятельность ИГИЛ привела к тому, что многие сирийцы были вынуждены покинуть страну, кто-то оказался в лагерях беженцев. Целые семьи уехали в европейские страны, такие как Германия, Австрия, Греция, Италия и другие. Многие приехали в Бразилию и были приняты членами семей, проживающими в бразильских городах. Эта новая группа мигрантов отличается от первых волн иммиграции, в основном представленных студентами, торговцами, врачами и другими специалистами, имеющими профессиональное образование. Число беженцев возросло с 2015 года. Большинство из них отправились в Юго-Восточный и Западный регионы страны. В Бразилии они получили статус беженца, гуманитарную помощь и поддержку от католической благотворительной организации Каритас. Увеличение числа беженцев способствовало внесению изменений в иммиграционное законодательство Бразилии.

Ключевые слова: *иммиграция, беженцы, миграционная политика, перемещение населения, миграционные процессы.*

Initial Remarks

The presence of Syrians and Turks in Brazil dates back to the colonial period. Trade relations between Portugal and Syria facilitated contacts with the Brazilian colony. From the late nineteenth century (1860 to 1890) at the beginning of the twentieth century the immigration of Syrians and Lebanese intensified in the country.

Encouraging immigration, through advertisements and offices in Europe in the mid-nineteenth century, attracted Arab immigrants to the country. As of 1860, Syrian and Lebanese immigrants arrived in South America. They landed in the ports of Montevideo, Buenos Aires, Rio de Janeiro and Santos. This migratory movement was accentuated in the 1870s, 1880s and 1890s. Most of these immigrants settled in the border of Rio Grande do Sul (especially in the region of Santana do Livramento, Bagé and Chuí, and therefore, the city of Foz do Iguaçu in Paraná) has the largest Islamic community in Brazil.

In Brazil, the fascination of Emperor Pedro II for Beirut after his visit in 1880 helped to attract a large number of Syrian immigrants to the country. This migratory wave extended until the twentieth century.

Turkish violence, both political and religious, against the Arab-Christians, accelerated the departure of new waves of migration to North America and America, especially Brazil. At the beginning of the twentieth century there were in Brazil about 5.400 Arabs, increasing their number to around 50.000 in 1920.

Characteristics of Syrian — Lebanese migration

In Brazil the Syrians and Lebanese dedicated themselves to the commerce, initially like peddlers. They used to sell using animals transportation, from textiles to shoes, boots and hundreds of other products, and represented one of the most reliable sources of information among the population of Goiás and Mato Grosso, where thousands of families lived in small villages and in the "Turcos" where they could know about the news of the capital and the country, later becoming major retailers and industrialists, scattered throughout the country, are concentrated mostly in the Southeast region, where they were linked to the economic development of all In all the Brazilian states they formed a strong community of merchants.

Rio de Janeiro — 19th / 20th Centuries

At the end of the 19th century, these immigrants settled in the center of the city of Rio de Janeiro, where friends and relatives lived, working as carpenters, merchants, store owners and peddlers, dominating street vending.

Among these immigrants, young and single men from small rural, semi-literate communities stood out. They were Maronite, Melchite, Jacobite, Eastern Orthodox and Protestant Catholics. Although familiar with the rural activities they stood out as peddlers. They sold the most varied products in both cities and rural areas, especially trinkets. Many of these immigrants had an intense network of relations with the native land, which opened the doors for friends and relatives to come to Brazil.

These immigrants came with their own resources. What sets them apart from other European migratory waves? In Brazil they dedicated themselves especially to commerce and opened, especially, in the urban areas several stores for the commerce of fabrics and materials for sewing, the great majority.

From the 1990s to nowadays, agreements have tightened ties of friendship, facilitating the entry of war refugees from Syria.

The Refugees

From the condition of immigrants, the Syrians who arrived after the resurgence of the Syrian Civil War and the attacks of the Islamic State, became refugees. Obligated to leave the country and departed with some relatives to other European countries like Germany, Austria, Greece and Italy. This crossing, besides expensive, was dangerous. They were at the mercy of exploiters and other human traffickers, as well as the dangers of death during boat escape.

According to Barrucho and Da Costa, Brazil is the country that has received the most Syrian refugees. Despite the distance, language and transportation costs, many Syrian families sought out Brazilian cities, in response to appeals from relatives living in the country, in addition to the support of society and the policy of welcoming the Brazilian government. Many European countries have closed their borders to prevent the entry of this human contingent.

This new group, unlike the former is formed, especially, by professionals, students, traders, doctors among other professionals. The number of these refugees has increased since 2015, when several countries in Europe have closed their borders. Most of them went to the Southeast and Center-West regions. This new group of migrants was received as a refugee. In Brazil they received humanitarian aid and support from Caritas.

These new population displacements, marked by refugees from wars, have contributed to accelerating changes in immigration laws. The war in Syria has been going on for six consecutive years, involving the Syrian government and rebel groups, and has so far caused around 500,000 deaths.

As refugees, Syrians seek to settle in countries that offer humanitarian protection. This does not prevent them from facing the most terrible prejudices and actions of xenophobia. Refugees are protected by international law. The United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) is responsible for ensuring that they "have the right to asylum, receive assistance - food, shelter, health care - and are protected from violence. UNHCR is also responsible for making a lasting solution to the situation of these people" (UNHCR).

Many of these refugees were received by their relatives, and those who did not know anyone went to the State Immigrant Referral and Reception Center.

As a refugee it is essential to have the *humanitarian visa* that allows the immigrant/refugee to legally enter Brazil. When they do not go to their relatives' homes, they are referred to a temporary shelter offered by the Immigrant Referral and

Generally, these centers establish a partnership with the municipality where they are installed. São Paulo was the pioneer in 2014, but there are other cities in other states that today have CRAI, among them Florianópolis (SC) and Porto Alegre (RS). According to Caritas data, 7,500 refugees are currently registered in Rio, of which 4,500-5,000 live in the city.

"This is a serious problem, we have registered about 7,500 refugees in Rio, but we have no control over whether they are still in the city, if they have already gone to another municipality, there is still a gap between humanitarian assistance and statistics. that Brazil has a tradition of welcoming refugees. Here they feel protected, loved, respected and seek integration with the country. ", said the Caritas representative, adding that there are no statistics on the number of refugees in the state.

According to Bernardo Laferté, the chief of staff of the National Secretariat of Justice of the Ministry of Justice, the 2016 report shows that 9,952 refugees were welcomed in Brazil, among the more than 10,500 requests made in the country. And that there are about 30 thousand lawsuits in progress.

"The government's work is delayed, but with the help of UNHCR and entities such as Caritas, it is moving. The new immigration law has a strong relationship with refugees and allows for the protection and express naturalization of the stateless person will allow them to reduce bureaucracy in the process by allowing a humanitarian and work visa, for example, that will be faster" said Laferté.

Migration Law – 2017

A new Migration Law was sanctioned by President Michel Temer in May 2017 and represents advances in legislation. It replaces the Immigrant Statute¹. This law, according to Juliana Nakano, proposes principles for a migration policy that involves everyone, especially when discourses of hatred of foreigners and support for the closure of borders prevail. And the most important are the guarantees that are not limited to generalities, but with specifics such as: repudiation of xenophobia, racism or any form of discrimination; non-criminalization, which prevents, for example, a foreigner from being detained for migratory reasons, promoting regular entry and documentary regularization and humanitarian acceptance.

There are about 1,700 Syrians refugees in Brazilian territory, according to data released by Conare (National Committee for Refugees), linked to the Ministry of Justice. They form the largest contingent of refugees in the country, followed by citizens of Angola and Colombia. In 2016, Brazil granted refuge to 2,320 foreigners — a record number — and the Syrians were more than half of them.

Brazil is the country that most receives Syrian refugees who seek refuge in Latin America. It is also the country that immediately recognizes as a refugee anyone who is able to identify himself as a Syrian citizen and request that status.

Conare in 2016 issued a resolution that accelerated the process of recognizing Syrians who seek refuge in Brazil, allowing them to quickly obtain permission to enter the country, "[...] Brazil has adopted a receptive position towards the Syrians and also to the Lebanese affected by the crisis in the Middle East [...].

Syrian families living in Brazil and the actions of Caritas have helped the newly arrived refugees offering accommodation, Portuguese lessons and conditions to start an incipient local commerce, offering a typical food, sold in the streets of Brazilian cities

Final Remarks

This preliminary information highlights the differences and similarities between the immigrant and the refugee. It also emphasizes the character of Syrian independent immigration without government support, using its own resources and the commercial dynamics peculiar to the Syrian-Lebanese culture. It also emphasizes the integration of Brazilian society and the political life of the country. It also presents a new problem: the refugee. This new problem has rekindled the debates on humanitarian aid and the urgent need for new public policies. Thus, the text of the Immigration Law was extended and the refugee received different treatment from the former immigrants. Since 2015, the Law has been supporting the entry of refugee groups and allocating families with the support of Caritas (with possibilities for work, study and medical assistance).

References and Sources

1. Cartilha informativa sobre a proteção de pessoas refugiadas e solicitantes de refúgio LGBTI — ACNUR (2017)
2. Protegendo Refugiados No Brasil e no Mundo — ACNUR (2016)
3. Memórias do Trigésimo Aniversário da Declaração de Cartagena sobre refugiados — ACNUR (2015)
4. Anais do VI Seminário Nacional da Cátedra Sérgio Vieira de Mello — ACNUR (2015)

---

¹ [...] an inheritance of the dictatorship, which, among other things, made the migrant an enemy to be fought. "This relationship between crime and immigration is misleading. You can not understand that the immigrant by being irregular is a criminal. In fact, the issue of migration should not even be treated as a police case. In Brazil, it still is, since the Federal Police concentrates all the processes. A specific civilian authority should take care of this," states Pétala Brandão Timo.

Кузнецов Алексей Юрьевич,

кандидат физико-математических наук, генеральный директор,
Центр развития образования и международной деятельности «Интеробразование»;
Москва, Россия. E-mail: ayukuznetsov@ined.ru.

Вершинина Екатерина Владимировна,

кандидат технических наук, эксперт, Центр развития образования и международной
деятельности «Интеробразование»;
Москва, Россия. E-mail: kaver@yandex.ru.

Попова Екатерина Владимировна,

студентка, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова,
Москва, Россия. E-mail: poka98@inbox.ru.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ

Статья посвящена проблемам миграции в Германии на современном этапе. Дается краткая история данного явления в государстве. Анализируются миграционные потоки, методы решения и практические шаги на пути адаптации на внутреннем рынке труда иностранных граждан последней волны иммиграции. Рассматриваются вопросы признания иностранного образования и (или) квалификаций мигрантов.

Ключевые слова: Миграция, беженцы, лица, испрашивающие убежище, адаптация, рынок труда, признание иностранного образования, Германия.

Kuznetsov Aleksey Yurievich, Cand. Sc. (Physics and Mathematics),

Director General, the Center of International Educational Activities» («Interobrazovanie»),
Moscow, Russia. E-mail: ayukuznetsov@ined.ru.

Vershinina Ekaterina Vladimirovna, Cand. Sc. (Engineering),

expert, the Center of International Educational Activities («Interobrazovanie»),
Moscow, Russia. E-mail: kaver@yandex.ru.

Popova Ekaterina Vladimirovna, student,

First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov,
Moscow, Russia. E-mail:poka98@inbox.ru.

THE PROBLEMS OF MODERN MIGRATION IN GERMANY

The article is devoted to the problems of now-days migration in Germany. A brief history of this phenomenon is given. The migration flows, methods of solution and practical steps on the way of adapting newcomers to the domestic labor market are analyzed. Recognition of foreign education and (or) qualifications of migrants are considered.

Keywords. Migration, refugees, asylum-seekers, adaptation, labor market, recognition of foreign credentials, Germany.

Политические и военные события последних лет в отдельных регионах мира существенно изменили мировую и, в частности, европейскую геополитическую картину. Речь, в первую очередь, идет о современных миграционных потоках. По данным Агентства ООН по делам беженцев за последние два десятилетия количество людей, вынужденных покинуть свои места проживания вследствие преследования, конфликтов, насилия или нарушений прав человека, увеличилось с 33,9 миллионов в 1997 г. до рекордных с момента начала регистрации данного показателя Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев в 1951 году 65,6 млн. человек в 2016 г., из которых 22,5 миллиона являлись беженцами, 40,3 миллиона — лицами, перемещенными внутри своего государства, и 2,8 миллиона — лицами, ищущими убежище. Таким образом, вынужденным мигрантом был 1 из 113 жителей планеты. Более половины (55%) от общего количества беженцев составляли граждане трех государств — Сирии (5,5 млн.), Афганистана (2,5 млн.) и Южного Судана (1,4 млн. человек). Основными странами — реципиентами беженцев на протяжении последних лет являлись Турция (2,9 млн.), Пакистан (1,4 млн.), Ливан (1,0 млн.), Иран (979 400), Уганда (940 800), Эфиопия (791 600). [2]

Проблема вынужденных мигрантов не обошла стороной и Европейский континент. Как и в 2015 г., в 2016 г. Федеративная Республика Германия занимает лидирующее положение по количеству обращений о предоставлении убежища. В настоящее время около 15% проживающих в Германии родились за ее пределами, и цифра эта увеличивается до 20% при учете детей иностранных граждан. [6].

В связи с этим представляется интересным проанализировать сложившуюся в этой стране ситуацию, а также рассмотреть меры, принимаемые немецким правительством в части урегулирования миграционного вопроса на национальном уровне. Вопрос не является праздным. Российская Федерация в настоящее время занимает третье место в мире, уступая только США и Германии по количеству принимаемых иностранных граждан. По данным Trends in International Migrant Stock: The 2015 Revision и International migration report 2015: Highlights в 2015 году на Россию приходилось 4,78% от общего количества естественных и вынужденных иммигрантов или около 11,6 млн. человек. Несмотря на то, что миграционные потоки в Россию и Германию разнятся существенно, подходы и методы решения отдельных составляющих этого глобального явления могут быть схожими и полезными на практике. [3; 9].

До того, как Германия в XXI веке стала центром иммиграции в европейском регионе еще в 19 веке политические потрясения, голод и стремление к лучшей жизни вынуждали немецкое население эмигрировать за океан, преимущественно в Соединенные Штаты Америки. В период с 1815-1817 гг. до начала первой мировой войны 1914 года за океан отправились более 5 млн. немецких граждан. В кайзеровской Германии картина движения человеческих потоков меняется на противоположную — промышленная революция и связанная с ней нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве решаются за счет так называемой сезонной иностранной рабочей силы преимущественно из Польши. Восстановление Германии после Второй мировой войны и рост ее экономики сделали страну привлекательной теперь уже для граждан Южной Европы. В период с 1955 по 1970 гг. миллионы мигрантов, как правило, с невысокой квалификацией из Италии, Турции, Испании и Греции пребывают в страну в статусе т.н. «гостевой рабочей силы» [6]. Однако мировой нефтяной кризис 1973 года заставил немецкое правительство «свернуть» данную программу, полагая, что все «гостевые» мигранты вернуться к себе на родину. В основном так и произошло. Однако более 3 миллионов не выехавших «гостевых» иностранных граждан через организацию приглашений своих родственников из государств происхождения сформировали небольшой, но достаточно устойчивый приток мигрантов в Германию в 70-е гг. прошлого столетия.

Следующее десятилетие (1980-е гг.) ознаменовалось балканским кризисом и основную часть мигрантов в эту волну составляли граждане бывшей Югославии, Болгарии и Румынии. Ослабление со временем балканского кризиса, финансовые обременения, связанные с объединением Западных и Восточной немецких территорий, ужесточение национальной миграционной политики в конце 20 столетия привели к значительному уменьшению количества иностранных граждан, испрашивающих убежище в Германии — с 400 000 обращений в 1992 году до 30 000 в 2008. Одновременно Германия пыталась сдерживать возвращение проживавших за рубежом этнических немцев за счет оказания финансовой помощи немецким диаспорам в СССР, Польше, Румынии. Совокупные усилия по сдерживанию миграционного потока дали свои результаты — в 2008 году впервые за 20 лет количество мигрантов, выехавших из Германии, превысило количество въехавших иностранных граждан. [8].

Несмотря на отдельные количественные всплески и временные притоки вынужденных и естественных иностранных граждан до начала 21 века, Германия не воспринимала себя государством, открытым для мигрантов. Миграционные потоки, движущиеся в страну, никак не влияли на основную установку государства в этом вопросе — Германия оставалась государством для немцев.

Иностранные граждане были не более чем временной рабочей силой, призванной закрыть прорехи на рынке труда в отдельных областях. Этим объясняется и господствовавшая в этот период теория мультикультурализма, принятая на вооружение правительством страны. Теория базировалась на предположении, что сохранение своей национальной идентичности, культуры, родного языка будет являться залогом и гарантией возвращения трудовых мигрантов на родину — изучение немецкого языка для проживающих иностранцев не являлось обязательным, дети мигрантов не могли быть полноценными немецкими гражданами, и достаточно однородное с точки зрения этнического состава немецкое общество сохраняло определенный скептицизм по отношению к растущему мусульманскому сообществу. Германия пыталась сохранить свою идентичность не по месту рождения, продолжительность жизни проживания, достижений и трудозатрат граждан на благо страны, а по признаку этнической наследственности [1; 7].

Данный подход в этом вопросе претерпел существенные изменения в первой декаде XXI столетия, чему послужила, в первую очередь, либерализация закона о гражданстве, проведенная в несколько этапов, начиная с 2000 года. Новый закон, пришедший на замену закону, действовавшему с начала 20 века, упростил для мигрантов и их детей возможность получения гражданства, а также предоставил возможность как для коренных жителей, так и для мигрантов, с некоторыми оговорками для последних, иметь два гражданства. В 2014 году ограничения по второму гражданству были окончательно отменены. Другим мощным фактором стал принятый в 2001 году план по реформированию национальной миграционной политики. На смену лозунгу «Германия не для мигрантов» пришел лозунг «Германии нужны мигранты». План определял стратегию привлечения квалифицированной рабочей силы из-за рубежа и интеграцию в немецкое общество постоянных и временных мигрантов. Многие предложения, сформулированные в плане, позднее трансформировались в правовые нормы обновленного закона о мигрантах 2005 года, который коренным образом изменил миграционный ландшафт в стране — сократилось количество разновидностей категории «вид на жительство», упростился бюрократический аппарат, интеграция мигрантов в немецкое общество перестала быть проблемой самих мигрантов и их диаспор и перешла в ведение федерального правительства, посещение курсов немецкого языка стало обязательным, особенно для тех мигрантов, кто не был трудоустроен и др. Германия взяла на себя юридические обязанности государства для иммигрантов.

Дальнейшая адаптация иностранных граждан связана с имплементацией положений EU Blue Card (2009) в национальный закон 2012 года, регулирующий миграцию квалифицированной рабочей силы из государств, не входящих в Европейский Союз и вопросы признания иностранного образования и (или) квалификаций.

Что же послужило основанием для кардинального изменения в политике миграции в Германии в этот период? Ответы довольно предсказуемы. *Во-первых*, сокращение населения и необходимость привлечения квалифицированных иностранных рабочих для поддержания немецкой экономики на достигнутом уровне, а, *во-вторых*, дети бывших мигрантов, будучи уже гражданами Германии, стали занимать видные места в общественной жизни страны, в политике, экономике, средствах массовой информации. Германия потеряла свою этническую однородность.

Параллельно с либерализацией национальных правовых норм для мигрантов существенно уменьшилось количество ограничений в отношении лиц, испрашивающих убежище. Таковое объясняется принятием в 2004 и 2011 годах двух директив Европейского Союза, касающихся данной категории иностранных граждан.

Снятие в начале второго десятилетия XXI века ограничений для мигрантов совпало с эскалацией региональных конфликтов на отдельных территориях вблизи Европы, что незамедлительно привело к невероятному росту миграционных потоков и в Европу, и в Германию, в частности. Начиная с 2012 г., ежегодно в страну въезжали около 1 миллиона мигрантов, а в 2015 г. их количество достигло рекордных 1,5 млн. человек. Почти полмиллиона граждан в том же 2015 г. обратились к правительству Германии с заявлением о предоставлении убежища, что превысило количество аналогичных обращений в 2010 г. в 10 раз. Тройку государств — лидеров по иммиграции составляли Сирия, Ирак и Иран.

Несмотря на двойственное отношение к проблеме мигрантов в современной Германии (от радушной встречи и воздушных шаров — до полного неприятия и проявления экстремистских действий), чиновники и аналитики рассматривают сложившуюся миграционную ситуацию как источник и возможность для дальнейшего роста немецкой экономики. Барьеры на пути решения данной задачи не новы — это и слабое знание, а порой и отсутствие немецкого языка, и низкий уровень приобретенной на родине квалификации, и ограниченный в доступе для иностранных граждан немецкий рынок профессионально-технического образования, и настороженность бизнеса по отношению к мигрантам, и проблемы с признанием иностранных документов об образовании и (или) квалификации, и сохраняющийся непростой бюрократический лабиринт, и проблемы мигрантов личного и финансового характера, разница в культурном, мировоззренческом, идеологическом, религиозном восприятии европейской общности и др. Интересно отметить, что в социуме столкнулись две позиции — или общество должно подстраиваться под сложившуюся ситуацию, или индивидуум должен адаптироваться в новых для него условиях. Оба подхода нашли отражение в законе об интеграции 2016 года, квинтэссенция которого формулируется в лозунге «Ответственность и помощь», т.е. правовой акт определяет не только условия поддержки мигрантов, но и требует исполнения ряда обязанностей.

Напряженная на национальном уровне ситуация вокруг миграционного вопроса потребовала от федеральных органов разработки и внедрения большого количества программ и проектов, направленных на скорейшую адаптацию и выход иностранной рабочей силы на внутренний рынок труда [5]. Все мероприятия в этом направлении можно условно классифицировать по пяти категориям:

- изменения в законодательстве — новые нормативные правовые акты сократили время доступа мигрантов на рынок труда, еще больше оптимизировали условия получения вида на жительство, позволили мигранту самостоятельно при выполнении

определенных условий определять место проживания, оптимизировали бюрократический аппарат;

- организация специализированных языковых программ — включение в курсы обучения немецкому языку профессиональных стажировок и деловых семинаров с целью максимально быстрого применения на практике полученных языковых знаний, освоения профессиональных терминов и возможности осуществления профессиональной деятельности непосредственно после окончания курсов;
- создание экспресс -условий оценки профессиональных навыков — в отдельных случаях мигранты имеют возможность пройти подобного рода тесты уже в центрах по приему приема иностранных лиц либо в центрах трудоустройства при непосредственном участии потенциальных работодателей;
- облегчение процедуры признания иностранных документов об образовании и (или) квалификации — в случае отсутствия документального подтверждения полученного образования и профессиональных навыков мигранты на практике или при квалифицированном собеседовании могут доказать наличие таковых;
- внедрение доступных, содержательных информационных ресурсов и системы наставничества (волонтерства) — разработка сайтов и приложений для различных электронных устройств по вопросам трудоустройства, признания образования и(или) квалификаций и других вопросов, связанных с проживанием иностранных граждан в Германии, организация волонтерской помощи, как правило, из числа студентов университетов.

Из перечисленных выше направлений одному из авторов статьи наиболее близок вопрос признания иностранного образования и (или) квалификаций. Целесообразно остановиться подробнее на этой теме в контексте статьи.

Процедура признания иностранного образования и (или) квалификаций в Германии остается сложной и неоднозначной, несмотря на принятый в 2012 году Акт о признании, призванный облегчить и сделать более прозрачным процесс признания образования и (или) квалификации, полученного за рубежом. Новый нормативный акт сокращает продолжительность процедуры до трех месяцев, но не охватывает все профессии и специальности. Документ о признании иностранного образования и (или) квалификации является действующим на территории всего государства.

В целях оптимизации процедуры признания иностранного образования и (или) квалификации в Германии были осуществлены следующие мероприятия:

- создана структурная сеть агентств «Интеграция через квалификацию», направленная на облегчение процедуры признания и состоящая из 16 государственных агентств и более 70 центров консультирования. Сеть взаимодействует с бюро по трудоустройству и центрами занятости;
- внедрена информационная платформа «Признание в Германии». Сайт пошагово описывает процедуру признания иностранного образования и (или) квалификаций, а также содержит контактную информацию по всем агентствам с указанием профилей для каждого агентства профессий и специальностей;
- в систему были включены профильные торгово-промышленные палаты. Участие данных структур позволяет гармонизировать и согласовать процедуры и критерии оценки умений и навыков иностранных граждан для каждой профессиональной области, а также согласовать требования, предъявляемые к соискателю для допуска его на внутренний рынок труда.

Несмотря на предпринятые шаги в данной области, остается много нерешенных и несогласованных проблем.

Процедура признания иностранного образования и (или) квалификации регулируются как на федеральном, так и на земельном уровне. Но разные земли используют разные стандарты, подходы и методики в этом вопросе. В итоге технология признания варьируется и в зависимости от профессии/специальности, и в зависимости от того, в какой земле проводится признание. Но, как было сказано выше, решение о признании иностранного образования и (или) квалификации является действительным на всей территории Германии. Это привело к появлению так называемого признавательного туризма. И на практике часто наблюдается явление, когда иностранные граждане обращаются за признанием образования и (или) квалификации в агентство, расположенное в земле, отличной от земли трудоустройства. Это может означать только то, что стандарты и требования к процедуре признания иностранного образования и (или) квалификации в выбранном агентстве более лояльны и упрощены. Интересно отметить, что подобная информация зачастую аккумулируется и распространяется через определенные посреднические структуры.

Еще одной проблемой была и остается продолжительность процедуры признания (около трех месяцев), а также время, необходимое для сбора исходной информации, пакета требуемых документов и перевода последних. В итоге признание иностранного образования и (или) квалификации может быть частичным, что означает для соискателя необходимость проходить дополнительное обучение в течение достаточно продолжительного времени до выхода на внутренний рынок труда.

Как отмечают немецкие аналитики, прошло еще недостаточно времени для того, чтобы можно было сделать выводы о целесообразности и результативности предпринятых шагов в вопросе адаптации мигрантов в Германии на современном этапе. Но любые знания никогда не бывают лишними, и немецкий опыт в этом вопросе может быть полезным и применимым на территории Российской Федерации.

Литература и Интернет источники

1. Bloemraad I. The Debate Over Multiculturalism: Philosophy, Politics, and Policy. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.migrationpolicy.org/article/debate-over-multiculturalism-philosophy-politics-and-policy>.
2. Global trends. Forced displacements in 2016. Produced and Printed by UNHCR (19 June 2017). [Electronic resource]. Access mode: <http://www.unhcr.org/5943e8a34.pdf>.
3. International Migration Report 2015. Highlights. [Electronic resource]. Access mode: http://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/expert/27/Supporting-Documents/MigrationReport2015_Highlights.pdf.
4. De la Rica S., Glitz A., Ortega F. Immigration in Europe: Trends, Policies and Empirical Evidence // IZA DP. November 2013. No. 7778. [Electronic resource]. Access mode: <http://ftp.iza.org/dp7778.pdf>.
5. Rietig V. Moving Beyond Crisis: Germany's New Approaches to Integrating Refugees into the Labor Market. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.migrationpolicy.org/research/moving-beyond-crisis-germany-new-approaches-integrating-refugees-labor-market>.
6. Rietig V. and Müller A. The New Reality: Germany Adapts to Its Role as a Major Migrant Magnet. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.migrationpolicy.org/article/new-reality-germany-adapts-its-role-major-migrant-magnet>.
7. Regout S. The integration of immigrant communities in France, the United Kingdom and the Netherlands: National models in a European context. Migration Studies Unit London School of Economics and Political Science [Electronic resource]. Access mode: http://www.lse.ac.uk/government/research/resgroups/MSU/documents/workingPapers/WP_2011_09.pdf.
8. Salt J. Trends in Europe's international migration // Migration and health in the European Union. 2011. P.17-37. [Electronic resource]. Access mode: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0019/161560/e96458.pdf.
9. Trends in international migration, 2015. United Nations Department of Economic and Social Affairs population Division December 2015 № 2015/4. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/population-facts/docs/MigrationPopFacts20154.pdf>.

РАЗДЕЛ 4. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ И НОВЫЕ ВЕКТОРЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дмитриева Юлия Викторовна,
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории проблем воспроизводства населения,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Москва, Россия. E-mail: julia9770@mail.ru;
Кожевникова Наталия Ивановна,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: dema1@mail.ru

ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА (исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 15-02-00342)

В исследовании обоснована необходимость использования процессного подхода, в качестве эффективного механизма реализации принципа миграционной политики ЕАЭС как основного инструмента унификации основных правовых документов, регулирующих миграционные передвижения внутри Союза. Даны практические рекомендации для повышения эффективности управления миграционными процессами в рамках ЕАЭС на основе оценки процесса управления по количественным и качественным показателям. Показано, что миграционная проблематика в рамках расширения евразийского интеграционного процесса требует концептуального пересмотра на межгосударственном законодательном уровне.

Ключевые слова: управление миграционными процессами, процессный подход, евразийская экономическая интеграция.

Yulia V. Dmitrieva, Dr. Sc. (Econ.),
Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies of Population, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: julia9770@mail.ru;
Natalia I. Kozhevnikova, Cand. Sc. (Econ.),
Senior Researcher, Institute for Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: dema1@mail.ru

THE APPROACH TO THE REALIZATION OF MIGRATION POLICY PRINCIPLES IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE EURASIAN INTEGRATION PROJECT (the study was conducted with support from RFBR, grant № 15-02-00342)

The research promote the application of process approach to the realization of main principles of migration policy. It contains practical recommendations for increasing the efficiency of management of migration processes in EAEU (Euro-Asian Economic Union) on the basis of evaluation using qualitative and quantitative performance indicators. The research requires the revision of migration policy realization mechanism on the States members level to enhance the integration process.

Key words. management of migration processes, process approach, Euro-Asian economic integration.

В 2010 г. официально стал действовать Таможенный союз, учрежденный Россией, Белоруссией и Казахстаном, что стало основой начала реализации межгосударственного проекта по осуществлению евразийской экономической интеграции. С 2012 г. формируется Единое экономическое пространство, в рамках территорий стран-участниц ЕЭ, а 2015 г. стал годом создания полноценного экономического союза Евразийского экономического союза.

Современное состояние процесса реализации межгосударственного проекта по осуществлению евразийской экономической интеграции заметно осложнилось, что обусловлено негативными факторами как внутреннего, так и внешнего порядка: экономические противоречия между участниками проекта, несовершенство договорно-правовой базы, глобальная экономическая рецессия, экономические санкции в отношении России, ослабление рубля, кризис на Украине. Такая ситуация не могла не отразиться на процессе углубления евразийской интеграции, когда положительные тенденции развития сменяются на негативные, ставя под угрозу, и выполнение текущих планов, и достижение стратегических целей развития на будущее.

Определение проблемы

На территории ЕАЭС происходит реализация принципов «четырёх свобод» — свобода перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. Однако наиболее полно реализован принцип перемещения товаров, считает В. Никишина, член коллегии по торговле Евразийской экономической политики [3]. По ее словам, в перемещении рабочей силы в рамках ЕАЭС нет особых проблем, «есть нюансы», такие как взаимное признание дипломов и единое пенсионное обеспечение. Эти дополнительные «нюансы» не связаны напрямую с перемещением рабочей силы, и их решение не будет иметь большого влияния на развитие свободы перемещения.

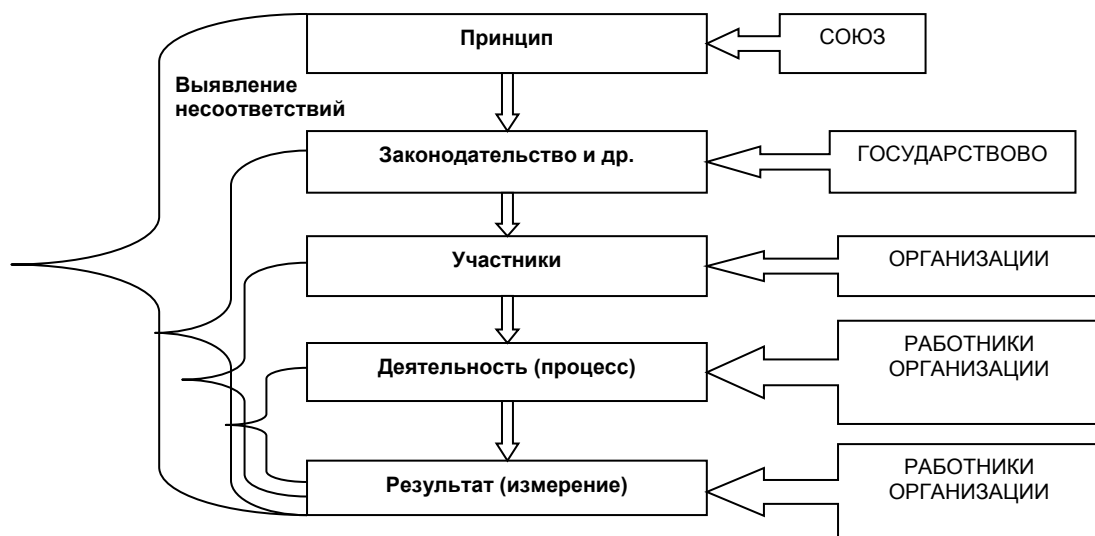
Другая сторона проблемы — это мнение исследователей в этой области — экспертов и ученых, которые конкретно выделяют основные стратегические проблемы в сфере передвижения рабочей силы — незавершенность разработанности правового обеспечения миграционных процессов, отсутствие унифицированной правовой системы, регулирующей трудовую миграцию, решение комплекса задач в области пенсионного обеспечения и социального страхования трудящихся-мигрантов на территории государств — членов интеграционного объединения [5]. Индикатором неэффективности принимаемых миграционных решений является тот факт, что партнеры по евразийской экономической интеграции имеют различную по целям и задачам внутригосударственную миграционную политику. Кроме того, проблема несовершенства миграционного учета — структура, объем и т.п., является одной из наиболее важных в рамках углубления евразийского интеграционного процесса. Проблемой безопасного развития рынка труда и стратегически важным вопросом перспективы развития миграционных передвижений в рамках ЕАЭС является рост теневого сектора занятости мигрантов в некоторых странах — членах Союза, в первую очередь в России.

Одним словом, миграционная проблематика в рамках расширения евразийского интеграционного процесса требует концептуального пересмотра на межгосударственном законодательном уровне. По мнению экспертов, вопросы миграционного управления в рамках ЕАЭС стоят достаточно остро и стратегически важны, так как результатом их решения является безопасное и благоприятное будущее государств — членов Союза. Однако обозначение проблемы, не всегда предполагает ее успешное решение. На наш взгляд, как и ранее (во времена ФМС России), в системе управления миграционными про-

цессами существует один значительный пробел. Как и раньше — мы обозначаем проблему, а реализация ее на практике терпит провал. Встает вопрос: почему это происходит? Ответ однозначный — нет четко прописанных процедур организации данного процесса. В таких условиях, требуется разработка механизма совершенствования управления миграционными процессами внутри ЕАЭС, где на первое место выходят методологические и организационные вопросы.

Описание механизма реализации

Принцип миграционной политики рассматривается нами как требование миграционной политики — уровень Союза (рис. 1). Данный принцип должен быть полностью отражен в законодательстве, подзаконных актах, указах, договорах и др. документах — уровень Государства. Участники процесса — это заинтересованные стороны, чья деятельность должна соответствовать реализации данного принципа миграционной политики (они не обязательно являются владельцами процесса), — уровень Организаций в государстве. Следующий уровень — это деятельность, направленная на реализацию данного принципа миграционной политики — требование законодательства, подзаконного акта, указа, договора и др. документов в конкретном государстве, т.е. сам процесс внедрения. Последний уровень — это результат. На выходе мы измеряем эти результаты, чтобы определить, насколько эффективно прошел процесс внедрения. Для этого необходимо использовать качественные и количественные показатели эффективности, которые разрабатываются для каждого процесса.

Рис. 1. Механизм реализации миграционной политики

Если результат не соответствует ключевым показателям эффективности (КПЭ), мы определяем причину несоответствия. Это может быть неправильное построение процесса или несовершенство законодательства. В большинстве случаев причина неэффективности заключается в неправильной организации самого процесса. Необходимо внести корректирующие действия для устранения выявленного несоответствия. Например, существует неопределенность с правом на бесплатное медицинское обслуживание граждан

стран ЕАЭС. Так, согласно Договору о ЕАЭС граждане стран ЕАЭС имеют право на бесплатную скорую медицинскую помощь [2]. В случае продолжения лечения в медицинской организации после устранения непосредственной угрозы его жизни или здоровью окружающих оплата стоимости услуг осуществляется непосредственно пациентом. Экстренная медицинская помощь оказывается всем иностранцам бесплатно [1]. Однако Министерство труда настаивает на уплате взносов в ФФОМС по обычному тарифу с выплат гражданам ЕАЭС [6].

В нашем случае, проблема существует на уровне законодательства, подзаконных актов, указов и договоров, что требует пересмотра — переработки законодательной базы Евразийского Союза в миграционной сфере. Существует несоответствие законодательной базы одному из четырех основополагающих принципов, а именно — «свободы движения трудовых ресурсов», что предполагает обеспечение прав граждан Союза работать в любом государстве-члене без получения дополнительных разрешений. Общий рынок труда предполагает прямое признание документов об образовании; урегулирование вопросов срока временного пребывания граждан; предоставление полного объема социальных гарантий [4]. На практике, полное внедрение данного принципа реализации миграционной политики в конкретном государстве по обозначенной выше схеме не происходит. И пока эта проблема несоответствия не будет решена на уровне законодательства, подзаконных актов, указов, договоров и др. невозможно двигаться дальше — на уровне Участников и Деятельности (процесса). Другими словами, проблема решена не будет, и соответствующие действия по реализации принципа миграционной политики осуществляться не будут. Таким образом, реализацию данного принципа миграционной политики в Евразийском Союзе можно назвать неэффективной.

В случае, когда законодательная база соответствует требованиям миграционной политики, необходимо обратить внимание на саму Деятельность (процесс), которая направлена на эффективную реализацию этой политики. Здесь необходимо представлять всю систему управления миграционными процессами как систему, которая состоит из больших и малых, сложных и простых процессов, каждый, из которых в свою очередь выполняет свою особую роль в эффективном управлении системой в целом, в данном случае — это управление миграционными процессами в Едином экономическом евразийском пространстве. Сама деятельность (процесс), в этом случае, строится не по вертикали, как обычно, а формируются горизонтальные связи, которые предполагают самостоятельную координацию работы без участия вышестоящего руководства. Таким образом, будет происходить более оперативное решение вопросов и воздействие на результат деятельности.

Выводы исследования

Эффективность данного инструмента во многом будет зависеть от того, насколько руководству организации удастся создать атмосферу, способствующую вовлечению в процесс управления и совершенствования всех членов организации и продвижению ценностей, подходов и поведения, поддерживающих улучшение процесса управления миграционными процессами. Во многом это будет зависеть от определения четких и понятных целей, методов их достижения, наличие эффективной системы коммуникации и обратной связи.

Осуществление деятельности организации с применением механизма реализации принципа миграционной политики в условиях дальнейшего развития евразийского интеграционного проекта позволит:

- привести деятельность Союза в миграционной сфере в соответствие с единым действующим законодательством, подзаконными актами, указами, договорами, стандартами и рекомендациями, в том числе и международных организаций;
- добиться постоянного мониторинга процесса управления миграционными процессами, которое будет обеспечено за счет управления на стыках между отдельными процессами внутри системы процессов и при их сочетании и взаимодействии;
- повысить операционную эффективность путем сокращения расходов на осуществление своей деятельности и использования высвобождаемых ресурсов на развитие миграционной сферы;
- разработать количественные и качественные показатели оценки эффективной деятельности организации;
- повысить уровень удовлетворенности сотрудников организации результатами своего труда;
- сформировать имидж организации как организации полностью соответствующей мировым стандартам качества и стремящейся к дальнейшему расширению интеграционных процессов.

Необходимо отметить, что привлекательность организации заключается в том, что от результатов ее деятельности каждый ее участник получает определенную выгоду. Стремление в расширении интеграционного пространства, в первую очередь, должно быть связано с увеличением благосостояния участников процесса не только на бумаге, но и на практике. Другими словами, от деятельности ЕАЭС необходимо получать, в прямом смысле, прибыль всеми государствами, которые входят в его состав. И тогда можно говорить об эффективной работе процессов деятельности организации в условиях развития интеграционного проекта.

Литература и Интернет источники

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 11 апреля 2017 года) (редакция, действующая с 12 августа 2017 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420205962>
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 11 апреля 2017 года) (редакция, действующая с 12 августа 2017 года), Приложение №30 к Договору ЕАЭС (п.4,5) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420205962>
3. ЕАЭС и Шелковый путь — не конкуренты, а партнеры// Центр Евразийских исследований. — Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/4884>
4. Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. Первое полугодие 2017. С. 76 — Режим доступа: www.eurasiancommission.org
5. Красинец Е.С. Миграция и миграционная политика в рамках в рамках развития евразийской интеграции//Аналитический вестник. — 2017. — №19 (676). — С. 19-26
6. Страховые взносы: Минтруд разъясняет// Экономика и жизнь. 12 сент. 2016. — Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/323737/>

Красинец Евгений Семенович,

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией миграционных исследований,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Москва, Россия. E-mail: e_krasinets@mail.ru

Шевцова Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук,

старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Москва, Россия. E-mail: gildenberg@yandex.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-00565)

В статье анализируются итоги, динамика и особенности миграции населения в Дальневосточном регионе. Проводится диагностика роли миграции в формировании демографического потенциала и трудовых ресурсов. Определяются последствия миграции населения для функционирования регионального рынка труда. Даются оценки перспектив развития миграционных процессов. Рассматриваются основные задачи и возможные решения миграционной политики.

Ключевые слова: Дальний Восток, демографическое развитие, миграция, рынок труда, миграционная политика, регулирование миграционных процессов.

Evgeny S. Krasinets, Cand. Sc. (Econ.),

Head of Migration Studies Laboratory,
Institute of Social and Economic Studies of Population, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: e_krasinets@mail.ru

Tatyana V. Shevtsova, Cand. Sc. (Econ.),

Senior Research, Institute of Social and Economic Studies of Population, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: gildenberg@yandex.ru

MIGRATION PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST

(the study was conducted with support from RFBR, grant № 17-06-00565)

The article analyses the results, the dynamic and the migration features in the Far East. The diagnostics of the migration role in the formation of demographic potential and labor resources is carried out. The consequences of migration for functioning of the regional labor market are defined. The estimates of prospects of migration development are given. The main objectives and possible solutions of migration policy are considered.

Keywords: Far East, demographic development, migration, labor market, migration policy, regulation of migration processes.

Дальневосточный федеральный округ является стратегически важной территорией Российской Федерации, обладает большим экономическим и социальным потенциалом, обширной территорией, но при этом слаборазвитой инфраструктурой, неблагоприятными условиями жизни, редкой сетью городов и самым малочисленным населением в стране.

На начало 2017 года население Дальнего Востока составляло 4,2% от общей численности населения страны. Регион занимает более трети территории страны, а плотность населения составляет в среднем всего 1 человек на 1 кв. км, в то время как по России в целом — 8,6 человек. При этом Дальневосточный регион является определяющим с точки зрения геополитического расположения, наличия огромных сырьевых запасов, развития социально-экономического сотрудничества со странами АТР.

Миграция на Дальнем Востоке традиционно выполняет важную роль в формировании демографического потенциала и функционировании рынка труда, а регулирование миграционных процессов рассматривается как одна из наиболее важных государственных проблем освоения, заселения и интенсивного развития макрорегиона.

Масштабный миграционный отток населения с Дальнего Востока в другие российские регионы наблюдается уже в течение длительного времени, поэтому динамика миграционных процессов в регионе большинством экспертов оценивается как тревожная.

С конца 1980-х гг. Дальневосточный регион имеет устойчивое отрицательное миграционное сальдо. Ежегодно Дальневосточный федеральный округ покидает больше мигрантов, чем прибывает. Существенным остается миграционный отток населения на Дальнем Востоке и в наши дни. В 2016 году наибольшие потери демографического потенциала за счет миграционного оттока в расчете на 1000 населения пришлось на Камчатский край (5,7%), Еврейскую автономную область (9,7%) и Чукотку (9,3%). За последние пять лет (2012-2016 гг.) в связи с переездом на постоянное место жительства в другие регионы страны территорию Дальнего Востока покинул каждый пятый житель. Чистый миграционный отток в ДФО за этот период составил около 120 тыс. человек [5].

За счет превышения уровня миграционной убыли над естественным приростом населения демографический потенциал региона устойчиво сокращается. За последнюю четверть века (1991-2015 гг.) численность населения на Дальнем Востоке уменьшилась на 23,5% [3]. По данным официальной статистики, на 1 января 2017 года в ДФО проживало 6,2 млн. человек, что на полмиллиона человек, или на 7,5% меньше в сравнении с данными переписи населения 2002 года.

Последствиями отрицательного миграционного сальдо является не только сокращение общей численности населения Дальнего Востока, но и ухудшение его структуры, снижение демографического, трудового и инновационного потенциала этой важнейшей территории страны. Географическая ориентация миграционных потоков на западное и южное направления обуславливает уменьшение плотности заселения региона и его приграничных районов.

Одновременно большую озабоченность вызывает незаконная миграция и латентная занятость иностранной рабочей силы. В регионе активизируется процесс замещения местного населения иммигрантами из сопредельных государств, наблюдается их активное участие в экономической жизни региона, усиливается влияние некоторых этнических общин иммигрантов (китайской, корейской и вьетнамской) на сферу занятости, расширяется нелегальное проникновение иностранной рабочей силы, растут масштабы латентной занятости трудовых мигрантов.

Особенно проблемной миграционная ситуация является для приграничных территорий Дальнего Востока. Миграционный отток российского населения из слабозаселенных

восточных территорий, нерациональные потоки внешней и внутренней трудовой миграции представляют существенную угрозу безопасности страны и ее территориальной целостности.

Миграционные потоки в регионе оказывают прямое воздействие на развитие человеческого капитала, функционирование рынка труда и кадровое обеспечение приоритетных инвестиционных проектов. Сложившаяся демографическая ситуация на Дальнем Востоке в условиях слабой заселенности региона не обеспечивает возрастающий спрос развития экономики на трудовые ресурсы. Предприятия Дальневосточного региона нуждаются в большом количестве дополнительных работников. Так, за пятилетний период с 2010 г. по 2014 г. потребность предприятий Дальнего Востока в работниках, заявленная работодателями в государственные службы занятости, увеличилась в 1,4 раза [6]. После завершения экономического спада в первом полугодии 2017 г. по сравнению с соответствующим периодом 2016 года дополнительная потребность в рабочей силе регионов Дальнего Востока возросла с 115,5 тыс. человек до 186,0 тыс. человек, т.е. на 70,5 тыс. человек, или в 1,7 раза [7].

В настоящее время наибольший спрос на рабочую силу предъявляют торговля, транспорт, логистика, строительство, рыболовство, сельское хозяйство. В ближайшие годы потребность в дополнительных рабочих руках возрастет, поскольку ожидается ускоренный рост занятости (на 40-130%) в сфере добычи угля и торфа, судостроении и судоремонте, нефте- и газодобыче, в химической промышленности и газопереработке. По прогнозу, к 2025 году в компаниях, работающих на территориях опережающего развития, в Свободном порту Владивосток, а также реализующих крупные инвестиционные проекты, будут созданы 100 тысяч новых рабочих мест, что усилит несбалансированность на региональном рынке труда.

На современном этапе многое делается для подъема экономики и выравнивания уровня социально-экономического развития Дальнего Востока в сравнении с другими российскими регионами. Правительством РФ утверждены Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года и Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Создана система институтов развития данного региона. На территории ДФО определены новые точки экономического роста, идет реализация целого ряда федеральных и региональных проектов и программ, растет объем инвестиций в экономику.

За последних два года для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения созданы 18 территорий опережающего развития (ТОРов), действует режим Свободного порта Владивосток, установлены льготные налоговые режимы и комфортные административные процедуры для поддержки инвесторов и ведения бизнеса, ведется инфраструктурное развитие территорий. Вместе с тем, реализуются меры по обеспечению трудовыми ресурсами и развитию человеческого капитала, введены облегченные правила привлечения иностранной рабочей силы, началось освоение земли первыми получателями «Дальневосточных гектаров». Предполагается для иностранных инвесторов, которые вложат в Дальний Восток десять и более десяти миллионов долларов, предусмотреть упрощенный порядок предоставления российского гражданства.

Однако, несмотря на реализацию масштабных инвестиционных проектов, разработанных программ повышения трудовой мобильности, добровольного переселения соотечественников, переселения граждан РФ, имеющих статус безработных, региональных программ для привлечения определенных специалистов, пока не удалось преодолеть миграционный отток населения и трудовых ресурсов из региона. В результате более низких

параметров уровня и качества жизни наиболее активная часть населения покидает регион в поисках лучших условий для жизни и трудоустройства.

Устойчивое сокращение демографического и трудового потенциала Дальневосточного федерального округа выдвигает проблематику стабилизации численности населения, миграции и массового привлечения новых квалифицированных кадров в регион в число приоритетных для обеспечения интенсивного развития стратегически важного региона страны.

Основная проблема в области внутрисероссийской миграции, связанная со стабилизацией численности населения на Дальнем Востоке, в первую очередь, на его юго-восточных приграничных территориях, состоит в необходимости кардинального изменения характера миграционных потоков, а именно смене отрицательного сальдо миграции на положительное.

В соответствии с Концепцией демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г., поставлена задача к 2018 году сократить миграционный отток в Дальневосточном федеральном округе в 3 раза по сравнению с 2014 годом (24,8 тыс. человек) и выйти на положительный миграционный прирост населения к 2021 году [2].

Аналитические оценки и прогнозныe расчеты свидетельствуют, что в 2018 году эта задача вряд ли будет решена. Так, за первое полугодие 2017 года миграционная убыль населения в ДФО уже составила 9,7 тыс. человек, т.е. возросла по сравнению с соответствующим периодом 2016 г. почти в 3 раза [7]. Во втором полугодии 2017 года и в течение последующего года также не ожидается существенного сокращения миграционного оттока населения. По данным последнего демографического прогноза Росстата от июля 2017 года, в 2018 г. миграционная убыль населения на Дальнем Востоке останется на относительно высоком уровне — в пределах 28,4-29,5 тыс. человек. Таким образом, не только не будут выполнены показатели Концепции демографической политики Дальнего Востока, запланировавшей миграционную убыль населения региона в 2018 г. втрое ниже уровня 2014 г., но и показатель миграционного оттока населения этого года будет заметно выше.

По прогнозным оценкам, вряд ли удастся переломить тенденцию миграционного оттока населения и в последующие годы. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 года, сформулирована цель к 2021 году приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока. Однако в условиях неравномерности современного экономического и социального развития российских регионов оснований для оптимистических ожиданий решения этой перспективной задачи в контексте устойчивой миграционной убыли населения пока еще недостаточно.

Согласно последнего среднего варианта прогнозного расчета Росстата, в ближайшие годы в миграции населения страны не произойдет замены «московского» вектора на «восточный», таким образом, в краткосрочной перспективе не стоит ожидать миграционного притока на Дальний Восток. В 2021 г. отрицательный баланс миграции в регионе может быть на уровне около 8,6 тыс. человек [4]. В начале третьего десятилетия XXI века при отсутствии кардинальных изменений условий и уровня жизни Дальний Восток будет продолжать терять население в результате миграционного обмена с другими регионами страны.

Сегодня на российском Дальнем Востоке для стабилизации численности населения и сокращения миграционного оттока требуется решение амбициозных задач по созданию более привлекательной среды обитания человека и высоких стандартов жизни. Суще-

ственную часть средств и усилий, в том числе управленческих, административных, финансовых и человеческих ресурсов, необходимо направить на социальное развитие территорий Дальневосточного региона, сделав основной акцент на сокращении оттока собственного населения [1].

Для устойчивого демографического развития в регионе необходимо, прежде всего, повысить роль и значение денежных доходов населения, обеспечить формирование современной социальной инфраструктуры и кардинальное улучшение уровня и качества жизни населения, превышающее общероссийский уровень.

Государственная поддержка инвестиционных проектов в сфере жилищного строительства и развития социальной инфраструктуры, масштабное строительство жилья, детских садов, школ, медицинских учреждений, культурных центров должны создать стимулы и условия для расширенного воспроизводства населения, закрепления молодежи и сокращения миграционного оттока трудовых ресурсов. Одновременно решение этих задач будет способствовать и повышению миграционной привлекательности Дальнего Востока, миграционному притоку молодых специалистов, переселению в Дальневосточный регион для постоянного места жительства как российских граждан из других территорий страны, так и соотечественников, проживающих за рубежом [8; 9].

Литература и Интернет источники

1. Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 2 (204). — С.40.
2. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/ (дата обращения: 15 сентября 2017г.).
3. Мотрич Е.Л. Демографическое развитие Дальневосточного региона и миграционные процессы // Современные проблемы регионального развития. Тезисы VI Международной научной конференции. Под редакцией Е.Я. Фрисмана. 2016. — С. 456.
4. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. (размещено 31.07.2017 г.) Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 15 сентября 2017г.).
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 15 сентября 2017г.).
6. Социально-экономическое положение федеральных округов-2016 г. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (дата обращения: 15 сентября 2017г.).
7. Социально-экономическое положение федеральных округов-2017 г. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_20/Main.htm (дата обращения: 15 сентября 2017г.).
8. Рязанцев С.В., Красинец Е.С. Подходы к регулированию трудовой миграции в России и странах-партнерах в интересах взаимного развития // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2015. — № 4. — С. 5-12.
9. Рязанцев С.В., Красинец Е.С. Современные тенденции и экономические эффекты трудовой миграции из Центральной Азии в Россию // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2016. — № 5. — С. 5-14.

Ефимов Иван Павлович,
начальник отдела демографического развития
Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке,
Москва, Россия. E-mail: Efimov1108@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Вопрос переселения старообрядцев на Дальний Восток в рамках программы добровольного переселения соотечественников является одной из приоритетных направлений в миграционной политике органов государственной власти Приморского края и Амурской области. Намечена положительная тенденция возвращения старообрядцев из стран Южной Америки на Дальний Восток. Одной из главных причин переселения является возвращения к корням, к русской земле. В результате проведенного исследования подтверждается высокая миграционная готовность в переезде старообрядцев на Дальний Восток из стран дальнего зарубежья.

Ключевые слова: соотечественники-старообрядцы; переселение соотечественников; Дальний Восток; миграция; сельское хозяйство; ценности; земля; Южная Америка.

Ivan P. Efimov,
Head of Department for Demographic Development,
Agency for Human Capital Development in Far East region,
Moscow, Russia. E-mail: Efimov1108@mail.ru

THE POTENTIAL OF OLD BELIEVERS RESETTLEMENT TO FAR EAST

One of the priority areas in migration policy of state authorities in Primorsky krai and Amur oblast is resettlement of Old believers in Far East within voluntary compatriot resettlement program. There is now a discernible trend that Old believers return to Far East from the countries of South America. One of the main reasons for resettlement is return home to one's roots, to Russian land. As a result of conducted research there is a solid proof that Old believers are eager to migrate to Far East from far abroad.

Keywords: compatriots — Old believers; resettlement of compatriots; Far East; migration; agriculture; values; land; South America.

Старообрядцы начали свое путешествие на Дальний Восток в начале XX века. По инициативе Совета Всероссийского съезда старообрядцев 22-25 февраля 1906 года в Москве прошел первый Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев, на котором обозначалась острая земельная нужда большинства крестьянских старообрядческих семейств. В связи с этим Совет съезда решил в виде опыта, до решения земельного вопроса в законодательном порядке, организовать поездку уполномоченных от крестьянских общин на Дальний Восток. [2. С. 12]

Сотни старообрядческих общин стали осваивать сельскохозяйственные районы Дальнего Востока — приграничные территории с Китаем. За несколько лет появились самодостаточные общины, которые являлись примером для местных крестьян. «На Дальнем Востоке представителей конфессиональных групп русских привлекали хорошие условия хозяйствования, отсутствие в первые десятилетия податей, воинской повинности, хотя и относительная — религиозная свобода. Последнее обстоятельство было особенно важно как для старообрядцев, так и для сектантов. И хотя официальная церковь и здесь стремилась ставить всевозможные препоны старообрядчеству и молоканству, в силу обширности территории и слабой ее заселенности она так и не смогла осуществить контроль за конфессиональными группами русских» [1. С. 27].

Советская власть остановила быстро растущую хозяйственную деятельность на Дальнем Востоке, принуждая общины к коллективизации и принятию коммунистической идеи вместо религиозных убеждений. В результате чего в середине XX века старообрядцы массово покидают советскую территорию и переселяются в Китай — в Северную Манчжурию. Таким образом, около 80% старообрядцев Дальнего Востока покинули Советский Союз, оставшиеся 20% расселились в труднодоступных таежных районах на территории Хабаровского края.

По окончании Великой Отечественной войны советская власть обретает контроль на территории Северной Манчжурии, в следствие чего все старообрядческие общины в 1955-1956 гг. покидают Китай и пересекают Тихий океан. Около 3 тысяч старообрядцев оказываются на территории Южной Америки. Большая часть уехавших старообрядцев до сих пор проживают в странах Южной Америки, но часть из них переселились на Аляску, в Канаду и в Австралию. С 2010 г. началась тенденция возвращения старообрядцев на Дальний Восток.

Соотечественники-старообрядцы возвращаются в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее — Госпрограмма).

До 2010 г. переселение отслеживалось только антропологами, которые изучали не миграционный потенциал старообрядцев, а их культуру и обычаи. «Переселенцы — глубоко верующие люди, принадлежат к исконной ветви православия — старообрядчеству. Относятся к одному из беспоповских (не имеющих священников) согласий — часовенному. Во главе общины стоит выбранный наставник — наиболее уважаемый, разбирающийся в вопросах веры член общины; богослужения проводятся в моленной (аналог храма). Правила жизни старообрядцев-часовенных регламентируются многими запретами и ограничениями на близкие контакты с людьми не своей веры. Главным является запрет на совместное проживание с ними. Поэтому оптимальным видом поселения для таких переселенцев является своя, отдельная от всех деревня». [6. С. 1]

Сами старообрядцы переселяются на территорию Приморского края и Амурской области. По состоянию на 1 августа 2017 года в рамках Госпрограммы в Приморский край переехали около 150 старообрядцев из Бразилии, Боливии и Уругвая. Из них 20 человек по приглашению бывшего мэра г. Свободного Каминского Р.В. в 2015 г. переехали из Приморского края в Амурскую область.

На сегодняшний день существует 4 локации размещения переселившихся старообрядцев: 3 — в Приморском крае и 1 поселение в Амурской области. Семьи старообрядцев — участники Госпрограммы получили положенные выплаты (по 240 тыс. рублей участнику госпрограммы и по 120 тыс. рублей каждому члену семьи), компенсации за транспортные расходы и провоз имущества.

Ключевым моментом переселения является хозяйственная активность и финансовая состоятельность переезжающих старообрядцев. В Южной Америке сформировались общины, где хозяйственная деятельность ведется круглосуточно и, соответственно, уровень жизни подобных общин на порядок выше менее активных соотечественников. «Основное занятие здешних старообрядцев — земледелие. Существует социальное расслоение общества (деление на богатых, середняков и бедных), следствием чего является разное количество земли у семей. Выращиваются все зерновые (кроме пшеницы), а также кукуруза, бобовые, хлопок. Климат позволяет снимать несколько урожаев в год, поэтому работают все без перерыва. В период страды на работы выходят все члены общины: родители и дети, мужчины и женщины. Более состоятельные семьи нанимают работников из членов своей общины. Следует отметить, что старообрядцы практически не берут на работу бразильцев, считая их ненадежными и ленивыми. Весь собранный урожай не перерабатывается, а продается заготовителям. В целом, в общине превалирует натуральное хозяйство. Покупается только техника, ткани, обувь, а также кофе и чай». [4. С. 241]

В июне 2017 года в Администрации Президента Российской Федерации сформирована специальная рабочая группа по вопросам содействия добровольному переселению соотечественников-старообрядцев, проживающих за рубежом, и их адаптации в Российской Федерации. Агентством по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке запущена Служба адаптации и поддержки возвращения старообрядцев на Дальний Восток и круглосуточная горячая линия, работают уполномоченные по вопросам переселения соотечественников в Приморском крае и Амурской области, специальный юрисконсульт.

Совместно с заинтересованными органами власти и старообрядцами разработаны и утверждены региональные дорожные карты и рабочие группы по вопросам адаптации и переселения старообрядцев в Приморском крае и Амурской области.

В течение августа 2017 года Агентством по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке совместно с Всероссийским центром изучения общественного мнения и Дальневосточным федеральным университетом было проведено исследование потенциала переселения старообрядцев на Дальний Восток из стран дальнего зарубежья. Целью исследования было выявление возможностей для повышения объемов миграционного притока старообрядцев из стран дальнего зарубежья в субъекты Российской Федерации, входящие в состав Дальневосточного федерального округа. Было проведено более 50 экспертных интервью со следующими группами: старообрядцы, проживающие за рубежом; старообрядцы, переехавшие из зарубежных стран на Дальний Восток; представители научного сообщества — миграциологи, религиоведы, этнографы; сотрудники региональных органов власти в субъектах Российской Федерации, принимающих старообрядцев; представители консульств России в странах присутствия старообрядцев.

В результате исследования подтвердилась информация, что старообрядцы, проживающие в Австралии и центральной части США, обладают низким потенциалом к переселению в Россию. Аляска является в настоящий момент конкурентом России в вопросе переселения, но при этом проживающие там старообрядцы имеют средний потенциал для участия в программе переселения. Наиболее высоким потенциалом к переселению и участию в программе обладают старообрядцы, проживающие в странах Южной Америки (Аргентина, Боливия, Бразилия, Уругвай).

Основными причинами для переезда являются: привлекательность русскоязычной среды, возможность ведения хозяйства на плодородной земле и позитивный опыт семей, переселившихся на Дальний Восток. Также нужно учитывать существующие факторы, которые выталкивают старообрядцев из стран Южной Америки такие как: чувствительность к существующим демаркационным линиям между коренным населением и старообрядцами, отсутствие права собственности на землю и неблагоприятные для жизни климатические условия. «Формирование постоянного населения невозможно без прочных внутренних связей, для чего необходимо сложение единого ритма хозяйственной деятельности. Одной из задач анализа занятий старообрядцев стало выявление путей приспособляемости традиционного хозяйствования к природно-климатическим условиям Дальнего Востока через принципы важности и подвижности приоритетов тех или иных видов хозяйственной деятельности в зависимости от окружающей среды, природно-климатических условий районов нового освоения». [1. С. 315]

Выявлен рейтинг мер поддержки с целью создания условий для возвращения старообрядцев на Дальний Восток (табл. 1). Самыми популярными мерами являются: корректировка действующей программы переселения соотечественников, четкое определение условий и места проживания до выезда старообрядцев в Россию, доступная информационная кампания для старообрядцев, проживающих за рубежом, о преимуществах переселения на Дальний Восток и формирование «земельного банка» для переселенцев, создание доступных условий кредитования и строительства жилья.

Таблица 1

Рейтинг мер поддержки по возвращению старообрядцев на Дальний Восток [3]

№ п/п	Наименование меры поддержки
1	Корректировка действующей программы переселения соотечественников: снижение административных и технических барьеров при оформлении документов, четкое определение условий и места проживания до выезда старообрядцев в Россию
2	Доступная информационная кампания для старообрядцев, проживающих за рубежом, о преимуществах переселения на Дальний Восток
3	Формирование «земельного банка» для переселенцев, доступных условий кредитования и строительства жилья
4	Повышение компетенции сотрудников диппредставительств и органов власти регионов-вселения в части содействия переселению и адаптации старообрядцев
5	Введение системы персональной ответственности руководителей регионов за эффективность процесса адаптации соотечественников-старообрядцев
6	Обеспечение работы уполномоченных представителей по вопросам переселения старообрядцев в регионах
7	Создание ответственного органа за процесс переселения соотечественников на Дальний Восток
8	Проведение «ознакомительных туров» для старообрядцев из-за рубежа
9	Определение форматов занятости старообрядцев в зимний период
10	Обучение грамматике русского языка, основам экономики и юриспруденции

Также стоит отметить, что существует напряжение у местного населения, которое не имеет информации о природе и укладе старообрядцев. 57% опрошенных людей говорят о доверии информации на телевидении. Вторым каналом информации, которому доверяют, являются новостные порталы Интернета: им доверяют 22%. При этом уровень доверия телевидению и новостям в Интернете находятся в обратной зависимости. Если говорить про традиционные СМИ, то наблюдается тенденция к тому, что доверие людей к региональным СМИ выше, чем к федеральным [5]. Однако лишь 2% сообщений приходится на ТВ, при этом старообрядцы не являлись основным сюжетом передач и упомина-

ются вскользь. Так, самые заметные сообщения, которые показывают на крупных телеканалах, посвящены не напрямую проблеме переселения, адаптации или традициям старообрядцев, а лишь косвенно упоминают их.

Это негативно сказывается и на уровне знания людей о проблеме старообрядцев. Так эксперты в ходе интервью отмечали, что количество информации в традиционных СМИ, посвященное проблеме переселения старообрядцев крайне низкое. Однако мы видим тенденцию к переходу на интернет-СМИ с использованием новостных порталов. Подобная тенденция негативно скажется на уровне осведомленности людей о вопросе старообрядчества.

Заметно, что сообщения о старообрядцах относятся к теме религии и вероисповедания. Подобная тема зачастую не привлекает большое количество читателей и публикуется в специализированных изданиях или на специальных сайтах.

Сейчас наблюдается тенденция к тому, чтобы говорить о старообрядцах не в рамках их традиций и истории, а используя властный и религиозный дискурс. Так, основной упор делается на встречи старообрядцев с представителями властных структур, идет сравнение и описание старообрядцев через православную религию.

По результатам проведенного исследования миграционный потенциал старообрядцев на Дальний Восток превышает 2000 человек. Высокий потенциал влияния на принимаемые старообрядцами решения о переезде личных/групповых разъяснительных мероприятий, а также потребность выявления и фиксации мотивационных факторов, способных стимулировать к выезду обуславливают потребность экспедиции — выезда в зоны присутствия старообрядцев в странах Южной Америки.

Существует также два важных аспекта, которые необходимо иметь в виду относительно бытовой и культурной ассимиляции старообрядцев. Наибольшие риски неприятия на культурно-бытовой основе испытывают именно первые волны переселенцев, в дальнейшем эти столкновения должны будут спадать. Информационное обеспечение общими знаниями о регионе также необходимо именно первым волнами переселенцев. Общая установка старообрядцев на автономный и изолированный образ жизни отчасти сглаживает потенциал столкновений, так как уменьшает количество бытовых столкновений переселенцев и местного населения.

Литература и Интернет источники

1. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. — М., 2000.
2. Всероссийский съезд старообрядцев. К вопросу о переселении на Дальний Восток старообрядцев / Издательство Совета Всероссийского съезда старообрядцев. — М., 1908.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Социологическое исследование потенциала переселения старообрядцев на территорию Дальнего Востока из стран дальнего зарубежья. 2017.
4. Дынникова И.В. Старообрядчество: история, культура современность. — М., 2002.
5. Евробарометр в России. Данные Центра социологических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — М., 2017.
6. Ровнова О.Г. Портрет старообрядцев-переселенцев из Южной Америки на Дальний Восток. Справка для административных работников. — М., 2017.

Ивашина Наталья Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. E-mail: ivashina_n@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Дальний Восток России является стратегически важным регионом, но далеко не самым благополучным с точки зрения привлечения постоянного населения и обеспечения ему достойного уровня жизни. Данная работа посвящена анализу сложившейся миграционной ситуации в дальневосточных регионах в контексте проводимой на современном этапе политики по заселению территорий Дальнего Востока.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, Дальний Восток, дальневосточный гектар.

Natalya V. Ivashina, Cand. Sc. (Econ.),

Associate Professor at the Department of Business Informatics, Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: ivashina_n@mail.ru

TRENDS OF MIGRATION PROCESSES IN THE FAR EAST OF RUSSIA

The Russian Far East is an important territory strategically, but far from being the most successful one from the point of attracting population for permanent residence and providing good living standards for such population. This paper is devoted to analysis of the established migration situation in the Russian Far East regions against the background of the currently carried out policy aimed at populating the Russian Far East territories.

Keywords: migration, migration policy, Russian Far East, Far East hectare.

Дальневосточный Федеральный округ занимает самую большую территорию по сравнению с другими федеральными округами РФ, но в то же время является регионом с самой низкой плотностью населения (табл. 1). Проведенные расчеты индекса хозяйственной территории по формуле, предложенной Д.Л. Лопатниковым [1] по федеральным округам России показывают, что коэффициент миграционного прироста тесно коррелирует с индексом хозяйственного развития территории: чем выше индекс, тем более привлекательным является округ для переселения людей и тем выше в нем прирост населения (табл. 1).

Таблица 1

Отдельные показатели развития федеральных округов РФ

Федеральные округа РФ	Территория, тыс. км	Плотность населения, человек на 1 кв. км, 2016 г.	Индекс хозяйственного освоения территории, 2016 г.	Миграционный прирост, %, 2016 г.
Центральный ФО	650,2	60,3	4,50	0,45
Северо-Западный ФО	1687	8,2	1,40	0,41
Южный ФО	420,9	36,7	1,89	0,56
Северо-Кавказский ФО	170,4	57,4	1,32	-0,21
Приволжский ФО	1037	28,6	1,79	-0,05
Уральский ФО	1818,5	6,8	1,90	0,12
Сибирский ФО	5145	3,8	0,68	-0,07
Дальневосточный ФО	6169,4	1,0	0,57	-0,28
<i>В том числе:</i>				
Приморский край	164,7	11,7	1,27	-0,17
Хабаровский край	787,6	1,7	0,56	-0,12
Амурская область	361,9	2,2	0,51	-0,41
Еврейская АО	36,3	4,5	0,58	-0,96
Камчатский край	464,3	0,7	0,45	-0,57
Магаданская область	462,5	0,3	0,48	-0,50
Республика Саха (Якутия)	3083,5	0,3	0,44	-0,43
Сахалинская область	87,1	5,6	4,03	-0,10
Чукотский АО	721,5	0,1	0,34	-1,03

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.

Наиболее экономически развитыми регионами Дальнего Востока являются Сахалинская область и Приморский край, эти же регионы характеризуются самой высокой плотностью населения в ДФО и достаточно низким относительным миграционным оттоком населения.

Демографический кризис на Дальнем Востоке характеризуется стабильным сокращением численности постоянного населения (по сравнению с 1990 г. она сократилась на 1,9 млн. человек, т.е. на 23%). Численность населения ДФО на 1 января 2017 г. составила 6 183 тыс. человек, это 4,2% населения Российской Федерации, при этом площадь территории ДФО составляет 36,2% от всей территории РФ. Существенное влияние на сокращение численности населения региона оказывает миграционный отток населения. Начиная с 1990 г., в ДФО стабильно формируется отрицательное миграционное сальдо. За последние пять лет суммарный отток постоянного населения с Дальнего Востока составил 106,1 тыс. человек (табл. 2). Данные показывают, что отрицательное сальдо миграции формируется по всем регионам ДФО, при этом в 2016г. отток населения в целом снизился по сравнению с 2015г. на 6,8 тыс. человек. В основном люди уезжают в Центральный и Сибирский ФО. Такое значительное сокращение численности населения изменяет и его

структуру, так как уезжает, в основном, население в трудоспособном возрасте, соответственно, уменьшается рождаемость, увеличивается доля пожилых людей, что создает дополнительную социальную нагрузку на оставшееся население. В то же время во всех регионах ДФО формируется положительное миграционное сальдо со странами СНГ.

Таблица 2

Динамика сальдо миграции по регионам ДФО, тыс. человек

Регион ДФО	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Численность населения, на 01.01.2017
Республика Саха (Якутия)	-8,4	-6,7	-5,4	-4,2	962,8
Камчатский край	-0,05	-3,1	-1,7	-1,8	314,7
Приморский край	-1,1	-3,9	-2,8	-3,2	1923,1
Хабаровский край	-0,5	-2,5	-4,9	-1,6	1333,3
Амурская область	-4,3	-1,3	-3,8	-3,3	801,8
Магаданская область	-2,1	-2,3	-1,7	-0,7	145,6
Сахалинская область	-1,5	-2,9	-1,3	-0,5	487,4
Еврейская авт. область	-1,5	-1,8	-2,0	-1,6	164,2
Чукотский авт. округ	-0,3	-0,2	-0,6	-0,5	49,8
В целом по ДФО	-19,9	-24,8	-24,2	-17,4	6182,7

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Так, в работе [2] отмечается, что миграция становится все более инокультурной, в целом за межпереписной период 2002-2010 годов численность таджиков, постоянно проживающих на Дальнем Востоке, увеличилась в 2,3 раза, узбеков — в 3,4 раза, киргизов — в 3,8 раза. Если рассматривать внутренние миграционные потоки в ДФО, то здесь отчетливо проявляется тенденция перетока населения из северных районов в южные, с более мягкими климатическими условиями.

Стратегической целью демографической политики Дальнего Востока до 2025 года является стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 6,2 млн. человек к 2020 году и ее увеличение до 6,5 млн. человек к 2025 году [3]. Для достижения данного показателя необходимо, во-первых, уменьшить отток населения из региона, а во-вторых, активно стимулировать как граждан РФ, так и иностранных граждан к переезду на Дальний Восток. В настоящее время в государстве принимается ряд мер, направленных на заселение неосвоенных дальневосточных земель и увеличение численности постоянного населения, среди которых можно выделить следующие:

- Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (7 регионов ДФО, участвующих в программе, отнесены к регионам с приоритетным заселением) [4];
- программа «Дальневосточный гектар» (бесплатное предоставление земельных участков на Дальнем Востоке гражданам РФ) [5].

Всего на территорию Дальнего Востока в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, начиная с 2007 года въехали 44500 соотечественников, из них 27800 — участники госпрограммы и 16600 — члены их семей. Чаще всего, на Дальний Восток переселяются жители Украины (47%), Таджикистана (18%) и Армении (10%). В 2016 г. больше всего соотечественников переехало в Приморский и Хабаровский края. Для переселенцев разработаны различные меры поддержки, участники программы получают российское гражданство по ускоренной схеме, подъемные в размере 240 тыс. рублей и 120 тысяч на каждого члена семьи, возмещение затрат на проезд и провоз имущества к новому месту жительства.

Следует отметить, что данная программа была разработана в основном для граждан стран бывшего СССР, которые планируют возвращение на историческую родину, знают русский язык и специфику проживания в РФ. В Приморском крае существует опыт переселения старообрядцев из Боливии и Уругвая, который показал необходимость дополнительных мер поддержки для граждан из стран дальнего зарубежья, решивших переехать на Дальний Восток. Пять лет проживания староверов в Приморском крае выделил ряд проблем, которые мешают процессам адаптации приезжих на новом месте. Это, прежде всего, слабое знание российского законодательства, трудности с признанием иностранных документов в РФ (дипломов, водительских прав), конфликты с местным населением, невозможность оформить собственность на землю. В настоящее время староверы проживают в деревне в домах, еще давно оставленных местным населением, не имеют доступа к лесным ресурсам для заготовки дров и стройматериалов, вынуждены платить высокую арендную плату за аренду земель для посева сельскохозяйственных культур. Для решения подобных проблем при государственном Агентстве по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке с июня 2017 г. введена должность официального представителя по защите прав староверов-переселенцев.

Одним из инструментов привлечения на Дальний Восток перспективных молодых специалистов является проект «Профессиональное образование», реализуемый в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников. Участниками проекта могут стать студенты очной формы обучения, обучающиеся в высшем или средне — профессиональном учебном заведении, в возрасте от 18 до 30 лет. Для них предусмотрено ускоренное получение российского гражданства, а территорией вселения может стать Владивосток, для остальных категорий соотечественников он недоступен. В 2016 г. участниками программы стали 49 студентов.

Программа «Дальневосточный гектар» предоставляет возможность каждому гражданину на основании его заявления однократно получить в безвозмездное пользование участок земли площадью до 1 гектара на территории ДФО. Программа начала работу с 1 июня 2016 года для жителей Дальнего Востока. С 1 февраля 2017 года «дальневосточный гектар» может получить любой гражданин России. В течение первого года заявителю необходимо определиться с видом использования участка. После пяти лет безвозмездного пользования участок можно получить в собственность или аренду. Программа также предусматривает подачу коллективных заявок от групп до 10 человек. К настоящему времени гражданами РФ подано более 100 000 заявлений на земельные участки. При получении в пользование дальневосточного гектара можно воспользоваться также определенными мерами поддержки, такими, например, как грант «Начинающий фермер» — до 1,5 млн. руб., или льготными кредитами на покупку товаров и услуг для освоения гектара.

Следует отметить, что к данной программе интерес проявляет в основном местное население и спросом пользуются земли, находящиеся вблизи населенных пунктов или объектов инфраструктуры. Большая же часть дальневосточных земель находится в труднодоступных местах, а рассчитывать и на проведение коммуникаций и создание инфраструктуры за счет государства у своих участков согласно Закону о «дальневосточном гектаре» можно только в случаях, когда более 20 участков обладают смежными границами и расположены на расстоянии не более 20 километров от населенного пункта. Еще одним препятствием является несовершенство законодательной базы, так как в законе четко не прописаны механизмы передачи земель в собственность по истечении пяти лет.

Таким образом, в ближайшее время данная программа будет способствовать в основном закреплению местного населения на территории Дальнего Востока (наиболее востребованным видом освоения земельных участков является жилищное строительство,

около 28% граждан планируют построить на полученной земле дом). Для сельскохозяйственного использования гектары также берутся в пользование также в основном местным населением для занятия растениеводством, пчеловодством и т.п. К тому же для ведения земледельческого сельского хозяйства пригодны земли только в Приморском крае, Амурской области и Еврейской автономной области. В остальных районах фактически невозможно вести земледельческое сельское хозяйство.

Таким образом, следует отметить, что необходима корректировка государственных программ по привлечению иностранных мигрантов и закреплению местного населения на Дальнем Востоке в области:

- совершенствования законодательно-правовой базы для оформления права собственности на землю;
- решения вопроса обеспечения жильем граждан, желающих переехать на Дальний Восток;
- развития транспортной и социальной инфраструктуры в местах, предназначенных для передачи в собственность по программе «дальневосточный гектар»;
- введения льготного налогового режима для индивидуальных предпринимателей и малых предприятий ДФО;
- механизмов адаптации и интеграции иностранных мигрантов на территории ДФО.

Приоритетным же направлением миграционной политики РФ по отношению к Дальнему Востоку, должно стать привлечение жителей других регионов РФ. Для этого необходимо, в первую очередь, создание рабочих мест с заработной платой, конкурентоспособной по сравнению с западными регионами РФ и разработка специальных мер поддержки для граждан РФ, желающих переехать на Дальний Восток.

Литература и Интернет источники

1. Лопатников Д. Л., Эстеров А.И. Возможности использования индекса хозяйственного развития территории в сравнительном экономико-географическом анализе // Известия Российской академии наук. Серия: Географическая. — 1997. — № 2. — С. 85-88.
2. Мотрич Е.Л. Миграционные проблемы Хабаровска сквозь призму социологического исследования // Регионалистика. — 2015. — Том 2. — № 1. — С. 56-64.
3. Распоряжение Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока».
4. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 22.06.2006 г. № 637 (в редакциях Указов Президента РФ от 10.03.2009 г. № 262, от 30.06.2009 г. № 716, от 12.01.2010 г. № 60, от 14.09.2012 г. № 1289, от 11.07.2013 г. № 621).
5. Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 N 119-ФЗ.

Мотрич Екатерина Леонидовна,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
Институт экономических исследований ДВО РАН,
Хабаровск, Россия. E-mail: motrich@ecrin.ru;

Изотов Дмитрий Александрович,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
Хабаровск, Россия. E-mail: izotov@ecrin.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

(исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 15-06-04959)

Показана трансформация внешней и внутренней миграции в КНР, генерируемая экономическими, демографическими и урбанизационными процессами. Определены факторы, сдерживающие миграцию китайского населения в Россию. Определено, что в долгосрочном периоде массовая миграция китайского населения в Россию представляется маловероятной. Показана специфика китайской миграции на Дальнем Востоке России и даны рекомендации для ее интенсификации.

Ключевые слова: миграция, урбанизация, миграционная политика, Китай, Северо-Восток Китая, Россия, Дальний Восток.

Ekaterina L. Motrich, Dr. Sc. (Econ.),

Chief Researcher, Economic Research Institute FEB RAS,
Khabarovsk, Russia. E-mail: motrich@ecrin.ru;

Dmitry A. Izotov,

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Economic Research Institute FEB RAS,
Khabarovsk, Russia. E-mail: izotov@ecrin.ru

TRANSFORMATION OF CHINESE MIGRATION ON THE RUSSIAN FAR EAST

(the study was conducted with support from RFBR, grant № 15-06-04959)

The transformation of external and internal migration into the PRC, generated by economic, demographic and urbanization processes is shown. The factors constraining the migration of the Chinese population to Russia are determined. The authors suggest that in the long run the mass migration of the Chinese population to Russia is unlikely. The specifics of Chinese migration in the Far East of Russia are shown and recommendations are given for its intensification.

Keywords: migration, urbanization, migration policy, China, Northeast of China, Russia, Russian Far East.

За время реформ Китай совершил мощный экономический рывок, в результате которого на сегодня китайская экономика по размеру ВВП занимает второе место в мире, уступая только США. Одним из очевидных результатов десятилетий быстрого экономического роста является увеличение реальных доходов китайского населения. Осуществление стратегии реформ и открытости, рост капитальных вложений в инфраструктуру и создание на базе городов развитого производства способствовали ускорению процесса урбанизации КНР, главным образом благодаря миграции из сельской местности. В целом, протекание процесса урбанизации в Китае не является чем-то уникальным с точки зрения опыта развивающихся стран. Согласно одному из положений модели А. Льюиса [22], в трудоизбыточной развивающейся стране процесс урбанизации способствует удорожанию рабочей силы, что влечет за собой ее миграцию из сельской местности в города. При этом размер национальной экономики увеличивается, о чем свидетельствует динамика реальных значений ВВП Китая.

Помимо естественного воспроизводства городского населения, процесс урбанизации в Китае поддерживается мощными миграционными потоками, увеличением численности населения агломераций и созданием новых малых и средних городов, возникающих за счет слияния крупных поселений [12]. Трансформационные сдвиги в китайской экономике способствовали значительному росту мобильности китайского населения в национальном пространстве. Особенно наглядно миграционные процессы в пространстве КНР проявляются на уровне регионов или на провинциальном уровне. Главным вектором перемещения китайского населения внутри страны является перемещение из внутренних регионов в некоторые приморские: Гуандун, Чжецзян, Цзянсу и ГЦП Шанхай [24], генерирующие порядка 90% китайского экспорта.

Численность межрегиональных мигрантов КНР увеличилась с 32,3 млн. человек в 1995-2000-х гг. до 38 млн. в 2000-2005 гг. и до 55,2 млн. в 2005-2010 гг. [19; 25] за счет перемещения трудоспособного населения в приморские регионы, производящие порядка 90,0% китайского экспорта. В китайских приморских городах, экономика которых ориентирована на экспорт трудоемкой продукции, доля мигрантов может достигать 70-80% от общей численности рабочей силы [18]. Основным источником межрегиональной миграции КНР выступает население внутренних регионов. По предварительным данным, на сегодня численность временных межрегиональных мигрантов КНР составляет 50-100 млн. человек. Именно эта миграция позволяет Китаю сохранять относительно низкие издержки по оплате труда в экспортном секторе. Согласно некоторым исследованиям [23], интенсивность воздействия экспорта на рынок труда была максимальной в первой половине 2000-х гг., когда за счет роста внешнего спроса было создано около 70,0 млн. рабочих мест, а со второй половины 2000-х гг. основным источником увеличения занятости стал выступать внутренний спрос, представленный, в том числе, ростом инвестиций в основной капитал.

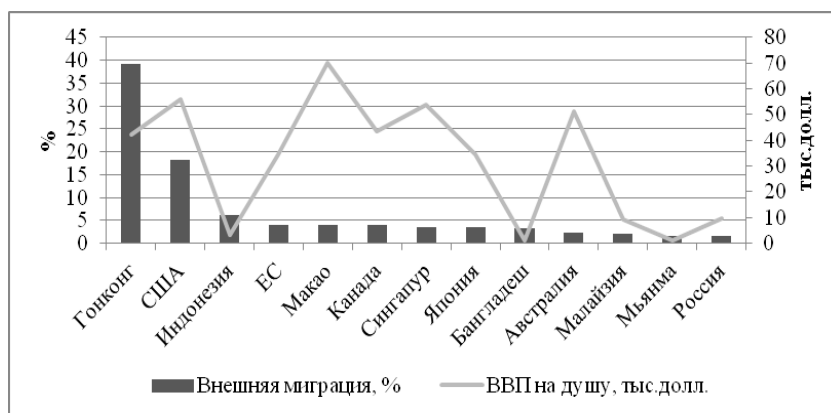
Миграция из сельской местности в города увеличивается вслед за ростом оплаты неквалифицированного труда, вовлекая в данный процесс в основном молодых людей трудоспособного возраста из сел, большинство из которых планируют постоянно проживать в городах [27]. Однако свободное перемещение населения в пространстве КНР и закрепление его в приморских регионах на постоянной основе сдерживается барьерами, в том числе административного характера. Институт прописки, который первоначально задумывался для ограничения неконтролируемого перемещения трудовых ресурсов в пространстве страны, является фактором, сдерживающим свободную миграцию в КНР. В итоге, в КНР стала складываться парадоксальная ситуация: избыток трудовых ресурсов в сельской местности и их дефицит в городах. Согласно оценкам, отказ от института прописки в Китае может увеличить реальные среднедушевые доходы почти на 5,0% [28], а

внутренний миграционный поток может увеличиться вдвое: со 150 до 300 млн. человек [20].

Масштабная внутренняя миграция, урбанизация, политика ограничения рождаемости («политика одного ребенка») определяют различного рода трансформации как в структуре трудовых ресурсов, так и населения КНР в целом. С 2010 г. в городах Китая наблюдается превышение спроса на рабочую силу над ее предложением, хотя стоит заметить, что в них существует безработица, которая, вероятно, является естественной (4% от численности трудоспособного населения). Одновременно в сельской местности КНР происходит истощение избыточной рабочей силы, мигрирующей в города.

В долгосрочной перспективе следует ожидать сокращения как межрегиональной миграции, так и численности временного населения в приморских городах Китая. В настоящее время китайская экономика объективно замедляется, а руководством КНР демонстрируется приверженность к ее качественному упорядочению за счет структурных и институциональных преобразований. Изложенные факты дают основание предположить, что Китай переходит в качественно другое состояние — от избытка трудовой силы к ее дефициту. В связи с этим вполне реально предположить, что демографические трансформации в КНР могут негативно отразиться на привлечении китайской рабочей силы в Россию.

Размер внешней миграции КНР гораздо меньше миграции внутренней. Большинство китайских внешних мигрантов (почти половина численности чистой миграции из КНР) за 1990-2015 гг. абсорбировали Гонконг с Макао и США. Популярностью у китайских мигрантов пользовались и такие развитые страны как: Япония, Канада, Австралия, Сингапур и страны Европейского союза (ЕС) (рис. 1).

Источник: Рассчитано по: [21; 26].

Рис.1. Структура иммигрантов из КНР по странам (1990-2015 гг.) и среднедушевой ВВП стран проживания китайских мигрантов (2015 г.)

Такой тренд китайских миграционных потоков объясняется тем, что размер ВВП на душу населения указанных стран значительно превосходит аналогичный показатель по Китаю, который к 2015 г. составил 8,2 тыс. долл. США. Другим направлением миграции из КНР являются быстрорастущие страны Восточной Азии, в которых имеют свои интересы крупнейшие китайские корпорации: Индонезия, Бангладеш, Малайзия, Мьянма. Доля России в численности иммигрантов из Китая относительно невысока — 1,6%. Рост доходов населения КНР стал сдерживать китайскую внешнюю трудовую миграцию, но стал способствовать туристическим поездкам китайских граждан в Россию.

К 2015 г. сальдо чистого оттока сменилось чистым притоком населения в Китай. Возможно, в Китай возвращаются выходцы из КНР, долгое время проработавшие за границей, а также привлекаются зарубежные специалисты. Таким образом, китайская внешняя миграция значительно уступает по своим размерам миграции внутренней. Главный вектор миграции из Китая направлен на развитые страны, уровень жизни в которых значительно превосходит китайский.

Российское направление для китайских мигрантов никогда не характеризовалось бурным ростом и высокой долей во внешней миграции Китая. Специфика двусторонних взаимодействий заключается в сильной зависимости от цен на сырьевую продукцию, которую экспортирует Россия [3]. Даже если предположить, что текущая рецессия сменится периодом поступательного развития российской экономики, массовая миграция китайского населения в Россию будет сдерживаться следующими факторами:

- опережающим ростом заработных плат в КНР;
- наличием устоявшихся миграционных потоков внутри Китая в приморские агломерации, уровень развития которых вплотную приблизился к развитым странам;
- ограничением для масштабного трудоустройства на российской территории по причине специфики структуры российской экономики;
- снижением интереса в получении образования в российских высших учебных заведениях;
- конкуренцией со стороны мигрантов из стран СНГ и дешевой рабочей силы из других стран.

По этим причинам в долгосрочном периоде массовая миграция китайского населения в Россию в целом представляется маловероятной.

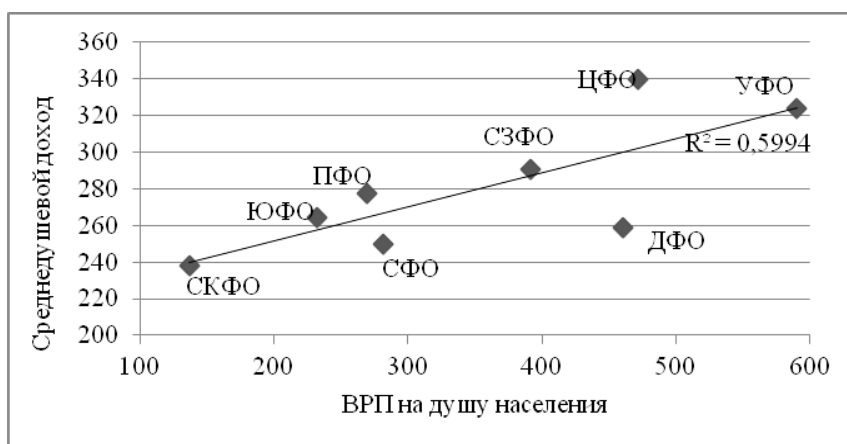
Китай имеет с Россией протяженную сухопутную границу. В последнее время наблюдается обоюдное стремление российского и китайского руководства придать положительный импульс развитию своих периферийных территорий, прилегающих к границе (для России — регионы Дальнего Востока; для КНР — регионы Северо-Востока) за счет наращивания инвестиций в инфраструктуру и создания условий для привлечения капиталовложений в опережающие точки роста и перспективные отраслевые проекты.

Одной из заметных инициатив китайского центрального правительства для ускоренного развития приграничных с Россией регионов Китая является реализация «Плана возрождения экономики Северо-Востока КНР», а также программ провинциальных властей, разработанных в рамках данного документа. Власти КНР стремятся придать положительный импульс в развитии экономики и добиться ослабления социальной напряженности на Северо-Востоке Китая. Китайское руководство прилагает усилия в создании условий долгосрочного поступательного развития экономики, уделяя при этом внимание решению структурных проблем, а также способствуя интенсификации приграничного сотрудничества. С этой целью в последнее время руководство Китая одобрило планы дальнейшего реформирования экономики регионов Северо-Востока. По причине тесных экономических взаимосвязей с приграничными регионами российского Дальнего Востока, сформировавшихся ввиду наличия протяженной государственной границы, а также трансграничной транспортной инфраструктуры, взаимодействия с российским рынком в приграничных регионах КНР традиционно рассматриваются как один из главных факторов интенсификации экономического развития.

Дальневосточный федеральный округ входит в круг взаимодействия с разнонаправленным миграционным потенциалом: внутрирегиональные миграционные потоки, межрегиональные (с федеральными округами и их субъектами) и внешние (со странами СНГ и Балтии и дальним зарубежьем).

Внутрирегиональная миграция не может влиять на общую динамику населения Дальневосточном федеральном округе, поскольку происходит изменение численности населения (увеличение или уменьшение) одних субъектов региона за счет других. Во внутрирегиональном миграционном потоке наибольшую активность проявляют жители Приморского и Хабаровского краев и Республики Саха (Якутия). На эти территории в 2011 г. в общем внутрирегиональном потоке приходилось 69,5% (74,1 тыс. человек), в 2015 г. — 72,5% (92,7 тыс. человек). Но увеличения населения за счет внутрирегиональной миграции они не имели, поскольку теряли свое население в межрегиональном движении [15; 17].

Межрегиональные миграционные потоки в постсоветский период не дают Дальнему Востоку положительного миграционного сальдо и, прежде всего, из-за социально-экономического неравенства между регионами. По среднему доходу дальневосточные регионы существенно отстают от целого ряда субъектов Федерации¹, расположенных в западной части страны и являющихся центрами притяжения для населения с Дальнего Востока. Такая ситуация сложилась в результате серьезного «разрыва» между общим развитием экономики и доходами населения: ВРП на душу населения в регионе превосходит соответствующий среднероссийский показатель почти в два раза, а социально-экономическое неравенство обусловлено особенностями распределения доходов (рис. 2).

Примечание: среднедушевой доход скорректирован на величину фиксированного набора потребительских товаров и услуг относительно среднероссийской стоимости. Данные по ЮФО приведены без учета вхождения Республики Крым и Севастополя в состав РФ.

Источник: рассчитано по данным Госкомстата РФ.

Рис. 2. Среднедушевой доход и ВРП по федеральным округам России в среднем за 2010-2015 гг., тыс. руб.

Расположение Дальнего Востока «под линией тренда» и на значительном от него расстоянии является подтверждением слабой корреляции между доходами населения и развитием экономики, темпы роста которой за последнее время превышали среднероссийские [2]. Межрегиональные взаимодействия Дальнего Востока, по существу, выполняют роль донора населения и трудовых ресурсов для других федеральных округов России (табл. 1).

¹ Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Свердловская область, Самарская область, Республика Татарстан и т.д.

Таблица 1

Миграционное взаимодействие ДФО с федеральными округами РФ, человек

Федеральный округ	Прибывшие в ДФО из ФО		Выбывшие из ДФО в ФО		Миграционное сальдо		Результативность миграции	
	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.
РФ	18703	52101	49141	84917	-30438	-32816	38	61
Центральный	3488	11129	15177	21593	-11689	-10464	23	52
Северо-Западный	1487	6461	5794	14691	-4307	-8230	26	44
Южный	2091	6721	7459	16326	-5368	-9605	28	41
Северо-Кавказский	1064	2158	1618	2386	-554	-228	66	90
Приволжский	2839	6114	5590	7753	-2751	-1639	51	79
Уральский	1108	2934	2285	3585	-1177	-651	48	82
Сибирский	6626	16014	11218	16797	-4592	-783	59	95
Крымский	...	570	...	1786	...	-1216	...	32

Источники: [16. С. 42; 17].

Межрегиональная миграция, необходимая Дальневосточному региону для социально-экономического развития и улучшения демографической ситуации продолжает характеризоваться отрицательным сальдо. Ни один из федеральных округов России не дает положительного результата в миграционном партнерстве населением.

В отличие от межрегиональной миграции, Дальний Восток имеет положительное сальдо в миграционном партнерстве со странами ближнего зарубежья (странами СНГ). Правда, при этом положительное сальдо является несоизмеримо меньшим по размерам (8,2 тыс. человек в 2015 г.) в сравнении с периодом до начала перестройки (33,5 тыс. человек в 1986 г.) [9. С. 87] (табл. 2).

Таблица 2

Миграционное взаимодействие субъектов ДФО со странами СНГ, человек

Субъекты ДФО	Прибывшие в ДФО из стран СНГ		Выбывшие из ДФО в страны СНГ		Миграционное сальдо на ДВ за счет стран СНГ	
	2011 г.	2015 г.	2011 г.	2015 г.	2011 г.	2015 г.
ДФО	13912	22144	2158	13937	11754	8207
Республика Саха (Якутия)	1416	1018	734	599	682	419
Камчатский край	2440	3504	91	2475	2349	1029
Приморский край	4886	6817	642	4679	4244	2138
Хабаровский край	1612	5211	317	3574	1295	1637
Амурская обл.	327	1510	138	975	189	535
Магаданская обл.	483	1200	102	280	381	920
Сахалинская обл.	2396	2509	86	1175	2310	1334
Еврейская АО	92	219	24	141	68	78
Чукотский АО	260	156	24	39	236	117

Источник: [15. С. 24; 17. С. 43].

Положительное миграционное сальдо за счет миграционного партнерства со странами СНГ за 2011 — 2015 гг. сократилось на 30,1%. За эти годы число прибывших увеличилось на 59,2%, а число выбывших — в 5,5 раза. Положительное сальдо этого потока за 2011 — 2015 гг. присуще только четырем из девяти субъектов региона: Хабаровскому краю, Амурской, Магаданской и Еврейской автономной областям. Результативность миграции в 2015 г. со странами СНГ в 2,6 раза выше (159 человек прибывших на 100 человек

выбывших) чем в межрегиональной миграции (61 человек прибывших на 100 чел. выбывших. Но в миграционном потоке со странами СНГ наблюдается высокий холостой оборот мигрантов, что может осложнять социально-экономическую обстановку в регионе.

Что касается перспективы миграционного взаимодействия Дальнего Востока со странами СНГ, то вполне вероятно предположить тенденцию к понижению, поскольку происходит трансформация в соотношении числа выбывших к прибывшим. Например, в Хабаровском крае прибывших в 2011 г. было больше относительно числа выбывших в 5,1 раза, в 2015 г. — в 1,5 раза, в Амурской области соответственно в 2,4 и 1,5 раза, в Магаданской области в 4,7 и 4,3 раза, в ЕАО в 3,8 и 1,5 раза. Такая ситуация является свидетельством низкой приживаемости мигрантов на территории вселения, что, по-видимому, является отражением несоответствия, ожидаемого с действительностью в месте нового вселения. Поэтому целью миграционной политики должно стать закрепление мигрантов из стран СНГ на территории Дальнего Востока с тем, чтобы последующие их поколения, выросшие в русской среде, не имели проблем с интеграцией [14. С. 602].

Положительное значение имеют миграционные связи Дальневосточного федерального округа со странами дальнего зарубежья, обеспеченные преимущественно Китаем, результативность обмена с которым в 2010 г. в сравнении с 2002 г. увеличилась в 2,8 раза (на десять прибывших из Китая в 2010 г. 3,9 человек выбывших), что во многом обусловлено привлечением рабочей силы [10]. Но прежде чем говорить о современном миграционном взаимодействии с Китаем, необходимо отметить, что китайское присутствие на Дальнем Востоке России имеет довольно длительную историю с существенными изменениями в численности мигрантов. Россия уже более 150 лет взаимодействует в дальневосточных регионах с Китаем и Северной Кореей. Сразу же с заселением Приморья и Приамурья туда устремились в поисках заработка, а порой и нового места жительства китайцы из северо-восточных провинций, а также корейцы. Во второй половине 30-х годов XX века на Дальнем Востоке проживали от 150 до 170 тысяч китайцев и корейцев. В последующие годы китайские диаспоры продолжали быть на Дальнем Востоке, но их численность значительно уменьшилась. Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала на территории российского Дальнего Востока 1742 китайца [7. С. 81]. Уже с 1991 г. численность китайского населения в регионе начала интенсивно увеличиваться.

Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала в числе постоянных жителей Дальнего Востока 9679 человек. китайцев (28% от их числа по России в целом) [1, с. 115]. Всероссийская перепись населения 2010 г. зарегистрировала численно меньше — 8788 китайских граждан, но доля проживающих на Дальнем Востоке увеличилась до 30,4% от их числа по России в целом [6. С. 130-140]. В общей численности населения Дальнего Востока доля китайских граждан по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов оставалась неизменной — 0,1%.

Проживающие в целом в Российской Федерации и на Дальнем Востоке китайские граждане в своем большинстве владеют русским языком (соответственно, 66,9 и 60,5% в 2010 г.). Но при этом следует заметить, что доля китайских граждан, владеющих русским языком к 2010 г. значительно увеличилась (табл. 3).

Китай многие годы посредством сравнительно небольших инвестиций и создания многочисленных СП наращивал объемы экономической деятельности и экспорт неквалифицированных рабочих кадров в Приморский и Хабаровский края, Амурскую и Еврейскую автономную области. Удельный вес китайских рабочих достигал 65-70% от общего числа иностранных рабочих, занятых на территории Дальнего Востока [13. С. 171]. В период высоких темпов экономического роста и доходов в России, которые пришлись на 2000-е гг. и вплоть до 2014 г., за исключением кризиса 2008-2009 гг., важнейшим направлением российско-китайского взаимодействия и на межгосударственном, и региональном уровнях,

являлось привлечение китайской рабочей силы. При этом за последнее десятилетие стал наблюдаться процесс вытеснения китайской рабочей силы трудовыми мигрантами из стран Средней Азии.

Таблица 3

Численность китайских граждан на Дальнем Востоке и владение русским языком, человек

Территория	2002 г.			2010 г.		
	Число китайских граждан	из них владеют русским языком	% владеющих русским языком	Число граждан	Из них владеют русским языком	% владеющих русским языком
Россия	34577	23399	67,8	28943	19363	66,9
Дальний Восток	9679	4124	42,6	8788	5314	60,5
Республика Саха (Якутия)	891	325	36,5	926	496	53,6
Камчатский край	31	31	100,0	38	30	78,9
Приморский край	3840	912	23,8	2857	1817	63,6
Хабаровский край	3815	2298	60,2	3898	2123	54,5
Амурская область	851	436	51,2	672	585	87,1
Магаданская область	18	16	88,9	237	137	57,8
Сахалинская область	131	25	19,1	76	52	68,4
Еврейская автономная область	102	81	79,4	84	74	88,1
Чукотский автономный округ	-	-	-	-	-	-

Источник: [11. С. 112-121; 6. С. 130-140].

В настоящее время нет угрозы неконтролируемой китайской миграции в Россию. Дальний Восток в течение ближайших лет будет продолжать рассматриваться в КНР как поставщик природных ресурсов; как регион, с возможностями для предоставления услуг китайских рабочих; а также как транзитный пункт для поставок китайских товаров. По объективным причинам основными местами концентрации китайской миграции с 1990-х гг. и до настоящего времени на Дальнем Востоке являются несколько крупнейших агломераций: Владивосток, Уссурийск, Хабаровск, Благовещенск и Биробиджан [8]. В основном, китайские мигранты трудоустроены в сфере услуг и в сельском хозяйстве. В связи с текущей корректировкой цен на сырьевые товары в сторону уменьшения, некоторые совместные с инвесторами из КНР проекты на юге Дальнего Востока были приостановлены. Трудовая миграция стала частью инвестиционной политики Китая в Россию. Но при этом использование китайского труда на российском Дальнем Востоке волатильно: тенденции понижения сменяются повышением и наоборот. Например, использование труда китайских граждан в Хабаровском крае в 2003 г. из всей используемой в крае иностранной рабочей силы на долю китайской приходилось 45,5% (4528 человек), в 2005 г. — 38,4% (3812 человек), в 2015 г. — 22,6% (5565 человек) и в 2016 г. 21,1% (4540 человек). Такую ситуацию можно объяснить трансформацией трендов китайских миграционных потоков.

Вероятно, для интенсификации экономического сотрудничества с КНР на Дальнем Востоке необходимо создание льготных условий и расширение полномочий во внешнеэкономической деятельности приграничных регионов России [5]. Согласно данному сценарию, приграничные регионы Дальнего Востока могут присоединиться к формируемой открытой приграничной зоне провинции Хэйлунцзян, используя упрощенный пограничный и таможенный режимы в рамках пограничных переходов и прилегающих к ним территорий, либерализации валютных и банковских операций; китайская рабочая сила и капитал будут активно привлекаться в первичный сектор экономики; российский и китайский бизнес будут согласовывать интересы в заполнении товарных ниш в рамках реали-

зации проектов со схожей отраслевой специализацией; будет продолжаться усовершенствование транспортно-логистической инфраструктуры и создаваться «пояс открытости» как в рамках приграничной территории, так вдоль крупных транспортных сетей. Для привлечения туристов из КНР и создания новых туристических потоков, Дальнему Востоку необходима интеграция в международные и национальные туристические маршруты китайского региона, которая сдерживается отсутствием круглогодичных пунктов пропуска.

При этом, нельзя не отметить тот факт, что интенсификация экономических взаимодействий для регионов Дальнего Востока с приграничными регионами КНР, а по сути, с китайским рынком в целом, таит в себе определенные риски, которые связаны с возможным снижением высоких темпов роста, в связи с исчерпанием инвестиционной модели роста национальной экономики, что может вызвать нарастание социальных и структурных проблем Северо-Востока КНР, которые до сих пор кардинально не решены [4].

Миграционная политика регионов Дальнего Востока направлена на устранение дефицита ресурсов труда за счет увеличения масштабов трудовой иммиграции. Привлечение трудовых ресурсов не должно являться самоцелью, а находиться в зависимости от потребностей хозяйственного комплекса региона. В последние годы квота на привлечение иностранных работников на территорию региона не выбирается полностью и наблюдается сокращение численности привлекаемой в регион рабочей силы. Квота на иностранную рабочую силу утверждается за год до привлечения работников из-за рубежа, что является продолжительным сроком для работодателей в плане трудоустройства временных мигрантов. С целью интенсификации использования иностранной рабочей силы, вероятно, необходимо сократить время для ее квотирования.

Необходимо систематическое изучение потребности регионального рынка труда в целях определения спроса на иностранную рабочую силу. Для этого может быть создан многофункциональный миграционный центр для сокращения сроков трудоустройства на основе опыта центров, функционирующих в западных регионах России. Также необходимо создание открытой международной электронной площадки по облегчению поиска специалистов из-за рубежа.

Литература и Интернет источники

1. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. — М.: Экон-Информ, 2016. — 183 с.
2. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. — 2017. — № 4. — С. 27-44.
3. Изотов Д.А. Российско-китайская торговля и валютный курс // Пространственная экономика. — 2012. — № 3. — С. 34-54.
4. Изотов Д.А. Северо-Восток Китая в условиях мирового кризиса // Экономика региона. — 2010. — № 4. — С. 229-234.
5. Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2011. — № 4. — С. 8-21
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11-ти т. / Федер. служба гос. статистики. — М.: Статистика России, 2012. — Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство. — Кн. 1. — 847 с.
7. Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — № 5. — С. 76-87. — С. 81.
8. Киреев А.А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора? [Electronic resource]. Access mode: <http://zaimka.ru/kireev-chinese-diaspora>

9. Мотрич Е.Л. Миграционные компоненты демографического развития Дальневосточного федерального округа // Демографическое развитие российского Дальнего Востока: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». — Т. 2. — № 1 / Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., к.ф.-м.н. Храмовой М.Н. — М.: Эконом-Информ, 2016. — 210 с.
10. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных процессов на Дальнем Востоке России / Социологическое образование: достижения, проблемы и пути развития: сборник научных трудов / Редакколл.: В.И. Зырянов и др. — Хабаровск: ДВИУ — филиал РАНХиГС, 2014. — С. 161-162.
11. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 946 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; — Т. 4. — Кн. 1. — С. 112-121)
12. Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. — М.: ИДВ РАН, 2003. — 456 с.
13. Седлов А.П. Оценка трудового потенциала и перспективы развития Дальневосточного федерального округа // Общество и экономика. — 2010. — № 10-11. — С. 152-183.
14. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050 / Под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Рос. акад. наук, ДО, ИИЭИ. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 912 с.
15. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г. Стат. бюлл. / ФСГС (Росстат). — М., 2012. — 147 с.
16. Численность и миграция населения РФ в 2010 году. Стат. бюлл. / ФСГС (Росстат). — М., 2011. 173 с.
17. Численность и миграция населения РФ в 2015 году. Стат. бюлл. / ФСГС (Росстат). — М., 2016. [Electronic resource]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm
18. Chan K.W. China, Internal Migration // The Encyclopedia of Global Human Migration. Ed. by I. Ness. Blackwell Publishing, 2013.
19. Chan K.W. Migration and development in China: trends, geography and current issues // Migration and Development. 2012. Vol. 1. № 2. Pp. 191-200.
20. Golley J., Meng X. Has China run out of surplus labour? // China Economic Review. 2011. Vol. 22. Pp. 555-572.
21. International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, 2017. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/index.aspx>
22. Lewis W.A. Economic development with unlimited supplies of labour // The Manchester School. 1954. Vol. 22. № 2. Pp. 139-191.
23. Los B., Timmer M.P., de Vries G.J. How important are exports for job growth in China? A demand side analysis // Journal of Comparative Economics. 2015. Vol. 43. №1. Pp. 19-32.
24. Shen J. Increasing internal migration in China from 1985 to 2005: Institutional versus economic drivers // Habitat International. 2013. Vol. 39. Pp. 1-7.
25. Shen J., Liu Y. Skilled and less-skilled interregional migration in China: A comparative analysis of spatial patterns and the decision to migrate in 2000-2005 // Habitat International. 2016. Vol. 57. Pp. 1-10.
26. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations. Population Division. Department of Economic and Social Affairs. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml>
27. Wang X., Huang J., Zhang L., Rozelle S. The rise of migration and the fall of self employment in rural China's labor market // China Economic Review. 2011. Vol. 22. Pp. 573-584.
28. Xu K. Barriers to labor mobility and international trade: The case of China // China Economic Review. 2014. Vol. 29. Pp. 107-125.

Данилова Зинаида Андреевна,

*доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории геоэкологии,
Байкальский институт природопользования СО РАН,
Улан-Удэ, Россия. E-mail: ziha@mail.ru*

РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕГИОНЕ

Рассматриваются аспекты управления и прогнозирования внутренней и внешней трудовой миграции в трансграничном регионе на основе статистического и корреляционного анализа, математических методов прогнозирования, материалов социальных обследований, проведенных автором. Показан двойственный характер трудовой миграции; изучены риски развития трудового потенциала, выявлен его дефицит; рассчитан прогноз численности иностранной рабочей силы, отражены субъективные оценки миграционной политики экспертами и мигрантами. Отмечается повышенное ощущение индивидуальной и групповой зависимости трудовых иммигрантов от принимающего государства.

Ключевые слова: *регион, трудовая эмиграция, иммиграция, трудовой потенциал, миграционная политика, субъективные оценки, регулирование, прогнозирование.*

*Zinaida A. Danilova, Dr. Sc. (Social.), Prof.,
Leading Researcher, Geocology Laboratory,
Baikal Institute of Nature Management, SB RAS,
Ulan-Ude, Russia. E-mail: ziha@mail.ru*

REGULATION AND FORECASTING LABOR MIGRATION IN THE REGION

Aspects of management and forecasting internal and external labor migration in the transboundary region on the basis of statistical and correlation analysis, mathematical methods of forecasting, social research materials conducted by the author. Shows the dual nature of labor migration; studied the risks of development of labor potential, revealed its deficit; the forecast of the number of foreign labor is calculated, subjective assessments of the migration policy by experts and migrants are reflected. It indicated an increased sense of individual and group depending of labor immigrants from the host State.

Keywords: *region, labor emigration, immigration, labor potential, migration policy, subjective assessments, regulation, forecasting.*

В приграничных регионах России происходят активные миграционные процессы, обусловленные близостью границ, возможностью использования избыточных трудовых ресурсов соседних стран, особенно граждан Китая. В статье рассматриваются некоторые аспекты управления и прогнозирования внешней трудовой миграции в трансграничном регионе — Республике Бурятия. Целью миграционной политики является стимулирование внутренней миграции, притока необходимой для экономики категорий иммигрантов и сокращение эмиграционного оттока.

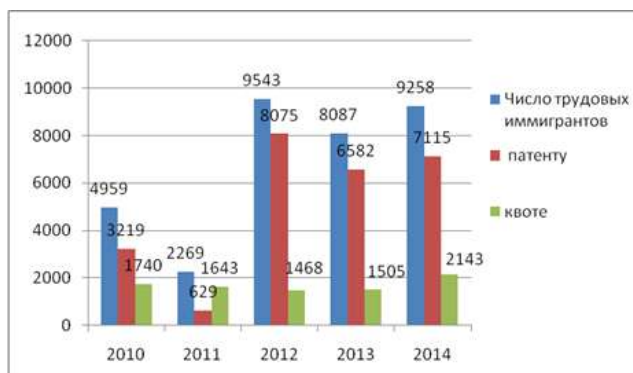
Основные положения при регулировании внешней трудовой миграции:

- миграцию возможно рассматривать не только как угрозу для страны, но и как ресурс для ее развития;
- привлечение иностранных рабочих по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями экономики;
- адаптация и интеграция мигрантов в российское общество — важный элемент миграционной политики.

Методы исследования: статистический и корреляционный анализ; математические методы прогнозирования, социальные исследования. В работа использовались материалы обследований, проведенных под руководством автора в июне-ноябре 2015 г.: «Зарубежные трудовые мигранты в регионе: социально-экономические и правовые аспекты адаптации и управления» (n=127). полуструктурированное интервью экспертов «Опыт регулирования миграционных процессов в регионе» (n=26).

Результаты исследования

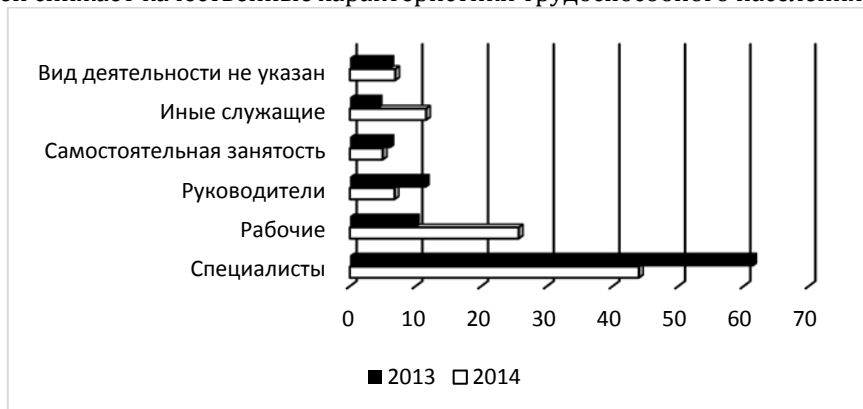
1. Показано, что трудовая миграция как социально-экономический феномен, приобрела в регионе двойственный характер: происходит вымывание квалифицированной рабочей силы и ее замещение неквалифицированными мигрантами. Эффекты «вымывания» и «замещения» рабочей силы происходит не в пользу региона вследствие недостаточного присутствия высокотехнологичных секторов производства, преимущественно сырьевой ориентации экономики, не способной генерировать высокооплачиваемые рабочие места. Профессионально-квалификационный состав трудовых мигрантов, прибывающих по квоте, в основном состоит из квалифицированных рабочих. По патенту (а это доминирующая группа мигрантов) преимущественно прибывает малоквалифицированная рабочая сила (рис. 1).

Источник: Материалы УФМС по Республике Бурятия.

Рис. 1. Количество патентов и разрешений на работу, полученных трудовыми мигрантами в Республике Бурятия в 2010-2014 гг., человек

Эмигрирует, как правило, наиболее квалифицированная и конкурентоспособная часть населения, среди которых высока доля молодежи. Неэквивалентный миграционный обмен снижает качественные характеристики трудоспособного населения (рис. 2).

Источник: Материалы УФМС по Республике Бурятия.

Рис. 2. Профессиональная структура трудовых эмигрантов из Республики Бурятия в 2013-2014 гг., %

2. Изучены риски развития трудового потенциала региона. Выявлено, что соотношение численности населения, вступающего в трудоспособный возраст и выходящего из него, приобретает угрожающий характер к 2020 г. По прогнозной оценке, к 2020 г. она будет составлять около 1 тыс. человек. Наиболее критичным является 2018 г., когда число вступивших в трудоспособный возраст будет равно числу лиц, достигших пенсионного возраста (рис. 3.). В условиях приграничного региона, близости стран АТР, основного мирового донора трудовых мигрантов — КНР, дефицит в трудовой силе могут восполнить трансграничные мигранты, а также граждане из стран СНГ. В дальнейшем ожидается пополнение трудового потенциала за счет естественного прироста населения.

Источник: составлено по материалам Бурятстат.

Рис. 3. Прогнозная оценка соотношения численности населения, вступающего в трудоспособный возраст, и численности населения, выходящего из него

3. Установлено, что в перспективе до 2020 г. доля российских работников в общей численности трудоспособного населения региона будет увеличиваться. Влияние ИРС на рынок труда будет оставаться незначительным. Однако масштабы и направления трудовой иммиграции могут измениться. Рассчитан прогноз численности иностранной рабочей силы в регионе по формуле (Парикова Н. и др.):

$$Lm_t = \frac{X_t}{4,6643 \cdot t^2 + 141,16 \cdot t + 731,77} - (2,4509 \cdot \ln t + 67,054) \cdot N_t$$

где:

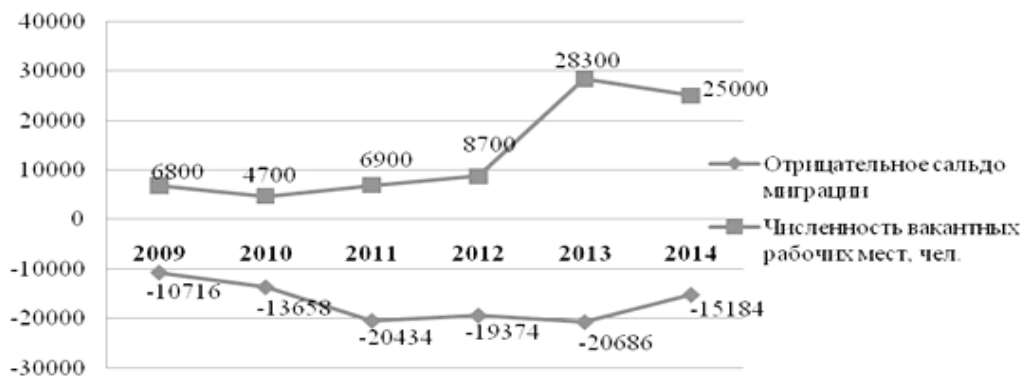
X_t — объем ВВП;

N_t — численностью населения в трудоспособном возрасте

$\ln t$ — логарифм натурального числа определенного времени

Согласно прогнозной оценке, численность иностранных работников в 2017-2020 гг., необходимой экономике региона, будет варьироваться в пределах от 6 до 10 тыс. чел. Ретроспективный анализ динамики численности ИРС подвержен достаточно сильным колебаниям, обусловленный преимущественно политическими и социальными факторами — необходимостью трудоустройства местной рабочей силы (высокий уровень безработицы), кризисом, экономическими санкциями.

4. Несмотря на эффективность применения труда иностранных рабочих, пополнения рынка труда дешевой рабочей силой, в регионе происходит сокращение квалифицированной рабочей силы, прибывающей по квоте. В условиях приграничного региона данная политика является экономически нецелесообразной. В отличие от Бурятии, в Забайкальском крае и Иркутской области не происходит существенных колебаний в численности ИРС. Она варьируется в пределах от 15 до 20 тыс. человек. Данная мера вполне объяснима, поскольку число вакантных рабочих мест и отрицательное сальдо миграции в Байкальском регионе остается высоким (рис. 4).

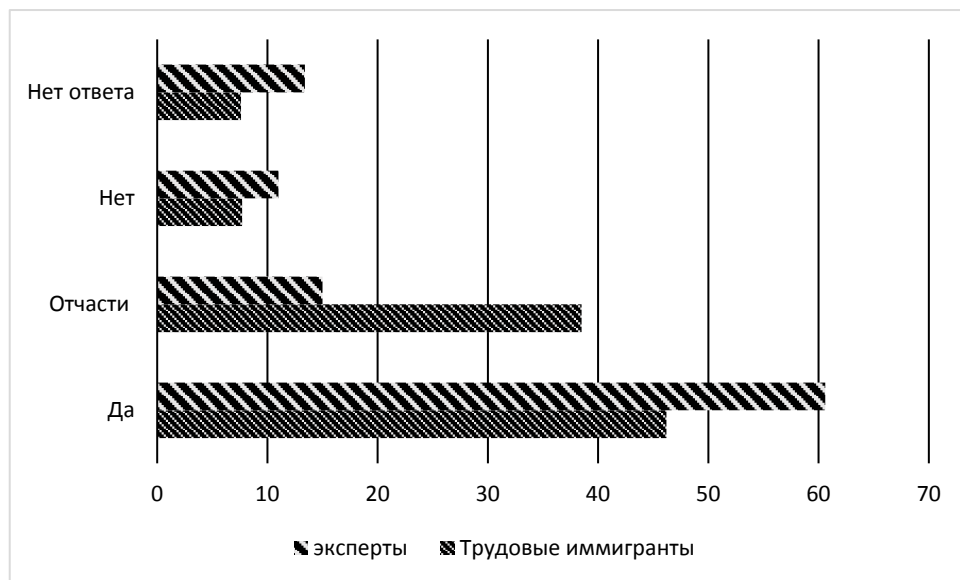

Источник: Составлено по материалам Бурятстат, Республиканского агентства занятости населения.

Рис. 4. Сальдо миграции и количество вакантных рабочих мест в Республике Бурятия

5. На основе социологического обследования выявлено, что трудовые мигранты в своем большинстве не пытаются идентифицировать себя в качестве членов общества резидента, что свидетельствует о временном настрое их пребывания в регионе. Отмечается повышенное ощущение индивидуальной и групповой зависимости трудовых мигрантов

от принимающего государства. Субъективные оценки эффективности миграционной политики в регионе достаточно сильно разнятся. Большинство экспертов, работающих в сфере миграции, считают, что она эффективна. Многие зарубежные мигранты указывают, что она действенна лишь отчасти (рис. 5).

Источник: Социологические опросы трудовых мигрантов и экспертов в Республике Бурятия в 2015 году

Рис. 5. Ответы на вопрос: «Эффективна ли миграционная политика в регионе (Республике Бурятия)?», %

Одна треть зарубежных мигрантов чувствуют себя лишь частично защищенными от произвола властных структур, силовых ведомств. Существенно снижен уровень защищенности мигрантов от неправомерных действий работодателей. Типичные дискриминационные практики — расторжения, нарушения трудовых договоров, отказ или сокращение заработной платы, сверхурочная работа, увеличение продолжительности рабочего дня и др. Трансграничные мигранты испытывают трудности с жильем, своевременным получением заработной платы, медицинской помощи. Согласно оценке важности проблем для мигрантов по пятибальной шкале, для 22,2% иностранных рабочих представляется актуальным безопасностью для себя и членов своей семьи. Основными барьерами в управлении миграционными процессами эксперты считают отсутствие методики учета нелегальных мигрантов, правовые пробелы, нарушения и незнание миграционного законодательства. Причинами нарушения миграционного законодательства эксперты считают главным образом незнание законов и их игнорирование иммигрантами.

Выводы

В современных условиях потенциал трансграничного сотрудничества в регионе не используется в полной мере. Властные структуры не рассматривают зарубежную трудовую миграцию фактором развития региона, представляют ее преимущественно с позиций негативных последствий в то время, как соотношение численности населения региона,

вступающего в трудоспособный возраст и выходящего из него, приобретает угрожающий характер. В условиях демографического кризиса в стране, особенно в приграничных регионах, миграция является важным ресурсом ее демографического и экономического развития. Эффективная миграционная политика призвана этот ресурс мобилизовать, при соблюдении баланса национальной безопасности и прав человека.

Литература

1. Рязанцев С.В. и др. Практика использования патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами-трудящимися мигрантами в РФ //Международная организация по миграции. — М, 2012. — 94 с.
2. Рязанцев С.В. Приоритеты миграционной политики России// Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2015. — № 6. — С. 34-39.
3. Рязанцев С.В., Боженко В.В., Пажневский Ш.З. Трудовые мигранты на российском рынке труда: вклад в экономическое развитие страны // Сегодня и завтра российской экономики. — 2015. — № 70. — С. 5-14.
4. Труд и занятость в России. 2013. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013.
5. Отчет обследования мигрантов «Зарубежные трудовые мигранты в регионе: социально-экономические и правовые аспекты адаптации и управления». — Улан-Удэ, 71 с.

Храмова Марина Николаевна,
кандидат физико-математических наук; доцент, МГИМО (Университет) МИД России;
ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: kh-mari08@yandex.ru;
Безвербный Вадим Александрович,
кандидат экономических наук, доцент, МГИМО (Университет) МИД России;
ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований,
Москва, Россия. E-mail: vadim_ispr@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

(исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 17-06-00699)

Статья посвящена изучению закономерностей современных миграционных процессов в регионах Дальнего Востока РФ. Анализируются масштабы и направления миграционных потоков, половозрастной, национальной и образовательный состав мигрантов. Выделяются основные факторы, определяющие привлекательность регионов Дальнего Востока для мигрантов. Подводятся некоторые итоги реализации Программы переселения соотечественников. Показывается, что в настоящее время прирост численности населения Дальневосточного федерального округа возможен только за счет миграционного взаимодействия со странами СНГ.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ, международная миграция, межрегиональная миграция, приграничные регионы России, факторы миграции, социально-экономическое развитие российских регионов.

Marina N. Khramova, Cand. Sc. (Physic-Mathematics),
Associate Professor, MGIMO (University) of the MFA of Russia;
Leading Researcher, Institute for Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: kh-mari08@yandex.ru;
Vadim A. Bezverbny, Cand. Sc. (Econ.),
Leading Researcher, Institute for Socio-Political Research, RAS;
Associate Professor, MGIMO (University) of the MFA of Russia,
Moscow, Russia. E-mail: vadim_ispr@mail.ru

MIGRATION PROCESSES IN THE BORDER REGIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY

(the study was conducted with support from RFBR, grant No. 17-06-00699)

This work is devoted to the study of the regularities of modern migratory processes in Far Eastern regions of Russia. The article analyzes the scale and directions of migration flows, age and sex, national, and educational composition of migrants. Moreover, the article highlights the main factors influencing the attractiveness of Far Eastern regions for migrants, and summarizes some results of the Programme of resettlement of compatriots to Far East. In addition, it is shown that the population growth of the region at present is only possible due to the migratory interactions with the CIS countries.

Keywords: Far Eastern Federal District, international migration, interregional migration, border regions of Russia, determinants of migration, social and economic development of Russian regions.

В современных геополитических условиях сохранение и увеличение человеческого потенциала в регионах Сибири и Дальнего Востока России имеет стратегический характер. Существующего демографического потенциала, которым характеризуются сейчас дальневосточные территории, уже недостаточно для обеспечения устойчивого развития, роста экономики, внедрения инновационных технологий. Фактически демографическое развитие дальневосточных территорий РФ становится одним из ключевых факторов национальной безопасности страны в целом [9].

По данным текущего учета, на 1 января 2017 г. численность населения ДФО снизилась до 6183 тыс. человек против 6195 тыс. человек годом ранее. В относительном выражении это составляет лишь 4,2% населения РФ. Для сравнения, в 2000 г. в регионах Дальнего Востока проживало 6913 тыс. человек (4,7% населения страны). Только за последние 17 лет убыль населения ДФО составила 730 тыс. человек. Наибольшими темпами снижение численности населения происходило в Магаданской области, Чукотском автономном округе и Камчатском крае. Для большинства регионов потери населения в большей степени были обусловлены оттоком населения в другие регионы России и за рубеж. Динамика численности населения регионов ДФО в 2000-2016 гг. представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика численности населения регионов ДФО в 2000-2016 гг., на 1 января соответствующего года, тыс. человек

Регион ДФО	Год									Отношение 2016 г. к 2000 г., %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
ДФО в целом	6913	6538	6320	6285	6266	6252	6227	6211	6195	89,6
Республика Саха (Якутия)	963	953	959	958	956	956	955	957	960	99,7
Камчатский край	372	344	323	322	320	320	320	317	316	84,9
Приморский край	2141	2028	1965	1953	1951	1947	1938	1933	1929	90,1
Хабаровский край	1474	1397	1349	1343	1342	1342	1340	1338	1335	90,6
Амурская область	936	874	835	829	821	817	811	810	806	86,1
Магаданская область	202	174	159	156	155	152	150	148	146	72,3
Сахалинская область	569	530	501	497	495	494	491	488	487	85,6
Еврейская автономная область	195	186	178	176	175	173	171	169	166	85,1
Чукотский автономный округ	61	52	51	51	51	51	51	51	50	82,0

Источник: составлено по [7].

Значительную роль в снижении численности населения ДФО сыграла межрегиональная миграция. Крайне неблагоприятная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в начале — середине 1990-х гг. в регионах Дальнего Востока привела к массовому оттоку трудоспособной части населения в другие регионы РФ (так называемый «западный дрейф»). Основными выталкивающими факторами явились многомесячные задержки с выплатой заработной платы, закрытие ряда ключевых градообразующих предприятий, более высокие по сравнению с другими регионами РФ тарифы на услуги ЖКХ, транспортная изолированность от центральных регионов России, коммерциализация социальной сферы [11; 13].

Анализ матриц внутрироссийской миграции по территориям выбытия и прибытия («шахматки») позволяет сделать вывод о том, что жители дальневосточных регионов в основном предпочитают переезжать в регионы Центрального и Сибирского федеральных округов. Также в последнее десятилетие вырос интерес к регионам Северо-Западного и Южного федеральных округов.

В теории миграции считается, что интенсивность межрегиональной миграции обратно пропорциональна расстоянию между регионами: чем дальше расположена пара регионов, тем ниже вероятность осуществления перемещений между ними [14]. Однако для регионов ДФО это в полной мере не применимо. Действительно, доля внутрирегиональных перемещений достаточно высока. Так, в 2000 г. на долю перемещений внутри ДФО приходилось 62,1% от числа выбывших, в 2009 г. — 61,6%, в 2015 г. — 65,5%. Однако если сравнивать мобильность населения регионов ДФО с другими регионами России, то можно сделать вывод, что дальневосточники в большей степени склонны к переезду другие федеральные округа, нежели жители центральной части России: доля внутрирегиональных миграций населения Центрального федерального округа в те же годы была равна соответственно 80,1, 82,7 и 76,6% от общего числа выбывших с данной территории. Небольшое увеличение доли перемещений внутри ДФО к 2015 г. может свидетельствовать о желании остаться на Дальнем Востоке, однако сложившейся тенденцией это считать еще нельзя.

Значительный отток населения из регионов ДФО в другие регионы РФ и за рубеж оказал влияние на половозрастную, образовательную и профессиональную структуру населения. Если в советский период население Дальнего Востока России было значимо моложе, чем в среднем по стране, то за последние четверть века эти различия оказались стерты. Старение населения, отставание в росте ожидаемой продолжительности жизни, низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство, в дополнение к миграционному оттоку — воздействие этих факторов уже сейчас привело к тому, что регионы Дальнего Востока России начинают испытывать существенный дефицит квалифицированных кадров, необходимых для достижения задач экономического роста [3; 5; 6; 9].

О важности дальневосточного вектора развития РФ свидетельствует принятие федеральных и региональных программ развития [4; 5]. Так, в 2009 г. была принята Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. В июне 2017 г. утверждена Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. [3]. Одним из ключевых пунктов Концепции является разработка мер по снижению миграционного оттока населения и привлечение в регионы ДФО трудовых мигрантов. Этому должно способствовать проведение на Дальнем Востоке крупных мероприятий, нацеленных на привлечение в регион российских и иностранных инвестиций.

В конце мая 2016 г. Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев отметил: «за первые месяцы текущего года он [отток населения] с Дальнего Востока сократился почти на порядок. Можно считать, что он практически прекратился»¹. К сожалению, в реальности ситуация складывается не так оптимистично. По итогам 2016 г. можно сказать, что отрицательным сальдо миграции характеризуются абсолютно все регионы ДФО (табл. 2). Безусловно, по сравнению с концом 1990-х — началом 2000-х гг. ситуация существенно улучшилась, однако говорить об изменении тренда в настоящее время нельзя.

---

¹ Как Дмитрий Медведев манипулирует данными о населении Дальнего Востока. Фактчек. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/05/27/kak-dmitriy-medvedev-manipuliruet-dannymi-o-naselenii-dalnego-vostoka-faktchek>

Согласно данным, представленным в табл. 2, только с 2012 по 2016 гг. миграционная убыль в ДФО составила более 119 тыс. человек. Причем регионы Дальнего Востока потеряли в обмене с другими регионами РФ более 169 тыс. человек. Миграционный прирост (около 50 тыс. человек) обеспечивался только за счет международной миграции, которая на 88,6% представлена иммигрантами из стран СНГ.

Таблица 2

Миграционная убыль в субъектах Дальневосточного федерального округа в 2012-2016 годах

Регион	Миграционная убыль населения, человек					В расчете на 1000 человек населения региона				
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Республика Саха (Якутия)	8359	9130	6708	5837	4153	8,75	9,56	7,02	6,09	4,32
Камчатский край	58	1203	3122	1663	1805	0,18	3,76	9,80	5,25	5,72
Приморский край	1104	7139	3948	2791	3209	0,57	3,67	2,04	1,45	1,67
Хабаровский край	531	2975	2535	4927	1586	0,40	2,22	1,89	3,69	1,19
Амурская область	4323	5769	1265	3768	3270	5,28	7,09	1,56	4,66	4,07
Магаданская область	2106	2143	2277	1731	739	13,73	14,15	15,26	11,76	5,06
Сахалинская область	1516	2189	2911	1294	487	3,07	4,45	5,94	2,65	1,00
Еврейская автономная область	1548	2140	1832	2014	1602	8,92	12,48	10,81	12,04	9,70
Чукотский автономный округ	336	354	154	589	516	6,60	6,98	3,05	11,71	10,32
В целом по ДФО	19881	33042	24572	24164	17367	3,18	5,30	3,98	3,90	2,81

Источник: составлено и рассчитано по [12].

На сегодняшний день надо признать, что единственным источником увеличения численности населения ДФО является международная миграция. За 25 лет, прошедших с момента распада Советского Союза, произошла существенная трансформация потоков международной миграции. К 2015 г. объемы международной миграции как вследствие ужесточения миграционной политики РФ, так и вследствие роста уровня жизни населения посылающих стран, существенно снизились. В то же время в относительном выражении выросла доля обмена со странами СНГ, фактически полностью вытеснив иммиграцию из других зарубежных стран (в частности, из Китая и Вьетнама). Скорее стоит даже говорить не об обмене, а об одностороннем потоке мигрантов из бывших республик СССР в регионы Дальнего Востока.

На Дальний Восток приезжают мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Армении, Украины и Азербайджана. За период 2005-2016 гг. сальдо миграции с перечисленными странами остается положительным. Следовательно, при сохранении сложившихся тенденций это уже в ближайшем будущем приведет к существенному дисбалансу этнодемографической структуры населения регионов ДФО. Учитывая же общее отрицательное сальдо миграции, легко прийти к выводу, что Дальний Восток покидает преимущественно русское население. Опыт других стран показывает, что такая «замещающая миграция» может принести с собой массу культурных, социальных и политических проблем [8].

В среднем уровень образования мигрантов из стран Центральной Азии более низкий, нежели у населения регионов Дальнего Востока. ДФО в миграционном обмене с другими регионами РФ теряет специалистов с высшим и средним профессиональным образованием. Изменение в уровне образования населения за счет миграции хорошо иллюстрирует табл. 3.

Изменение образовательного уровня населения ДФО в возрасте от 14 лет и старше
за счет миграции в 2008-2016 годах

Год	Миграционный прирост, человек	В том числе имеют высшее образование, человек
2008	-16870	-6338
2009	-16007	-5857
2010	-24353	-9174
2011	-14625	-9361
2012	-16558	-10169
2013	-28689	-11693
2014	-21253	-10753
2015	-21524	-9183
2016	-15727	-7205
Итого:	-175606	-79733

Примечание: значения, стоящие со знаком «минус», обозначают миграционную убыль.

Источник: составлено и рассчитано по [12].

Только за последние девять лет регионы ДФО лишились почти 80 тысяч специалистов с высшим профессиональным образованием, что составляет более 45% от общей миграционной убыли за те же годы. Трудно рассчитывать в такой ситуации на развитие инновационной экономики. Масштабы же привлечения высококвалифицированных специалистов из зарубежных стран в регионы ДФО остаются очень небольшими: в 2015 г. было выдано 1364 разрешения (из них 1133 — в Сахалинской области и 166 — в Приморском крае), что составило лишь 3,9% от общего числа выданных разрешений для высококвалифицированным специалистам в РФ.

Как правило, мигранты из стран СНГ предпочитают расселяться в крупных городах с развитой инфраструктурой. Большая часть из них задействована в строительстве, торговле, транспорте, жилищно-коммунальном хозяйстве, сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбопереработке. Сейчас уже существуют целые отрасли, в которых очень велика доля труда мигрантов [6]. Позитивный момент заключается в том, что за счет привлечения мигрантов из стран СНГ регионы могут решать в краткосрочной перспективе проблемы, связанные с уже существующим дефицитом рабочих рук. С другой стороны, замещение постоянного населения трудовыми мигрантами в ряде стратегически важных отраслей может при изменении экономической и политической конъюнктуры нанести значимый урон национальной безопасности страны.

Дополнительным резервом демографического развития регионов ДФО должна была стать иммиграция в рамках Программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Программа переселения), которая начала действовать с 2007 г. [1; 2]. Однако первые годы реализации Программы показали, что переселенцы не стремятся в регионы Дальнего Востока, предпочитая им субъекты Центрального и Сибирского федеральных округов. За первые три года в Приморский край приехало 107 человек, в Хабаровский — 123, в Амурскую область — 73 человека. Это лишь 1,8% от общего числа участников Программы в 2007-2009 годов. Основными причинами неэффективности Программы на тот момент стали низкая информированность потенциальных иммигрантов, отсутствие четкого плана действий у регио-

нальных властей по приему и размещению переселенцев, а также сложности, которые испытывали переселенцы в плане покупки и/или аренды жилья, устройства на работу, оформления официальных документов [10]. С 2012 г. Программа переселения стала бессрочной и претерпела ряд качественных изменений. В частности, были обозначены территории приоритетного вселения (куда вошли 7 из 9 регионов ДФО), при выборе которых переселенцы получают существенные преференции. Больше не требуется «привязка» к имеющейся вакансии. Уменьшен размер налога на доходы физических лиц с 30 до 13%, как для всех граждан РФ. Снятие части административных барьеров, безусловно, способствовало увеличению числа участников Программы переселения. Распределение участников Программы по субъектам ДФО в 2010-2016 гг. представлено в табл. 4.

Таблица 4

Распределение участников Программы переселения соотечественников и членов их семей по территориям вселения в ДФО в 2010-2016 гг., человек

Субъект ДФО	Год						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
РФ в целом	11768	29641	56647	33770	105444	179660	142935
ДФО в целом	726	3094	4302	934	7307	10027	6674
Камчатский край	127	345	567	178	539	468	369
Приморский край	235	1271	1611	136	2292	4087	2176
Хабаровский край	218	719	911	236	2154	2663	1937
Амурская область	123	443	823	158	586	991	465
Магаданская область	-	-	-	-	542	822	810
Сахалинская область	-	29	257	186	902	724	653
Еврейская АО	23	287	133	40	292	272	264
Доля участников программы, приходящаяся на регионы ДФО, %	6,17	10,44	7,59	2,77	6,93	5,58	4,67

Источник: Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 г.» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/lssWWW.exe/Stg/tab1-12-16.xls

Надо признать, что существенный вклад в увеличение числа участников Программы в 2014-2016 гг. внесла Украина. В регионах Дальнего Востока доля украинцев среди переселенцев составила более 60%. Достаточно велика также доля участников Программы из Таджикистана, Армении, Узбекистана, Казахстана и Молдовы (почти 29%). Несмотря на очевидные успехи в реализации Программы переселения в последние два-три года, по-прежнему число участников Программы существенно меньше числа мигрантов, приехавших и обустроившихся в регионах Дальнего Востока самостоятельно.

В заключение отметим, что сложившиеся негативные тенденции еще долго будут определять течение демографических процессов в регионах Дальнего Востока России. Миграция была и остается одним из ключевых факторов устойчивого регионального развития. Однако в настоящее время трудно надеяться на приток населения из других регионов России. Значимый рост численности населения может быть обеспечен только за счет международной миграции [15]. Проведение грамотной государственной политики, направленной на повышение качества жизни местного населения, позволит закрепить коренное население, а также привлечь в регионы Дальнего Востока высококвалифицированных специалистов.

Литература и Интернет источники

1. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 22.06.2006 г. № 637 (в редакциях Указов Президента РФ от 10.03.2009 г. № 262, от 30.06.2009 г. № 716, от 12.01.2010 г. № 60, от 14.09.2012 г. № 1289, от 11.07.2013 г. № 621)
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.05.2013 г. № 848-р «Перечень территорий приоритетного заселения» (вступило в силу с 01.01.2014 г.)
3. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/lcS1tqRUBHAPAQ3TtgHvSmKSeQFMzZSv.pdf>
4. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351; с изм. и доп., утв. Указом Президента РФ от 01 июля 2014 г., № 483). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.base.garant.ru/191961/#ixzz42UpW2qg3
5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3pvwlk1oq>
6. Вострецова Л.Г., Гнездилов Е.А. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие Дальневосточных регионов // *Фундаментальные исследования. Экономические науки*. — 2014. — № 11. — С. 383-387.
7. Население субъектов Российской Федерации на 1 января. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm
8. Осипов Г.В., Рязанцев С.В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы // *Вестник РАН*. — 2014. — Т. 84, — № 11. — С. 963-972.
9. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И., Храмова М.Н. Векторы реализации демографической политики на Дальнем Востоке / В сб.: *Демографическое развитие российского Дальнего Востока: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика»* / Под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. — М.: Экон-Информ, 2016. — Т. 2. — № 1. — С. 11 - 18.
10. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // *Народонаселение*. — 2015. — № 2. — С. 64-73.
11. Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабозаселённом регионе. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — 240 с.
12. Статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации» в 2012-2016 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906
13. Храмова М.Н. Миграционные процессы в Приморском крае: факторы и закономерности // *Региональные проблемы*. — 2015. — Том 18. — № 3. — С. 59 - 64.
14. Kumo K. Interregional population migration in Russia: using an origin to destination matrix // *Post-Communist Economies*, 19(2). 2007. P. 131-152.
15. Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. — 2017. — № 1. — С. 5-12.

Гришанова Александра Георгиевна,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: gralexandra1949@gmail.com;

Кожевникова Наталия Ивановна,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия. E-mail: dema1@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

(исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 17-02-18007)

В статье рассматриваются проблемы миграционной политики Калининградской области. От течения миграционных процессов во многом зависит не столько современное, сколько — перспективное, а главное — политическое развитие. В планах социально-экономического развития Российской Федерации в последние годы Калининградская область заняла особое место, поскольку, с одной стороны, она относится к полужанитарным территориям Российской Федерации, с другой стороны, в связи с таким ее исключительным географическим местонахождением, она должна была стать лидером по всем показателям социально-экономического развития за последние пятнадцать лет.

Ключевые слова: миграционные процессы, Калининградская область, миграционная политика, трансформация, уровень жизни.

Alexandra G. Grishanova, Cand. Sc. (Econ.),
Senior Researcher, Institute for Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: gralexandra1949@gmail.com;

Natalia I. Kozhevnikova, Cand. Sc. (Econ.),
Senior Researcher, Institute for Socio-Political Research, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: dema1@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE MIGRATION POLICY OF THE KALININGRAD REGION

(the study was conducted with support from RFH, grant No. 17-02-18007)

The article deals with the problems of the migration policy of the Kaliningrad region. The flow of migration processes largely depends not so much on the current — how much — perspective, and most importantly — political development. In the plans for the social and economic development of the Russian Federation in recent years, the Kaliningrad region has taken a special place, since, on the one hand, it belongs to the semi-exclave territories of the Russian Federation, on the other hand, in connection with its exceptional geographical location, it was to become a leader in all indicators of socio-economic development over the past fifteen years.

Keywords: migration processes, Kaliningrad region, migration policy, transformation, living standards.

В современный период миграционные процессы, принимаемые для их регулирования меры, отраженные в соответствующих концепциях миграционной политики, в том числе, такого специфического субъекта Российской Федерации, как Калининградская область, должны находиться в центре внимания не только и не столько научных работников, а прежде всего — работников госаппарата России, поскольку от течения миграционных процессов во многом зависит не столько современное, сколько — перспективное, и не только социально-демографическое, но и социально-экономическое, а главное — политическое развитие. В планах социально-экономического развития Российской Федерации в последние годы Калининградская область заняла особое место, поскольку, с одной стороны, она относится к полуэксклавному территориям Российской Федерации, с другой стороны, в связи с таким ее исключительным географическим местонахождением, она должна была стать лидером по всем показателям социально-экономического развития за последние пятнадцать лет. Однако эти планы в жизни не осуществились и в реальной жизни этого не произошло. В настоящее время эта территория находится среди пятнадцати республик, краев и областей РФ, имеющих в течение 25 лет постоянный миграционный прирост при отрицательном естественном приросте, что само по себе должно привлекать к ней особое внимание исследователей миграционных процессов в нашей стране.

Общеизвестно, что вообще для РФ существуют ярко выраженные региональные особенности течения миграционных процессов в рамках отдельных административно-территориальных единиц, имеющие, как правило, свои глубокие исторические корни. И хотя миграционные процессы (в отличие от других демографических процессов), подчас не требуют длительного лага времени для изменения своих параметров, в том числе, в условиях целенаправленной деятельности государства и других институтов для их изменения, они обладают устойчивыми внутренними закономерностями, которые продолжают прослеживаться на протяжении очень длительного времени, для данного региона — Калининградской области. Миграционные проблемы абсолютного большинства субъектов Российской Федерации заложены в советский период, особенно, в период реализации таких крупномасштабных проектов народно-хозяйственного строительства, как освоение целины и т.д., когда Российская Федерация отдала другим союзным республикам, около 5 млн. своих жителей.

С этой точки зрения Калининградская область представляет собой обратный пример оказания помощи в формировании своего населения как по величине, так и по его качественным характеристикам — исключительно ей, и при этом — всеми другими российскими субъектами. Достаточно привести только один пример: же с начала переселенческой кампании 1946-1948 гг. фактическими переселенцами в Калининградскую область стали жители 27-ми областей РСФСР, четырех союзных республик, двух автономных республик.

Поэтому, задача трансформации миграционной политики в данном субъекте Российской Федерации, на первый взгляд может показаться, если не ошибочной, то, по крайней мере, — требующей ее доказательства. В рамках настоящей статьи, из этой сверхзадачи мы считаем возможным остановиться на ее доказательстве лишь по одному — социально-политическому аспекту, но который, на наш взгляд, в настоящий момент является почти во всех сферах жизни российского общества основополагающим.

Если рассмотреть параметры миграционных процессов в Калининградской области современная миграционная ситуация в данном регионе и, соответственно, проводимая в нем миграционная политика кажутся более чем позитивными на фоне Северо-Западного федерального округа как в целом, так и других, входящих в него субъектов РФ (табл. 1).

**Компоненты естественного и миграционного прироста населения России и Северо-Западного ФО
в 2001-2015 гг., тыс. человек**

Республики и области	Естественный прирост			Миграционный прирост		
	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.
Российская Федерация	-4406,6	-2007,8	-47,0	1339,5	1636,7	1431,3
Северо-Западный ФО	-600,4	-337,7	-96,5	117,9	247,1	324,4
<i>в том числе:</i>						
Республика Карелия	-30,3	-17,3	-8,6	-22,5	-16,2	-4,1
Республика Коми	-19,9	-4,5	7,0	-60,0	-59,3	-49,4
Архангельская область	-44,8	-18,3	-5,6	-42,5	-38,6	-45,2
Вологодская область	-53,6	-28,0	-8,8	-1,8	-5,8	-4,7
Калининградская область	-41,3	-20,1	-3,9	20,3	25,4	38,5
Ленинградская область	-104,5	-74,5	-48,7	109,6	107,8	109,0
Мурманская область	-15,5	-5,9	1,5	-67,9	-39,4	-33,4
Новгородская область	-45,9	-32,1	-18,7	1,2	-0,7	1,6
Псковская область	-57,8	-40,9	-26,2	-3,3	-8,6	1,3
г. Санкт-Петербург	-186,8	-96,0	15,5	184,8	282,5	310,8

Источник: Демографический ежегодник России. 2002-2016. — Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312

Однако с социально-политической точки зрения важно учитывать специфику современного момента. Еще в начале июля этого года ничто не предвещало скорой смены власти в Калининградской области. Николай Цуканов подписал постановление о прогнозе социально-экономического развития региона до 2030 года: на фоне разразившегося кризиса все предыдущие цифры выглядели слишком оптимистичными. В этом варианте социально-экономического прогноза по области рост ВРП прогнозируется на уровне 2% до 2020 года и 3,3% — после, а рост обрабатывающих производств — на уровне 1,9 и 4,3%, соответственно. Средняя продолжительность жизни по новому прогнозу должна составить — 73 года к 2020 году и 76,5 лет — к 2030 году; численность населения — 1 млн. 7 тыс. и 1 млн. 51 тысяч. То есть все социально-демографические параметры Калининградской области соответствуют планируемыми показателям на общероссийском уровне. В частности, по такому наиболее важному показателю демографического развития, как средняя продолжительность ожидаемой жизни, предусмотренным по Концепции демографического развития Российской Федерации до 2025 года, где в 2015 г. необходимо было достигнуть средней продолжительности ожидаемой жизни в 70 лет, а к 2025 г. она должна будет составлять 75 лет. И это на фоне того, что социально-экономическая база по вектору своего современного развития еще не дотягивает.

Достаточно сказать, что структура оборота розничной торговли должна сместиться в пользу продовольственных товаров и лишь к 2020 г. вернуться на уровень 2015 г., при этом при обоих сценариях обороту предстоит оживиться в 2017 г.: при целевом прогнозируется его рост на 1,4%, при базовом — на 1,2%. По прогнозам, «В 2018 году темпы прироста (розничной торговли) будут продолжать расти, достигнув отметки в 2%, после чего выйдут на уровень прироста 4-4,5% в год», — опять сбиваются на оптимизм разработчики документа. Рост зарплаты к 2030 году в базовом варианте должен составить ежегодно 7,7%, достигнув 87,4 тыс. рублей (что в 3 раза выше уровня 2015 года). В целевом — расти на 8,6% в год и достигнуть 98 тыс. рублей: остается предположить, что авторы прогноза рассчитывали на высокие темпы инфляции — никаких других очевидных причин для такого взрывного роста, учитывая то, что творится в экономике, нет. В 2019 году средний

заработок должен равняться 38 тыс. рублей (базовый вариант прогноза) или 39339 рублей (целевой вариант)» [1].

Для чего мы привели столь пространную цитату? Именно для того, чтобы с социально-политической точки зрения обосновать необходимость трансформации проводимой в Калининградской области миграционной политики на сегодняшний день, когда, кажется, все хорошо. Подробный анализ демографической ситуации в Калининградской области был дан в публикации в Демоскопе Н.В. Мкртчян. В статье автор подробно с 1989 г. до середины 2007-2008 гг. рассматривает демографическую ситуацию в регионе [4]. Анализ миграционной ситуации в области дан в статье «Особенности миграционных процессов в Калининградской области» [3]. Все происходящие изменения в области в последние два года принципиально ситуацию не изменили.

Но следует учитывать, что для процесса миграции определяющее значение в принятии решения о миграции, так сказать, в формировании миграционных установок, особенно подчеркнем, — для молодежи, играет роль не только и не столько абсолютное значение основополагающих показателей уровня жизни населения, сколько — их сравнительные различия.

А для близлежащего географически региона к Калининградской области — Литве, например, средний уровень заработной платы в Литве и Калининградской области в первом квартале 2017 г. соотносятся следующим образом. Средняя заработная плата в Калининградской области в 2017 г. составила 29 300 рублей. В самом Калининграде данный показатель чуть выше. Однако при этом из-за санкций регион оказался в очень сложном положении ввиду того, что на момент эмбарго доля импортных продуктов составляла 72%. Запреты на ввоз некоторых групп продуктов вынудил рынок отреагировать соответствующим образом: цены выросли на 30-40%. При этом Росстат дает другие цифры. По данным агентства, рост цен составит 15-17%. Одновременно, в Литве, в первом квартале 2017 г. самой большой зарплатой «на бумаге» была зарплата в Вильнюсе (938,1 евро), Кедайняйском районе (852,1 евро), Клайпеде и Каунасе (851,9 и 820,9 евро) [5]. Таким образом, средняя заработная плата жителей ближайшего соседа в Литве — Клайпеды составляла 52647 руб. (курс евро в марте 2017 года — 61,8 евро к 1 рублю), т.е. была почти на 80% выше (хотя и на бумаге). К чему это может привести? На наш взгляд, к активизации межгосударственной миграции и выезда из Калининградской области в ближайшие годы ее молодежи.

Ведь еще в 2001 г. Baltic News Service писала в заметке: «Если жители Калининградской области не получают особого статуса, который позволит им свободно пересекать границы, область не сможет развиваться в будущем окружении стран Евросоюза, — так считает член Совета Федерации от области Валерий Устюгов. Валерий Устюгов заявил 2 апреля 2001 на пресс-конференции в Москве, что, по его убеждению, без свободного проезда граждан ЕС в Калининградскую область, а калининградцев — в ЕС, область после вступления в Евросоюз Польши и Литвы развиваться не сможет, поскольку визовый режим и дорогой транзит сделают ее непривлекательной для инвесторов, а ее продукцию — неконкурентоспособной. Мы разделяем мнение, что "Есть один выход — строить интегрированную с соседями открытую экономическую модель... Для этого нужно повторить советский опыт закрытости Калининградской области (от остальной страны — BNS), и ввести контроль за миграционными потоками", — высказанное Валерием Устюговым. Без этих мер, по мнению члена Совета Федерации, не заработает и утвержденная 22 марта 2001 года правительством России концепция политики в отношении Калининградской области. Сенатор от Калининграда признал, что его предложения сейчас "не одобряются" федеральной властью, но других возможностей обеспечить развитие области он не видит. "Все боятся отрыва области от России. Отрыв возможен, но по другой причине", — считает

Валерий Устюгов. По его мнению, Калининград нуждается в "жесткой привязке к российской культуре", потому что 80 процентов местной молодежи никогда не бывали в метрополии, зато ездят по Европе, и из них растут космополиты. "Я говорил Президенту Путину, что через 15-20 лет эти ребята придут в политику — и безо всяких угрызений совести проголосуют за отсоединение", — говорит Валерий Устюгов. Чтобы избежать этого, федеральный центр, на взгляд сенатора, должен заняться целенаправленным воспитанием патриотизма в молодых калининградцах» [2] а на наш взгляд, еще соответствующей трансформации в миграционной политике Калининградской области, которая, в том числе, учтет вышесказанные моменты. 13 октября 2017 года Госдума в первом чтении приняла законопроект о льготах по налогам и взносам для резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области. Теперь организации со статусом резидента Особой экономической зоны 6 налоговых периодов не будут платить налоги. В течение следующих шести периодов ставка будет 10%. Помимо этого, законопроект устанавливает пониженные тарифы страховых взносов для организаций — резидентов Особой экономической зоны, которые создают новые рабочие места [6].

Литература и Интернет источники

1. «Жить в эту пору прекрасную: что обещали власти региона в последние 13 лет. Текст: Оксана Ошевская. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.newkaliningrad.ru/news/economy/11635871-zhit-v-etu-poru-prekrasnuyu-cto-obeshchali-vlasti-regiona-v-poslednie-13-let.html>
2. «Калининградская область нуждается в особом статусе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/015/strimir05.php>
3. Коптева Е.В., Тукач В. С. Особенности миграционных процессов в Калининградской области // Молодой ученый. — 2015. — №1 (81).
4. Мкртчян Н.В. Население города Калининграда на фоне области, страны, Балтийского региона (Часть раздела «Стратегии развития города Калининграда», подготовленного ЦСИ ПФО в 2007-2008 гг.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0489/analit05.php>
5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/news/economy/zarplaty-vo-vsej-litve-rastut-kak-na-drozhhzah.d?id=74833784>.<https://bankiros.ru/wiki/term/srednaa-zarplata-v-kaliningrade>. http://www.cbr.ru/currency_base/daily.aspx?date_req=07.03.2017
6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/15292527-gosduma-v-i-chtenii-prinyali-popravki-v-zakon-o-kaliningradskoy-oez.html>

Сакаев Василь Тимерьянович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ОП «Центр исламоведческих исследований» Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия. E-mail: sakaev2003@mail.ru

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

(исследование проведено при поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан,
грант №17-11-16005/17 ОГОН)

Статья посвящена анализу характера и тенденций развития миграционных процессов в Республике Татарстан во второй половине XX века, а также определению их демографических, политических и социально-экономических последствий. Основы исследования составили архивные материалы и данные переписей населения. В заключении дана оценка влиянию миграционных процессов в Татарстане второй половины XX века на формирование миграционных мостов в Евразии на современном этапе.
Ключевые слова: Татарстан, миграция, XX век, миграционные мосты.

Vasil T. Sakaev, Cand. Sc. (History),

Senior Researcher, Center of Islamic studies, Tatarstan Academy of Science,
Kazan, Russia. E-mail: sakaev2003@mail.ru

**MIGRATION PROCESSES IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN
IN THE SECOND HALF OF THE 20th — BEGINNING 21th CENTURY:
DEMOGRAPHIC AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS**

(the study was conducted with support from RFBR and Government of the Republic of Tatarstan,
grant No. №17-11-16005/17 OGOH)

Article is devoted to the analysis of character and tendencies of migration processes' development in the Republic of Tatarstan during the second half of the 20th century and also to definition of their demographic, political and social and economic consequences. The base for the research were archival materials and data of population census. In the conclusion the assessment of the migration processes influence in Tatarstan during the second half of the 20th century on formation of migration bridges in Eurasia at the present stage was done.
Keywords: Tatarstan, migration, XX century, migration bridges.

Миграции, имевшие место в Республике Татарстан, во второй половине XX века в значительной степени обусловили характер процессов, протекающих в регионе на современном этапе. В связи с этим, определение особенностей и тенденций развития миграционных процессов в регионе в указанный период представляет собой серьезный научный интерес. Миграционные процессы, имевшие место в регионе в этот период, в том числе, сформировали некоторый базис для формирования современных миграционных мостов в рамках евразийского интеграционного процесса. Именно в таком контексте, в статье и будет рассмотрена данная проблема.

Базой для проведения исследования выступили материалы Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) и Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), а также данные переписей населения 1959-2010 гг. Ряд архивных данных впервые вводится в научный оборот.

Первый серьезный миграционный вызов в рассматриваемый период был связан с событиями Великой Отечественной войны и вызванных ей эвакуационных процессов.

В научной литературе имеются различные оценки численности эвакуированных в республику. Послевоенная статистика сообщала о 226,0 тыс. [1. С. 160], А. М. Залялов [2. С.133] и З. И. Гильманов [3. С.78] — о 266 тыс., А.Ш. Кабирова — о 273,5 тыс. [4. С. 133], В. А. Исупов — о 268,9 тыс. [5. С. 85] эвакуированных в республику. По нашим данным максимальная численность составляла не менее 278,9 тыс. [6].

В географическом отношении, эвакуированное население было представлено жителями ряда регионов РСФСР и населением Украинской, Белорусской, Латвийской, Литовской, Эстонской и Молдавской ССР [7].

Относительно национального состава эвакуированных можно отметить, что преобладали русские, однако в 1941 г. прибыли также группы белорусов (4982 человек), латышей (1416 человек), эстонцев (1250 человек), литовцев (467 человек) и т.д. [8]

По нашим данным значительная часть эвакуированного населения, прежде всего размещенная в городских поселениях, оставалась в республике в послевоенный период и влилась в состав постоянного населения региона.

Сравнение переписей 1939 г. и 1959 г. позволяет выявить воздействие эвакуации на национальный состав населения региона. Так, к 1959 г. численность белорусов в республике выросла на 80%, украинцев — на 23%, литовцев — на 110%, молдаван — на 51%, эстонцев — на 18% [9. С. 62].

Второй важный этап в миграционной истории региона второй половины XX века связан с периодом хрущевской модернизации 1950-1960-х гг., активного хозяйственного освоения юго-востока республики и создания новых экономических районов. Миграционные потоки в этот период приобрели особую интенсивность, особенно в городской местности. Мы наблюдаем в этот период тенденцию к усилению притока населения в города и рабочие поселки (табл. 1), выделяя при этом, два пика интенсивности миграции — 1958-1960 гг. и 1966-1967 гг. Подавляющая часть механического прироста городского населения приходилась тогда на г. Казань (ежегодный миграционный прирост населения города в этот период колебался в диапазоне от 6 до 17 тыс. человек; например, в 1959 г. миграционный прирост составил 16,6 тыс. человек, в 1960 г. — 16,0 тыс. человек, в 1962 г. — 6,8 тыс. человек, в 1964 — 13,5 тыс. человек и т.д.) и, в меньшей степени, на городские поселения нефтяного юго-востока республики (города Альметьевск, Бугульма, Лениногорск, рабочие поселки Азнакаево и Джалиль), а также город Зеленодольск. Во второй половине 1960-х гг. важнейшим центром миграционного притяжения становится сначала рабочий поселок, а затем город Нижнекамск — новый центр нефтепереработки союзного масштаба (например, в 1966 г. миграционный прирост здесь составил больше 20 тыс. человек, в 1967 г. — 5,5 тыс. человек и т.д.).

Миграционные процессы в городах и рабочих поселках Татарстана в 1950-1967 гг., человек

Год	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
1950	71167	61347	9820
1955	98923	91357	7566
1958	106153	94298	11855
1959	103405	83277	20128
1960	100561	73255	27306
1961	88938	70364	18574
1962	84992	72225	12767
1963	90209	67403	22806
1964	92594	65872	26722
1965	93887	70294	23593
1966	110195	72483	37712
1967	98286	75042	23244

Источник: НАРТ, ф. Р-1296, оп. 18, д 732, 747, 769, 854, 875, 895, 912, 947, 1053.

Миграционные потоки в сельской местности региона в указанный период характеризовались постоянным оттоком населения, как в городскую местность региона, так и за его пределы (табл. 2). Мы видим, что в течение 1960-х гг. деревня непрерывно отдавала население, в том числе, для обеспечения потребности в трудовой силе в других регионах страны, включая иные союзные республики.

Таблица 2

Миграционные процессы в сельской местности Татарстана в 1960-1967 гг., человек

Год	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
1960	35931	46359	-10428
1961	33511	39140	-5629
1962	31291	38271	-6980
1963	26242	38230	-11988
1964	25879	35306	-9427
1965	27052	34629	-7577
1966	27758	39404	-11646
1967	25691	38543	-12852

Источник: НАРТ, ф. Р-1296, оп. 18, д 732, 747, 769, 854, 875, 895, 912, 947, 1053.

Основной миграционный обмен населением в республике шел, в этот период, *во-первых*, с близлежащими регионами РСФСР, а, *во-вторых*, с рядом союзных республик, в большей степени с Казахской ССР (Карагандинская и Кустанайская области), Узбекской ССР (Ташкентская область) и с Украинской ССР. Ежегодно от 1 тыс. до 2,5 тыс. человек участвовало в миграционном обмене с каждой из этих союзных республик. В меньшей степени миграционный обмен шел с Таджикской ССР (Сталинабадская область), Киргизской ССР и Белорусской ССР (по несколько сот человек ежегодно). Во второй половине 1960-х гг. миграционный обмен с союзными республиками снижается, и более важным в миграционном балансе становится обмен населением с близлежащими регионами и с союзными центрами — г. Москва и Московской областью и г. Ленинград и Ленинградской областью.

Третий миграционный бум республика пережила в 1970-е гг. в связи с развитием Нижнекамского территориально-производственного комплекса и, в первую очередь, в

связи со строительством Камского автомобильного завода. В этот период ежегодный миграционный обмен достигал 300 тыс. человек, что серьезно влияло на изменение этнической структуры населения республики и привело к быстрому росту численности ее населения с темпами, превышающими показатели по РСФСР и СССР в целом [10. С. 52-53]. Только территория, занимаемая Нижнекамским ТПК, в период 1970-1986 гг. аккумулировала около 500 тыс. мигрантов, часть которых прибыла из других союзных республик [10. С. 52-55].

В период «перестройки» поток мигрантов вновь усилился. Основной приток шел теперь из Узбекистана, Казахстана и Киргизии, среди которых, правда, был немалый процент татар [10. С. 52-55]. Это были, как правило, возвращающиеся на родину мигранты в первом или втором поколении. Сравнение результатов переписей 1959 и 1989 годов демонстрирует существенный рост (в несколько раз) численности представителей титульных национальностей ряда союзных республик и формирование их относительно крупных диаспор в населении региона (табл. 3). Этот рост, по мнению ряда исследователей, не может объясняться лишь естественным приростом и связан, в большей степени, с миграционными потоками [11. С. 64].

Таблица 3

Численность некоторых национальностей в составе населения Татарстана в 1959-1989 гг.
(по данным переписей населения), человек

Национальность	1959 г.	1989 г.
Украинцы	16,0	32,8
Белорусы	4,1	8,0
Азербайджанцы	0,3	3,9
Узбеки	0,5	2,7
Казахи	0,4	2,1
Армяне	0,6	1,8
Грузины	0,3	1,3
Молдаване	0,2	1,0
Киргизы	-	0,5
Таджики	-	0,7

Источник: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

После распада СССР и в первые годы формирования новой российской государственности, миграционные потоки в основном были связаны с прибытием вынужденных переселенцев, в том числе, из бывших союзных республик. Так, в 1990-1995 гг. миграционный обмен Татарстана с республиками бывшего СССР составил 273 тыс. человек [12], причем до половины из них составляли вынужденные переселенцы (в целом по РФ этот показатель составлял тогда примерно 30%). К началу 2000-х этот показатель, среди прибывающих в регион мигрантов, снизился примерно до 15%. Среди мигрантов в 1994 г. 16,7% прибыли с территории Узбекистана, 8,5% — с территории Казахстана, 5,1% — с территории Таджикистана, 4,3% — с территории Украины, 4,1% — с территории Киргизстана [13]. В числе прибывающих также было немало татар (до 50% от числа прибывших в 1993 г., 49,7% — в 1994 г., 47,1% — в 1997 г.), которые возвращались на родину [13].

В 2000-е гг. миграционные потоки стабилизировались и основную долю в них уже играли трудовые мигранты, которые уже в меньшей степени вливались в состав постоянного населения региона. Схожая ситуация сохранялась и в 2010-х годах. В 2013 г. в Татарстан прибыли (зафиксировано миграционным учетом по месту пребывания) 190068 иностранных граждан и лиц без гражданства (в 2011 г. — 134404 человек, в 2012 г. — 166550 человек). По-прежнему, на государства СНГ приходилось около 70% всех въехавших и

вставших на миграционный учет (2008 г. — 69%, 2009 г. — 72%, 2010 г. — 69%, 2011 г. — 72%, 2012 г. — 71%, 2013 г. — 70%). Большая часть из них была из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Кыргызстана, что свидетельствует о сохранении преобладающей роли в характере миграционных потоков (табл. 4).

Таблица 4

Численность прибывших в Республику Татарстан граждан стран СНГ в 2012-2013 годах

№ п/п	Страна	2012 г.		2013 г.	
		Количество, человек	Доля, %	Количество, человек	Доля, %
1	Узбекистан	48 432	33,4	56 453	33,9
2	Таджикистан	14 234	9,8	16 908	10,1
3	Азербайджан	10 078	7,0	10 494	6,3
4	Кыргызстан	6 840	4,7	7 434	4,5
5	Украина	5 717	3,9	6 731	4,0
6	Казахстан	7 996	5,5	6 083	3,6
7	Армения	3 114	2,2	4 599	2,8
8	Беларусь	2 268	1,6	2 729	1,6
9	Молдова	1 730	1,2	2 113	1,3
Всего		102 941	71,1	116 288	69,8

Источник: www.tatarstan.ru/file/pub_245230.doc

Как показывает исследование Сагдиевой Э.А., земляческие и родственные связи иммигрантов из республик Узбекистан и Таджикистан становятся важным социальным ресурсом, конвертирующимся в экономический капитал [14. С. 13-14]. Тем самым, развитые сети диаспор на территории региона формируют дополнительный фактор притяжения мигрантов. Эту тенденцию отражает и рост численности некоторых из этих диаспор в республике в период 1989-2010 годов. Мы видим, что численность узбеков, азербайджанцев, армян, киргизов, таджиков выросла за 20 с небольшим лет практически в несколько раз. В тоже время, уменьшение численности украинцев и белорусов объясняется, очевидно, их частичной ассимиляцией родственным русским этносом и восприятием русской этнической идентичности (табл. 5).

Таблица 5

**Численность некоторых национальностей в составе населения Татарстана в 1959-1989 гг.
(по данным переписей населения), человек**

Национальность	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Украинцы	32,8	24,0	18,2
Белорусы	8,0	6,1	4,6
Азербайджанцы	3,9	10,0	9,5
Узбеки	2,7	4,8	8,9
Казахи	2,1	1,8	1,8
Армяне	1,8	5,9	6,0
Грузины	1,3	1,7	1,5
Молдаване	1,0	1,0	1,0
Киргизы	0,5	0,5	1,2
Таджики	0,7	3,6	5,9

Источник: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Таким образом, миграционные процессы второй половины XX века оказали существенное влияние на трансформацию этнической структуры населения региона. В Татарстане в течение второй половины XX века сформировались диаспоры выходцев из ряда

государств бывшего СССР, что, на наш взгляд, должно способствовать формированию постоянных миграционных связей Татарстана с населением данных государств. Благодаря миграционным потокам второй половины XX века в бывших союзных республиках, в первую очередь в Центральной Азии, также формировались диаспоры выходцев из Татарстана, прежде всего, татар. В 1980-2000-е гг. они в большинстве своем вернулись в регион своего первоначального исхода, одновременно, неся с собой информацию о регионе пребывания и потенциал неформальных связей с его населением. Все это, несомненно, также должно содействовать успешному функционированию устойчивых миграционных мостов на территории постсоветского пространства с участием населения Татарстана.

Литература и Интернет источники

1. Народное хозяйство Татарской АССР: Стат. сб. — Казань, 1957. — 258 с.
2. Татария в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): сб. док. и матер. / Под ред. А.М. Залялова и др. — Казань, 1963. — 360 с.
3. Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. — Казань, 1977. — 296 с.
4. Кабирова А. Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2016. — № 2(18). — С. 132-141.
5. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. — Т. 2. 1940-1959. — М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. Р-1296, оп. 18, дд. 508, 515, 519, 522, 532, — 537.
7. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), ф. 15, оп. 5, д. 174, д. 175.
8. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. Р-1296, оп. 18, д. 508, л. 211.
9. Сакаев В.Т. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические процессы / В.Т. Сакаев, В.Ф. Телишев. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2015. — 228 с.
10. Мустафин М.Р. Современный этнодемографический и трудовой потенциал Республики Татарстан / М.Р. Мустафин, Н.М. Биктимиров. — Казань: Вестфалика, 2012. — 153 с.
11. Габдрахманова Г.Ф. Роль миграции в преобразовании этнической структуры Татарстана // Социологические исследования. — 2004. — № 6. — С. 62-68.
12. Шихалев А.М. Влияние фактора татарской диаспоры и безработицы на миграционную емкость региона (на примере Республики Татарстан) / А.М. Шихалев, А.З. Гильманов, Я.З. Гарипов // Вестник ТИСБИ. 2000. №1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tisbi.ru/home/science/journal-of-tisbi/2000/issue1/23/>
13. Абдрахманов Р. Республика Татарстан. Модель этнологического мониторинга / Р. Абдрахманов, Э. Маврина. — М.: ИЭА, 1999. — 150 с.
14. Сагдиев Э.А. Актуализация социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов: автореф. дисс... канд. соц. наук 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2010. — 34 с.

Шевченко Наталья Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
лаборатории исследования демографических процессов Института управления
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
Белгород, Россия. E-mail: Nshevchenko@bsu.edu.ru

МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

В статье рассматриваются особенности миграционных процессов в российско-украинском пограничье. Сложившаяся социально-политическая напряженность в отношениях с Украиной вызвала массовый приток беженцев в Россию. Проанализированы основные направления миграционных потоков из Украины в Россию на примере приграничных регионов.

Ключевые слова: миграция, российско-украинское пограничье, трудовая миграция, образовательная миграция, беженцы.

Natalya V. Shevchenko, Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor,
Senior Researcher of the Laboratory of the Study of Demographic Processes,
Institute of Management, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia. E-MAIL: Nshevchenko@bsu.edu.ru

MIGRATION IN THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLANDS

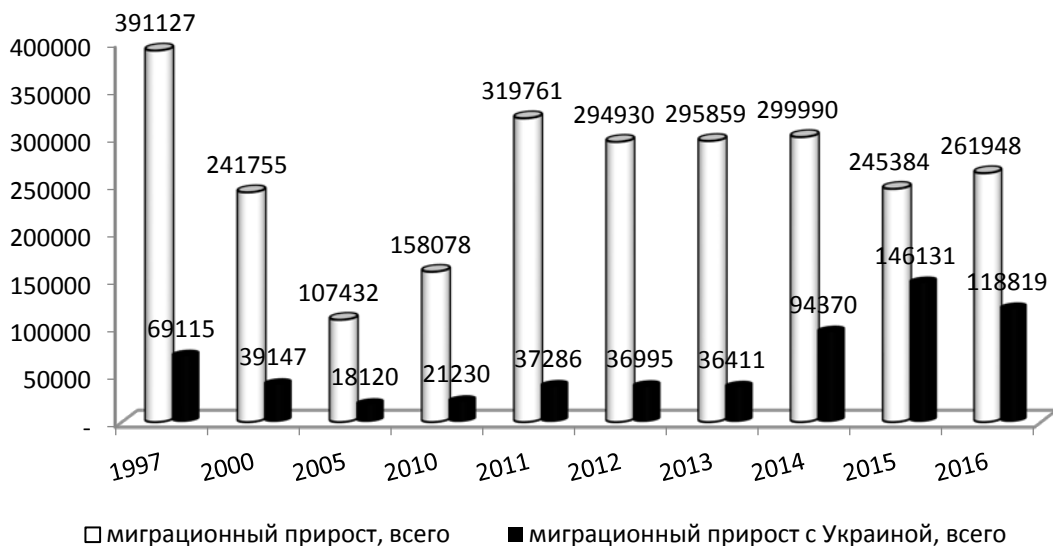
In article features of migration processes in the Russian-Ukrainian border zone are considered. The developed socio-political tension in the relations with Ukraine has caused mass inflow of refugees to Russia. The main directions of migration flows from Ukraine to Russia on the example of border areas are analysed.

Keywords: migration, the Russian-Ukrainian border, labour migration, educational migration, refugees.

В условиях глобализации российского общества вопросы внешней миграции приобретают всё большее значение и требуют более пристального внимания со стороны органов власти. По своей привлекательности для мигрантов Российская Федерация стоит в одном ряду с такими странами как США, Канада, Германия. Согласно данным ООН, «Россия и Германия по итогам 2015 года стали второй и третьей странами по уровню приема иностранных мигрантов после Соединенных Штатов Америки (приблизительно 12 миллионов каждая)» [1].

Общий объем ежегодно прибывающих иностранных граждан на территорию Российской Федерации имеет тенденцию роста. Так, за последнее 15 лет отмечается рост в 3 раза. Согласно статистики, на «начало марта 2016 года в России насчитывалось более 9 млн иностранных граждан. Более четверти из них имели гражданство Украины (2,5 млн чел.). Треть из них приехали с юго-востока Украины» [2]. Следует отметить, что Украина обладает крупнейшим миграционным потенциалом для России благодаря большим демографическим ресурсам, схожей социокультурной среде, распространенности русского языка. Наибольшее влияние миграционные процессы оказывают на приграничные регионы страны, изменяя территориальную расселенность, возрастно-половой состав, образовательный уровень, брачно-семейную структуру и другие социально-демографические характеристики.

По данным федеральной службы государственной статистики РФ миграционный прирост за 2016 год составил 261948 человек 45,4% из которого приходится на Украину (рис. 1). Доля миграционного прироста с Украиной в общем миграционном приросте выросла с 2000 г. более чем в три раза.

Рис. 1. Миграционный прирост в Российской Федерации, включая миграционный прирост с Украиной

С 2014 г. в связи с возросшей социально-политической напряженностью миграционный обмен между Россией и Украиной характеризуется наиболее высокой интенсивностью. Согласно мониторинга обращений граждан Украины, проведенного Федеральной миграционной службой России, «с весны 2014 года в Россию въехали и не выехали 1,09

млн граждан Украины. Заявления о статусе беженца подали более 6 тысяч человек, заявления о временном убежище — 395 тысяч, о разрешении на временно проживание — 260 тысяч, об участии в программе переселения — 146 тысяч» [7].

На территории «69 субъектов Российской Федерации были развернуты 321 пункт временного размещения, в которых были размещены более 18 тыс человек, в том числе порядка 6 тыс. детей (до 18 лет). В частном секторе разместились около 570 тыс человек» [6]. Основной приток мигрантов пришелся на приграничные регионы. Так, в феврале 2014 года миграционные потоки из Украины в Ростовскую область возросли на 53%, в Курскую — на 71%. Украинские мигранты преимущественно остаются в приграничных областях или стремятся в Центральный Федеральный округ, особенно в Москву или Санкт-Петербург. Наибольшую нагрузку испытывают на себе Ростовская, Белгородская, Брянская, Курская области, а также Краснодарский край.

Следует отметить, что в связи с сообщением о прекращении боевых действий и нормализацией обстановки на Донбассе возросло количество граждан, возвращающихся на родину. Так, по итогам 2015 года из России выехало 48 тыс. человек — граждан Украины.

По итогам 2016 г., доля миграционного обмена с Украиной от общего миграционного обмена со странами СНГ в приграничных регионах распределилась следующим образом: Курская область — более 50%, по Ростовской, Брянской и Воронежской областям более 65%, а по Белгородской области данный показатель достиг 90%. Следует отметить, что наиболее привлекательными для прибывающих в регионы являются сопредельные районы с территорией Украины, районы, тяготеющие к областному центру и крупные промышленные моногорода.

Сегодня выделяется несколько каналов миграции из Украины в Россию.

Трудовая миграция

Наибольшую группу украинских мигрантов в России составляют трудовые мигранты. По статистике, «на заработках в России находится 2,1 миллиона украинцев трудоспособного возраста — это без учета нелегалов» [4]. В 2015 году было создано 896 тысяч рабочих мест, в том числе для женщин, а на поддержку центров занятости было выделено средств на сумму 23,8 млрд сумов (8,3 млн долларов) [5]. Только за 6 месяцев 2017 года зарегистрировано 245 602 трудовых мигрантов из Украины. В 2014 г. по данным ФМС было выдано 260 тыс. патентов и 146 тыс. разрешений на работу (всего 406 тыс. разрешительных документов). В связи с изменением миграционного законодательства Российской Федерации в 2016 году значительно сократилась выдача разрешений на работу. Разрешение оформили 171 237 украинцев, что на 20% меньше, чем в 2015 году (213 662).

Украинские мигранты относятся к лицам, пересекающим границу в безвизовом режиме, что упрощает процедуру их трудоустройства в России. Для их приема и оформления разработана неплохая технологическая схема. В частности, был предусмотрен упрощенный порядок рассмотрения их заявлений, предусматривающий вынесение решений по заявлениям в течение 3-х рабочих дней. Так, например, в Белгородской области успешно реализуется программа «Патент за час». Все соискатели в обязательном порядке проходят медобследование, сдают экзамен на знание русского языка и истории нашей страны. Региональное тестирование проходит на 27 площадках, в том числе и в областном центре. Результаты выдают в тот же день. При наличии этих двух документов, медсправки и результата тестирования, процедура выдачи патента укладывается в часовой норматив. В области гражданам Украины предлагаются варианты для трудоустройства не только по рабочим, но и по востребованным на региональном рынке высококвалифицированным специальностям. Вместе с работодателями служба занятости помогает найти применение

своих профессиональных навыков и врачам, и инженерам, и агрономам, и трактористам, и механизаторам.

В целом, в Белгородской области за 5 лет увеличилась доля выданных патентов украинцам от общего числа выданных патентов в 2,5 раза. В 2015 г. в Белгородской области патент получили более 6 тыс. мигрантов. В 2016 году количественный показатель выдачи патентов снизился на 33%. Правительство области целенаправленно ведет политику сокращения выдачи патентов, что вызвано необходимостью привлечения квалифицированной рабочей силы.

Вынужденные переселенцы

Вторая группа менее многочисленная, но более проблемная — это беженцы. Наплыв беженцев, который в настоящее время ощущают на себе европейские города, регионы российско-украинского пограничья переживали после марта 2014-го. На 1 января 2017 года за временным убежищем обратилось 226 тыс. человек. Приграничные с Украиной регионы приняли значительное количество граждан соседней страны. По итогам 2016 года разрешение на временное проживание получили 130166 граждан Украины, а вид на жительство — 64219 человек.

В Белгородскую область только за 2014 год прибыло более 12 тыс. человек, в основном с Юго-Востока Украины, почти полторы тысячи получили временное убежище. По итогам 2015 года, попросили временного убежища всего полторы тысячи человек, количество пунктов временного размещения для украинских беженцев сократилось с 55 до 8. В них проживало 716 человек. В 2016 г. такие заявления написали 24 человека. Управлением по вопросам миграции УМВД по Белгородской области была проведена масштабная работа по перераспределению людей не только по территории региона, но и по всей стране.

На территории Ростовской области в 2015 г. было около 39 тыс. переселенцев из Донбасса, на данный момент эта цифра составляет 25 тыс. человек. Число переселенцев с юга-востока Украины в Ростовской области снизилось на 35%, некоторые из них вернулись обратно домой.

Привлекательным для украинских мигрантов с точки зрения трудоустройства и обеспечения жильем оказалось участие в «Государственной программе содействия добровольному переселению соотечественников на территорию России из-за рубежа». «Если в докризисный период в ней участвовали 8% украинцев, то после начала кризиса уже 22%. В 2015 году граждане Украины стали основными участниками Госпрограммы переселения — более 63% от общего числа. Украинцы поехали даже в отдаленные регионы России (например, в Сибирь, на Дальний Восток, на Урал) в надежде быстрее получить там российское гражданство» [3. С. 46].

Образовательная миграция

Можно выделить еще одну группу граждан Украины, покинувших страну — это украинские студенты, поступившие в российские вузы. Их численность в 2013–2014 учебном году составила около 6 тыс. человек. Численность украинских студентов, обучающихся в Белгородской области на общих основаниях за 2012–2015 гг. составила 754 студента. По итогам приёмной кампании 2014 года, почти 500 человек из юго-восточных регионов Украины, стали белгородскими студентами. Основная нагрузка по приёму украинских студентов легла на Белгородский госуниверситет — 440 студентов, ещё 50 украинцев принял технологический университет им. В. Г. Шухова.

Потенциал образовательной миграции из Украины в нашей стране пока использует слабо. Не продуманы механизмы закрепления украинских студентов в России на постоянное место жительства после окончания университетов. Между тем, для России украинские студенты могли бы стать отличным трудовым и демографическим потенциалом.

Как отмечает С.В. Рязанцев «меры регулирования федеральных структур и местных органов государственной власти в Российской Федерации способствовали адаптации и интеграции различных категорий украинских мигрантов в российское общество. Однако, к сожалению, меры эти не носят системный характер и к концу 2015 года миграционная политика России повернулась «вспять» снова пойдя по пути ужесточения процедур в отношении украинских граждан. К сожалению, это подтверждает тот факт, что российская миграционная политика пока далека от концептуального понимания необходимости приоритетного приема украинских мигрантов как важного трудового и демографического ресурса для развития России» [3. С. 49].

Лавинная миграция беженцев из Украины в Россию, породила множество проблем, связанных и с их социальной адаптацией. Обычно адаптация беженцев, перешедших из одной социальной среды в другую, пусть даже не в иноэтничную, но новую и во многом непривычную для них социокультурную среду, проходит болезненно, требует большого времени и у многих беженцев вообще не завершается.

Наряду с этим наличие у беженцев затруднений с получением необходимой информации, преодолением административных барьеров, отсутствием жилья и работы обусловлено по-прежнему недостаточной эффективностью государственной политики в сфере миграции. Ряд государственных миграционных программ с невысокой степенью эффективности реализуется на практике по причинам отсутствия финансирования, недостаточной квалификации и низкой заинтересованности исполнителей на местах.

Только консолидация усилий всех субъектов общества сможет обеспечить эффективный процесс интеграции мигрантов на территории приграничных регионов и обеспечить конструирование приемлемых социокультурных условий устойчивого развития и реализации потенциала мигрантов, снизить угрозы и риски приграничного пространства.

Литература и Интернет источники

1. International Migration Report 2015: Highlights. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: file:///C:/Users/807176/Downloads/MigrationReport2015_Highlights.pdf
2. Регулирование миграции с Украины в Россию в современных условиях. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=1813>.
3. Рязанцев С., Скоробогатова В. Украинская миграция в приоритетах развития России // Международные процессы. — 2016. — Том 14. — № 1(44). — С. 38-51.
4. Сводка по миграционной ситуации в России за 2016 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yamigrant.ru/svodka-po-migratsionnoj-situatsii-v-rossii-za-2016-god.html>.
5. Сколько трудовых мигрантов из Украины работает в РФ? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ostrovok.lg.ua/news/ugol/skolko-trudovyh-migrantov-iz-ukrainy-rabotaet-v-rf>.
6. ФМС России: начался исход украинских беженцев. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26443.4/3313771/>.
7. Эксперты: статус беженца в России получили всего 317 украинцев. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151028_russia_ukraine_refugees_report.

*Троицкая Ольга Владимировна,
кандидат политических наук, главный специалист, Центр социологических исследований,
Москва, Россия. E-mail: olgatroitskaya1@gmail.com*

**БУДУЩЕЕ МИГРАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ:
«УМНЫЕ ГРАНИЦЫ» И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

Развитые страны уделяют большое внимание разработке и применению новейших информационных технологий в сфере миграционного управления: расширяют базы данных о въезжающих иностранных гражданах, внедряют биометрические технологии для установления и проверки личности мигрантов, автоматизируют процессы охраны границ и паспортно-визового контроля. Данные меры призваны усилить эффективность борьбы с незаконной миграцией в условиях растущей глобальной мобильности.

Ключевые слова: миграционная политика, информационные технологии, США, Европейский Союз, умные границы.

*Olga V. Troitskaya, Cand. Sc. (Politics),
Senior Specialist, Center for Sociological Studies,
Moscow, Russia. E-mail: olgatroitskaya1@gmail.com*

**THE FUTURE OF MIGRATION GOVERNANCE:
«SMART BORDERS» AND INFORMATION TECHNOLOGIES**

Developed countries increasingly rely on advanced information technologies in the sphere of migration governance. They enlarge datasets on foreign entrants and cross-border movements, introduce biometric technologies for identification and verification of migrants, automatize passport and border control. The measures are aimed at increasing efficiency of the fight against irregular migration in the context of growing global mobility.

Keywords: migration policy, information technologies, United States, European Union, smart borders

Рост международной миграции ставит принимающие государства перед новыми вызовами, связанными с контролем пограничных перемещений и предотвращением нелегальных потоков. Миллионы людей ежегодно пересекают границы развитых государств: в 2016 году 390 млн. человек пересекли пункты въезда в США, и по прогнозам к 2025 году это число может увеличиться до 555 миллионов [3]. В страны Европейского союза в 2015 г. въехали более 50 миллионов граждан третьих стран, совершив более 200 миллионов пересечений внешних границ. Ожидается, что к 2025 году число пограничных пересечений в Европейском Союзе достигнет 887 миллионов, из них одна треть будет совершаться гражданами других стран [9].

В условиях возрастающей мобильности власти принимающих стран вынуждены усиливать пропускную способность своих границ для обеспечения комфортного перемещения миллионов человек, прибывающих с законными целями работы, учебы, туризма или посещения родственников. Одновременно с этим актуальным направлением миграционной политики является усиление охраны границ и проверки данных пассажиров для борьбы с незаконной миграцией, принявший в последние десятилетия массовый характер. В 2016 г. было зафиксировано 510 тыс. нелегальных пересечений границ в странах Европейского Союза (в 2015 г. в разгар конфликта в Сирии количество нелегальных пересечений превысило миллион) [10], и 416 тысяч — в Соединенных Штатах Америки [2].

Одним из способов решения проблемы пограничного контроля стало многократное увеличение штата и бюджета пограничных служб в развитых странах в последние годы. Однако, как отчетливо свидетельствует статистика нелегальной миграции, экстенсивный рост не может обеспечить адекватный ответ на миграционное давление из развивающихся стран, и к тому же несет большую нагрузку на бюджет и средства налогоплательщиков.

Развитие информационных технологий представляется наиболее эффективным способом решения задач миграционного и пограничного контроля в контексте усиления глобальной мобильности, на который сегодня делают ставку правительства и эксперты стран Евросоюза и Северной Америки. В настоящее время работа ведется в нескольких направлениях:

- автоматизация пограничного контроля в рамках программ «умных границ»;
- дифференциация пограничного контроля в зависимости от степени «надежности» или «риска» въезжающих;
- создание новых и расширение существующих баз данных о въезжающих гражданах третьих стран с использованием биометрических технологий [1; 4 ; 5; 8].

«Умные границы»: автоматизированный пограничный контроль

Начиная с 2000-х годов страны Северной Америки и Европейского Союза развивают технологии «умных границ» — автоматизированных систем пограничного контроля. Автоматизации, в частности, подвергаются: а) функции наблюдения за приграничной территорией и акваторией за счет систем, интегрирующих информацию с целого ряда устройств — спутников, камер, датчиков и беспилотных летающих устройств, и б) процедуры пограничного и таможенного контроля в отношении так называемых «надежных пассажиров» — граждан наиболее развитых стран или участников специальных программ зарегистрированных пассажиров (*Registered Traveller Programme* в Европейском Союзе, *Trusted Traveler Programs* в США). Данные меры призваны существенно снизить загруженность контрольно-пропускных пунктов и необходимость в оперативной деятельности на границе.

Так, например, пограничная и таможенная служба США установила вдоль границы сеть из восьми воздушных радиолокационных систем TARS, благодаря которой в 2016 году удалось пресечь 330 попыток незаконного проникновения. Кроме этого, вдоль юго-

западной границы активно используются беспилотные летающие аппараты (БЛА), в 2016 году им удалось зафиксировать около 8000 случаев нелегальных перемещений, всего с момента начала их использования — более 44 000 случаев. Данные с БЛА, TARS и других датчиков интегрируются с данными сотен внутренних и международных радаров и камер Системе наблюдения воздушных и морских операций в центре в Калифорнии [2].

В Европейском союзе была создана Европейская система пограничного наблюдения (European Border Surveillance System, EUROSUR) — компьютеризированная сеть для сбора, обмена и анализа информации между государствами-членами, направленная на обеспечение постоянного наблюдения за внешними границами ЕС в режиме реального времени. Система обеспечивает функции мониторинга, обнаружения, отслеживания и пресечения незаконных перемещений для борьбы с нелегальной иммиграцией и трансграничной преступностью, а также для защиты и спасения жизней мигрантов. Данные о ситуации на границах поставляются Национальными координационными центрами в общую базу; управление интегрированной базой осуществляет Европейское Агентство по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах Фронтекс.

Фронтекс интегрирует информацию Eurosur с данными, получаемыми из спутников и других информационных систем наблюдения, поддерживаемых Европейским агентством морской безопасности EMSA и Космическим центром ЕС SatCen, выявляя аномальные траектории судов и сухопутных перемещений, что позволяет выносить предупреждения национальным бригадам и при необходимости высылать в поддержку собственные команды.

Помимо технологического оснащения границ, развитые страны автоматизируют процедуры пограничного контроля с целью оптимизации обработки данных въезжающих и сокращения очередей. Для ряда категорий пассажиров создаются отдельные коридоры и устанавливаются киоски-автоматы, в которых требуется самостоятельно сканировать паспорт (иногда требуется также сканировать отпечатки пальцев и изображение лица), внести данные о своей поездке и ответить на ряд вопросов миграционной карты и таможенной декларации. Автомат распечатывает лист ответов, который необходимо предъявить сотруднику пограничной службы. Как правило, упрощенные, автоматизированные процедуры вводятся в отношении т.н. «надежных пассажиров»:

- 1) граждан стран, с которыми налажено наиболее тесное миграционное сотрудничество и заключены двусторонние соглашения о безвизовом режиме;
- 2) участников программ предварительно «зарегистрированных» пассажиров.

В США действует ряд программ для граждан Канады (программа NEXUS), Великобритании, Швейцарии, Германии, Южной Кореи, Сингапура ряда других стран (программа Global Entry), которые позволяют пройти автоматизированный пограничный и таможенный контроль при въезде. Для регистрации в программе Global Entry необходимо заплатить взнос порядка 100 долл. США, создать электронную анкету и прийти на собеседование в один из пунктов записи; после одобрения статуса участники программы могут в течение 5 лет проходить паспортный контроль по упрощенной схеме. К 2016 г. в программах надежных путешественников зарегистрировались порядка 5 миллионов человек. Кроме того, киосками-автоматами могут пользоваться держатели виз В1/В2 и иностранные команды воздушных судов (к концу 2016 г. эта услуга была доступна в 42 аэропортах). В 2016 г. такой услугой воспользовались более 55 млн. человек [1].

В рамках Европейского Союза системы автоматизированного контроля EasyPass только начинают вводиться в пилотном порядке при поддержке Европейского фонда внешних границ. К 2017 г. они были установлены в Финляндии, Германии, Нидерландах и Великобритании. Привилегиями упрощенного паспортного контроля наделяются либо граждане стран, заключивших двусторонние соглашения (Нидерланды-США, Нидерланды-Гонконг), либо граждане третьих стран, прошедшие процедуры предварительной регистрации — заполнившие анкету и прошедшие собеседование. При получении статуса

участника программы граждане получают право проходить автоматизированный контроль до окончания срока действия биометрического паспорта [6].

Миграционные базы данных: расширение и интеграция

В апреле 2016 года Европейская комиссия приняла Коммюнике «Более сильные и умные информационные системы для границ и безопасности», в котором изложила стратегию развития существующих и будущих информационных систем для усиления миграционного управления [4]. К тому времени в Шенгенской зоне, в которую входят 26 европейских государств, действовали три информационных базы: Schengen Information System (SIS), Visa Information System (VIS) и Eurodac.

Первая база SIS начала работу в середине 1990-х гг. Шенгенская информационная система SIS — крупнейшая система данных, которой пользуются правоохранительные и миграционные службы стран, входящих в Шенгенскую зону. SIS содержит данные о всех пропавших в Шенгенской зоне людях (в т.ч. разыскиваемых полицией преступниках и потерявшихся детях) и объектах — машинах, документах, деньгах и оружии, которые могли быть потеряны владельцами или украдены. С 2013 года была запущена вторая версия системы SIS II, более удобная для пользователей, в которую стали заносить также биометрические данные разыскиваемых лиц, сведения о криминальном использовании пропавших документов и другие данные.

С 2003 г. начала действовать информационная база отпечатков пальцев просителей убежища EURODAC. Эта база позволяет определить страну первой подачи заявки на убежище и избежать последующих обращений в другие страны в поисках наиболее благоприятного режима. Учитывая кризисную ситуацию с наплывом более миллиона человек в год в результате сирийского конфликта и сложности реализации массовой дактилоскопии, ЕС сейчас работает над тем, чтобы допустить возможность снятия других биометрических данных помимо отпечатков пальцев — например, сканирование лица.

Третья база данных — Визовая информационная система (Visa Information System (VIS)) — позволяет государствам обмениваться данными о краткосрочных шенгенских визах. Идея о создании была одобрена в 2004 г., сама система заработала с 2009 года. В системе хранятся данные о решениях, принятых в отношении въезжающих или проезжающих транзитом Шенгенскую зону, а также биометрические данные (отпечатки пальцев) заявителей для целей идентификации и проверки личности. Эта база позволяет предотвратить, например, повторную подачу заявки на шенгенскую визу в другое государство, если первое государство ответило отказом. Кроме того, эта база позволяет видеть историю каждого человека на предмет количества и длительности разрешенных поездок или отказов, и принимать более информированные решения относительно выдачи новой.

В настоящее время рассматривается предложение расширить Визовую информационную систему за счет включения в нее данных о долгосрочных визах и разрешениях на проживание, выдаваемых национальными властями. Сегодня власти не могут проверить подлинность выданных в других странах долгосрочных виз или разрешений на жительство, хотя по этим документам любой человек может перемещаться и проживать в любой стране Шенгенской зоны, вне страны выдачи документов, до 90 дней в течение 180-дневного периода. Также обсуждается необходимость улучшения качества хранимых фотографий, для того чтобы проводить сканирование лица и снижение возраста снятия отпечатков для предотвращения нелегальных перевозок детей [4].

С 2013 г. оперативное управление тремя базами — Schengen Information System (SIS II), Visa Information System (VIS), EURODAC — передано специально созданному агентству EULISA. Агентство отвечает за бесперебойное функционирование баз 24 часа в сутки 7 дней в неделю, обеспечение обмена данными между национальными властями, обеспечение защиты данных, проведение курсов подготовки пользователей систем, подготовка отчетов и статистики о работе системы.

В рамках пакета «Умных границ», предложенного Еврокомиссией в 2013 г., разрабатывается также новая система учета въезда-выезда (Entry-Exit System или EES), которая будет хранить информацию о датах пересечения границ граждан из визовых стран при въезде и выезде из Шенгенской зоны. В настоящее время информация о пересечении границ доступна по штампам в паспорте заявителя, однако, штампы иногда трудно считываемы или могут быть подделаны. Введение автоматизированной системы позволит консульским работникам отслеживать миграционную историю заявителя на предмет его законопослушности. Система уже прошла тестирование в 2015 году в 18 пунктах въезда в 12 странах, и в настоящее время проходит экспертное и общественное обсуждение. В будущем за ее оперативное управление будет также отвечать EU-LISA, запуск запланирован на начало 2020 года. Предполагается, что система будет совместима с VIS, что позволит пограничным работникам осуществлять минимум операций по проверке визы и занесения данных о пересечении границы [9].

В 2016 г. по решению Европейской комиссии начался процесс по совершенствованию баз данных за счет устранения возможного дублирования и повышения их межоперационной совместимости — то есть возможности консультирования по нескольким базам данных одновременно. В мае 2017 года был опубликован окончательный доклад высшей экспертной группы по информационным системам и их межоперационной совместимости. Эксперты в целом признали, что все системы данных работают для единой цели обеспечения правопорядка и безопасности, и потому правоохранительные органы имеют право пользоваться информацией миграционных служб по запросу. Вместе с тем, эксперты выступили против сливания этих баз и неограниченного доступа к миграционным базам со стороны правоохранителей, указывая на несовместимость этих действий с фундаментальным правом человека на защиту личной информации [7].

***

Подводя итоги, можно сказать, что технологические инновации воздействуют на различные аспекты миграционного управления стран Европейского Союза и США: от охраны границ до системы миграционного учета, управления вынужденной миграцией и борьбы с незаконными перемещениями. Выявленное сходство в подходах развитых стран указывает на универсальность технологических решений и необходимость анализа их применимости в российском контексте.

Литература и Интернет источники

1. Beyond the Border: A Shared Vision for Perimeter Security and Economic Competitiveness. US — Canada Action Plan, 04.02.2011.
2. Border Security Report 2016, U.S. Customs and Border Protection, 30 December 2016.
3. CBP Facilitates Record Level of Travelers and Modernizes Trade Systems in FY2016, US Customs and Border Protection Press Release, 12.01.2017.
4. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council «Stronger and Smarter Information Systems for Borders and Security», Brussels, 6.4.2016 COM(2016) 205 final.
5. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Preparing the next steps in border management in the European Union, Brussels, 13.02. 2008 COM(2008) 69 final.
6. Guidelines for Processing of Third-Country Nationals through Automated Border Control, Frontex 2016-03-11.
7. High-level expert group on information systems and interoperability Ref. Ares(2017)2412067 — 11.05.2017
8. Presidential Memorandum on “Modernizing and Streamlining the U.S. Immigrant Visa System for the 21st Century.”
https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/fact_sheet_visa_modernization.pdf (accessed 02.10.2017)
9. Proposal for a Regulation of the European Parliament and the Council establishing an Entry/Exit System (EES), Brussels, 6.4.2016 COM(2016) 194 final 2016/0106 (COD)
10. Serious and Organized Crime Threat Assessment Report, Europol, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
Раздел 1.	
МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ И ДРУГИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ	7
<i>Рязанцев С. В.</i> Модель интеграции мигрантов в контексте «внешней» миграционной политики России.....	7
<i>Доброхлеб В. Г.</i> Демографическая динамика и экономическое развитие стран Евразии.....	21
<i>Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И., Савинков В. И.</i> Восточный вектор в стратегии демографического развития России.....	25
<i>Волох В. А.</i> Проблемы управления миграционными процессами в Российской Федерации.....	31
<i>Ионцев В. А., Зимова Н. С., Субботин А. А.</i> Особенности «утечки умов» в России и сосредоточенных государствах Евразийского пространства.....	37
<i>Воробьева О. Д., Топилин А. В., Максимова А. С.</i> Статистическое обеспечение регулируемой трудовой миграции населения: настоящее и будущее.....	44
<i>Ивахнюк И. В., Кузьмина Е. М.</i> Свобода передвижения трудовых ресурсов в Евразийском экономическом союзе: выгоды и риски.....	51
<i>Осадчая Г. И.</i> Повседневные практики мигрантов из стран Евразийского экономического союза на Московском рынке труда: проблемы адаптации.....	58
<i>Погосян Г. А.</i> Армянская миграция в условиях интеграции в ЕАЭС.....	64
<i>Тихонова Л. Е., Масленкова Е. В.</i> Миграционное взаимодействие Республики Беларусь со странами ЕАЭС: направления и перспективы.....	73
<i>Злотников А. Г.</i> Беларусь в миграционных процессах Евразийского экономического пространства.....	81
<i>Пизарро С. А.</i> МЕРКОСУР. Иммигранты из соседних стран в Аргентине: интеграция или исключенность?.....	90
<i>Письменная Е. Е., Азимов А. Дж., Акрамов Ш. Ю., Азимова З. А.</i> Эволюция миграционного поведения населения и социально-экономические последствия эмиграции из Таджикистана.....	96
Раздел 2.	
АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО	101
<i>Гневашева В. А.</i> Особенности формирования рабочей силы в условиях глобализации миграционных процессов.....	101
<i>Сигарева Е. П.</i> Состояние рынка труда стран ЕАЭС в контексте динамики и перспектив трудовой миграции.....	105
<i>Волкова О. А., Ковальчук О. В., Королева К. Ю., Сазонова Е. С., Гребеникова Ю. А.</i> Социокультурная адаптация беженцев в современном российском обществе: развитие социального партнерства.....	111
<i>Бессонова Т. Н.</i> Трудовая миграция в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре.....	117
<i>Мишук С. Н., Хавинсон М. Ю.</i> Миграция и рынок труда Дальнего Востока России в условиях современных социально-экономических трансформаций.....	122
<i>Маклашова Е. Г., Васильева О. В.</i> Проблемы интеграции мигрантов в полиэтничном сообществе (на примере Республики Саха (Якутия)).....	126
<i>Соловьев И. А., Зольникова Ю. Ф.</i> Стратегии адаптивно-интеграционного поведения мигрантов из Украины в Ставропольском крае.....	130
<i>Франц В. А.</i> Институциональные аспекты интеграции мигрантов из Средней Азии в Свердловской области: реалии и перспективы.....	133
<i>Карабулатова И/С.</i> Транскультурный конфликт и отражение трансформации личности трудового мигранта в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина.....	140

Раздел 3.

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ПРИНИМАЮЩИХ СТРАН..... 146**

- Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А.* Временная трудовая и возвратная миграция как потенциал пополнения численности населения России..... 146
- Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н.* Миграции и этнические структуры населения северных субъектов России..... 151
- Сажина В. А.* Роль туристической миграции на Дальнем Востоке России в формировании имиджа России..... 159
- Ризокулов Т. Р.* Вклад внешней трудовой миграция в социально-экономическое развитие Таджикистана..... 164
- Сивоплясова С. Ю.* Российские женщины на брачных рынках Японии, Кореи и Китая..... 169
- Ахметова Б. З.* Влияние репатриации оралманов на современную языковую ситуацию в Казахстане..... 174
- Вирккунен Й., Пиппонен М.* Стратегии афганских беженцев в арктических регионах России..... 179
- Гаджимурадова Г. И.* Социально-демографическая и политическая ситуация в регионах России в контексте актуализации экстремистских процессов радикально-религиозных направлений..... 188
- Лемос М. Т. Б., Дантас А. Т.* Иммигранты и беженцы из Сирии в Бразилии..... 193
- Кузнецов А. Ю., Вершинина Е. В., Попова Е. В.* Проблемы современной миграции в Германии..... 197

Раздел 4.

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ И НОВЫЕ ВЕКТОРЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 203**

- Дмитриева Ю. В., Кожевникова Н. И.* Процесс реализации принципа миграционной политики в условиях развития Евразийского интеграционного проекта..... 203
- Красинец Е. С., Шевцова Т. В.* Миграционные процессы в развитии российского Дальнего Востока..... 208
- Ефимов И. П.* Потенциал переселения старообрядцев на Дальний Восток..... 213
- Ивашина Н. В.* Тенденции миграционных процессов на Дальнем Востоке России..... 218
- Мотрич Е. Л., Изотов Д. А.* Трансформация китайской миграции на российском Дальнем Востоке..... 223
- Данилова З. А.* Регулирование и прогнозирование трудовой миграции в регионе..... 233
- Храмова М. Н., Безвербный В. А.* Миграционные процессы в приграничных регионах российского Дальнего Востока в контексте обеспечения национальной безопасности..... 239
- Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И.* Трансформация миграционной политики Калининградской области..... 246
- Сакаев В. Т.* Миграционные процессы в Республике Татарстан во второй половине XX — начале XXI веков: демографические и социально-политические аспекты..... 251
- Шевченко Н. В.* Миграция в российско-украинском пограничье..... 257
- Троицкая О. В.* Будущее миграционного управления: «умные границы» и информационные технологии..... 262

CONTENTS

Opening Speech.....	5
Section 1.	
MIGRATION AND MIGRATION POLICY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND OTHERS INTEGRATION ASSOCIATIONS.....	7
<i>Sergey V. Ryazantsev.</i> Model of Integration of Migrants in the Context of the «External» Migration Policy of Russia.....	7
<i>Valentina G. Dobrokhleb.</i> Demographic Dynamics and Economic Development of Several Countries of Eurasia.....	21
<i>Leonid L. Rybakovsky, Natalia I. Kozhevnikova, Vladimir I. Savinkov.</i> Demographic Dynamics and Economic Development of Several Countries of Eurasia.....	25
<i>Vladimir A. Volokh.</i> Problems of Management of Migration Processes in the Russian Federation	31
<i>Vladimir A. Iontsev, Natalia S. Zimova, Alexander A. Subbotin.</i> Features of «Brain Drain» in Russia and Neighboring States of the Eurasian Space.....	37
<i>Olga D. Vorobieva, Anatoly V. Topilin, Anastasia S. Maksimova.</i> Statistical Support for the Regulation of Labor Migration of the Population: Present and Future.....	44
<i>Irina V. Ivakhnyuk, Elena M. Kuz'mina.</i> Freedom of Movement of Labor in the Eurasian Economic Union: Benefits and Risks.....	51
<i>Galina I. Osadchaya.</i> Everyday Practices of Migrants from Eurasian Economic Union Countries at the Moscow Labor Market: Problems of Adaptation.....	58
<i>Gevork A. Pogosyan.</i> Armenian Migration in the Context of Integration in the EEU.....	64
<i>Lyudmila E. Tikhonova, Elena V. Maslenkova.</i> Migration Cooperation of the Republic of Belarus with the Countries of the EEU: Directions and Prospects.....	73
<i>Anatoly G. Zlotnikov.</i> Belarus in Migration Processes Eurasian Economic Space	81
<i>Cynthia A. Pizarro.</i> MERCOSUR. Immigrants from Neighboring Countries in Argentina: Integration or Exclusion?	90
<i>Elena E. Pismennaya, Abdumavlon J. Azimov Sharif Y. Akramov, Zulaykho A. Azimova.</i> Evolution of Migration Behavior of Population And Socio-Economic Implications of Emigration from Tajikistan.....	96
Section 2.	
THE ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS OF HOST SOCIETY.....	101
<i>Vera A. Gnevasheva.</i> Features of the Formation of the Labor Force in the Context of the Globalization of Migration Processes.....	101
<i>Evgenia P. Sigareva.</i> Condition of Labour Market of the Countries of EEU in the Context of Dynamics and the Prospects of Labour Migration.....	105
<i>Olga A. Volkova, Olga V. Kovalchuk, Ksenia Y. Korolova, Helen S. Sazonova, Julia A. Grebenikova.</i> Sociocultural Adaptation of Refugees in Modern Russian Society: Development of Social Partnership.....	111
<i>Tatyana N. Bessonova.</i> Labor Migration in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra	117
<i>Svetlana N. Mishchuk, Mikhail Yu. Khavinson.</i> Migration and Labor Market of the Russian Far East at the Present Stage of Social and Economic Transformations.....	122
<i>Elena G. Maklashova, Olga V. Vasilieva.</i> Problems of Integration in Multicultural Society (on the Example of the Republic Of Sakha (Yakutia)).....	126
<i>Ivan A. Solovyev, Julia F. Zolnikova.</i> Strategies of Adaptive-Integration Behavior of Migrants from Ukraine in the Stavropol Territory.....	130
<i>Valeriya A. Frants.</i> Institutional Aspects of Migrants from Central Asia Integration in the Sverdlovsk Region: Realities and Prospects.....	133
<i>Irina S. Karabulatova.</i> Transcultural Conflict and Reflection of the Transformation of the Personality of a Labor Migrant in the «Travel of the Three Seas» Afanasy Nikitin.....	140

Section 3.	
THE IMPACT OF MIGRATION TO THE SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF HOST COUNTRIES.....	146
<i>Oleg L. Rybakovsky, Olga A. Tayunova.</i> Temporary Labor and Return Migration as a Potential for Replenishing the Population of Russia.....	146
<i>Victor V. Fauzer, Tatyana S. Lytkina, Galina N. Fauzer.</i> Migrations and Ethnic Structures of Population of the Northern Subjects of Russia.....	151
<i>Varvara A. Sazhina.</i> The Role of Tourist Migration in the Far East in Shaping Russia's Image	159
<i>Turakul R. Rizokilov.</i> The Contribution of External Labor Migration in the Socio-Economic Development of Tajikistan.....	164
<i>Svetlana Yu. Sivoplyasova.</i> Russian Women in the Marriage Markets of Japan, Korea and China	169
<i>Bigaysha Z. Akhmetova.</i> Influence of the Republic of Oralmanson the Contemporary Language Situation in Kazakhstan.....	174
<i>Joni Virkkunen, Minna Piipponen.</i> Strategy of Afghans Refugees in the Arctic Regions of Russia.....	179
<i>Gulnara I. Gadzhimuradova.</i> Socio-Demographic and Political Situation in the Regions of Russia in the Context of the Actualization of the Extremist Processes of Radical-Religious Directions.....	188
<i>Maria Teresa T. B. Lemos, Alexis T. Dantas.</i> Immigrants and Refugees from Syria in Brazil.....	193
<i>Aleksey Yu. Kuznetsov, Ekaterina V. Vershinina, Ekaterina V. Popova.</i> The Problems of Modern Migration in Germany.....	197
Section 4.	
THE FORECASTING OF THE MIGRATION AND NEW VECTORS OF MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	203
<i>Julia V. Dmitrieva, Natalia I. Kozhevnikova.</i> The Approach to the Realization of Migration Policy Principles in the Conditions of Development of the Eurasian Integration Project.....	203
<i>Eugenie S. Krasinets, Tatyana V. Shevtsova.</i> Migration Processes in the Development of the Russian Far East.....	208
<i>Ivan P. Efimov.</i> The Potential of Old Believers Resettlement to Far East.....	213
<i>Natalia V. Ivashina.</i> Trends of Migration Processes in the Far East of Russia.....	218
<i>Ekaterina L. Motrich, Dmitriy A. Izotov.</i> Transformation of Chinese Migration on the Russian Far East.....	223
<i>Zinaida A. Danilova.</i> Regulation and Forecasting Labor Migration in the Region.....	233
<i>Marina N. Khramova, Vadim A. Bezverbny.</i> Migration Processes in the Border Regions of the Russian Far East in the Context of Ensuring National Security.....	239
<i>Alexandra G. Grishanova, Natalia I. Kozhevnikova.</i> Transformation of the Migration Policy of the Kaliningrad Region.....	246
<i>Vasil T. Sakaev.</i> Migration Processes in the Republic of Tatarstan in the Second Half of the 20th — Beginning 21st Century: Demographic and Socio-Political Aspects	251
<i>Natalya V. Shevchenko.</i> Migration in the Russian-Ukrainian Borderlands.....	257
<i>Olga V. Troitskaya.</i> The Future of Migration Governance: «Smart Borders» and Information Technologies.....	262

Научное издание

**МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ В ЕВРАЗИИ:
МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ
РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА**

**Материалы
IX международного научно-практического Форума
В двух томах
Том 1**

(Москва, 28-29 ноября 2017 года)

Научные редакторы:

Рязанцев Сергей Васильевич,

член-корреспондент РАН; руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России (Москва, Россия);

Храмова Марина Николаевна,

кандидат физико-математических наук, доцент кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России; ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия)

Редакционно-издательское и художественное оформление
ООО «Издательство «Экономическое образование»

Генеральный директор Райская Е.В.

Подписано в печать 21.11.2017 г. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 70x100/16. Учет-изд. л. – 21,25. Усл.-печ. л. – 22,0. Тираж 1000 экз.
Заказ 916.

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»
117071, г. Москва, Донская ул., д.32. Тел./факс: (499) 196-54-64
[www. eoizdat.ru](http://www.eoizdat.ru); e-mail: info@eoizdat.ru

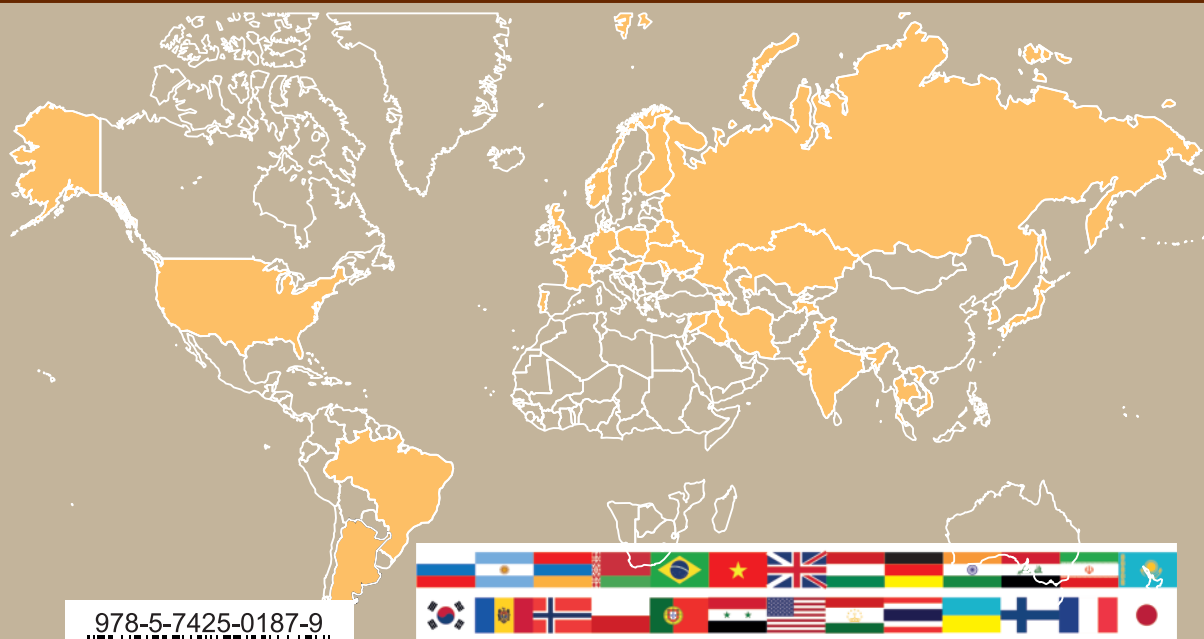

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство «Экономическое образование»
117071, г. Москва, Донская ул., д. 32. Тел./факс: (499) 922-47-70
[www. eoizdat.ru](http://www.eoizdat.ru); e-mail: info@eoizdat.ru

MGIMO (UNIVERSITY) OF THE MFA OF RUSSIA
INSTITUTE FOR SOCIO-POLITICAL RESEARCH OF THE RAS

**MIGRATION BRIDGES IN EURASIA:
MODELS OF EFFECTIVE
MIGRATION MANAGEMENT
IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF
THE EURASIAN INTEGRATION PROJECT
(Moscow, Russian Federation. November 28–29, 2017)**

The Materials
of the IX International Scientific and Practical Forum
Volume I

978-5-7425-0187-9

9 785742 501879